

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

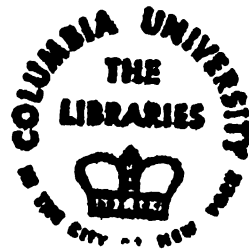
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

156

T r u d y
ТРУДЫ

1891/92

Publ. ventaja arkhelogicheskago siezda v Rossii
ЧЕТВЕРТАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪЪЗДА ВЪ РОССИИ,

ВЫШЕГО ВЪ КАЗАНИ, СЪ 31 ЮЛЯ ПО 18 АВГУСТА 1877 ГОДА.

3029

424
Y

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИМПЕРАТОРСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ
КАЗАНЬ
1877
171368

И 1-5
1877

КАЗАНЬ.

**Типографія Императорскаго Университета,
1891.**

Печатано по распоряженію Редакціоннаго Комитета по изданію „Трудовъ четвер-
таго Археологическаго Създа.

Предсѣдатель Редакціоннаго Комитета *Н. Бумичъ.*

Bull. Slav.

DK

30

.A74

1977g

v.2

ПОСВЯЩАЕТСЯ
НЕЗАВВЕННОЙ ПАМЯТИ

ГРАФА

АЛЕКСѢЯ СЕРГѢЕВИЧА

УВАРОВА,

**иниціатора, основателя и перваго организатора Русскихъ
Археологическихъ Съездовъ.**

Выпущая въ свѣтъ второй томъ Трудовъ IV Археологическаго Съѣзда, бывшаго въ Казани въ 1877 году, черезъ семь лѣтъ послѣ перваго тома, выпущаго въ 1884 году, редакція этого изданія считаетъ своимъ долгомъ выяснить передъ публикой причины столь долгаго промежутка между выходами перваго и втораго тома.

Рефераты, вошедшіе въ составъ втораго тома, были окончены печатаніемъ еще въ 1886 году, несмотря на то, что съ исхода 1884 года редакція „Трудовъ“ находилась въ составѣ лишь двухъ лицъ—заслуж. ордин. проф. Казанскаго университета Н. Н. Булича, занимавшаго до конца 1885 г., кромѣ того, должность ректора того университета и ординарнаго профессора Д. А. Корсакова; третій редакторъ, В. В. Радловъ, 7 ноября 1884 года былъ избранъ ординарнымъ академикомъ Императорской Академіи Наукъ и вскорѣ послѣ того покинулъ Казань. Главное затрудненіе редакція встрѣтила въ изданіи Атласа и въ составленіи указателя личныхъ и географическихъ именъ, упоминаемыхъ въ обоихъ томахъ „Трудовъ“.

В. В. Радловъ, еще во время печатанія I-го тома „Трудовъ“, желалъ издать Атласъ въ Германіи, съ каковою цѣлію, если не ошибаемся, и входилъ въ личные переговоры съ нѣкоторыми нѣмецкими издателями во время своего пребыванія за границею еще въ 1882 году. Цѣль г. Радлова была, по его словамъ, соединить печатаніе атласа сибирскихъ древностей, составленнаго имъ и бывшаго на выставкѣ съѣзда, съ тѣми рисунками древностей, которые были предъявлены референтами на съѣздѣ. Мысль эта не встрѣтила однако поддержки ни со стороны остальныхъ двухъ редакторовъ „Трудовъ“, ни со стороны покойнаго графа А. С. Уварова, съ которымъ по этому вопросу имѣлъ переписку Д. А. Корсаковъ. И графъ Уваровъ, и Н. Н. Буличъ, и Д. А. Корсаковъ весьма естественно стремились къ тому, чтобы атласъ къ трудамъ *русскаго* Археологическаго съѣзда былъ изданъ въ Россіи, а не въ Германіи, тѣмъ болѣе, что присоединеніе къ атласу съѣзда сибирскихъ древностей г. Радлова потребовало бы издержекъ на изданіе, далеко превосходящихъ сумму, находившуюся въ распоряженіи редакціи. Съ этой цѣлію Н. Н. Буличъ, не бывши членомъ-участникомъ ни въ одномъ археологическомъ съѣздѣ, рѣшился принять предложеніе совѣта Императорскаго Казанскаго Университета, быть однимъ изъ представителей онаго на VI-мъ Археологическомъ Съѣздѣ, засѣдавшемъ въ Одессѣ во второй половинѣ августа 1884 года, безъ всякой денежной ассигновки со стороны совѣта на эту поѣздку. Г. Буличъ надѣялся путемъ личнаго обмѣна мыслей съ графомъ А. С. Уваровымъ и перегово-

ровъ съ московскими литографами (съ которыми уже была начата переписка), печатать атласъ въ Москвѣ. Но это не могло осуществиться, такъ какъ профессоръ Буличъ получилъ отъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія разрѣшеніе командировки на Одесскій Археологическій Съездъ лишь въ теченіе вакаціоннаго времени, до 15 августа, т. е. до того именно дня, когда съездъ только что открывалъ свои ученыя занятія. Тогда рѣшено было печатать атласъ литографическимъ способомъ въ Казани, въ типо-литографіи В. М. Ключникова. Предварительныхъ работъ съ атласомъ было также не мало. Не говоря о неизбежныхъ корректурныхъ поправкахъ, въ литографіи гораздо болѣе сложныхъ, чѣмъ при печатаніи книгъ типографскимъ шрифтомъ, потребовались нѣкоторыя техническія работы, какъ на примѣръ: уменьшеніе иныхъ рисунковъ и плановъ противъ величины ихъ оригиналовъ и наоборотъ — увеличеніе другихъ, перенесеніе калъки съ тонкой бумаги на бумагу рисовальную, болѣе точное опредѣленіе нѣкоторыхъ рисунковъ, снятыхъ во время сессій съезда спѣшно. Для этой послѣдней цѣли редакція должна была войти въ сношенія съ Главнымъ Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ, куда пересылались нѣкоторые снимки съ рисунковъ, принадлежащихъ этому Архиву. Лишь благодаря просвѣщенному содѣйствію г. Директора Архива, барона Ф. А. Бюлера и любезности бібліотекаря Архива И. Ф. Токмакова, редакція могла привести снимки съ этихъ рисунковъ въ должный видъ.

Составленіе указателя, порученное въ 1887 году одному лицу, было имъ исполнено въ сожалѣнію не вполне соотвѣтственно той цѣли, какую имѣла въ виду редакція. Потребовалось переработать указатель почти заново, значительно пополнить его. Трудность и кропотливость такой работы вполне понятна всякому, кто хорошо знакомъ съ нею; и редакція, несмотря на всѣ свои заботы, не вполне достигнувъ необходимой точности въ ученomъ указателѣ, надѣется на снисходительность почтенныхъ специалистовъ, которымъ придется имъ пользоваться. Желая выпустить наконецъ въ свѣтъ затянувшееся изданіе и испытавъ массу затрудненій въ составленіи указателя личныхъ и географическихъ именъ, редакція отказалась отъ намѣренія приложить предметный указатель, о которомъ было заявлено въ предисловіи къ I тому „Трудовъ“. (См. это предисл., стр. VII).

Вотъ причины, которыя замедлили выпускъ настоящаго тома. Впрочемъ изъ помѣщаемого ниже отчета редакціи о суммахъ употребленныхъ на изданіе, можно видѣть, что длинный промежутокъ времени, въ теченіе котораго печатались труды четвертаго съезда, помогъ

накопленію процентовъ на первоначально имѣвшуюся въ распоряженіи редакціи сумму. Безъ этого пополненія процентами, едва ли редакція въ состояніи была бы довести дѣло до конца средствами, которыми она располагала.

Второй томъ „Трудовъ IV-го Археологическаго Съѣзда“ заключаетъ въ себѣ, по примѣру перваго тома, рефераты, доложенные и недоложенные на Съѣздѣ по слѣдующимъ частнымъ отдѣламъ программы Съѣзда: IV и V—Быта домашняго, общественнаго и религіознаго; VI—Памятниковъ языка и письма; VII—Древностей Восточныхъ, что, вмѣстѣ съ *вопросами общими*, обнимаетъ всѣ восемь отдѣловъ программы Съѣзда. Согласно обѣщанію, заявленному въ предисловіи къ I тому, редакція присоединила еще девятый отдѣлъ, не бывшій въ программѣ Съѣзда: „археологическихъ и историческихъ матеріаловъ и библіографіи“. Этотъ отдѣлъ заключаетъ въ себѣ весьма интересный для исторіи Казанскаго края „Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся къ Казанской губерніи и хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ и его библіотекѣ“, составленный И. Ѡ. Токмаковымъ. И сборникъ, и указатель—были доставлены на IV-й Археологическій Съѣздъ барономъ Ѡ. А. Бюлеромъ и въ 1889 году вновь свѣрены по просьбѣ редакціи съ подлинниками, хранящимися въ названномъ Архивѣ библіотекаремъ его, И. Ѡ. Токмаковымъ. Всего во II томѣ помѣщено *двадцать четыре* реферата и статьи. Въ примѣчаніяхъ къ нимъ означено—читанъ рефератъ на Съѣздѣ или нѣтъ, и если не читанъ, то на основаніи какихъ соображеній печатается. Для большаго удобства, второй томъ „Трудовъ“ имѣетъ сплошную пагинацію, а не по отдѣламъ, какъ то было въ первомъ томѣ. Къ VI-му отдѣлу—Памятниковъ языка и письма, прилагается *пять* рефератовъ, изданныхъ при прежней редакціи покойнымъ профессоромъ Казанской Духовной Академіи Иваномъ Яковлевичемъ Порфирьевымъ, скончавшимся въ Казани 26 октября 1890 года. (Рефераты эти въ оглавленіи отмѣчены звѣздочкой и имѣютъ особую, каждый отдѣльную, пагинацію). Изъ числа ихъ два принадлежатъ самому редактору. Редакція, глубоко цѣня ученнаго достоинства и личнаго высокаго качества почившаго Ивана Яковлевича Порфирьева, считаетъ долгомъ выразить здѣсь искреннюю и глубокую скорбь объ утратѣ своего почтеннаго сотоварища, столь плодотворно подвизавшагося на пользу русской науки и высшаго преподаванія на Руси и оставившаго слѣдъ своими ученными трудами и въ выходящемъ II томѣ „Трудовъ IV Археологическаго Съѣзда“.

Атласъ къ „Трудамъ“ IV Археологическаго Съѣзда оконченъ печатаніемъ въ 1889 г. и состоитъ изъ 18 литографированныхъ листовъ рисунковъ, плановъ и картъ, которые всецѣло относятся къ тексту I тома „Трудовъ“ Съѣзда.

Редакція считаетъ необходимымъ прежде всего пояснить краткое оглавленіе нѣкоторыхъ рисунковъ, находящееся при самомъ Атласѣ.

Рисунки на таблицѣ А., относящіеся къ реферату С. М. Шпилевскаго: „Городъ Булгаръ“, (см. т. I „Трудовъ“, отд. II, с. 21—39), изображаютъ развалины зданій Булгарскаго городища въ XVIII стол. и составлены въ этомъ столѣтіи. Они воспроизведены въ атласѣ по рукописному экземпляру ихъ, хранящемуся въ Гл. Моск. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ и обязательно доставленному на IV Археологическій Съѣздъ директоромъ этого Архива, барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ. Эти рисунки были разсматриваемы членами Съѣзда въ первое же засѣданіе его, 31 іюля 1877 г. (см. Протоколы Съѣзда въ I т. „Трудовъ“, стр. XXXIII) и упомянуты С. М. Шпилевскимъ въ вышеуказанномъ его рефератѣ (см. тамъ же, отд. II, стр. 28).

На листѣ подъ литерой Б., относящемся къ тому же реферату С. М. Шпилевскаго, налитографирована карта Булгарскаго городища, составленная въ XVIII в. подполковникомъ Савенковымъ и геодезистомъ Крапивиннымъ и доставленная на Съѣздъ также директоромъ Гл. Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ Ѳ. А. Бюлеромъ. Пояснительный текстъ къ этой картѣ: „опись Булгарскаго городища“, составленный тѣми же лицами; напечатанъ С. М. Шпилевскимъ въ приложеніи къ его книгѣ: „Древніе города и другіе Булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“, Казань 1877 г., изданной къ открытію IV Арх. Съѣзда (см. 4-е приложеніе, стр. 571—582). Эта карта Булгарскаго городища была также разсматриваема членами IV Археологическаго Съѣзда въ первый день его засѣданія. Въ Атласѣ она помѣщена въ значительно уменьшенномъ противъ оригинала размѣрѣ, съ приложеніемъ соотвѣтствующаго этому размѣру масштаба.

Въ примѣчаніи къ реферату Е. Т. Соловьева: „Топографія древняго города близь с. Русскихъ Кирменей, Мамадышскаго у., Казанской губ.“, редакція обѣщалась помѣстить въ Атласѣ снимки съ надгробныхъ надписей, найденныхъ около с. Русскихъ Кирменей, вмѣстѣ съ планомъ этого селенія (см. II-й томъ „Трудовъ“, стр. 249). Впослѣдствіи редакція сочла себя въ правѣ отступить отъ этого обѣщанія, основываясь на авторитетномъ мнѣніи Н. И. Ильминскаго, что сущность надписей не можетъ быть разобрана, а общій характеръ

ихъ похожъ на извѣстные уже въ печати болгарскія могильныя надписи (см. I т. „Труды“ Съѣзда, с. LXI—LXII).

Въ заключеніе, согласно заявленію, сдѣланному въ предисловіи къ первому тому „Труды“ четвертаго Археологическаго Съѣзда“ (см. III стр. предисловія), редакція считаетъ своею обязанностію представить отчетъ о расходахъ по изданію.

А) П Р И Х О Д Ъ.

1) 9 февраля 1882 года редакція получила отъ исправляющаго должность казначея университета А. Т. Соловьева деньги, оставшія послѣ Съѣзда и предназначенныя для изданія:

а) Въ книжкѣ текущаго счета Казанскаго общественнаго банка	2900 р.
б) Семь серій съ купонами	350 р.
в) Наличными деньгами	1 р. 15 к.
2) Кромѣ того поступило процентовъ съ 1882 по 1890 годъ включительно на полученную сумму	685 р. 84 к.
И т о г о	3936 р. 99 к.

В) Р А С Х О Д Ъ.

а) По первому тому, изданному въ 1884 году:

1) За бумагу, выписанную изъ Москвы отъ Кувшинова съ провозомъ ея и пересылкою (февраль 1884 г.)	294 р. 58 к.
(документы №№ 1—4).	
2) Выдано члену редакціи (нынѣ академику Имп. Ав. Н.) В. В. Радлову, по его просьбѣ, на расходы при предположеніи его печатать атласъ древностей за границую (май 1882 г.)	200 р. —
(№ 5, росписка г. Радлова).	
3) Уплачено въ типографію университета по счету 28 іюля 1884 года за напечатаніе перваго тома въ 700 экз. и отдѣльныхъ оттисковъ статей изъ него	965 р. 87 к.
(№ 6 счетъ, подписанный начальникомъ типографіи). №№ 7 (росписка его), 8 (счетъ переплетчика Ахметова).	
4) Брошюровка отдѣльныхъ оттисковъ	1 р. 80 к.
(№ 9 счетъ Ахметова).	
5) Переплеть 9 экз. въ коленкоръ англійскій	9 р. —
(№№ 10 и 11 два счета переплетчика Иванова).	

6) Холста для упаковки экземпляровъ, отправленныхъ по почтѣ	6 р. —
(холсты покупался на рынкѣ, по мелочамъ, счетовъ нѣтъ).	
7) Клеенки для почтовой отправки	1 р. 35 к.
(Счетъ Гребеньщикова, № 12).	
8) Мелкіе расходы члена редакціи Д. А. Корсакова по перепискѣ по дѣламъ изданія (1882—1884 гг.)	9 р. 31 к.
(счетъ имъ подписанный, № 13).	
9) Сторожу университета Бауланову за разноску корректуръ	10 р. —
(росписка его № 14).	
б) По второму тому „Трудовъ Съѣзда“ и „Атласу“ въ нему:	
10) Лицу составлявшему „Указатель“ личныхъ и географическихъ именъ	100 р. —
(росписка его, № 15, 7 мая 1888 г.).	
11) Уплачено членомъ редакціи Д. А. Корсаковымъ за перерисовку плановъ для „Атласа“	36 р. 30 к.
(росписка его 22 апр. 1885 г., № 16).	
12) Въ типографію и литографію Ключникова въ Казани за напеча- таніе „Атласа“ 710 экз. на бумагѣ литографіи	1123 р. 75 к.
(Счеты №№ 17, 18, 19 и 20).	
13) За печатныя обложки и брошюровку „Атласа“ въ типографіи университета	98 р. —
14) За напечатаніе 700 экз. II-го тома „Трудовъ четвертаго Съѣзда“ съ бумагою	1002 р. 9 к.
(Счеты типографіи №№ 21 и 22).	
в) По выладамъ въ банкѣ капитала марокъ на	2 р. 20 к.
Итого расходу	3860 р. 25 к.

Остатокъ въ 76 р. 74 коп. переданъ г. начальнику типографіи Императорскаго Казанскаго Университета на расходы по переплету нѣсколькихъ экземпляровъ и на упаковку для разсылки иногороднимъ членамъ. Ему же переданы на храненіе, для желающихъ по-вѣрки, и всѣ перечисленные въ настоящемъ счетѣ оправдательные документы.

15 Марта
1891 г.
Казань.

Члены редакціи: } Н. Буличъ.
} Д. Корсаковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

В Т О Р А Г О Т О М А.

УЧЕНЫЯ СООБЩЕНІЯ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЯ НА СЪѢЗДЪ И ЧИТАНЫЯ НА НЕМЪ.

По отд. IV и V.

Бытъ домашній, общественный и религіозный.

	Страницы.
<i>К. Н. Бестужева-Рюмина.</i> —О характерѣ власти варяжскихъ князей.	3—9.
<i>И. А. Сребницкаго.</i> —Слѣды церковныхъ братствъ въ восточной Малороссіи	10—26.
<i>И. Я. Христофорова.</i> —О старинныхъ рукописяхъ въ Симбирской Карамзинской библіотекѣ	27—42.
<i>А. И. Маркевича.</i> —Къ исторіи войнъ Московскаго государства съ Казанью	43—55
<i>В. Н. Витевскаго.</i> —Преданіе о Пугачевѣ среди Уральскихъ казаковъ.	56—63.
<i>Н. Я. Аристова.</i> —О народныхъ праздникахъ въ Пензенской губерніи.	64—67.
<i>И. М. Софійскаго.</i> —О киреметяхъ крещеныхъ Татаръ, изъ деревни Тавель, Чистопольскаго уѣзда, Казанской губерніи	68—79.
<i>Б. Г. Гаверилова.</i> —Повѣрья, обряды и обычаи Вотяковъ Мамадышскаго уѣзда, Урась-Учинскаго прихода	80—156.

По отд. VI.

Памятники языка и письма.

<i>Л. Н. Майкова.</i> —О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ былинъ и пѣсенъ. Докладъ о поступившихъ на Съѣздъ отвѣтахъ на 57-й запросъ программы	159—163.
<i>А. Ѳ. Бычкова.</i> —Свѣдѣнія о рукописяхъ Императорской Публичной библіотеки, содержащихъ въ себѣ между прочимъ народныя пѣсни	164—192.

II

	Страницы.
<i>И. М. Добротворскаго.</i> —Объ „обличеніи на Соловецкую челобитную“ Юрія Крижанича	193—194.
<i>И. С. Некрасова.</i> —О раскольниковъ рукописи конца XVII в.	194—195.
<i>Н. И. Петрова.</i> —„Сказаніе о Соловецкомъ монастырѣ и объ Аeonѣ“	196—205.
<i>Стеф. Верковича.</i> —О Родопскомъ открытіи. (Рѣчь его въ переводѣ на русскій языкъ проф. <i>М. П. Петровскаго</i> и текстъ пѣсней въ оригиналѣ)	206—227.
Рѣчь его въ подлинникѣ на Болгарскомъ языкѣ.	228—235.

* <i>И. Я. Порфирьева.</i> —О Соловецкой библиотекѣ, находящейся нынѣ въ Казанской духовной академіи.	1—20.
* <i>Ею же.</i> —Апокрифическія молитвы по рукописямъ Соловецкой библиотеки	1—24.
* <i>Архимандрита Амфилохія.</i> —Справедливъ-ли упрекъ монаха Нила Курлятевыхъ въ томъ, что митрополитъ Кипріанъ по гречески гораздо не разумѣлъ, и нашего языка довольно не зналъ же при исправленіи Псалтири?	1—6.
* <i>П. Д. Шестакова.</i> —Гдѣ книги, писанныя зырянскою или пермскою азбукою, составленною св. Стефаномъ Великопермскимъ?	1—18.
* <i>Ею же.</i> —Замѣтка о вліяніи русскаго языка на языки иноподобскіе.	1—4.

VII.

Восточныя древности.

<i>А. Я. Гаркави.</i> —Крымскій полуостровъ до Монгольскаго нашествія въ Арабской литературѣ	239—248.
<i>Е. Т. Сомова.</i> —Топографія древняго города оволо с. Русскихъ Кирменей (Мамадышскаго у., Каз. губ.)	248—251.
<i>Н. И. Золотницкаго.</i> —О старой чувашской вѣрѣ	252—256.
<i>В. Н. Витевскаго.</i> —Сказки, загадки и пѣсни Нагайбаковъ Верхнеуральскаго уѣзда Оренбургской губерніи	257—280.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Археологическіе и историческіе матеріалы и библиографія.

<i>И. О. Токмакова.</i> —Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся въ Казанской губерніи и хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и его библиотекѣ	281—300.
Указатель личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ I и II томахъ Трудовъ IV Археологическаго Съѣзда	1—73.

ОТДѢЛЕНІЕ IV и V.

БЫТЬ ДОМАШНІЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ.

I.

О ХАРАКТЕРѢ ВЛАСТИ ВАРЯЖСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

К. Н. Бестужева-Рюмина.

(Читано въ засѣданіи 10 августа.—См. Протоколы, стр. LXXVI—LXXVIII).

Сто пятьдесятъ лѣтъ спорятъ русскіе ученые о томъ, откуда пришли варяжскіе князья на Русь; въ послѣднее время вопросъ этотъ получилъ новый отвѣтъ: варяжскіе князья искони были и оставались Русскими. Немного позднѣе поднятъ былъ другой: о характерѣ власти варяжскихъ князей. Въ началѣ вопросъ этотъ былъ поставленъ въ формѣ вопроса о призваніи и завоеваніи. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ въ ту или другую сторону рѣшался и характеръ дальнѣйшаго движенія русской исторіи. Затѣмъ вопросу этому придано было болѣе общее значеніе: поднятъ былъ споръ о гражданскомъ, частномъ характерѣ первоначальныхъ учреждений русскихъ. Поставленъ, стало быть, вопросъ о томъ, съ какихъ собственно поръ слѣдуетъ начинать исторію государства русскаго. Таковы въ общихъ чертахъ главнѣйшіе виды, въ которыхъ появлялся въ нашей наукѣ вопросъ о началѣ Руси. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ важности первой (этнографической) стороны вопроса, съ которой онъ наиболѣе представляется изслѣдователямъ и съ которой онъ пользуется наибольшею популярностью; но нѣтъ также сомнѣнія въ томъ, что рѣшеніе его обставлено съ этой стороны наибольшими трудностями: филологія, позднѣйшій руководитель въ этомъ темномъ вопросѣ, кладетъ veto на поспѣшныя рѣшенія, но оставляетъ много и много недоумѣній: какія имена принадлежатъ исключительно той или другой народности—до сихъ поръ еще не определено; въ данномъ вопросѣ есть еще темная сторона, которая даже принимая за правильный—отвѣтъ, обыкновенно даваемый филологіей, все таки остается темной: когда возникли такъ называемыя *русскія* названія пороговъ въ сказаніяхъ

Константина Багрянороднаго. Конечно, быть можетъ, когда-нибудь филологія найдетъ путь къ несомнѣнному рѣшенію этого вопроса: опредѣлить какимъ *искаженіямъ* подвергались звуки того или другаго языка при ихъ греческой транскрипціи; къ какой эпохѣ того или другаго языка *несомнѣнно* должны были принадлежать эти названія. Тогда вопросъ, рѣшенный филологически, станетъ на твердую почву; быть можетъ и обширныя раскопки, произведенныя въ центрахъ государственной жизни древней Руси, а также и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Русь торговала, покажутъ намъ, была ли въ Русской землѣ IX—X в.в. довольно сильная иноземная стихія. Раскопки, сдѣланныя до сихъ поръ (включая и блистательныя находки Д. Я. Самоквасова), не могутъ служить опорой ни тому, ни другому мнѣнію. Сравнительная этнологія, до сихъ поръ пользующаяся правомъ дѣлить народы древніе на конныхъ и пѣшихъ, морскихъ и сухопутныхъ, едва-ли можетъ быть принята въ счетъ при серьезномъ рѣшеніи вопроса. И такъ позволяю себѣ думать, что этнографическая сторона вопроса, которая до сихъ разрабатывалась съ такимъ запасомъ знаній, съ такимъ остроуміемъ и глубокомысліемъ все еще далека отъ окончательнаго разъясненія. Вотъ почему я смѣю думать, что вопросъ ближе подвинется къ рѣшенію, если оставя на время ту сторону, которою преимущественно занимались, обратимся къ другой сторонѣ—къ уясненію характера учреждений, господствовавшихъ на основаніи несомнѣнныхъ памятниковъ въ первую пору государственной жизни Русскаго народа. Нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ, которыми рѣшаюсь занять вниманіе Ваше, м.м. г.г. и м.м. г—ни, думаю, не выходятъ изъ предѣловъ задачъ Археологическаго Съѣзда. Изученіе учреждений первоначальныхъ временъ—оборотная сторона изученія вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ, составлявшихъ такъ долго единственный предметъ занятій археологіи. Тѣсная связь матеріальнаго быта страны, съ ея правомъ и учрежденіями, побуждаетъ вносить въ ту группу знаній, которая извѣстна подъ именемъ археологіи и древности политическія и древности юридическія. Древности бытовые должны соединяться съ древностями вещественными въ одну группу знаній не только какъ средства для взаимнаго изученія, но изучающіе ихъ должны работать болѣе или менѣе по одному плану. Какъ работаетъ археологія первоначальная? найдя вещь, археологъ сличаетъ ее съ другими подобными же вещами и выводитъ изъ массы сходныхъ вещей общую характеристику извѣстной степени матеріальной цивилизаціи. Точно также изучающій учрежденія долженъ сличить найденное имъ въ памятникахъ учрежденіе съ другими подобными и вывести отсюда общій характеръ того или другаго строя учреждений. Сравнительный методъ, такъ много послужившій наукамъ естественнымъ, перешелъ уже въ науки филологическія и общественныя: онъ господствуетъ въ статистикѣ и начинаетъ при-

лагаться и къ изученію права и учрежденій. Блистательные труды англійскихъ ученыхъ Мэна и Фримана (говорю о новѣйшихъ явленіяхъ) во многомъ служатъ образцами примѣненія этого метода, дополненіемъ того, что сдѣлано Лебокомъ и въ особенности Тэйлоромъ для изученія матеріальныхъ условій первоначальной цивилизаціи. Подводя явленія подъ извѣстный типъ, мы достигаемъ уясненія характера и сущности явленія, облегчаемъ себѣ возможность точнѣе опредѣлить разности и тѣмъ изяснить народныя черты, само собою разумѣется, отлагая предварительно то, что коренится въ условіяхъ частныхъ и мѣстныхъ. Конечно сравненіе двухъ, на удачу взятыхъ явленій, можетъ повести только къ сближеніямъ болѣе или менѣе остроумнымъ и рѣдко вѣрнымъ; только сравненіе цѣлаго строя можетъ дать прочную основу, ибо тогда окажется на одной или на разныхъ степеняхъ цивилизаціи стоятъ сравниваемые народы. Поле сравненій можетъ быть выбрано болѣе или менѣе обширное; но для сравненія учрежденій едва ли не благоразумнѣе ограничиваться народами родственными, имѣющими общій запасъ словъ, вѣрованій, обычаевъ и т. д.; послѣ поле можетъ быть расширяемо; но начинать, кажется, лучше на болѣе ограниченномъ полѣ. До сихъ поръ люди, занимавшіеся сравнительнымъ изслѣдованіемъ учрежденій, мало знали наше племя и не вносили его въ свои труды, касаясь лишь классическихъ народовъ и Германцевъ. Намъ предстоитъ ввести въ область этихъ изслѣдованій и наши учрежденія. Очень хорошіе опыты сдѣланы уже на этомъ пути въ области права, какъ вамъ извѣстно и въ здѣшнемъ университетѣ; но за этимъ исключеніемъ, подобные опыты исходили изъ теорій, а не изъ сравнительнаго изученія фактовъ. Не предпринимая дерзкой попытки представить въ краткомъ изложеніи всѣ вопросы первоначальнаго устройства государства, я ограничиваюсь только однимъ явленіемъ—характеромъ княжеской власти въ періодъ дохристіанскій; съ тѣмъ вмѣстѣ я не принимаю на себя отвѣтственности за полное изслѣдованіе вопроса, а хочу только указать на его возможное рѣшеніе. Думаю, что не только для ученыхъ спеціалистовъ, но и для людей образованныхъ, предполагаемое рѣшеніе не будетъ новостью; мнѣ только кажется необходимымъ указать тотъ путь, которымъ можетъ быть достигнуто вѣрное и точное рѣшеніе, указать ту связь, которая по моему мнѣнію существуетъ между этимъ вопросомъ и знаменитымъ варяжскимъ. Можетъ быть я и ошибаюсь и въ томъ и въ другомъ случаѣ; но и ошибаясь могу быть виноватъ я, т. е. могутъ быть неполны мои знанія, невѣрны мои выводы, неправильны приложенія; но методъ вѣренъ; а еще вѣрнѣе то, что пора къ этому вопросу приложить какой нибудь методъ.

Въ концѣ X в., когда кіевскій каганъ Володиміръ принимаетъ въ Херсонѣ православіе, Русская земля отъ Ильменя до приднѣпровскихъ степей, гдѣ шель

знаменитый валъ, описанный Бруномъ, отъ Сожи до Сейма съ прибавкомъ земли Тмутараканской, географическая связь которой съ Русью неясна, находилась въ управленіи одного княжескаго рода, счастливо представляемаго въ то время отцемъ съ дѣтьми. Въ кровавой распрѣ погибли два брата Володиміра; одного изъ послѣднихъ владѣтелей отдѣльныхъ земель Полоцкаго князя Рогволода побѣдилъ и убилъ Володиміръ и въ землѣ его посадилъ своего сына, а его внука по дочери—Изяслава, какъ бы законнаго наслѣдника; такъ въ послѣдствіи великій князь Иванъ Васильевичъ сына своего, отъ Маріи Тверской, Ивана назначилъ великимъ княземъ Тверскимъ, наслѣдникомъ бѣжавшаго Михаила Борисовича. Такъ было въ концѣ X в., но не такъ было раньше: земля, которою владѣлъ Володиміръ, была постепенно занята его предшественниками въ продолженіе съ небольшимъ ста лѣтъ (начиная съ 882 г. „перваго лѣта Олгови понемъ же сѣде въ Кыевѣ“); еще при отцѣ Володиміра сказали Новгородцы: „аще не пойдете къ намъ, то налѣземъ князя себѣ“; на дѣда Володимірова Древляне смотрѣли какъ на волка, который расхититъ все стадо, если не убить его; а послѣ до XIII в. былъ только одинъ примѣръ князя не изъ владѣющей династіи; да и на тотъ смотрѣли съ негодованіемъ. Что же произошло въ эти сто лѣтъ, что скрѣпило связь каждаго уголка тогдашней Русской земли съ владѣющей династіей, если не съ каждымъ представителемъ ея, ибо по понятіямъ того времени уважалась династія, а представителю можно было „показать путь“, что способствовало образованію Русскаго государства?

Государство Володиміра Святаго есть уже государство, ибо опредѣленная территорія признаетъ надъ собою опредѣленную власть и населеніе ея несетъ опредѣленныя обязанности и сознаетъ до извѣстной степени свое единство относительно окружающихъ народовъ; правда, что границы его еще нетверды, украины еще носятъ значительную печать отдѣльности, мѣстами даже замѣчается нѣкоторая какъ бы черезполосность: низовье Оки почти до конца находится въ рукахъ русскихъ князей; а середина, которая ближе къ Кіеву, еще на сто лѣтъ почти сохраняетъ своего особаго князя (въ Муромѣ Глѣбъ, сынъ Св. Володиміра, а въ землѣ Вятичей при Мономахѣ свой князь Ходота, по всей вѣроятности язычникъ, ибо апостолъ Вятичей Кукша относится къ XII в.). Во главѣ этого государства стоитъ княжескій родъ, каждый членъ котораго считаетъ себя княземъ и требуетъ большаго или меньшаго владѣнія: такъ каждый изъ Мервинговъ и Каролинговъ считалъ себя призваннымъ владычествовать надъ частью территоріи, принадлежавшей отцу, такъ совершенно подобная нашей удѣльная система образовалась у другихъ славянскихъ племенъ. Понятіе о недробности верховной власти—понятіе новое, выработанное легистами изъ римскихъ преда-

ній. Государства средневѣковыя, образуясь изъ раздѣльныхъ племенъ, еще недавно имѣвшихъ во главѣ своей своихъ особыхъ князей, очень трудно возвышаются до полного національнаго сознанія. Первоначальныя средневѣковыя государства имѣютъ корнемъ своимъ племя; соединеніе этихъ племенъ въ народъ въ началѣ механическое. Этимъ они противопоставляются государству классическому, основою которому служитъ городъ: владычество Рима есть владычество города и расширеніе правъ римскаго гражданства на всю территорію—лучшая опора власти цезаря. Этою своею особенностью—первоначальною разрозненностію племенъ сходятся и германскія и славянскія государства. Борьба между отдѣльными племенами германскими продолжается и на территоріи, на которой они поселились позднѣе: такъ въ Британіи Германцы являются отдѣльными группами, образуютъ множество мелкихъ владѣній, которыя сливаются въ нѣсколько большихъ (гептархія названіе не совсѣмъ точное) и борьба между Франками разныхъ племенъ оканчивается въ Галліи побѣдою Хлодовига надъ другими князьями Франковъ; смѣна королей герцогами у Лонгобардовъ объясняется борьбою между племенами. То же видимъ и на земляхъ славянскихъ: побѣда Полянъ гнѣзненскихъ надъ остальными племенами Польши повела за собою образованіе Польскаго государства; но борьба шла упорная и преданіе, записанное позднѣйшимъ лѣтописцемъ знаетъ смѣну королевской власти 12-ю воеводами, въ которыхъ польскій историкъ не безъ основанія видитъ представителей отдѣльныхъ племенъ; отдѣльными племенами селились Сербы въ Иллиріи и Славяне Мизійскіе (основа царства Болгарскаго) въ Мизіи. Распаденіе Балтійскихъ Славянъ на мелкія постоянно враждующія между собою племена—одна изъ важнѣйшихъ причинъ того, что на ихъ развалинахъ возникло чисто-нѣмецкое государство. Они слишкомъ долго не выходили изъ племенной розни и платились за это. То, что было гибелью тогда для племенъ мелкихъ, можетъ быть въ эпоху сложенія еще болѣе громаднѣйшихъ государствъ гибельно для болѣе крупнѣйшихъ народныхъ соединеній. Отдѣльныя племена знаетъ нашъ лѣтописецъ на русской почвѣ и у cadaго изъ такихъ племенъ знаетъ своего отдѣльнаго князя: „и по сихъ братья (Кій, Щекъ и Хоривъ) родъ ихъ держати начаша княженъе въ Поляхъ, а въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полоти, иже Полочане; отъ нихъ же Кривичи“. Двухъ изъ такихъ князей исторія знаетъ по имени: древлянскаго князя Мала, современника Игоря, князя Вятичей Ходоту, современника Мономаха. Племена эти вели между собою войны: „быша обидимы Поляне Древяны и инѣми околними“ и взаимно чуждаясь изображали другъ друга въ самыхъ мрачныхъ краскахъ: рассказы лѣтописца о „звѣринскихъ“ обычаяхъ иныхъ племенъ кромѣ Полянъ—слѣды этой междуплеменной вражды. Попытки къ объеди-

ненію племень пошли изъ тѣхъ земель, которыя по своему положенію, наиболѣе богатѣли: изъ Новгорода и Кіева. Если даже отвергать призваніе князей (чего мы намѣренно не касаемся) все же ясно, что Новгородъ рано далеко простиралъ свое вліяніе: въ XI в. находимъ войска новгородскія у Желѣзныхъ Воротъ (которыя ищутъ въ Двинской землѣ) и новгородскихъ торговцевъ у Каменнаго Пояса. Въ Кіевѣ лѣтопись знаетъ двѣ попытки образовать государство, одна смѣненная другой, исходящія по преданію изъ одного источника, но здѣсь преданіе можетъ быть заподозрѣно въ нѣкоторой преднамѣренности (Аскольдъ и Олегъ). Несомнѣнно только то, что изъ Кіева еще раньше Олега ходила рать въ Византію. Какъ образовалось это государство, откуда взялась его рать, въ какомъ отношеніи стояло оно къ другимъ племенамъ русскимъ мы не знаемъ; но скоро оно было завоевано съ сѣвера. Какъ начинается дѣйствовать новая династія мы знаемъ подробнѣе: въ 882 г. Олегъ завоевалъ Кіевъ, занявъ по дорогѣ Смоленскъ, въ 883 г. „прилучивъ“ Древланъ взялъ съ нихъ дань, въ 884 г. положилъ дань на Сѣверянъ, въ 885 г. на Радимичей и воевалъ съ Угличами и Тиверцами; въ 914 г. Игорь побѣдилъ Древланъ и „прилучилъ“ Угличей; въ 964 г. Святославъ покорилъ Вятичей; въ 981 г. Володиміръ взялъ города черкасскіе; въ 982 г. побѣдилъ Вятичей; въ 984 г. шель на Радимичей. Такимъ образомъ очевидно, что племена, сосѣднія съ Кіевомъ, были покорены силою и обложены данью болѣе или менѣе легкою, смотря по тому какъ велико было ихъ сопротивленіе, и на походы свои внѣ предѣловъ земли Русской: на Грековъ, Хазаръ князья требовали отъ этихъ покоренныхъ племень участія въ составленіи войска; „вой“ изъ племень отличаются отъ княжеской дружины. Обложенныя данью племена обязаны были доставлять ее въ опредѣленное мѣсто („повозъ вести“). Свои доходы съ побѣжденных племень: дань и пошлины судебныя князь отдавалъ своимъ боярамъ (Свѣнелду отдалъ Игорь дань съ Угличей и Древланъ). Эта отдача управленія извѣстнымъ лицамъ, если бы соединялась съ надѣленіемъ землею, могла бы повести къ феодализму, но у насъ феодализма не образовалось; частная, поземельная собственность устроена у насъ была позднѣе и получила исключительный помѣстный характеръ; но это уже явленіе Московскаго государства, поставленнаго въ иныя отношенія, исходящаго изъ иныхъ воззрѣній. На западѣ задача управленій и должностей, соединяясь съ извѣстнымъ надѣломъ земли, повела къ образованію феодализма; но тамъ совершилась экспроприація уже воздѣланныхъ и имѣвшихъ свою цѣну земель. У насъ ничего подобнаго не было, и едва-ли частное землевладѣніе существовало какъ общее явленіе до нашествія Татаръ: при нашемъ способѣ воздѣлыванія земли, при которомъ какъ поле истощится, ищутъ другаго, не могла быть земля привлекательна, не могла составить

основу аристократіи. Война, а можетъ быть даже и торговля (тогда соединенная съ военнымъ ремесломъ, ибо кто вель ее долженъ былъ ѣхать въ дальній путь вооруженнымъ для защиты своей, а стало быть временами и самъ мотъ грабить) служили средствомъ обогащенія. Лица, посаженныя въ городахъ князьями, получившія право сбора дани и судебныхъ пошлинъ, были вѣроятно „свѣтлыми боярами, сущими подъ рукою Олега“, „всего княженія“ Игоря. Послы отъ нихъ участвовали въ заключеніи договоровъ и на города, т. е. на остававшіяся въ нихъ дружины назначали часть полученія отъ враговъ дани (укладъ на города). Когда князь лично посѣщалъ то или другое племя, то и онъ и весь дворъ его содержался на счетъ этого племени („полюдь“); такъ было и въ имперіи средневѣковой и въ Польшѣ, и въ другихъ странахъ. Обѣзжая земли, князь творилъ судъ и правду. Были ли изъяты изъ такихъ поѣздокъ земли, порученныя „свѣтлымъ боярамъ“, мы не знаемъ, но достоверно, что существованіе племеннаго князя въ родѣ Мала не служило поводомъ къ изытію. Вспомнимъ послѣдній походъ Игоря. Таковъ характеръ управленія князей русскихъ: оно во многомъ сходно съ управленіемъ другихъ народовъ, поставленныхъ въ подобное же положеніе. Сходство это обуславливается переходомъ цѣлою массою изъ племеннаго быта въ государственный, отъ раздѣльности къ соединенію; способъ перехода долженъ былъ быть одинаковъ: личная дѣятельность князя, временная передача имъ полной своей власти другому лицу, что соединяется съ замѣною племенныхъ князей служилыми людьми и т. п. Слѣдственно нѣтъ нужды признавать въ этой творящей дѣятельности государства какое-нибудь чужое вліяніе; но едва-ли нужно непременно признаніе туземнаго происхожденія самой династіи. Въ этомъ случаѣ останавливается, кромѣ соображеній филологическихъ, еще одно важное обстоятельство: отсутствіе легенды не только о божественномъ происхожденіи, но даже и объ особенномъ божественномъ освященіи этой династіи, въ родѣ посѣщенія странникомъ Пяста. Не помѣшало же христіанское благочестіе записать нашему лѣтописцу легенду о смерти Олега; отчего же, при его благоговѣннн къ династіи, онъ не внесъ въ свои замѣтки чего либо и о божественномъ происхожденіи?

II.

СЛѢДЫ ЦЕРКОВНЫХЪ БРАТСТВЪ ВЪ ВОСТОЧНОЙ МАЛОРОССІИ.

И. А. Сребникова.

(Читано въ засѣданіи 4 августа.—См. Протоколы, стр. LIII—LIV).

Если въ сферѣ изученія минувшей жизни извѣстнаго народа немалый интересъ представляютъ вещественные памятники, знакомящіе насъ съ обстановкою частнаго, домашняго быта человѣка въ эпоху болѣе или менѣе отдаленную и дающіе историку лишнія данныя для уразумѣнія народнаго характера вообще,—то еще большую важность имѣетъ изученіе остатковъ и памятниковъ общественнаго быта народовъ. Въ формахъ общественнаго, юридическаго и, наконецъ, политическаго быта извѣстнаго народа вполне отражается народный характеръ, его міросозерцаніе,—а выясненіе всего этого и есть одна изъ главнѣйшихъ задачъ исторіи. Наконецъ, знакомство съ памятниками и остатками старинныхъ учрежденій прошлаго времени можетъ служить и для чисто практическихъ цѣлей настоящаго: хотя условія времени измѣняются, но характеръ и главныя основы жизни народа остаются одни и тѣ же, а потому всякія новыя учрежденія должны создаваться на исторической основѣ и только въ такомъ случаѣ они и могутъ вполне привиться къ почвѣ народной жизни.

Въ числѣ общественныхъ учрежденій, зародившихся и получившихъ развитіе среди юго-западной половины Русскаго народа, безспорно первое мѣсто принадлежитъ такъ называемымъ церковнымъ братствамъ, по той важной роли, которую они играли въ общественной и политической жизни южно-русскаго народа въ эпоху, наиболѣе для него тяжелую. Историческая роль и заслуги братства хорошо извѣстны, и въ цѣль настоящаго очерка не входитъ ихъ изслѣдованіе. Но исполнивши свою историческую роль, которая и вызвала самое возникновеніе

братствъ, братства не умерли; они продолжаютъ сохраняться въ народѣ, иногда подвергшись измѣненію подѣ вліяніемъ новыхъ политическихъ и соціальныхъ условій, но въ большинствѣ случаевъ представляя своего рода археологическую окаменѣлость. Новыя политическія и общественныя условія, въ которыя поставленъ южно-русскій народъ, коснулись братствъ только, можно сказать, стороною, мимоходомъ, какимъ нибудь намѣреннымъ, сознательнымъ измѣненіямъ и передѣлкамъ братства не подвергались и представляютъ поэтому въ настоящее время чисто народное учрежденіе внѣ всякой политически-административной санкціи. Изображеніе главныхъ чертъ современнаго положенія этого учрежденія, существующаго исключительно въ народѣ, для народа и независимо отъ новѣйшихъ формъ политической и общественной жизни и составляетъ предметъ настоящаго очерка (*).

Свѣдѣнія о братствахъ, приводимыя здѣсь, собраны путемъ личныхъ наблюденій на мѣстѣ и относятся исключительно къ восточной Малороссіи, лежащей на лѣвомъ берегу Днѣпра, т. е. главнымъ образомъ губ. Полтавской и частью Черниговской, какъ потому, что на правый берегъ Днѣпра не простирается районъ нашихъ наблюденій, такъ и потому, что для этой послѣдней мѣстности мы имѣемъ не мало свѣдѣній, какъ по исторіи братствъ, такъ и о состояніи ихъ въ настоящее время. Но, насколько намъ извѣстно, никто еще въ литературѣ не касался остатковъ братствъ, встрѣчаемыхъ нынѣ въ лѣвобережной Малороссіи. Между тѣмъ остатковъ этихъ сохранилось здѣсь не мало, и они нерѣдко представляютъ черты, могущія пролить свѣтъ и на исторію южно-русскихъ братствъ вообще.

(*) Появленіе этого очерка вызвано однимъ изъ вопросовъ въ программѣ III Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ. Въ этой программѣ, въ числѣ вопросовъ, по которымъ къ Съѣзду желательно было имѣть свѣдѣнія, стоялъ вопросъ: «Собрать свѣдѣнія, въ какомъ видѣ сохранились въ настоящее время остатки древнихъ православныхъ церковныхъ братствъ». Изъ формы постановки вопроса нельзя ясно усмотрѣть, что именно имѣлось здѣсь въ виду программю Съѣзда: въ какомъ видѣ существуютъ теперь завѣдомо древнія братства, игравшія некогда важную историческую роль, какъ напр. братства: Виленское, Луцкое, Кіевское?—или же въ какомъ видѣ сохранился въ настоящее время самый, такъ сказать, институтъ братствъ, независимо отъ того, въ древнѣйшую ли, или въ болѣе новую эпоху образовались существующія нынѣ братства? Вопросъ въ первой формѣ имѣетъ по преимуществу характеръ историко-археологическій; постановка же вопроса во второй формѣ, представляя въ значительной мѣрѣ интересъ чисто бытовой или этнографической, не лишена и значенія археологическаго, какъ изображеніе одного, по крайней мѣрѣ, момента въ исторіи развитія этого чисто народнаго учрежденія. Здѣсь разсматривается вопросъ во второй его формѣ.

Авторъ интересныхъ статей о братствахъ, *Θ. Г. Лебединцевъ*, въ одной изъ своихъ статей, описавши существующее нынѣ братство въ с. Дыбинцахъ, Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи, говоритъ: „Мы не знаемъ, есть ли теперь (кромѣ Дыбинскаго братства) въ какомъ либо мѣстѣ постоянное общество подъ названіемъ братства. Въ тѣхъ мѣстахъ, которыя мы знаемъ, такихъ обществъ нѣтъ; самое названіе братства почти забыто, такъ какъ и приложить его не къ чему; но остались названія „братерскій“ и „братчина“. Последнее принадлежитъ распорядителямъ, устроителямъ общественныхъ обѣдовъ“. А далѣе: „Такъ какъ нѣтъ общества, братства, то нѣтъ и общихъ приношеній въ церковь; жертва для храма Божія—дѣло частное“ (*). Но остатки братствъ не такъ незначительны, какъ предполагалъ авторъ названныхъ статей. Не говоря о другихъ братствахъ, существующихъ навѣрно въ такой или иной формѣ во многихъ мѣстностяхъ юго-западнаго края, довольно указать на то, что въ той же Кіевской губерніи сохранилось братство, представляющее, подобно Дыбинскому, во многомъ такія же черты, какія характеризовали братства въ періодъ наибольшаго ихъ процвѣтанія; это—братство мѣстечка Чернобыль (**). Наконецъ, авторъ совершенно не имѣлъ въ виду братствъ на лѣвомъ берегу Днѣпра.

II.

Мѣстомъ происхожденія братствъ и главной ареной ихъ исторической дѣятельности является правый берегъ Днѣпра; въ мѣстностяхъ лѣвобережныхъ никогда не было такихъ жизненныхъ причинъ къ возникновенію братствъ, какъ въ западной части Малороссіи. Происхожденіе религіозныхъ братствъ въ юго-западной Россіи и доселѣ не выяснено вполнѣ нашею историческою наукой. Повидимому оно находится въ связи съ существовавшими въ здѣшнихъ городахъ промышленными цехами, возникшими вслѣдствіе устройства городовъ по нѣмецкому образцу, въ силу такъ называемаго магдебургскаго права. Цехи, которыми такъ изобиловала средневѣковая, особенно германская Европа, были продуктомъ той смутной эпохи, когда, при господствѣ грубой матеріальной силы, при необеспеченности безопасности личности въ обществѣ, каждый отдѣльный членъ этого послѣдняго могъ чувствовать себя въ безопасности только тогда, когда сознавалъ, что за нимъ стоитъ болѣе или менѣе значительное количество личностей, связанныхъ съ нимъ общими интересами и готовыхъ въ случаѣ надобности, поддержи-

(*) Кіевскія Епарх. вѣд. 1862 г., № IX, стр. 321.

(**) Кіевскія Епарх. вѣд. 1862 г., № XXIV.

вать его общими силами. Отсюда—всеобщее стремление въ средніе вѣка къ образованію различнаго рода коллективныхъ единицъ: цеховъ, братствъ въ обширномъ смыслѣ этого слова.

И въ Германіи, гдѣ впервые возникли ремесленные цехи, и въ Польско-Литовскомъ государствѣ, куда они перешли вмѣстѣ съ магдебургскимъ правомъ, они являются какъ ассоціаціи, въ которыхъ связью для сочленовъ, кромѣ общности занятія, въ значительной мѣрѣ служили элементы національный и религіозный: цехи были союзомъ земляковъ, занимающихся однимъ ремесломъ и живущихъ около одной цеховой церкви. Въ промышленномъ отношеніи цехи, опиравшіеся на указанныя три начала, основывались на специализаціи и монополиі ремесленного труда, вслѣдствіе чего въ Польшѣ цехи, при своемъ появленіи, должны были выдержать упорную борьбу со шляхетскимъ сословіемъ, которому принадлежало не только политическое, но и экономическое господство въ государствѣ, въ качествѣ крупныхъ землевладѣльцевъ и главныхъ производителей сырыхъ продуктовъ хозяйственной дѣятельности.

Что касается до втораго начала, лежавшаго въ основаніи цеховъ—начала національнаго, то въ городахъ юго-западной Россіи слѣды его въ цеховомъ устройствѣ неясны: въ городахъ, въ которыхъ было нѣсколько почти равносильныхъ національностей, имѣвшихъ свои особыя магистраты, цеховое устройство было общимъ для всѣхъ національностей; попытки какой либо національности устроить отдѣльно цехи встрѣчали противодѣйствіе національности господствующей, т. е. польской. Напримѣръ, Русскіе въ одномъ изъ важнѣйшихъ городовъ юго-западной Россіи, Каменцѣ, не имѣли своихъ цеховъ никогда, даже и въ то время, когда имѣли свою отдѣльную юрисдикцію. Но наиболѣе значенія для русскаго населенія юго-западныхъ городовъ представлялъ принципъ религіозный. Русскіе, входившіе въ составъ цеховъ, къ которымъ принадлежали члены изъ различныхъ національностей, должны были нести двоякаго рода обязанности: обязанности собственно цеховыя и обязанности религіозныя. Здѣсь-то въ небольшомъ кругу, въ сферѣ мелкой политической единицы, какою были цехи, впервые столкнулись два вѣроисповѣданія—православное и католическое. Въ основу цеховъ естественно легла господствующая католическая религія. Каждый цехъ имѣлъ свой цеховой костелъ, въ пользу котораго шли разные цеховыя поборы и штрафы (обыкновенно воскомъ); въ этомъ костелѣ всѣ члены цеха должны были по праздникамъ присутствовать при богослуженіи, а также участвовать въ различнаго рода церемоніяхъ по католическому обряду. Хотя законъ пытался иногда соблюсти равноправность въ цехахъ двухъ вѣроисповѣданій постановленіями напр. въ родѣ того, чтобы цеховая администрація состояла на половину изъ членовъ

католической и православной вѣры, но исполненіе католическихъ обрядовъ все-таки оставалось равно обязательнымъ для всѣхъ членовъ цеха, а это, естественно, было тягостно для православныхъ; совѣсть ихъ должна была испытывать насиліе при каждой католической церемоніи и процессіи, въ которой они обязаны были участвовать. Естественно, что въ силу этого обстоятельства, а также при стремленіи вообще въ городахъ къ корпоративной обособленности, у православныхъ Русскихъ должно было явиться стремленіе устроить свои собственные корпораціи, свои цехи или братства, усвоившіе себѣ именно это послѣднее названіе. По формѣ своей братства походили на цехи: организація ихъ была та же цеховая; но внутреннее ихъ содержаніе стало развиваться въ совершенно иномъ направленіи. Въ православно-русскихъ братствахъ естественно должны были быть исключены промышленныя цѣли въ силу постоянного противодѣйствія польской юрисдикціи образованію національныхъ ремесленныхъ цеховъ (*). Вслѣдствіе этого обстоятельства измѣняется какъ составъ русскихъ братствъ, такъ и ихъ цѣли. Въ новыя братства вошли, конечно, далеко не всѣ горожане, принадлежавшіе къ русской народности; значительная часть ихъ предпочитала пользоваться цеховыми правами въ смѣшанныхъ цехахъ цѣною уступки религіозной неприкосновенности. За то, вслѣдствіе устраненія всѣхъ промышленныхъ цѣлей, братства открыли къ себѣ доступъ лицамъ разныхъ не городскихъ сословій, особенно лицамъ духовнаго сословія, а также и дворянства. Въ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ памятникахъ по исторіи братствъ, какъ напр. памятники Луцкаго братства 1617 и 1619 г.г., мы встрѣчаемъ уже въ числѣ членовъ братства значительный контингентъ духовныхъ и дворянъ (**). Это обстоятельство можетъ указывать на возможность возникновенія православныхъ братствъ независимо отъ промышленныхъ цеховъ, которые могли послужить только образцомъ для организаціи братствъ, а не поводомъ къ ихъ возникновенію. Сообразно съ этимъ измѣненіемъ состава измѣняются и самыя задачи православныхъ братствъ: задачи эти расширяются и облагораживаются. На первыхъ порахъ впрочемъ цѣли братства были довольно неопредѣленны: заботы о благолѣпіи братской церкви, устройство благотворительныхъ учрежденій, собственное нравственное усовершенствованіе членовъ братства—составляютъ все содержаніе дѣятельности братствъ. Въ уставахъ братствъ, игравшихъ впоследствии наиболѣе видную роль—Львовскаго (1586), Луцкаго (1617), братства эти называются братствами любви и милосердія, и съ

(*) См. М. Ф. Владимірскаго-Буданова—Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ, глава о цехахъ.

(**) Памятники, изданные Кіевскою временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. I, стр. 1 и 9.

такими цѣлями они остаются до тѣхъ поръ, пока политическія и соціальныя условія, въ которыя былъ поставленъ Русскій народъ подъ владычествомъ Польши, дали братствамъ инныя цѣли и задачи для дѣятельности. Когда появилась церковная унія и усилились религіозныя и политическія притѣсненія со стороны Поляковъ, братства являются однимъ изъ видныхъ факторовъ въ религіозной и политически-соціальной борьбѣ Русскаго народа съ Польшею. Въ этой борьбѣ, естественно, братства дѣйствовали главнымъ образомъ средствами нематеріальными: они представляли нравственно-интеллектуальную силу, подобно тому какъ козачество представляло силу матеріальную, военную. Дѣятельность въ этомъ отношеніи важнѣйшихъ западно-русскихъ братствъ достаточно извѣстна; довольно указать хоть на ту роль, какую играли братства въ исторіи просвѣщенія въ юго-западной Россіи устройствомъ училищъ, типографій и т. п. Затѣмъ братства имѣли важное вліяніе на общество, на городское населеніе, духовенство—своимъ нравственнымъ контролемъ, который простирался не только на членовъ братства, но и на лицъ не входившихъ въ составъ ихъ. Наконецъ братства находились въ тѣсной связи и съ непосредственными бойцами за русскую народность и православіе—козачествомъ. Важнѣйшіе дѣятели козачества были членами различныхъ братствъ, получали образованіе въ братскихъ школахъ, молились, отправляясь на борьбу, въ братскихъ церквахъ, получали здѣсь благословеніе и нравственное подкрѣпленіе и, по окончаніи своей военной и политической дѣятельности, нерѣдко постригались въ братскихъ монастыряхъ въ монахи.

Такимъ образомъ главною мѣстностью, гдѣ разыгрывались событія, въ которыхъ играли такую видную роль братства, былъ правый берегъ Днѣпра. Здѣсь то встрѣчаемся мы съ дѣятельностью такихъ братствъ, какъ Львовское (Успенское), Луцкое (Крестовоздвиженское), Кіевское (Богоявленское), Виленское (Троицкое); здѣсь, наконецъ, и въ настоящее время институтъ братствъ сохранился съ чертами болѣе приближающими ихъ къ древнимъ братствамъ. Не то видимъ мы въ восточной, лѣвобережной Малороссіи. Магдебургское право съ цеховымъ устройствомъ, на почвѣ котораго зародились братства, находимъ мы здѣсь сравнительно въ ничтожномъ числѣ городскихъ населеній, и большинство ихъ получило его уже вслѣдствіе административныхъ реформъ русскаго правительства въ XVIII в. Религіозныхъ причинъ, подобныхъ тѣмъ, какія мы видимъ въ юго-западной Россіи, здѣсь тоже не было: унія почти не проникала на восточный берегъ Днѣпра и католицизмъ довольно мирно уживался здѣсь съ православіемъ. Поэтому и братства не получили здѣсь такой организаціи или, лучше сказать, такого развитія, какъ въ западной Руси; они по всей вѣроятности, появились здѣсь уже позднѣе и служили нѣсколько инымъ цѣлямъ. Они образовались здѣсь просто

какъ подражаніе западно-рускимъ братствамъ съ цѣлью заботы о лучшемъ устройствѣ и украшеніи церквей и обезпеченіи матеріальнаго благосостоянія церковныхъ причтовъ, а иногда съ цѣлями благотворительности. Такимъ образомъ нынѣ существующія братства напоминаютъ собою древне-русскія братства въ ихъ первоначальный періодъ до выступленія ихъ дѣятелями въ борьбѣ за православіе и русскую національность съ Поляками. Тѣмъ не менѣе, сложившись по образцу западно-рускихъ церковныхъ братствъ, нынѣшнія братства въ лѣвобережной Украинѣ заимствовали отъ нихъ многое и въ своемъ устройствѣ и во внутреннемъ ихъ, такъ сказать, духѣ. Что касается до мѣстностей, въ которыхъ сохранились въ настоящее время остатки церковныхъ братствъ, то, какъ и естественно такую мѣстностью долженъ оказаться районъ, непосредственно прилегающій къ Кіеву или, лучше сказать, къ Днѣпру, и потому постоянно тяготѣвшій къ Кіеву, какъ историческому и культурному центру. Край этотъ изъ лѣвобережныхъ мѣстностей особенно служилъ сценою южно-русской исторіи; многія событія этой послѣдней, начавшись и разыгравшись на западной сторонѣ Днѣпра, захватывали на лѣвой только небольшое пространство, центромъ котораго былъ Переяславъ, котораго исторія была издревле такъ тѣсно связана съ исторіею Кіева. Здѣсь, при постоянныхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Кіевомъ и вообще западною Русью, быстро усваивались всякіе тамошніе порядки и обычаи. Сюда прежде всего перешли и братства. И дѣйствительно, насколько намъ извѣстно, по крайней мѣрѣ относительно Полтавской губерніи, братства сохранились въ настоящее время исключительно въ Приднѣпровьѣ, т. е. въ уѣздахъ Переяславскомъ и Золотоношскомъ, въ которомъ братства находятся въ значительномъ количествѣ во многихъ селахъ и мѣстечкахъ. Въ прежнее время впрочемъ предѣлы распространенія братствъ были гораздо шире: такъ еще и теперь, кажется, братства встрѣчаются, правда, какъ очень рѣдкіе случаи, въ Роменскомъ уѣздѣ. Намъ документально извѣстно существованіе въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія братствъ въ Гадячскомъ уѣздѣ, какъ это видно изъ отмѣтки въ приходо-расходной книгѣ одной изъ церквей этого уѣзда полученія 120 рублей отъ церковно-приходскаго братства. Можно даже видѣть слѣды существованія нѣкогда братствъ и на крайнемъ юго-востокѣ Малороссіи, на самой границѣ съ Новоросійскимъ краемъ. Слѣды эти видны въ сохранившихся нѣкоторыхъ церковныхъ обычаяхъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ братствъ. Къ числу такихъ обычаевъ принадлежитъ между прочимъ стояніе нѣсколькихъ человекъ (обыкновенно 4-хъ) съ большими свѣчами (такъ называемыми ставниками) въ извѣстный промежутокъ литургіи (между малымъ и большимъ входомъ). Въ тѣхъ мѣстностяхъ и при тѣхъ церквахъ, гдѣ существуютъ братства, свѣчи эти дѣлаются изъ брат-

скаго воску и держать ихъ старшіе братчики, а за отсутствіемъ ихъ, другіе члены братства. Этотъ же обычай нерѣдко встрѣчается въ церквахъ Кобеляскаго уѣзда, гдѣ въ настоящее время народъ и не знаетъ о существованіи братствъ и даже старожилы не помнятъ, чтобы они когда либо и были. Ставники здѣсь дѣлаются просто на церковный счетъ или жертвуются кѣмъ нибудь и держатся во время обѣдни обыкновенно старѣйшими и почетнѣйшими изъ прихожанъ простолюдиновъ. Указываетъ ли это на существованіе въ этихъ мѣстностяхъ нѣкогда братствъ, или же это просто обычай, занесенный какъ-нибудь изъ странъ прикарпатскихъ—рѣшить не беремся; замѣтимъ только, что обычай этотъ существуетъ только въ церквахъ старыхъ, устроенныхъ по большей части не позднѣе прошлаго столѣтія. Въ Черниговской губерніи братства сохранились въ гораздо меньшемъ количествѣ, и опять таки въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Днѣпру, главнымъ образомъ въ Остерскомъ уѣздѣ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что братства быстро исчезаютъ: такъ намъ приходилось слышать, что въ теченіе какихъ-нибудь 12 или 15 лѣтъ въ Переяславскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, братства уничтожились при 20 слишкомъ церквахъ.

III.

Существующія въ настоящее время въ Малороссіи братства представляются въ двоякой формѣ. Во 1-хъ, собственно церковныя братства, нашедшія себѣ мѣсто преимущественно въ селахъ, деревняхъ и т. п. видахъ сельскихъ поселеній. Эти-то братства, по крайней мѣрѣ по формѣ, представляютъ собою подобіе древнихъ православныхъ церковныхъ братствъ. Во 2-хъ, въ городахъ, а также другихъ городскихъ населеніяхъ, напр. мѣстечкахъ, существуютъ такъ называемыя церковныя братства, сложившіяся по образцу старинныхъ ремесленныхъ цеховъ, существовавшихъ въ западно-русскихъ городахъ. Эти цехи не могутъ быть отнесены къ братствамъ въ собственномъ смыслѣ; но вслѣдствіе тѣсной связи цеховъ съ братствами въ первый періодъ ихъ развитія, а также по причинѣ того, что въ настоящемъ своемъ видѣ эти цехи не имѣютъ никакого значенія юридическаго, а только бытовое, они по многимъ своимъ чертамъ походятъ на братства церковныя и имѣютъ съ ними много точекъ соприкосновенія.

Братства перваго рода—собственно церковныя въ указанномъ выше районѣ встрѣчаются во многихъ селахъ, деревняхъ и мѣстечкахъ, при чемъ въ каждой данной мѣстности можетъ быть одно, два или нѣсколько братствъ, смотря по степени населенности пункта и количеству церковныхъ приходовъ. Прежде всего братства—учрежденіе чисто народное. Въ составѣ и дѣятельности ихъ принима-

ють участіє исключительно нисшіе классы общества—крестьяне, козаки, мѣщане; изъ высшихъ классовъ въ соприкосновеніи съ братствами находится только, въ силу своихъ обязанностей, духовенство. Цѣль братствъ въ настоящее время состоитъ главнымъ образомъ въ заботахъ о церкви, къ которой, такъ сказать, приписывается братство. Въ нѣкоторыхъ братствахъ правило это соблюдается весьма строго, и братскія суммы и доходы употребляются исключительно на нужды братской церкви, въ другихъ же—цѣли братства бывають и шире: братства оказываютъ, напр. поддержку своими средствами при устройствѣ мѣстной школы и т. п. Условія вступленія въ члены братства—денежный взносъ, единовременный и постоянный. Естественно, что взносы эти, сообразно со средствами простолюдина, бывають невелики: первый отъ 50 коп. до 2 руб., второй—отъ 15 до 50 коп.; кромѣ того, въ извѣстныхъ случаяхъ, дѣлаются взносы натурою, напримѣръ воскомъ. И внѣшняя организація, и внутренній бытъ этихъ братствъ представляютъ нерѣдко точное подобіе древнихъ братствъ, насколько намъ извѣстны уставы и бытъ этихъ послѣднихъ. Конечно въ большинствѣ случаевъ тѣ черты, которыя въ древнихъ братствахъ имѣли жизненное значеніе, господствовали въ практикѣ, въ современныхъ намъ братствахъ являются только воспоминаніемъ, обычаемъ старины, своего рода археологическою окаменѣлостью. Есть впрочемъ и нѣкоторыя отличія. Взглянемъ, напр., на братскія собранія. Въ древнихъ братствахъ собранія эти, выражаясь современнымъ языкомъ, бывали очередныя или постоянныя, экстренныя и годичныя—торжественныя. Такъ по уставу Львовскаго и Луцкаго братствъ, братья должны были сходиться разъ въ 4 недѣли, или когда укажетъ надобность, для разсмотрѣнія текущихъ дѣлъ братства, по призыву старшаго братчика; затѣмъ бывали годичныя собранія, въ которыхъ происходило избраніе членовъ братской администраціи. Въ настоящее время, когда сфера дѣятельности братствъ сдѣлалась несравненно уже, нѣтъ уже надобности въ постоянныхъ собраніяхъ братства. Братчики созываются только въ рѣдкихъ, особенно важныхъ случаяхъ, когда напр., нужно безотлагательно рѣшить вопросъ объ употребленіи братскихъ денегъ или замѣнить выбывшаго раньше срока старшаго братчика. Такимъ образомъ остаются собственно только годичныя собранія или, лучше сказать, собранія два раза въ годъ.—На одномъ изъ этихъ собраній происходитъ обыкновенно выборъ членовъ братской администраціи или старшихъ братчиковъ. Число этихъ послѣднихъ, какъ и въ древнихъ братствахъ, — два или четыре. Одинъ изъ нихъ носитъ названіе старшаго, другой младшаго или молодшаго. Старшій братъ является главнымъ представителемъ и администраторомъ братства. Если кружка или сундукъ съ братскими деньгами хранится у старшаго братчика, то ключъ отъ нея, сообразно древнему

обычаю, находится у младшаго. Впрочемъ по большей части братская казна хранится въ церкви, и тогда ключъ отъ нея находится у старшаго брата. При братствахъ имѣются книги, въ которыхъ записывается приходъ и расходъ братскихъ суммъ. Въ нѣкоторыхъ братствахъ намъ приходилось просматривать эти книги лѣтъ за 30 и болѣе. Къ сожалѣнію, онѣ не даютъ почти никакихъ данныхъ для исторіи братствъ: въ нихъ отмѣчаются только имена старшихъ братчиковъ на извѣстный годъ или трехлѣтіе, общая сумма доходовъ, поступившихъ въ братскую кассу за время управленія старшаго братчика, и употребленіе, сдѣланное братствомъ изъ своихъ денежныхъ средствъ. Старшины братскіе выбираются на одинъ годъ или на три. Въ первомъ случаѣ, каждый годъ, въ годичномъ собраніи, они даютъ отчетъ о состояніи братскихъ суммъ, ихъ приходъ и расходъ, и здѣсь же рѣшается вопросъ о томъ, какое назначеніе дать братскимъ деньгамъ. Во второмъ случаѣ этотъ отчетъ дается чрезъ три года, по окончаніи старшинами братчиками срока ихъ службы. Впрочемъ повѣрка суммъ во всякомъ случаѣ происходитъ ежегодно. Эти годичныя собранія совершаются согласно правилу древнихъ братствъ, по которому ежегодно должны были совершаться двѣ литургіи за все братство: заздравная и заупокойная, при чемъ устраивались братскіе обѣды и раздавалась милостыня бѣднымъ. Теперь эти годичныя собранія являются, пожалуй, единственными актами, въ которыхъ проявляются жизнь и дѣятельность современныхъ братствъ. Днями этихъ собраній бывають или дни храмовыхъ праздниковъ братской церкви, или какой нибудь большой праздникъ, можетъ быть сохранившійся по воспоминанію день основанія братства. Послѣ литургіи въ братской церкви, братчики, собравшись всѣ вмѣстѣ обыкновенно въ домъ старшаго брата, приглашаютъ духовенство и затѣмъ совершается или панихида по умершимъ членамъ братства, или молебень за живыхъ. Имена умершихъ родственниковъ всѣхъ членовъ братства, кромѣ того, записаны въ общую поминальную книжку, которая и читается священникомъ въ церкви въ дни, назначенные по церковному уставу для общаго поминовенія умершихъ. Послѣ окончанія богослуженія происходитъ совѣщаніе о дѣлахъ братскихъ, повѣрка суммъ, выборъ старшинъ и т. п., а затѣмъ устраивается братскій обѣдъ. Необходимые для этого обѣда продукты доставляются въ натурѣ членами братства въ видѣ муки, сала, капусты и др. припасовъ. На обѣды члены братства имѣють право являться со своими гостями: они приводятъ своихъ родственниковъ, знакомыхъ, гостей. Остатки отъ обѣда идутъ на угощеніе нищей братіи, которая обыкновенно въ большомъ количествѣ стекается на такіе братскіе обѣды. Въ большинствѣ случаевъ братскіе обѣды сопровождаются медовареніемъ и медопитіемъ. На братскія средства закупается извѣстное количество меду, изъ котораго и пригото-

ется медъ для питья. Медъ этотъ готовится безъ хмѣля и есть просто „сыта“, т. е. медъ, разведенный водою. Сыта эта продается членами братства, какъ присутствующимъ на обѣдѣ, такъ и приходящимъ постороннимъ лицамъ и вырученныя за нее деньги составляютъ одну изъ важнѣйшихъ статей въ доходахъ братствъ. Медъ для приготовления сыты покупается въ сотахъ, и остающійся воскъ употребляется на выдѣлку свѣчъ для церкви, а также тѣхъ ставниковъ, съ которыми братчики стоятъ въ церкви во время обѣдни. Кромѣ того, многіе братчики имѣютъ свои отдѣльныя свѣчи, которыя и зажигаютъ сами въ церкви предъ тѣмъ или другимъ образомъ. Только что описанною стороною своего строя, именно общими обѣдами, южнорусскія братства напоминаютъ существованіе въ древности на Руси и существующіе и нынѣ въ различныхъ мѣстахъ нашего отечества общественныя пиры или такъ называемыя братчины, описанныя въ извѣстной статьѣ Попова: „Пиръ и братчины“ (*). Но, при видимомъ сходствѣ, есть и существенныя отличія, не позволяющія отождествлять южнорусскія братства съ братчинами или производить первыя отъ послѣднихъ. Если даже въ древнихъ братчинахъ, на которыя существуютъ указанія въ актахъ XIV и XV в., можно подмѣтить нѣкоторыя, очень неясныя слѣды какого-то постояннаго учрежденія, то уже нынѣшніе пиры и братчины никакимъ образомъ не имѣютъ такого характера, а къ нимъ дѣйствительно могутъ быть отнесены приведенныя выше слова Лебединцева, что названіе братчинъ принадлежитъ устроителямъ общественныхъ обѣдовъ. Общественныя обѣды не есть здѣсь собраніе членовъ какого-нибудь постояннаго общества, а случайное соединеніе людей, собравшихся попить въ складчину. Самые пиры эти не имѣютъ другой цѣли, кромѣ увеличенія торжественности какого-нибудь праздника, обыкновенно храмоваго. Если при этомъ фигурируетъ иногда еще такъ называемая братская свѣча, то и она является дѣломъ совершенно частнымъ и случайнымъ. Между тѣмъ братства представляются учрежденіемъ постояннымъ, существующимъ непрерывно, въ теченіе ужъ навѣрно десятковъ, если не сотенъ лѣтъ, съ своей опредѣленной организаціей. Общественныя связи въ братствахъ выражаются въ обязанности членовъ присутствовать при погребеніи умершаго братчика. Впрочемъ этотъ обычай соблюдается далеко не во всѣхъ братствахъ. Такимъ образомъ сохранившіеся до нашего времени остатки братствъ при православныхъ церквахъ въ восточной Малороссіи представляютъ по своей внѣшней организаціи нерѣдко вполне сколокъ съ древнихъ братствъ, игравшихъ такую видную историческую роль. Но это сходство въ большинствѣ случаевъ оказывается только внѣшнимъ. Братства, въ своемъ ны-

(*) «Архивъ» Калачова, кн. 2, 1854 г., стр. 19—41.

нѣшнемъ видѣ, утратили свой прежній внутренній смыслъ, и роль ихъ въ настоящее время совершенно иная. Главное значеніе древнихъ братствъ заключалось въ томъ нравственномъ вліяніи, которое они имѣли на современное общество. Нравственное самоусовершенствованіе, развитіе въ себѣ чувства любви и справедливости относительно своихъ ближнихъ, взаимная помощь и содѣйствіе къ нравственному развитію фигурируютъ въ уставахъ древнихъ братствъ, какъ главная обязанность членовъ и основа братскаго союза. Отсюда строгій контроль братства надъ нравственнымъ поведеніемъ каждаго изъ его членовъ и братскій судъ, подвергавшій различнаго рода взысканіямъ, то матеріальнымъ, то нравственнымъ, членовъ братства за всякій предосудительный поступокъ, не только относительно кого либо изъ своихъ сочленовъ, но и относительно лицъ, не принадлежавшихъ къ составу братствъ. По уставамъ и привиллегіямъ важнѣйшихъ братствъ, напр. Львовскаго, имъ давалась обширная юрисдикція, простиравшаяся даже на высшихъ духовныхъ лицъ, епископовъ. По этимъ уставамъ, тотъ, кто презреть братскимъ судомъ, судится какъ ослушникъ церкви, и въ случаѣ нераскаянія, какъ явный грѣшникъ, отлучается отъ церкви; даже сообщающійся съ такимъ отлученнымъ вмѣстѣ съ нимъ отлучается; даже епископъ не могъ снять отлученія, налагаемаго братствомъ. Если и епископъ велъ себя незаконно, то всѣ должны были сопротивляться ему, какъ врагу истины. Всякое братство въ своемъ городѣ и въ околныхъ мѣстахъ и селахъ обязано было знать поведеніе духовныхъ и мірскихъ людей и обо всякомъ беззаконіи доносить епископу. Известно столкновеніе, въ силу этихъ привиллегій, Львовскаго братства съ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, при чемъ братство одержало верхъ.

Въ эпоху религіозныхъ притѣсненій эти братскіе суды, этотъ постоянный надзоръ цѣлаго общества за нравственнымъ и религіознымъ поведеніемъ отдѣльныхъ лицъ, имѣли особенно важное значеніе. Этотъ надзоръ постоянно являлся на помощь Русскимъ, колеблющимся въ вѣрѣ, и удерживалъ многихъ изъ нихъ отъ отпаденія отъ православія и перехода въ католицизмъ или унію.

Въ настоящее время, при измѣнившихся политическихъ и соціальныхъ условіяхъ жизни Русскаго народа, братства естественно не могутъ уже представлять такихъ корпорацій, такихъ самобытныхъ общественныхъ единицъ, какими они были въ оно время. При томъ такой осязательной цѣли для борьбы у нынѣшнихъ братствъ конечно нѣтъ; наконецъ, при уменьшеніи съ каждымъ днемъ патріархальности въ бытѣ народа, старинные обычаи, долго и упорно державшіеся въ народной жизни, постоянно замѣняются новыми, искусственными формами быта. Поэтому и нравственное вліяніе братства на общество крайне ничтожно или, пожалуй, его и совсѣмъ незамѣтно. О какомъ либо вліяніи братства на

окружающую среду, конечно, и говоритъ нечего. Но и внутри самихъ братствъ нравственный контроль ихъ надъ своими членами, если и существуетъ кое-гдѣ, то является такимъ случайнымъ, такимъ неуловимымъ, что его можно считать равняющимся нулю. Никакихъ братскихъ судовъ, никакихъ взысканій въ настоящее время не существуетъ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что такой упадокъ нравственной, такъ сказать, юрисдикціи братствъ произошелъ, быть можетъ, не такъ давно.—Отъ старожилонъ въ различныхъ мѣстахъ приходилось слышать, что прежде, десятка три, четыре лѣтъ тому назадъ, угроза потянуть къ братскому суду представляла извѣстное значеніе между членами братствъ. Наказанія состояли въ штрафахъ въ пользу братской казны. Даже, въ одномъ только правдѣ мѣстѣ, сохранился, какъ отдаленное воспоминаніе, рассказъ о классическомъ сажаніи на колокольню. Изъ рассказа впрочемъ нельзя было понять, говорилось ли объ этомъ наказаніи, какъ общемъ для всѣхъ братствъ и практиковавшемся въ другихъ мѣстахъ, или же оно приурочивалось именно къ данной мѣстности

III.

Мнѣ кажется, что я не выйду изъ предѣловъ настоящей моей задачи, если остановлюсь здѣсь нѣсколько на второмъ изъ указанныхъ выше видовъ братствъ, сохранившихся въ настоящее время въ восточной Малороссіи, именно на такъ называемыхъ цеховыхъ братствахъ. Эти цехи ни по происхожденію своему, ни по характеру, ни по организаціи не имѣютъ никакого отношенія къ позднѣйшему цеховому устройству въ городахъ ремесленного сословія, явившемуся въ силу нынѣ дѣйствующаго общерусскаго законодательства. Напротивъ, рассматриваемые нами цехи сохранились, кромѣ нѣкоторыхъ городовъ, въ большинствѣ случаевъ, въ такихъ поселеніяхъ, преимущественно мѣстечкахъ, въ которыхъ никогда, ни въ періодъ соединенія Малороссіи съ Польшею, ни по воссоединеніи ея съ Россіею, юридически не существовало ни городского устройства, ни раздѣленія ремесленного класса на цехи. Мѣстечки эти рассматривались законодательствомъ, какъ населенія сельскія, и такими въ большинствѣ случаевъ были они и по природѣ своей. Встрѣчающіеся нынѣ въ такихъ мѣстечкахъ цехи существуютъ независимо отъ какого бы то ни было законодательства, какъ учрежденіе чисто народное по организаціи и всей обстановкѣ своей примыкающее не къ позднѣйшему цеховому устройству въ городахъ, а къ цехамъ городовъ юго-западной Россіи, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ. Такимъ образомъ цехи эти являются простонароднымъ, такъ сказать, обычаемъ, воспроизводящимъ по воспоминанію то, что существовало нѣкогда, въ силу положительнаго права, какъ юри-

дическая форма общественнаго быта. Въ цехахъ мы видимъ смѣшеніе формъ и обрядовъ, то собственно цеховыхъ, то принадлежавшихъ древнимъ братствамъ, почему въ народѣ они и называются то цехами, то братствами. Во многихъ мѣстечкахъ часть населенія, занимающаяся однимъ какимъ либо ремесломъ или промысломъ, издавна соединилась въ общества, которыя и называются цехами или братствами. Такихъ цеховыхъ братствъ въ каждой данной мѣстности бываетъ одно или нѣсколько, смотря по тому, гдѣ какіе существуютъ промыслы и занятія жителей. Такъ существуютъ братства: цеху рѣзникаго (изъ мясниковъ), ковальскаго (изъ кузнецовъ), шевскаго (изъ сапожниковъ), кравецкаго (изъ портныхъ), гончарскаго и т. п.—Время происхожденія этихъ братствъ нигдѣ нельзя опредѣлить точно; документальныхъ данныхъ никакихъ не имѣется, изустныхъ свѣдѣній также не удалось собрать, такъ какъ самые древніе старожилы нигдѣ не упоминаютъ времени основанія братствъ. Въ прежнее время непремѣннымъ условіемъ вступленія въ члены цеховыхъ братствъ было, кажется, занятіе соответственнымъ ремесломъ или промысломъ; теперь же можно быть членомъ братства и не занимаясь никакимъ опредѣленнымъ промысломъ, или занимаясь ремесломъ другимъ чѣмъ господствующее въ цехѣ. Кромѣ того въ каждомъ цеховомъ братствѣ есть члены незанимающіеся даннымъ промысломъ вслѣдствіе прекращенія этого занятія ими самими или ихъ предками, такъ какъ званіе членовъ братства наследственно. Наконецъ бываютъ случаи, что одно и то же лицо состоитъ членомъ двухъ или даже болѣе братствъ. Въ настоящее время единственное условіе вступленія въ братство есть денежный взносъ, размѣръ котораго не зависитъ отъ того, вступаетъ ли данное лицо только въ братство, или же, по занятію своему, оно подходитъ и подъ остальные условія цеха. Размѣръ денежнаго взноса отъ 10—25 руб., смотря по мѣстности и по состоянію вступающаго въ братство; размѣръ взноса всегда опредѣляется самимъ братствомъ. Если вступленіе въ цехъ происходитъ вслѣдствіе вступленія въ семью какого либо члена цеха, т. е. напр. вслѣдствіе женитьбы на дочери цеховаго братчика, то вновь вступающій подвергается только половинному взносу. Эти взносы и составляютъ основной, такъ сказать, капиталъ братства. Кромѣ того, средства братства пополняются еще постоянными взносами членовъ. Для тѣхъ членовъ цеха, которые занимаются цеховымъ ремесломъ или промысломъ, эти взносы опредѣляются въ видѣ постоянного процента съ извѣстной единицы ихъ производства. Такъ напр. члены братства рѣзникаго цеха собираются три раза въ годъ предъ главными постами, когда торговля ихъ на время прекращается, т. е. на Троицынъ день (заговѣнье передъ Петровскимъ постомъ), на заговѣнье передъ Филипповскимъ постомъ и на масляной, и здѣсь каждый мясникъ долженъ объявить *по совѣсти* сколько онъ въ теченіе истекшаго мясоѣда зарѣ-

залъ и продалъ штукъ скота, послѣ чего съ каждой штуки они платятъ въ кассу братства по одной коп.—Подобнымъ же образомъ сапожники вносятъ копѣйку съ каждой пары спитыхъ ими сапогъ и т. п.—Для членовъ братства, не занимающихся соотвѣтствующимъ ремесломъ, взносъ опредѣляется самимъ братствомъ отъ 1 до 2 руб. Наконецъ немаловажную статью въ доходахъ братствъ составляетъ плата, получаемая ими за погребеніе умершихъ, не принадлежащихъ къ составу братствъ. Братства имѣютъ свои погребальныя принадлежности: *мары*—носилки для гроба, такъ называемый *поклитъ*, родъ катафалка или балдахина, покрывало для маръ и поклита и цеховые значки или просто хоругви. Братство, за извѣстное вознагражденіе, принимаетъ на себя всѣ заботы по погребенію частныхъ лицъ: братья устраиваютъ могилу, доставляютъ мары, хоругви и поклитъ и несутъ покойника на кладбище.—Вознагражденіе, получаемое за это и поступаетъ въ братскую кассу. Что же касается до членовъ братства, то они, равно какъ и всѣ члены ихъ семействъ, погребаются братствомъ бесплатно. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, т. е. происходитъ ли погребеніе члена братства, или частного лица съ участіемъ братства, для всѣхъ членовъ этого послѣдняго обязательно присутствіе при погребеніи и провожаніи умершаго на кладбище. Съ неявившихся взыскивается въ пользу братства штрафъ.—Денежныя суммы, принадлежащія братству, могутъ быть отдаваемы на проценты, но только членамъ братства и при томъ въ однѣ руки не болѣе опредѣленной суммы, напр. 25 руб. Кромѣ того, бываетъ, что братства оказываютъ своимъ членамъ пособіе въ видѣ безвозвратной выдачи извѣстной суммы въ случаѣ напр., пожара, внезапнаго разоренія и т. п. Затѣмъ доходы братства идутъ главнымъ образомъ въ пользу церкви, такъ какъ и самыя братства обыкновенно, такъ сказать, приписываются къ какой нибудь церкви. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что братства не находятся въ какомъ нибудь юридическомъ подчиненіи или даже связи относительно своихъ церквей; связи—исключительно духовныя. Братства не даютъ церквамъ отчета въ своихъ суммахъ и могутъ употреблять ихъ по своему усмотрѣнію помимо нужды церкви, что они иногда и дѣлаютъ. Взносы братствъ въ пользу церкви имѣютъ характеръ пожертвованій, при томъ и пожертвованія эти рѣдко дѣлаются деньгами, а по большей части вещами: устройствомъ ризъ на иконы, облаченій, крестовъ, книгъ и т. п.

Организація управленія въ братствахъ заключается въ выборныхъ должностныхъ лицахъ, избираемыхъ въ братскихъ собраніяхъ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ на три года. Такія выборныя должностныя лица суть: 1) цехмистръ, главный представитель братства во всѣхъ постороннихъ сношеніяхъ, председатель въ братскихъ собраніяхъ; онъ ведетъ переговоры и заключаетъ условія о воз-

награжденіи братству за погребеніе частныхъ лицъ; у него хранятся погребальныя принадлежности—мары и поклить (хоругви хранятся въ церкви); вообще это высшая администрація братства. 2) Ключникъ—братскій казначей; у него хранится сундукъ съ братскою казною, хотя ключъ отъ этого послѣдняго находится у цехмистра, такъ что каждый изъ нихъ самъ по себѣ не можетъ распоряжаться братскою казною безъ вѣдома и участія другаго. 3) Молодшій—родъ бирюча въ древнемъ Новгородѣ, исполнитель распоряженій цехмистра и полицейская власть въ братствѣ. Молодшій, напримѣръ, оповѣщаетъ членовъ братства о времени и мѣстѣ ихъ собраній и созываетъ братчиковъ на погребеніе. Подобно тому какъ въ древнихъ братствахъ такіе созовы производились посредствомъ отсылки братскаго знамени или иконы патрона братства, и въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ братствахъ, молодшій имѣетъ атрибутъ своей должности, служащій при сношеніяхъ его съ членами братства удостовѣреніемъ того, что онъ является какъ должностное лицо, находится при отпращиваніи обязанности. Такъ напримѣръ, въ одномъ шевскомъ братствѣ молодшій, созывая братчиковъ на сходки и погребеніе, приходитъ къ нимъ съ *котыломъ* (сапожною колодкою), и уже въ такомъ случаѣ никто, подъ угрозою штрафа, не можетъ ослушаться его распоряженій. Въ ковальскомъ братствѣ, напримѣръ, атрибутомъ молодшаго служитъ желѣзная человѣкоподобная фигурка, которая и находится постоянно у молодшаго.

Избраніе этихъ должностныхъ лицъ производится, какъ уже было сказано, черезъ три года въ братскихъ собраніяхъ, бывающихъ ежегодно обыкновенно въ храмовой праздникъ братской церкви.

На этихъ собраніяхъ цехмистръ съ ключникомъ даютъ отчетъ о состояніи братской суммы и опредѣляется назначеніе, какое братство желаетъ дать своимъ денежнымъ средствамъ. Независимо отъ этихъ собраній, ежегодно въ опредѣленный день, происходятъ особенныя собранія братчиковъ, въ которыхъ совершаются заупокойныя моленья за всѣхъ умершихъ членовъ братства и заздравныя за живыхъ. За тѣмъ происходитъ братскій обѣдъ, необходимыя для котораго припасы доставляются членами натурою, а водка и другіе напитки покупаются на счетъ братской суммы. Члены не являющіеся въ братскія собранія, какъ обыкновенныя такъ и чрезвычайныя, послѣ повторившихся неявокъ, подвергаются исключенію изъ братства.

Наконецъ, въ цеховыхъ братствахъ встрѣчаемъ мы и остатки братскихъ судовъ, какихъ не видимъ въ описанныхъ выше собственно церковныхъ братствахъ. Этотъ судъ естественно вытекаетъ изъ необходимости разрѣшать имущественныя споры, нерѣдко возникающіе между членами братства, какъ людьми по большей части промышленными. Для рѣшенія такихъ споровъ между собою члены брат-

ства и обращаются нерѣдко къ братскому суду, не смотря на полную юридическую некомпетентность этого послѣдняго. За нечестные поступки братчика относительно членовъ ли братства или постороннихъ лицъ, если только обиженная сторона прибѣгаетъ къ братской юрисдикціи, занося свою жалобу цехмистру, братство подвергаетъ виновнаго различнаго рода взысканіямъ. Вопреки обычаямъ древнихъ братствъ, въ новѣйшихъ цеховыхъ братствахъ мы встрѣчаемъ существованіе тѣлесныхъ наказаній. Такъ наприм. въ рѣзницкомъ братствѣ еще очень недавно существовало наказаніе, состоявшее въ томъ, что виновнаго ставили на колѣни на инструментъ, употребляемый для растягиванія свѣже содранныхъ овечьихъ шкуръ, и въ такомъ положеніи начинали трясти его за плечи; трясли иногда до того, что у наказуемаго показывалась кровь изъ носа и ушей; существовало также забиваніе виновныхъ въ колодки. Но все таки главнымъ, и въ настоящее время единственнымъ видомъ наказаній въ братствѣ, является наказаніе денежное, то въ видѣ денежныхъ штрафовъ, то, въ случаѣ несостоятельности оштрафованнаго, въ видѣ отбыванія натурою какихъ либо работъ въ пользу братства, наприм. копаніе могилъ для погребенія умершихъ братчиковъ или тѣхъ лицъ, заботы, о погребеніи которыхъ принимаетъ на себя братство, доставленіе подводъ для потребностей братства и т. п.

Само собою разумѣется, что количество случаевъ примѣненія братскаго суда съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе уменьшается.

Такова въ общихъ чертахъ форма, въ какой сохранились въ настоящее время остатки этого учрежденія, въ которомъ такимъ виднымъ образомъ выразилась общественная самодѣятельность юго-западной половины русскаго народа въ тяжелую пору его исторической жизни. Оттого-то это учрежденіе и живетъ такъ долго въ народѣ, представляя собою нѣсколько болѣе чѣмъ простой обычай или воспоминаніе старины. Но естественно, что подъ вліяніемъ новыхъ формъ общественной жизни, учрежденіе это все болѣе и болѣе вымираетъ, и недалеко то время, когда оно всецѣло перейдетъ въ область бытовой археологіи.

III.

О СТАРИННЫХЪ РУКОПИСЯХЪ ВЪ СИМБИРСКОЙ КАРАМЗИНСКОЙ БИБЛИОТЕКѢ.

И. Я. Христофорова.

(Читано въ засѣданіи 4 августа.—См. Протоколы, стр. LII).

По обзорѣнію старинныхъ грамотъ, хранящихся въ Симбирской Карамзинской библиотекѣ, на мою долю выпалъ не легкій трудъ. Все что я нашелъ въ Карамзинской библиотекѣ стариннаго по части письменности попало туда случайно отъ разныхъ лицъ, лежало въ одной смѣшанной грудѣ, которую мнѣ же пришлось разбирать, приводить въ порядокъ и составлять для всѣхъ рукописей каталогъ (*). Кто читалъ въ подлинникахъ рукописи XVI, XVII и XVIII ст., тотъ знаетъ, что это не легкій трудъ, который увеличивался еще тѣмъ, что среди массы разнородныхъ старинныхъ свитковъ приходилось не мало разбирать и читать такихъ, которые лишены всякаго научно-историческаго интереса.

Всѣ старинныя рукописи, которыя я нашелъ и прочиталъ въ Карамзинской библиотекѣ, можно раздѣлить на слѣдующіе отдѣлы:

1) Рукописныя сборники разнаго содержанія. Свѣдѣнія объ этихъ сборникахъ, вмѣстѣ съ ихъ каталогомъ, я уже имѣлъ честь представить предварительному комитету IV-го Археологическаго Съѣзда, на имя его предсѣдателя, П. Д. Шестакова. Изъ числа этихъ сборниковъ два хронографа привезены мною на нынѣшній съѣздъ.

(*) Въ этомъ каталогѣ, кромѣ записныхъ книгъ симбирскихъ воеводъ, означенныхъ въ настоящемъ рефератѣ на слѣд. страницѣ подъ № 2, находятся слѣдующія рукописи:

1) Сборникъ отъ казенныхъ записей на владѣніе землями въ Симбирскомъ, Курмышскомъ и Казанскомъ уѣздахъ, данныхъ въ Симбирской приказной избѣ Ивану Ѳедорову Кроткову и Ивану Алексѣеву Кроткову (1682—95 г.). Начало утрачено. Всѣхъ записей тринадцать, на 89 страницахъ, 4°.

2) Книги записныя всякимъ крѣпостямъ при симбирскихъ воеводахъ Степанѣ Аюнасьевичѣ Собакинѣ и Алексѣѣ Матвѣевичѣ Кравковѣ, обнимающія время съ 1689 г. по 1701 г. Это единственные документы, уцѣлѣвшіе послѣ извѣстнаго симбирскаго пожара, изъ воеводской приказной избы или палаты въ Симбирскѣ. Всѣхъ крѣпостныхъ актовъ въ этихъ книгахъ сохранилось 49. Большая

2) Сборникъ разныхъ статей. Начало и конецъ утрачены. Въ немъ помѣщены: 1) краткія біографіи російскихъ государей со Святополка Изяславича до Іоанна VI, 2) исторія разоренія града Іерусалима Титомъ, 3) исторія взятія Константинополя Турнами, списанная съ печатнаго изданія 176 года, 4) выписка изъ Степенной книги о посольствѣ Іоанна III къ кесарю Римскому Максимилиану, 5) хронологическая таблица съ обозначеніемъ событій изъ русской исторіи съ 1673 до 1725 г., 6) извѣстіе объ учрежденіи патриаршества въ Россіи, 7) географія европейскихъ государствъ, списанная съ печатнаго изданія 1761 г., 8) выписки изъ газетъ за 1737 годъ.

3) Соборное уложеніе царя Алексѣя Михайловича 7157 (1649) года. Съ *виньетками*; хорошо писано; въ кожаномъ переплетѣ, 252 стр., fol.

4) Сборникъ указовъ и законовъ, начиная съ уложенія царя Алексѣя Михайловича и кончая указами императрицы Анны Іоанновны. Начало утрачено; переплета нѣтъ; 465 страницъ, fol.

5) Сборникъ узаконеній, начиная съ царя Михаила Ѳеодоровича и кончая Петромъ Великимъ, относительно положенія крѣпостныхъ и бѣглыхъ крестьянъ въ Россіи. Въ кожаномъ переплетѣ, 157 стр., 4°.

6) Сборникъ печатныхъ и рукописныхъ указовъ императрицы Екатерины II. Въ кожаномъ переплетѣ; 1 томъ, 467 стр., fol.

7) Хронографъ премудраго Манасіи и Сивирія, епископа Гавальскаго, относится къ XVII ст. и обнимаетъ историческія событія, начиная отъ сотворенія міра и кончая царствованіемъ Михаила Ѳеодоровича. Замѣчательнъ тѣмъ, что въ немъ исторія славянскихъ государствъ излагается синхронистически съ исторіей Византіи и западно-европейскихъ государствъ. Въ кожаномъ переплетѣ; писанъ разными почерками; 321 стр., fol.

8) Оправдательная челобитная и письма къ разнымъ лицамъ боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева изъ Пустоозерскаго острога, гдѣ онъ находился въ ссылкѣ съ 7184 (1676) по 7190 (1682) годъ. Въ кожаномъ переплетѣ; хорошо списанъ; 128 стр., fol.

9) Исторія Россійская (Шафирова?) въ 7 книгахъ. Оканчивается царствованіемъ Петра Великаго. 1 томъ, 200 стр., 4°, въ пергам. переплетѣ.

10) Сборникъ, заключающій въ себѣ: а) лѣтописца Польскаго Александра Гвагнина (Гваньини) книги 7-й часть 4-ю, объ обычаяхъ царя и великаго князя Іоанна Васильевича Московскаго и всея Россіи (стр. 102—150) и б) книгу о житіи и дѣяніяхъ того же государя, написанную Андреемъ Курбскимъ, княземъ Ярославскимъ, съ приложеніемъ писемъ Курбскаго къ Іоанну Грозному и другимъ лицамъ (съ 151 стр.). Въ корешковомъ переплетѣ, 4°, 1 томъ.

11) Сборникъ, заключающій въ себѣ: а) исторію о разореніи св. града Іерусалима и б) исторію плѣненія славнаго Царяграда, иже Константинополь и новый Римъ нарицается. Въ пергаменномъ переплетѣ 107 стр., 4°.

часть этих документов имѣеть только мѣстный историческій интересъ. Изъ нихъ между прочимъ видно, что первыми помѣщиками Симбирской губерніи были пришельцы изъ разныхъ городовъ: изъ Костромы, изъ Верхне-Ломова, изъ Тулы, изъ Цывилъска, изъ Казани.

3) Дѣловыя бумаги частныхъ лицъ, писанныя на свиткахъ ббльшей или меньшей длины и переданныя въ Карамзинскую библіотеку разными лицами. Число этихъ свитковъ достигаетъ до 500; изъ нихъ 205 я успѣлъ прочитать и составить къ настоящему сѣзду ихъ каталогъ; остальные же остаются не разобранными. По времени всѣ эти свитки относятся къ XVII ст. и только небольшая часть къ первымъ годамъ XVIII ст. По содержанию же всѣ они самисобою распадаются на слѣдующія группы:

а) *челобитныя* государямъ разныхъ служилыхъ людей о пожалованіи землею или за службу, или по случаю смерти ихъ родственниковъ на прожитокъ и кормленіе, или потому, что земли лежали порожними; б) *грамоты государей*

12) Книга, нарицаемая Космографія, сирѣчь всемирное описаніе земель. По содержанию своему имѣеть характеръ не столько описательный, сколько полемическій и обличительный. Въ началѣ этой книги помѣщены: а) краткое извлеченіе изъ какого-то хронографа о происхожденіи морей и рѣкъ съ краткимъ перечнемъ разныхъ земель и государствъ, б) краткое извѣстіе о Христовщинѣ (Хлыстовской ереси) и с) пѣснь на измѣнника проклятаго Мазепу, написанная syllabicескими вршами. Писано изящно и съ виньетками; 1 томъ въ кожаномъ переплетѣ, 187 стр., fol.

13) Земноводнаго круга краткое описаніе. Изъ старыя и новыя географіи, по вопросамъ и отвѣтамъ чрезъ Ягана Гибнера собранное и на нѣмецкомъ діалектѣ въ Лейпцигѣ напечатанное, а нынѣ повелѣніемъ Вел. Гос. Царя и Вел. Кн. Петра Перваго, Всероссийскаго Императора, на російскомъ подлинная напечатана въ Москвѣ 1719 года. А списывалъ оную лейб-гвардіи Преображенскаго полку солдатъ Мих. Фед. сынъ Назарьевъ въ С.-Петербургѣ съ печатной географіи своею рукою, декабря 22 дня 1735 года. 1 томъ, 245 стр., 4°. При этой книгѣ находится карта Палестины, черченая отъ руки, и изображеніе Европы въ видѣ царственной жены.

14) Политическія и нравоучительныя фабулы Пильпая, философа Индейскаго, или поведеніе знатныхъ и малыхъ людей. Переведены въ 1741 г. шляхетскаго кадетскаго корпуса сержантомъ Степаномъ Решетовымъ. 1 томъ въ 2-хъ част., 100 стр., 4°.

15) Собраніе арабскхъ сказокъ «Тысяча и одна ночь». Томъ 6-й (съ 211 ночи по 234). Рукопись XVIII ст. Въ бумажномъ, обложенномъ пергаменомъ, переплетѣ, 4°.

Въ письмѣ къ П. Д. Шестакову отъ 24 декабря 1876 г. И. Я. Христофоровъ обращаетъ особое вниманіе предварительнаго комитета на хронографъ и космографію, помѣщенные въ вышеприведенномъ каталогѣ подъ №№ 7 и 12. Полнѣе и лучше рукописей такого содержания г. Христофоровъ не видѣлъ и въ Соловецкой библіотекѣ, хранящейся въ Казанской духовной академіи и вѣвѣстной богатою коллекціею старинныхъ славяно-русскихъ рукописей. Эти двѣ рукописи были предстарлены И. Я. Христофоровымъ на разсмотрѣніе IV Археологическаго Сѣзда.—*Ред.*

къ воеводамъ по этимъ челобитнымъ съ наказами изслѣдовать эти земли и отписать на Москву, чтобы удовлетворить просителя; с) *выписи* изъ писцовыхъ, обыскныхъ и обѣльныхъ книгъ, изъ приправочныхъ, строемныхъ и переписныхъ книгъ на владѣніе землями и крестьянами, въ случаѣ утраты прежнихъ актовъ; d) *сказки* въ приказныхъ избахъ предъ воеводами и дьяками при изслѣдованіи тяжёбныхъ дѣлъ; е) *записи*: поступныя, закладныя, рядныя, мѣновыя, оброчныя и кабальныя и наконецъ f) *купчія* крѣпости, *памяти*, *отписи* и другіе мелкіе сдѣлочные акты между частными лицами (*).

(*) Нѣкоторыя изъ «дѣловыхъ бумигъ» подробнѣе чѣмъ въ текстѣ реферата перечислены И. Я. Христофоровымъ въ сообщеніи предварительному комитету IV Археологическаго Съезда, отъ 24 декабря 1876 г. Поэтому редакция считаетъ полезнымъ привести это перечисленіе:

1) Памятная отпись Михаила Кашкадамова Ѳедору Зеленому въ полученіи приданого (7205—1697 г.).

2) Сказка Толстова о межеваніи земли между властями Чудова монастыря и княземъ Волконскимъ.

3) Сдѣлочная запись на отысканіе и полученіе бѣглыхъ крестьянъ (7204—1696 г.). На этомъ же свиткѣ поступная запись въ бѣглыхъ принятыхъ крестьянахъ и замѣнѣ ихъ своими.

4) Челобитная великому господину, святѣйшему Іоакиму, патріарху Московскому и всея Россіи, о бѣглыхъ крестьянахъ, уступленныхъ его стряпчимъ, Матвѣемъ Кувшинниковымъ, Михайлу Олексину (7190—1682 г.).

• 5) Мѣновая запись, данная новокрещеномъ Алексѣемъ Ивановымъ сыномъ Мустоѣинымъ стольнику Ивану Андрееву сыну Толстому, на земли, доставшіяся первому послѣ дяди его Арзамаса Досмамета Мурзы Невѣрова сына Мустоѣина, въ Алатырскомъ уѣздѣ.

6) Запись Казанца Ѳедора Зеленова (7196—1688 г.), данная имъ на Москвѣ ясашинымъ Татарамъ деревни Сюдюковой, Свияжскаго уѣзда, на уступку *дикаю* поля, которое онъ отнялъ у нихъ прежде съ причиненіемъ имъ *бою*, *увѣчья*, *раззоренья* и *грабежа*, за которые Татары обязывались не искать съ него.

7) Запись (7189—1681 г.) казанскихъ князей Степана да Якима Асановыхъ, данная Ѳедору Зеленому на владѣніе на лѣвомъ берегу Волги, между Краснымъ яромъ и Мавнскимъ устьемъ, сѣвными покосами, рыбными ловлями, *боброчными юнами* и бортными ухажами. Эти земли отняты были у Асановыхъ двоюроднымъ ихъ братомъ, княземъ Петромъ Асановымъ, который, зазвавъ ихъ къ себѣ на дворъ, напоилъ пьяными и велѣлъ подписать запись, составленную, *мимо площадныхъ подъячихъ*, казанскихъ конныхъ стрѣльцовъ сотеннымъ подъячимъ; а теперь они продали эти земли Ѳ. Зеленому съ обязательствомъ заплатить 500 рублей въ случаѣ неустойки. Оба князя Асановы были безграмотны, и, по ихъ просьбѣ, руки приложены за нихъ другими.

8) Выпись съ отказныхъ и со владѣльныхъ книгъ, данная по указу царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и благовѣрныя царевны и великіе княжны Софіи Алексѣевны (7197—1689 г.) Ѳедору Зеленому на возвращеніе бѣглыхъ крестьянъ, поселившихся въ селѣ Ундорахъ, Воскресенское тожъ.

Кромѣ рукописей Карамзинской бібліотеки, мнѣ удалось еще прочитать слѣдующіе документы изъ архива г. управляющаго Симбирскою удѣльною конторою, Ар. Ө. Бѣлокрысенко:

1) Книгу поземельныхъ актовъ Алаторской приказной избы, въ 296 страницъ, fol. Для исторіи Мордвы, жившей въ XVII ст. въ предѣлахъ нынѣшней Симбирской губерніи, книга эта заключаетъ въ себѣ много весьма важныхъ указаній,

2) Окладную опись ясакомъ пришлыхъ русскихъ людей на покинутыя мордовскія земли, въ 177 страницъ fol., и наконецъ—

3) 22 свитка, касающіеся также поземельныхъ владѣній Мордвы. (Кромѣ этихъ у г. Бѣлокрысенко находятся еще до 200 свитковъ).

Всѣ эти историческіе документы касаются большею частію Симбирской губерніи въ нынѣшнемъ ея составѣ и только немногіе изъ нихъ указываютъ на сопредѣльные съ Симбирской губерніей уѣзды Казанской, Нижегородской и Пензенской губерній. Послѣ чтенія всего этого разнообразнаго историческаго матеріала получаютъ для исторіи этого края слѣдующіе общіе результаты:

1) Колонизація Русскими центральныхъ уѣздовъ Симбирской губерніи по Свіягѣ и Сурѣ началась не ранѣе XVII ст. и кончилась не ранѣе первой четверти XVIII ст. Это видно изъ того, что первыя писцовыя книги Алатырскаго уѣзда, составленныя Дмитріемъ Юрьевичемъ Пущечниковымъ и подъячимъ Аео-насіемъ Костяковымъ, явились только при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 1628 г. Ранѣе этого времени встрѣчаются лишь приправочныя книги Г н ѣ в а ш а Н о р о в а, 7192 (1614) года, на которыя въ разныхъ документахъ попадаются лишь ссылки. Самый Симбирскъ основанъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1648 г. и тогда появились *строеныя книги* по городу Симбирску и его уѣзду перваго симбирскаго воеводы, Ивана Камынина. Бѣгство Мордвы съ старинныхъ своихъ земель и наплывъ русскихъ бѣглыхъ людей на покинутыя мордовскія земли и угодыя тянутся, какъ видно изъ грамотъ, чрезъ все XVII ст. и не прекращаются даже во все царствованіе Петра Великаго.

2) Изъ всѣхъ грамотъ, которыя касаются поземельныхъ владѣній этого края, видно, что пространство между Волгой и Свіягой съ одной стороны и Свіягой и Сурой съ другой—въ предѣлахъ нынѣшней Симбирской губерніи, было покрыто густыми липовыми и дубовыми рощами и хвойными лѣсами или, какъ вы-

Кромѣ того, въ Карамзинской бібліотекѣ хранится пять печатныхъ жалованныхъ грамотъ царевны Софіи Алексѣевны, данныхъ разнымъ лицамъ на владѣніе землями и помѣстьями. Грамоты эти весьма хорошо сохранились: печати на нихъ всѣ цѣлы.

ражаются грамоты, *брезеннымъ* лѣсомъ, среди которыхъ въ разныхъ мѣстахъ встрѣчались луговья пространства большей или меньшей величины, называвшіяся по этому *полянами* и *полянками*. Изъ этихъ полянъ, каждая имѣла свое названіе, какъ напр. поляна—*Азартердя*, полянка—*Рокшазонда*, *Ява* и т. п. Все это пространство, кромѣ главныхъ рѣкъ и ихъ притоковъ, сохранившихъ и доселѣ свое названіе, было изрѣзано множествомъ побочныхъ рѣчекъ и ручьевъ, которые также имѣли свои названія, какъ напр. рѣчки: *Ичикса*, *Печкорма*, *Колмалея*, *Бердѣй*, *Ранлѣй*, *Нуя*, *Куря* и т. д. Многие изъ этихъ рѣчекъ и ручьевъ или утратили свое старинное названіе, или съ уничтоженіемъ лѣсовъ и совсѣмъ исчезли и превратились въ сухіе овраги. Среди этой лѣсистой и хорошо орошаемой мѣстности было множество пчельниковъ, которые въ грамотахъ называются *бортные ужожи*. Каждый изъ этихъ бортныхъ ужожаевъ носилъ свое названіе, какъ напр. *Кимжеманской*, *Велдямесинской*, *Бошацкой*, *Миренской*, *Каргашинской* и т. п. Каждый изъ нихъ имѣлъ свой знакъ или знамя, какъ напр. *дугу*, на верху которой изображались заячьи уши, *кругъ*, въ срединѣ котораго вырѣзывались четыре или пять глазъ и т. п. Какіе здѣсь водились звѣри и птицы—это очень наглядно представлено въ одной челобитной, которую въ 1658 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, подали въ Алатырѣ воеводѣ и князю Ив. Ив. Щетинину крестьяне села Иванкова, принадлежавшаго въ то время князю Григорью Даниловичу Долгорукому. Въ этой челобитной между прочимъ говорится: „Се язь служилой мордовской мурза Сайгановъ Башатовъ, Саранскаго уѣзду, деревни Иванковы, продалъ (означеннымъ крестьянамъ) вотчину свою *Веткибуланской* засурской бортной ужожей, а взялъ я за ту свою вотчину полтора рубли пять алтынъ денегъ. А та моя Сайганова вотчина прежь сего была Кемая Мурзы Сычеева; а въ той вотчинѣ моей Сайганова знамя четыре глаза :: а въ другой знамя пять глазъ ::::. А продалъ я, Сайгановъ, тое свою вотчину со всякими угоды, съ дѣльнымъ и не съ дѣльнымъ деревьемъ, со пнемъ и лежачею колодою, и съ звѣремъ: съ лосемъ, и съ волкомъ, и съ медвѣдемъ, и съ куницею, и со птицею, и съ лисицею, и съ лосинымъ и съ козинымъ станами, и со всякимъ звѣремъ и со птицею: съ совою, съ сычемъ, съ орловымъ и съ ястребовымъ гнездомъ и со всякими птицы“ (*). Въ другихъ грамотахъ часто встрѣчаются указанія на рыбныя ловли и *бобровыя гоны* какъ по Волгѣ, такъ и по Сурѣ съ ихъ притоками и источными озерами. Такъ въ записяхъ и купчихъ, данныхъ казанскими князьями Асановыми разнымъ лицамъ, не рѣдко повторяется: „Въ прошлыхъ годѣхъ дана вотчина прадѣду, и дѣду, и отцу нашему въ Казанскомъ уѣздѣ, за

(*) Книга Алатыр. приказной избы. № 5.

Камою рѣкою бортные ухожен, и бобровые гоны и рыбные ловли по Волгѣ рѣкѣ, на Нагайской сторонѣ, по Самарской дорогѣ, *Алтыбаевской* лугъ по рѣчкѣ по Уренѣ... а по Волгѣ рѣкѣ на низъ отъ Маинскаго устья нижняя межа по Красной Ярѣ, повыше Синбирскаго городища, а верхняя межа ниже Самарскіе дороги по Маинское устье“ (). Это было писано въ 1697 году, а въ настоящее время и представить нельзя, чтобы въ этихъ мѣстахъ когда-нибудь водились бобры.

3. Первобытными жителями лѣсистой равнины, по которой протекаютъ Свѣга и Сура, по актамъ XVII ст. были Буртасы, Мордва и Чуваши. Татары и Русскіе являются здѣсь позднѣйшими пришельцами.

Къ сожалѣнію, какъ въ актахъ Алатырской приказной избы, такъ и въ отдѣльныхъ грамотахъ мнѣ встрѣтились только косвенныя, отрывочныя указанія на Буртасовъ. Изъ этихъ указаній можно признать несомнѣннымъ только то, что въ нынѣшнихъ уѣздахъ Симбирской губерніи, Алатырскомъ и Ардатовскомъ, въ XVII ст. жили еще по рѣкѣ Сурѣ и ея притокамъ, среди Татаръ и Мордвы, Буртасы, которыхъ въ началѣ этого столѣтія было здѣсь больше, а къ концу столѣтія уже вовсе не встрѣчается. Такъ въ деревнѣ Нагаевѣ, по приправочнымъ книгамъ Гнѣваша Норова, въ 1614 г. было 42 двора буртасскихъ, а черезъ 10 лѣтъ, по писцовымъ книгамъ Дмитрія Пупечникова 1624 г., ихъ осталось только 17 дворовъ; а въ концѣ столѣтія ихъ вовсе уже не было (*). Здѣсь же упоминаются вотчины буртасскія, говорится о буртасской дорогѣ, которая позднѣе называется Нагайскою. Земли Буртасовъ ясно отличаются отъ мордовскихъ. Такъ въ описаніи одной межи говорится: „Отъ лѣсу суходоломъ до рѣчки до Кселмы правая сторона буртасовская деревни Нагаевы, а лѣвая сторона земля мордовская деревни *Поводиловой*“. Сами Буртасы въ этихъ актахъ называются то просто *Буртасами*, то *буртасскими носопными* (?) *Татарами* (*). Но что это былъ за народъ, къ какому племени принадлежалъ и куда потомъ дѣлся?—прочитанные мною документы не указываютъ, а потому я и предоставляю рѣшеніе этихъ вопросовъ будущему времени, а самъ перехожу къ Мордвѣ.

Мордва, какъ видно изъ грамотъ, занимала луговые пространства, находившіяся между дубовыми и липовыми рощами и промышляла преимущественно пчеловодствомъ, земледѣліемъ и скотоводствомъ. Чуваши жили въ болѣе глухихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ и занимались болѣе скотоводствомъ и звѣроловствомъ.

(*) Грам. Карамзин. библиот., № 29.

(*) Книга Алат. прик. избы, №№ 11 и 77.

(*) Грамоты Бѣлокрасенко, №№ 6, 11, 13 и 20.

Kazan Devlet Ped. Institutu
Tatar Tili hem Ədəbiyyatı
ŞİFETİ
3029

Мордва жила общинами въ селахъ и деревняхъ, по которымъ и носила свое названіе. Такъ Мордва, жившая въ деревнѣ *Кулясовъ*, называлась *Кулясовская*, въ *Кечушевѣ*—*Кечушевская*, въ Момадышахъ—*Момадышевская*, въ Отяшевѣ—*Отяшевская*, въ Кирзяти *Кирзятская* и т. д. У этихъ общинъ были свои князья, которымъ они платили дань или ясакъ, перешедшій съ покореніемъ страны къ русскимъ государямъ. Такъ напр. Мордва деревни *Дубьнокъ*, вмѣстѣ съ другими податями царю Михаилу Теодоровичу, должна была платить и князь-Колунзинской ясакъ, т. е. ясакъ, платившійся прежде князю *Колунзю*.

Земли и разныя угодья находились у нихъ въ общинномъ владѣніи и границы ихъ отъ притязаній сосѣда обыкновенно защищались цѣлою общиною, хотя при этомъ отдѣльныя лица изъ общины имѣли и свои частныя вотчинныя участки. Высшую областную единицу мордовскихъ общинъ, жившихъ въ селахъ и деревняхъ, составляли по актамъ XVII ст. такъ называемые „*бляки*“, въ составъ которыхъ входило нѣсколько сосѣднихъ селъ и деревень. Поэтому въ справкахъ изъ писцовыхъ книгъ мордовскія деревни обыкновенно опредѣляются такъ: „деревня *Налетева*, а *Малая Морга*, тожь на рѣкѣ на *Чеберчинкѣ*, *Алышевскаго бляка*“, или „деревня *Нагаева*, *Чултаново* тожь, на рѣчкѣ на *Чучермѣ*, *Вильдюшевскаго бляка*“⁽¹⁾. Такихъ *бляковъ* въ книгѣ Алатырской приказной избы встрѣчается много, какъ напр. *Дебердеевской блякѣ*, *Кержацкой блякѣ* и т. д. Такимъ образомъ отсюда, кажется, ясно видно, что подъ именемъ *бляковъ* нужно разумѣть не племя какое-нибудь, какъ ошибочно представлялъ Кеппенъ (См. 37-й вопросъ изъ предложен. къ обсужд. на Съѣздѣ), а мѣстное областное названіе нѣсколькихъ мордовскихъ или, вообще инородческихъ селъ и деревень, въ родѣ теперешнихъ волостей.

О поземельныхъ владѣніяхъ Чувашъ, жившихъ въ предѣлахъ нынѣшней Симбирской губерніи, мнѣ встрѣтилось не много грамотъ. Замѣчательно, что въ цѣломъ сборникѣ актовъ Алатырской приказной избы, касающихся почти во всемъ своемъ составѣ поземельныхъ владѣній Мордвы, нѣтъ ни одного акта, который бы относился къ поземельнымъ владѣніямъ Чувашъ. Многіе акты этого сборника ясно говорятъ о юридической, а иногда и о рукопашной борьбѣ Мордвы за свои старинныя земли, между тѣмъ какъ о Чувашахъ упоминаютъ только вскользь, какъ напр. о сосѣдяхъ по межамъ и то рѣдко. О положеніи Чувашъ въ XVII ст. мнѣ встрѣтилось слѣдующее извѣстіе въ челобитной симбирскихъ помѣщиковъ, братьевъ Кроткихъ или Кротковыхъ, поданной на имя царя Теодора Алексѣевича въ 1681 году. Въ этой челобитной между прочимъ говорится, что по обѣ сторо-

⁽¹⁾ Книга Алатыр. приказ избы, № 77.

ны рѣчки *Тукишума*, въ Симбирскомъ уѣздѣ, поселились безъ указа великаго государя и безъ отводу *служилые Чуваша*, отборнаго полку солдаты Янтуганка Атузановъ да Сабайко Москаевъ съ товарищи, всего 20 человекъ. Когда съ этой земли, которую просили себѣ Кротковы, служилымъ Чувашамъ велѣно были сойти, они стали просить отвести имъ земли противъ ихъ братіи служилыхъ солдатъ изъ порозжей земли по рѣкѣ *Теренгулу*, по обѣ стороны до устья, но и въ этой землѣ получили отказъ, такъ какъ ее также просили себѣ Кротковы, которымъ она и была отдана (').

Татары являются здѣсь уже позднѣйшими пришельцами, и въ актахъ XVII ст. поселенія ихъ нерѣдко упоминаются въ сосѣдствѣ мордовскихъ и чувашскихъ деревень. Есть также указанія на набѣги *нагайскихъ* Татаръ на мордовскія деревни изъ-за Волги. Такъ въ 1620 году Мордвины Алаторскаго уѣзда, Караалко Учунзинъ да *Тинялко* Андосевъ съ товарищи, подали челобитную царю Михаилу Ѳеодоровичу о выдачѣ имъ новой выписи на владѣніе землю, въ которой написано: „Прежде сего жили мы въ *Алаторскомъ* уѣздѣ на *Алтышевъ* полянѣ и съ *Алтышевы* поляны перешли-было жить въ *Алаторской* же уѣздѣ въ деревню *Алову* и въ прошломъ 120 (1612) году, какъ приходили въ *Алаторской* уѣздѣ воинскіе Нагайскіе люди и у насъ въ той деревнѣ *Аловѣ* жены и дѣти и животы поймали, и мы, бояся впредь отъ Нагайскихъ людей разоренья, сошли жить на ту *Алтышеву* поляну и нынѣ намъ этою поляною владѣть не по чему, потому что выпись въ приходѣ Нагайскихъ людей утерялась и государь пожаловалъ бы насъ, велѣлъ намъ дать на тое поляну выпись“ (').

4. Первыми русскими колонизаторами нынѣшней Симбирской губерніи были казаки и бѣглые крестьяне, а за ними уже, для введенія московскихъ государственныхъ порядковъ, являются *разные служилые люди*: воеводы съ товарищами, дьяки, подъячіе, писцы и переписчики. Что порядокъ колонизаціи былъ дѣйствительно такой, на это есть указанія во многихъ изъ прочитанныхъ мною актовъ. Изъ этихъ актовъ видно, что всѣ ближайшія къ Симбирску русскія села и деревни были въ XVII ст. *казачьими слободами*. О поселеніи казаковъ въ другихъ уѣздахъ есть также не мало указаній. Такъ въ 1637 году Мордвины деревни *Пичевели*, Алатрыскаго уѣзда, Нушталко Копасовъ съ товарищи въ челобитной царю Михаилу Ѳеодоровичу писали, что „они Мордва изстари жили въ тяглѣ той деревни *Пичевели*, а пашни-де было за ними въ дачахъ три выти и *какъ-де* *почали быть близко ихъ* (казацкіе) *застѣчные головы* и всякіе государевы *слу-*

1) Грам. Карама. библ.

2) Книга Алатор. приказ. избы, № 103.

жилые люди тому осмой годъ и та де ихъ деревня заустѣла отъ обидъ и нало- ги, и дана была имъ отъ обидъ ратныхъ людей земля на *Ушть* на *Лукути* и тутъ-де на засѣкѣ почали жить безпрестанно засѣчные головы и имъ Мордвѣ чинять налогъ и обиду великую и та де ихъ деревня *Пичевель* на *Ушть* на *Лукути* заустѣла, а они-де Мордва отъ ихъ насильства и отъ обиды разбрелись врознь и живутъ по разнымъ деревнямъ“ (¹). Въ 1640 году Мордвины Алаторскаго уѣзда, *выставки* изъ деревни *Тетиневской* *Кашиурскаго бѣляка*, Алтышко Апковъ съ товарищи, также били челомъ, что ихъ Мордву въ пашнѣ и сѣнныхъ покосахъ обидятъ *Барышскіе станишныя казаки* и просили имъ выдать выпись на землю, которою они владѣли изстари (²).

Отъ притѣсненій и обидъ казацкихъ Мордва оставляла свои жилища и земли не только отдѣльными семьями, но и цѣлыми деревнями и бѣжала въ разныя стороны. Оставленныя мордовскія земли и жилища занимаютъ *бѣглые русскіе люди*, а потомъ помѣщичьи крестьяне. Такъ изъ тяжбнаго дѣла Мордвы деревень: *Вельмисева* починка, *Кирзяти*, *Морги* и *Сазнины* съ стольниками Михаиломъ да Ѳедоромъ Плещеевыми въ 1668 г. видно, что прадѣды, и дѣды, и отцы ихъ владѣли въ означенныхъ деревняхъ, по писцовымъ книгамъ Дмитрія Пушечникова 1626 г., лѣсами и рыбными ловлями, и бобровыми гонами и сѣнными покосами; а Плещеевы въ 1668 г. завладѣли насильствомъ своимъ ихъ верховымъ оброчнымъ лѣсомъ *вляземъ помроі* (?) и прочимъ угодемъ и завели въ тѣхъ ихъ дачахъ *будныя* (?) два стана и на тѣхъ будныхъ станахъ дѣльныя со пчелами и недѣльныя деревья вырубил и сѣнными многими покосы, и озерами, и *глушицами* (?) завладѣли; а крестьяне Плещеевыхъ мордовскіе пчельники выжгли и стали тутъ драть лыко и жечь золу. Для изслѣдованія этой тяжбы посланъ былъ въ 1669 г. изъ Приказа тайныхъ дѣлъ Артемій Ивановичъ Агибаловъ да подъячій Алексѣй Ерофеевъ, которые, пріѣхавъ на *Алаторь* и взявъ у воеводы Хрущева подъячихъ и посадскихъ людей, и стрѣльцовъ, и казаковъ, и пушкарей, и затинщиковъ, старожилловъ и уѣздныхъ людей: поповъ, и старостъ, и цѣловальниковъ, и крестьянъ, и Мордву, многихъ стороннихъ людей,—поѣхали въ тѣ мордовскія деревни и нашли въ нихъ много дворовъ пустыхъ, такъ что въ одной деревнѣ *Кирзяти* въ 1628 г. было 25 мордовскихъ дворовъ, а въ 1649 г. 19 дворовъ изъ нихъ уже выбѣжали и записались по новымъ городамъ: по *Атемару*, по *Корсуну* и по *Симбирску*; на мѣсто же выбывшихъ прибыло 9 дворовъ бѣглыхъ русскихъ людей въ 1669 г. Изслѣдовавъ дѣло, Агибаловъ, чтобы дать

(¹) Книга Алатор. прик. избы, № 20.

(²) Ibid.

Мордвѣ оборону, велѣлъ четверыхъ плещеевскихъ крестьянъ бить при многихъ людяхъ на козлѣ кнутомъ за то ихъ воровство и заплатить Мордвѣ 60 руб. денегъ, а Мордвѣ вотчинными полянками владѣть по прежнему⁽¹⁾.

Какъ великъ былъ въ XVII ст. наплывъ бѣглыхъ русскихъ людей на мордовскія земли, показываетъ ясно „Окладная книга ясакомъ пришлыхъ русскихъ людей на покидныхъ мордовскихъ земляхъ“, составленная въ 1705 году. Въ этой книгѣ записаны по порядку 24 мордовскихъ деревни, оставленныя жителями только въ двухъ уѣздахъ Симбирской губерніи: въ *Алаторскомъ* и *Ардатовскомъ*. Въ этихъ деревняхъ было насчитано 1485 дворовъ, въ которые набралось къ началу XVIII ст. бѣглыхъ русскихъ людей мужеска и женска полу 3,479 человекъ, которые всѣ, не исключая и женщинъ, обложены были ясакомъ, по полтинѣ съ души. Въ деревнѣ *Сырпеевъ*, по окладной книгѣ ясакомъ было 90 дворовъ занятыхъ Русскими. Изъ нихъ, по переписнымъ книгамъ князя Василья Путятина, въ 1688 оставалось только четыре двора мордовскихъ, но въ слѣдующихъ годахъ и изъ этихъ дворовъ *Мордва отъ скудости бѣжали всѣ безъ остатку*, такъ что въ 1698 г. Петръ Великій послалъ указъ земскимъ бурмистрамъ дворцовыхъ алаторскихъ сель, въ которомъ повелѣвалъ *бѣглую Мордву сыскивать* въ разныхъ понизовыхъ городахъ, высылать въ *Алаторскій* уѣздъ, отдавать прикащикамъ, которымъ велѣно ихъ принимать и селить на прежніе ихъ тяглые жеребьи. Но четыре двора Сырпеевской Мордвы, услышавъ государевъ указъ, сами пришли на старыя мѣста⁽²⁾.

5. Вслѣдъ за казаками и бѣглыми крестьянами устремляются къ захвату земель въ Симбирской губерніи разные *служилые* или *приказные* русскіе люди и начинаютъ здѣсь юридическую борьбу въ московскихъ приказахъ и мѣстныхъ воеводскихъ избахъ, съ одной стороны съ инородцами, съ другой—съ казаками за владѣніе землею, которую они въ своихъ челобитныхъ обыкновенно объявляютъ *пустопорожнею*. Чтобы видѣть, какъ происходила эта борьба, я считаю умѣстнымъ сдѣлать нѣсколько выдержекъ изъ прочитанныхъ мною актовъ. При царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ завязалось тяжёлое дѣло о помѣстной землѣ Алаторца Кузьмы Гречина съ Мордвинами деревни *Коласевы*—Туушкой Лопасевымъ съ товарищи. Та и другая сторона подали челобитныя и представили записи на владѣніе одною и тою же землею. Разслѣдовать дѣло поручено было алаторскому воеводѣ Венедикту Сухотину (1643 г.), „пославъ на спорную землю кто пригожъ и кого бы на такое дѣло стало“. По изслѣдованію оказалось, что Кузьма

⁽¹⁾ Книга Алатор. прик. избы, № 9.

⁽²⁾ Ibid., № 100.

Гречинъ неправильно завладѣлъ мордовскою землею, *ложно объявивъ ее порозжею* и поэтому его крестьянъ велѣно было сослать съ этой земли. Но Гречинъ и его крестьяне не захотѣли идти съ земли и подали новую челобитную. Тогда предписано было алаторскому воеводѣ Алексѣю Тереньгевичу Чубарову произвести новое изслѣдованіе и Мордвѣ велѣть по прежнему указу владѣть землею, а алаторскаго помѣщика Кузьму Гречина и его крестьянъ съ той земли сослать, „а *буде онъ Кузьма, или люди его и крестьяне по прежнему учинятца сильны и царскаго указу не послушаютъ, и съ земли не очистятъ, и тѣхъ Кузьминыхъ людей и крестьянъ сослать въ неволю, а за ослушаніе велѣть ихъ прислать на Алаторь и посадить ихъ на время въ тюрьму насколько пригоже, чтобъ впредь въ той землѣ у нихъ съ Мордвою никакого спору не было*“ (¹).

При царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ Казанецъ Θεодоръ Зеленой выпросилъ себѣ *на оброкъ* луга, которыми прежде пользовались ясашные Чуваши деревни *Сюлдюковы*, Свіяжскаго уѣзда, объявивъ ихъ *порозжими*. Чуваши этой деревни, Арсланко Сюлдюковъ да Юрка Семибратовъ съ товарищи начали чинить Зеленому многія обиды: коровъ и всякую скотину красть и свиней на своей землѣ бить до смерти, а въ 1680 г. они жъ Арсланка да Юрка съ товарищи *прѣхали на его оброшную землю съ луками* и землю попахали и посѣяли десятинь съ двадцать, а къ суду въ Казань не ѣдутъ. Поэтому Ѳ. Зеленой подалъ челобитную, въ которой просилъ великаго государя его пожаловать велѣть на тое Чувашу въ обидахъ и въ налогахъ и въ ихъ воровствѣ дать судъ въ Казани; вслѣдствіе этого суда Зеленому и дана была грамота на владѣніе тѣми лугами, за помѣтою дьяка Василья Посникова и за справою подъячаго Ивана Козлянинова (²).

Въ 1682 году симбирской помѣщикъ Иванъ Кротковъ просилъ отдать ему сѣнные покосы, принадлежавшіе казакамъ *Карлинской* слободы, называвшейся прежде *Кураловымъ городкомъ*, объявивъ эти покосы порозжими и въ помѣстье, и въ вотчину, и на оброкъ никому не отданными. Хотя по справкѣ въ приказѣ Казанскаго Дворца въ симбирскихъ строемныхъ книгахъ 157 и 158 г. (1649 и 1650 г.) стольника и воеводы Ивана Камынина и значилось: „въ Симбирскомъ уѣздѣ отмѣряно на пашню земли Куралова городка карлинскимъ переведеннымъ коннымъ казакамъ сту человекатъ: дву-петидесятникомъ, осмидесятникомъ, девяносто рядовымъ, двѣ тысячи сто двадесять четей въ полѣ, а въ дву потомужъ, да имъ же дано сѣнныхъ покосовъ по Свіягѣ рѣкѣ противу ихъ братій *Лебяжскай* слободы конныхъ казаковъ“,—однакожъ, по указу царя Θεодора Алексѣевича и

(¹) Книга Алатор. прик. избв. № 60.

(²) Грам. Карамз. библ., № 22.

по наказной памяти стольника и симбирскаго воеводы князя Якова Ѳедоровича Долгорукова у кураловскихъ казаковъ ихъ старыя сѣнные покосы велѣно отобрать и отдать Ивану Кроткову по старымъ межамъ и гранямъ, а имъ отвести новыя (*).

Изъ тяжёбнаго дѣла Преображенскаго полка бомбардира Артемья Разстригина съ Мордвинами Алаторскаго уѣзда, села *Дмитровскаго*, *Собаченки* тожъ, о помѣстной землѣ видно, что инородцы, заручившись документами на владѣніе землею, не всегда спокойно подчинялись новымъ воеводскимъ распоряженіямъ и силою отстаивали свои права. Такъ, когда изъ Саранска посланы были дворянинъ и подъячей повѣрить ихъ межи на спорной землѣ. то ясапная Мордва деревни Собаченокъ, „собрався многолюдствомъ съ рогатины и съ саадаки и съ дубьемъ, ихъ не пустили и изъ луковъ по нимъ стрѣляли и крестьянъ Артемья Разстригина дубьемъ били и трехъ человекъ изъ луковъ подстрѣлили, а четвертаго отвезли къ себѣ въ деревню, и той земли по урочищамъ досматривать, и описывать и чертежу чинить не дали“... А послѣ того тѣ же ясапные крестьяне въ 1700 г. мостъ въ Саранскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ *Оторленкѣ* изрубили и землю крестьянъ Разстригина завладѣли и сѣно воровски свозили, а у допросу въ Саранскѣ отговаривались, что они владѣютъ тою землею по памяти, данной имъ отъ Ивана Сухова (*).

Какъ воеводы дѣйствовали иногда при размежеваніи земель между Мордвою и казаками съ одной стороны и русскими помѣщиками съ другой, видно изъ тяжёбнаго дѣла, возникшаго въ 1703 году у вдовы Григорья Петрова сына Годунова, Марѣы Годуновой, и у Мордвинъ Алатырскаго уѣзда, дворцовой волости, деревень *Низовки* и *Кученяевки*, Паксеванки Кечаева и Планки Бочарова съ алаторскимъ же помѣщикомъ Степаномъ Зимницкимъ. По челобитнымъ тяжущихся прислана была на Алаторь великаго государя грамота къ стольнику и воеводѣ Осипу Кафтыреву и велѣно было ему „на спорную землю ѣхать самому или послать отъ себя изъ дворянъ кто пригожъ, и о межеванъѣ ихъ земли учинить по указу великаго государя и по писцовому наказу и о томъ велѣно писать и межевыя книги прислать, а вмѣстѣ съ этимъ Степанову дачу въ селѣ Зимницахъ отъ казачьихъ и отъ стрѣлецкихъ дачъ отмежевать“. Мордва деревень *Низовки* и *Кученяевки* провѣдала, что Степанъ Зимницкій съ товарищи закупилъ и уговорилъ воеводу Осипа Кафтырева отдать ему ихъ мордовскую старую дачу, тяглую землю. И вотъ, когда сдѣлалось извѣстно, что воевода выѣхалъ изъ го-

(*) Книга Симбир. приказн. избв. № 3.

(*) Книга Алатырскаго прик. избв. № 56.

рода, то Мордва означенныхъ деревень вышла на свое мордовское поле, чтобы защищать его силою. Когда воевода Осипъ Кафтыревъ узналъ объ этомъ, „то собрався великимъ собраніемъ и многолюдствомъ, со многими служидыми людьми, и съ понятыми, съ ружьемъ и съ пушки, а Степанъ Зимницкій съ товарищи и многолюдствомъ же, съ людьми своими и со крестьяны съ ружьемъ, и съ копыи, и съ бердыши. и съ рогатины, и съ пищали, и съ луки, пріѣхали въ ихъ мордовскую волость на тѣ земли деревни Низовки да деревни Кученяевки и воевода велѣлъ по нимъ Мордвѣ изъ мелкаго ружья и изъ пушекъ стрѣлять и трехъ человекъ изъ деревни Кученяевки изъ пушекъ побилъ до смерти, а именно: Оску Базарина, Ивашку Болдина и Тезянку Савтакова, и тѣ мертвые тѣла пропали безъ вѣсти. А Степанъ Зимницкій съ товарищи и съ людьми и со крестьяны гнали за ними Мордвою до вышесписанныхъ ихъ мордовскихъ деревень и многихъ копыи и рогатины кололи, и бердыши рубили, и изъ ружья стрѣляли, и нынѣ они, Мордва, отъ тѣхъ ранъ лежатъ при смерти. Да онъ же Степанъ Зимницкій, пріѣхавъ въ тое ихъ деревню Кученяеву. въ домахъ у нихъ деньги и платья и у женъ ихъ и у дѣтей вѣнцы и серги пограбилъ и многихъ лошадей и скотину побралъ. При этомъ воевода Осипъ Кафтыревъ многую ихъ мордовскую землю съ посѣяннымъ аржанымъ хлѣбомъ и покошеннымъ сѣномъ отмежевалъ къ селу *Зимницамъ* и поставилъ грань среди той ихъ деревни Кученяевы и 23 человекъ Мордвы велѣлъ побрать въ городъ *Алатырь* и пыталъ ихъ безвинно многими разными пытками до взятокъ своихъ, и огнемъ жегъ, и запыталъ до смерти трехъ человекъ, и тѣло Китанки Котякова велѣлъ бросить за городъ, за Суру рѣку, а тѣло Ѳедьки Жданова изъ приказной избы отдалъ на выкупъ, а за тѣло Тебанки Дмитріева просилъ у нихъ многихъ взятокъ, а остальныхъ Мордвовъ пыталъ также изъ-за взятокъ“. Такъ описывала свое поражение сама Кученяевская Мордва, прося въ своей челобитной великаго государя пожаловать ихъ—велѣтъ въ томъ ихъ мордовскомъ разореньи и увѣчьи розыскать и землю ихъ размежевать. Въ то же время вдова Марѳа Аеонасьевна Годунова въ своей челобитной писала, что „воевода Осипъ Кафтыревъ, пріѣхавъ межевать казачьи земли и Степана Зимницкаго и друга Зимницкимъ помѣщикомъ, не мѣрявъ ихъ казачьихъ земель и вымысломъ своимъ, знамо для взятокъ, не освидѣтельствовавъ ихъ дачь, захватилъ многую ея *посошную* (посошную?) и пашенную крѣпостную землю изъ стариннаго владѣнья алаторской ея вотчины села *Тургенева*, гдѣ изъ Зимницкихъ помѣщиковъ владѣнья никогда не бывало; а пріѣхавъ на ея землю, онъ спорную челобитную не принялъ, разводу по урочишамъ не далъ и, друга Зимницкимъ помѣщикомъ, крестьянъ ея билъ и увѣчилъ, насильствомъ своимъ побралъ многихъ лошадей, и поймавъ шесть человекъ ея крестьянъ, пыталъ, бивъ кнутомъ

и держа въ тюрьмѣ, а крѣпость ея на земли, которую ему представилъ человекъ ея, не возвратилъ“ (1). Въ 1704 году для разбора всѣхъ этихъ межевыхъ споровъ былъ посланъ стольникъ Яковъ Григорьевичъ Левашовъ, который и удовлетворилъ всѣхъ челобитчиковъ. Между тѣмъ много Мордвы, какъ видно изъ этого же дѣла, разбѣжалось.

Захватъ мордовскихъ и вообще инородческихъ земель, производимый въ XVII ст. разныхъ чиновъ русскими людьми, извѣстенъ былъ и великимъ государямъ, которые противъ этого издавали законы и посылали указы. Такъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича (гл. 16, ст. 46) запрещено подъ страхомъ опалы пріобрѣтать у инородцевъ какимъ-бы то ни было образомъ земли. Въ наказѣ изъ канцеляріи ясашнаго сбора, за рукою дьяка Степана Вараксина, даномъ переписчику Ивану Сухову, посланному въ 1704 году для переписи инородческихъ земель, захваченныхъ Русскими, написано: „Вѣдомо Великому Государю учинилось, что Арзамасскаго и Алаторскаго уѣздовъ и всѣхъ низовыхъ городовъ у ясашныхъ людей, и у Татаръ, и у Чувашъ, и у Мордвы, и у иныхъ иноязычныхъ данниковъ и новокрещенъ *разныхъ чиновъ люди* изъ стариннаго ихъ владѣнья многія ихъ земли, и лѣса, и иныя всякія угоды завладѣли и *населились насильствомъ своимъ*, а индѣ, побравъ ихъ иновѣрцевъ и новокрещенъ земли и всякія угоды покупками, закладами, и сдачами и иными крѣпостями, заселили ихъ своими крестьянами, *назвавъ эти земли порожжими и дикими полями*, и отъ такого утѣсненія иновѣрцы разошлись въ разныя мѣста и нынѣ также бредутъ врознь“. Чтобы прекратить эти злоупотребленія Петръ В. повелѣлъ „тѣхъ низовыхъ городовъ ясашныхъ людей во всякомъ управленіи и зборами вѣдать въ Семеновской канцеляріи ясашнагобору“ (2).

Наконецъ большая часть грамотъ Карамзинской бібліотеки, поступившихъ въ нее отъ частныхъ лицъ, живо очерчиваетъ частную жизнь и общественную дѣятельность русскихъ дворянъ и помѣщиковъ въ XVII столѣтіи. Изъ этихъ грамотъ ясно видно, какъ дворяне, или вѣрнѣе сказать, *служилые русскіе люди* пріобрѣтали свои имѣнія и помѣстья службой государямъ, покупкой, мѣной, наслѣдствомъ и заключеніемъ брачныхъ записей съ полученіемъ приданаго; видно, какъ они заселяли эти земли, переводя крестьянъ изъ другихъ губерній, принимая бѣглыхъ, сманивая ихъ другъ у друга и наконецъ закабалая *свободныхъ государевыхъ людей*, доведенныхъ бѣдностью до безвыходнаго положенія; видно, какъ помѣщики дѣлали наѣзды на имѣнія другъ друга, производили здѣсь боевыя свал-

(1) Книга Алатор. приказной избы, № 24.

(2) Ibid., № 26.

ки, увѣче крестьянамъ, убійства и грабежи, потомъ судились и мирились въ воеводскихъ и приказныхъ избахъ. До 100 такихъ грамотъ въ Карамзинской библіотекѣ относятся къ жизни и дѣятельности одного казанца, **Т е д о р а А л е к с ѣ в и ч а З е л е н а г о**, бывшаго сначала стрѣлецкимъ головой, потомъ полковникомъ и стольникомъ, бравшаго на откупъ рыбныя ловли и разные денежные сборы и скопившаго такимъ образомъ себѣ большія имѣнія въ Казанской и Симбирской губерніяхъ, такъ что по этимъ грамотамъ можно бы составить цѣлую его біографію, которая не лишена интереса для знакомства съ русскими провинціальными дѣятелями XVII столѣтія.

Вотъ вкратцѣ то общее содержаніе, которое я вынесъ изъ прочитанныхъ мною старинныхъ документовъ. При этомъ чтеніи у меня не разъ возникала мысль, что немаловажнымъ вкладомъ въ русскую исторію могли бы послужить эти акты, если бы нашлись люди для приведенія ихъ въ систематическій порядокъ и средства для изданія ихъ.

IV.

КЪ ИСТОРИИ ВОЙНЪ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА СЪ КАЗАНЬЮ (¹).

А. И. Маркевича.

Разсматривая сохранившіеся въ разрядныхъ книгахъ мѣстническіе случаи, легко замѣтить, что чѣмъ обычнѣе былъ какойнибудь разрядъ, тѣмъ чаще встрѣчается въ немъ мѣстничество; главные массы, на примѣръ, мѣстническихъ случаевъ падаютъ на береговой разрядъ, на разрядъ походовъ въ Ливонію, Литву, противъ Шведовъ и т. д. Такъ какъ столѣтняя борьба съ Казанью несомнѣнно должна была вызывать частые походы, то весьма вѣроятно, что во время ихъ должно было происходить и мѣстничество. Къ сожалѣнію главные источники для знакомства съ случаями мѣстничества въ XVI вѣкѣ, какъ то разрядная въ Древн. Росс. Вивлюфикѣ, т. XIII и XIV, и разрядная въ Симбирскомъ Сборникѣ—начинаются позже взятія Казани, разрядныя же съ половины XV до половины XVI вѣка еще не напечатаны (см. Дворцов. Разряды I, XXXI и сл. и Опис. рукопис. Румянц. Музея, №№ СССХХХVII—СССХL), и я не могъ ими пользо-

(¹) Сообщение это не было доложено Съѣзду, но помѣщается въ его «Трудахъ», какъ матеріалъ, нелишенный интереса для исторіи Казанскаго края.—Хотя многія данныя, въ немъ заключающіяся, и вошли въ составъ изданнаго уже А. И. Маркевичемъ изслѣдованія о мѣстничествѣ (ч. I, Русская исторіографія въ отношеніи къ мѣстничеству, Кіевъ 1879 г.—См. наир. стр. 49—51—53—58; 260 и слѣд., 426—427 и мног. др.), тѣмъ не менѣе редакція «Трудовъ IV-го Археолог. Съѣзда» печатаетъ настоящее сообщеніе въ виду того обстоятельства, что группировка данныхъ въ сообщеніи г. Маркевича совершенно другая, чѣмъ въ его же изслѣдованіи, вслѣдствіе различія задачъ того и другаго. Сообщение посвящено специальному вопросу о случаяхъ мѣстничества въ походахъ подъ Казань, изслѣдованіе же представляетъ обзоръ источниковъ и монографій по мѣстничеству вообще. Поэтому, если бы читатель изслѣдованія пожелалъ остановиться на вопросѣ, которому посвящено сообщеніе, ему пришлось бы дѣлать выборку, представляющуюся въ сообщеніи уже готовою.—*Редакція.*

ваться. Однако изъ иныхъ, имѣющихся у меня подъ руками источниковъ, можно вывести кое-какіе факты и соображенія относительно мѣстничества во время казанскихъ походовъ.

Въ походахъ на Казань XV вѣка, при Иванѣ III, отыскать мѣстничество невозможно, такъ какъ раньше другихъ занесенный въ разрядный случай—нежеланіе Юрія Захарьича быть въ сторожевомъ полку (Карамзинъ, изд. Эйнерл., т. VI, стр. 185, примѣч. 489) былъ въ 1500 году. Поэтому мы совсѣмъ опускаемъ походы 1467—1469, 1478 и 1487 (*ibid.*, стр. 8—16, примѣч. 27, стр. 114 и слѣд.). Далѣе, относительно защиты Казани въ 7008 (1500) г. официальный разрядъ не сохранился, а въ частной на него ссылкѣ о мѣстничествѣ не упоминается (Истор. Сборникъ, изд. Погодинымъ т. V, стр. 247). Относительно похода 1505 г. тоже подобныхъ свѣдѣній нѣтъ (Кар. VI, 209). Возможно, что были и еще походы на Казань, но въ настоящее время, за границую, я почти не имѣю подъ руками способа пополнить Исторію Карамзина.

При великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ состоялся походъ 7114 (1506) г., и въ немъ мѣстничество не обозначено (Истор. Сборн. V, 256; Кар. VI, стр. 7—10, прим. 8 и 13) тоже и въ походъ 7028 (1520) года ('). Въ 1521 году, когда была война съ Крымскимъ и Казанскимъ ханами и князь Дмитрій Бѣльскій проигралъ битву на Окѣ, а Магметъ-Аминъ дошелъ до Москвы, надъ воеводами назначенъ былъ судъ. Князь Дм. Бѣльскій остался ненаказаннымъ, а наказали князя Ив. Воротынскаго. Не было ли здѣсь мѣстничества? (Кар. VII, стр. 69, пр. 229; Собр. Госуд. Грам. и Дог. I, 425), но положительно сказать этого нельзя. Въ 7031 (1523) году былъ походъ на Суру для постройки города Василь-Сурска; въ частныхъ разрядахъ этого похода мѣстничество не указано. официального же разряда похода нѣтъ (Ист. Сб. V, 243, 270).

Слѣдующій походъ противъ Казани состоялся въ 7032 (1524) г., и въ немъ мѣстничества нѣтъ, хотя князь Ив. Бѣльскій за походъ былъ наказанъ (Кар. VII, стр. 79—81, примѣч. 265, 271, по Казанск. Лѣтоп. гл. 18.—Ист. Сб. V, 271.—Собр. Гос. Гр. и Дог. I, 423).

Новый походъ былъ въ 7038 (1530) году (Ист. Сб. V, 246—разрядъ судовой рати; Карамз. VII, примѣч. 302; по Каз. Лѣт. гл. 19 небольшая разница: въ большомъ полку есть еще князь Михаилъ Иванов. Кубенскій. Здѣсь же раз-

(') Сохранился еще разрядъ 7024, 7025 г. (1516 и 1517 г.г) на Вошани, въ защиту отъ нападенія Казанцевъ, но безъ мѣстничества же (Ист. Сб. V, стр. 280, 246). Съ Вошани разряды были иногда и не противъ Казани, а напр. оттуда шлѣ къ Тулѣ (*ibid.* 257, въ 7023 (?) г.), защищали Рязань (*ibid.* II, стр. 23).

рядъ конной рати). Въ судовой, т. е. пѣшей, рати, въ большомъ полку первымъ воеводой былъ князь Ив. Ѳед. Бѣльскій, въ конной рати—князь Мих. Льв. Глинскій. Они чуть не взяли города, такъ какъ онъ былъ брошенъ жителями безъ защиты „И не взяли города потому, что воеводы межъ себя, Бѣльскій съ Глинскимъ, споръ учинили о мѣстѣхъ, которому ѣхати въ городъ напередъ“; а въ это время полилъ сильный дождь, подмочившій русскій нарядъ. Извѣстiе очень любопытное и весьма возможное, хотя оно сохранилось лишь во II-й Софiйской Лѣтописи (П. С. Р. Л., VI, стр. 265). Эти воеводы явно были въ разныхъ разрядахъ, но произошелъ непредвидѣнный (?) случай, когда оба они оказались при одномъ дѣлѣ—тогда и возникло мѣстничество. Любопытно, какъ быстро князь Глинскій усвоилъ себѣ московскiе обычаи. У Карамзина (т. VII, примѣч. 302 изъ Синодальной Лѣтописи) говорится только, что „промежъ большими воеводами пошла брань“; князь Бѣльскій былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ сидѣлъ нѣсколько лѣтъ (ibid., пр. 305. Срав. стр. 93, также Никон. Лѣт., т. V, стр. 234, 257.—Татищ., V, стр. 128), но конечно не за мѣстничество, а за неудачныя дѣйствiя противъ Казани, можетъ быть за подкупъ.

Въ этомъ же разрядѣ было и еще мѣстничество: Писалъ къ великому князю бояринъ, князь Мих. Ѳед. Карамышъ-Курбскiй (дѣдъ князя Андр. Мих. Курбскаго), что велѣно быть боярину, князю Ѳедору Лопатѣ-Оболенскому въ передовомъ полку въ первыхъ, а въ лѣвой рукѣ велѣно быть въ первыхъ Ивану Бутурлину, а ему съ ними въ правой рукѣ въ другихъ быть невозможно, и государь бы милость показалъ, велѣлъ счетъ дать. Великiй князь писалъ къ боярину, князю Мих. Ѳед. Курбскому, чтобы былъ на службѣ по росписи, „а ся ему служба для боярина Ѳедора Лопаты и Ивана Бутурлина безъ мѣста, а какъ служба мнѣтся, и великiй князь счетъ тогда дастъ“ (Устряловъ, Сказ. кн. Курбскаго, изд. 1868, стр. 353). Въ приведенной официальной разрядной справкѣ князь Курбскiй (нѣсколько разъ) названъ княземъ Ѳедоромъ Михайловичемъ, а въ случаяхъ, поданныхъ окольными Михаиломъ Михайловичемъ и Михаиломъ Глѣбовичемъ Салтыковыми противъ боярина, князя Ив. Вас. Сицкаго, въ ихъ мѣстническомъ дѣлѣ (Ист. Сб., V, 210 и слѣд.)—княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, и въ случай ставится именно его меньшинство передъ Ив. Никол. Бутурлинымъ; справка же о мѣстничествѣ не упоминаетъ. Возможно, что въ частныхъ разрядныхъ (и въ Устряловской) онъ ошибочно былъ названъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и для спорившихъ выгодно было утянуть старшинствомъ надъ ними Ивана Бутурлина; официальная же справка и показала ошибочность расчета, почему мѣстническiй случай и не понадобился. Наконецъ, отсутствiе указанiя на мѣстничество въ

официальной разрядной далеко не исключает возможности мѣстничества на самомъ дѣлѣ.

Въ правленіе Елены, въ 7045 (1537) г. ⁽¹⁾ былъ во Владимірѣ разрядъ на 5 полковъ, вѣроятно, противъ Казани. Здѣсь возникло мѣстничество: князь Юрій Голицынъ (первый въ сторожевомъ полку) билъ челомъ на князя Василя Микулинскаго (первый въ большомъ полку) и, по словамъ сына его, князя Василя, получилъ невмѣстную грамоту, которая-де потомъ и сгорѣла. Соперникъ его по мѣстничеству бояринъ, князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, отрицалъ это и въ разрядахъ это не сыскано (Ист. Сб., II, 25, 26), однако, въ видѣнной мною частной разрядной, проф. Григоровича, все это есть, хотя отнесено къ 7048 (1540) году и иные полки; то же и въ имѣющемся у меня официальномъ дѣлѣ князя Трубецкаго съ княземъ Куракинымъ въ официальной справкѣ. Вѣроятно князь Василій Голицынъ забылъ, что мѣстничество въ этотъ разъ ничѣмъ не кончилось, а лишь три года спустя.

Въ 7046 (1538) году состоялся разрядъ похода на Казань, хотя похода не было, такъ какъ Сафа Гирей просилъ мира. Разрядъ сохранился (Ист. Сб., V, 255), но мѣстничества въ немъ нѣтъ, да, кажется, походъ былъ безъ мѣсть (Ист. Сб. II, 55), если это не ошибка вмѣсто 7058 (1550) года, такъ какъ въ разрядѣ 7046 (1538) г. князя Александра Борисовича Горбатаго нѣтъ, а въ 7058 (1550) году онъ и князь Юрій Голицынъ размѣщены такъ, и объ этомъ выше шла рѣчь. Впрочемъ, кажется, въ этомъ же году была посылаема судовая рать (Ист. Сб. II, 229).

Начиная съ 7044 (1536) и по 7059 (1551) годъ центромъ для защиты Россіи отъ нападенія Казанцевъ, повидимому, былъ городъ Муромъ. Въ Истор. Сборникѣ (V, 24—26) сохранились списки Муромскихъ воеводъ, изъ которыхъ видно, что воеводами въ Муромѣ назначались лица весьма важныя, напр. князь Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій, князь Ѳедоръ Михайловичъ Мстиславскій, князь Юрій Васильевичъ Глинскій, князь Ѳедоръ Ивановичъ Шуйскій и др. Иногда въ Муромѣ сходились столько войскъ, что устанавливался разрядъ на 5 полковъ, напр. при нападеніи Сафа-Гирея на Муромъ въ 7048 (1540) г. (Тогда были еще передвиженія войскъ, Кар. VIII, стр. 38.—Часть Владимірск. разрядовъ, Ист. Сб. II, 38 и 47 и V, 26). Можетъ быть въ это время происходило мѣстничество князя Владиміра Ѳедоровича Охлябинина (первый въ передовомъ полку) съ Ѳедоромъ Семеновичемъ Воронцовымъ (первый въ правой рукѣ). Это мѣстничество подъ 7047 (1540) годомъ попало въ Григоровичевской разрядной ой

⁽¹⁾ Были еще маловажные походы въ 1535 г. (Карамз. VIII, 22).

Изъ Муромъ часто ходили на казанскія мѣста. Съ 7060 (1552) г. конечно Муромъ это значеніе потерялъ по взятіи Казани, почему и разрядовъ нѣтъ.

Въ 7053 (1547) г. былъ походъ противъ Казани изъ Нижняго-Новгорода полою водою (обрывки разряда въ Ист. Сб. II, 292). До сихъ поръ ни въ одной официальной разрядной мѣстничество не встрѣчалось, хотя въ тѣхъ же годахъ въ иныхъ (не казанскихъ) разрядахъ оно встрѣчается постоянно. (См. наприм. мѣстничество въ 1545 г. при нападеніи Аминь-Гирея, Царств. кн. стр. 116). Въ Муромѣ въ томъ же году собирались войска и, можетъ быть, было мѣстничество: воеводѣ передоваго полка Аѳонасію Юрьевичу Сабурову 20 іюля дана была невмѣстная грамота на Ѳедора Семеновича Воронцова (первый въ большомъ полку) (Ист. Сб. II, 219, неофициальный разрядъ).

Съ 7055 (1547) года начинается непрерывный рядъ походовъ, кончившійся паденіемъ Казани. Такъ въ февралѣ 7055 года, по случаю подданства горной Черемисы былъ походъ изъ Муромъ черезъ Нижній-Новгородъ къ Казани Волгою въ судахъ. Войска дошли до Сухой Ельни и воротились. Въ этомъ разрядѣ возникло мѣстничество. Князь Иванъ Васильевичъ Пѣнковъ (правой руки) писалъ великому князю, что ему въ правой рукѣ у боярина князя Александра Борисовича Горбатаго (большой полкъ) быть не пригоже. Великій князь велѣлъ отписать, что эта служба ему не въ мѣста (разрядъ офиц., Ист. Сб. V, 201, II, 229). Тогда же ходили и муромскіе воеводы (ibid V, 26).

Въ концѣ 7056 (1548) года государь самъ предпринялъ походъ на Казань; прошелъ Владиміръ и Нижній Новгородъ, но воротился съ Работокъ, а далѣе, уже въ 7057 (1549) году отправилъ Шигъ-Алея и Едигера, изъ бояръ князя Дмитрія Ѳедоровича Бѣльскаго и иныхъ (разрядъ этотъ, офиц. въ Ист. Сб. II, 10, 30, 45. Отдѣльные отрывки разр.). Второй воевода лѣвой руки нигдѣ не указанъ, а въ извѣстномъ дѣлѣ князя Дмитрія Мих. Пожарскаго съ княземъ Бор. Мих. Лыковымъ, вторымъ воеводой передоваго полка названъ князь Иванъ Вас. Горенскій. Сперва по ошибкѣ князь Пожарскій написалъ его княземъ Семеномъ Ивановичемъ (ср. стр. 305 и 318), тогда какъ на стр. 10-й вторымъ воеводой передоваго полка означенъ князь Дав. Ѳед. Палецкій. Кн. Пожарскій могъ и ошибиться, или же одного изъ нихъ замѣнили другимъ. Въ данномъ случаѣ это невозможно. Въ этомъ походѣ возникло мѣстничество: князь Вас. Сем. Серебряный-Оболенскій, второй воевода правой руки, не хотѣлъ быть меньше князя Дмитр. Ѳед. Палецкаго, втораго воеводы большаго полка. Имъ служба сказана не въ мѣста и обѣщанъ послѣ службы счетъ (ibid. офф.). Въ мѣстническихъ дѣлахъ бояръ, князя Василія Юрьев. и князя Андр. Ив. Голицыныхъ съ боярами княземъ Ив. Петр. и княземъ Александр. Ив. Шуйскимъ. (Ист. Сб. II, № 1 и

2) Голицыны нѣсколько разъ настаиваютъ, что въ этомъ же разрядѣ первый воевода лѣвой руки князь Ив. Вас. Шемяка-Пронскій билъ челомъ на перваго воеводу правой руки боярина, князя Александра Борис. Горбатаго и получилъ невмѣстную грамоту. Князья Шуйскіе это отрицаютъ (ibid. 8, 45). Бояре этого въ расчетъ не приняли (ibid 30). Тогда же состоялся и разрядъ на пять полковъ въ Муромѣ (ibid. V, 26). Изъ Мурома въ 7057 (1549) году часть войскъ собиралась выступить на Казань, но не пошла. Походъ не достигъ цѣли, почему въ томъ же году зимою состоялся новый походъ, причемъ государь снова отправился самъ (разрядъ въ Ист. Сб. II, 9. Въ Муромѣ разрядъ на 5 полковъ, ibid. V, 27). Въ разрядахъ „Историческаго Сборника“, даже въ официальномъ, нѣтъ ни слова о томъ, что здѣсь было мѣстничество, но мы имѣемъ свѣдѣнія изъ иныхъ источниковъ, почему можно полагать, что и иные перечисленные нами походы не обходились безъ мѣстничества. Вотъ что было на самомъ дѣлѣ.

Еще до осени (до 24 ноября) царь Иванъ Васильевичъ передъ походомъ на Казань собралъ совѣтъ (въ Успенскомъ Соборѣ?), на которомъ, насколько можно судить, положено было, чтобы въ послѣдующей войнѣ быть безъ мѣстъ. Такіе приговоры бывали постоянно и позднѣе. Подробности этого приговора изложены ниже. Не смотря на приговоръ, уже по дорогѣ къ Владиміру (выступили 24 ноября) воеводы замѣстничались. Прибывъ во Владиміръ (3 декабря), царь послалъ за митрополитомъ Макаріемъ окольничаго Андр. Александр. Квашнина. Митрополитъ Макарій, да владыка Крутицкій Савва, со всѣмъ соборомъ пріѣхали во Владиміръ. Тамъ приговоръ былъ повторенъ и митрополитъ сказалъ войскамъ (т. е. воеводамъ) извѣстное поученіе. Вотъ тѣ выраженія его, которыя касаются мѣстничества: „А государь васъ за службу хочетъ жаловати, а за отечество беречи; и вы бы служили, сколько вамъ Богъ поможетъ, а розни бы и мѣсть никакожь межъ вами не было, но свяжитесь любовью не лицемѣрною. А будетъ кому съ кѣмъ не пригоже быти отечества ради на брани противу враговъ, и вы-бъ то въ забвеніе положили, а государево-бъ дѣло (и) земское дѣлали, не яростною мыслию другъ на друга взирали, но любовью. А какъ съ государева дѣла (и) земскаго придете, и кто захочетъ кому съ кѣмъ счестись о отечествѣ, и государь счетъ дастъ“. (Царств. кн., 156 съ картинкою; Ник. VII, стр. 68; Татищ. V, 257,—этотъ походъ отнесенъ къ 7058 (1550) году, но слѣдуетъ дать предпочтеніе официальной разрядной справкѣ. Походъ кончился въ этомъ году). Отпустивши отъ себя 20 декабря царскій полкъ подъ начальствомъ боярина Юрьева въ Нижній, царь оставался до 7-го января, когда и самъ выѣхалъ въ Нижній-Новгородъ. Въ дальнѣйшемъ походѣ опять, вѣроятно, обнаружались мѣстничества, потому что сочли нужнымъ повторить приговоръ въ Нижнемъ-Новго-

родѣ, гдѣ царь пробылъ съ 18-го по 23 января. Наконецъ у самой Казани, куда подошли 14 февраля, бояре мѣстничались постоянно (осада продолжалась до 25 февраля), что, вѣроятно, не мало помѣшало успѣху осады, хотя лѣтописи, послѣ поученія митрополита Макарія, о мѣстничествѣ не говорятъ ничего и не успѣхъ казанской осады приписываютъ климатическимъ причинамъ; впрочемъ винили и главнаго воеводу, боярина, князя Дм. Ѳед. Бѣльскаго (Кар. VIII, стр. 78). По возвращеніи государя въ Москву (23 марта) и состоялся, въ іюлѣ 7058 (1550) года, извѣстный приговоръ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси съ митрополитомъ Макаріемъ, княземъ Юріемъ Васильевичемъ и княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, и со всѣми боярами о бытіи князьямъ, дворянамъ большимъ и дѣтямъ боярскимъ съ воеводами въ полкахъ безъ мѣсть, а также о томъ, въ какомъ порядкѣ на государевой службѣ воеводамъ по полкамъ считаться въ старшинствѣ. Мы не приводимъ его здѣсь по его общеизвѣстности. Напечатанъ онъ былъ впервые въ изданіи Судебника, Спб. 1768 г., С. Башиловымъ безъ важныхъ примѣчаній Татищева, которыя напечатаны въ изданіи Судебника въ томъ же году, въ Москвѣ, Миллеромъ. Потомъ приговоръ напечатанъ былъ много разъ (см. Акты Истор. т. I, стр. VI и Владимірскаго-Буданова, Хрестоматія по Истор. русск. права, вып. 2-ой, изд. 1-ое, стр. 182). Важнѣе другихъ редакція въ Собр. Гос. Гр. и Дог. (т. II, № 38, стр. 465), взятая изъ особаго списка. Здѣсь во первыхъ подробнѣе напечатанъ титуль, изъ котораго мы и узнаемъ, что въ приговорѣ принимали участіе и вышепоименованные князья, а во вторыхъ, самый приговоръ гораздо подробнѣе, т. е. это-то именно и есть приговоръ, а въ остальныхъ изданіяхъ напечатанъ только краткій изъ него экстрактъ, хотя вполне официальнаго характера. Части приговора здѣсь переставлены. Въ разрядныхъ этотъ приговоръ попадаетъ и даже съ различными вариантами, по видимому его разъясняющими (Валуевъ, изслѣдов. о мѣстничествѣ, стр. 23, 83—85.—Опис. рук. Рум. Музея, № СССХХХVII и т. п.). Наконецъ этотъ приговоръ помѣщенъ еще и въ Никоновск. лѣтописи и въ аналогичныхъ ей редакціяхъ, составляя отдѣльную статью; онъ вставленъ среди 1556 года. Въ связи съ приговоромъ идетъ еще нѣсколько распоряженій относительно военной службы (Никон. лѣт. т. VII, стр. 258—262) и оканчивается разсужденіемъ: „и все то государь строяше, какъ бы строеніе воинству и служба бы государству безъ лжи и безъ грѣха вправду, и подлинныя тому разряды у государскихъ чиновачальниковъ и приказныхъ людей“. Изъ этого приговора видно, какія бывали приблизительно мѣстничества въ походъ 7057 (1549) года. Мѣстничались, значитъ, первые воеводы передоваго полка съ первыми воеводами правой руки, и воевода лѣвой руки съ воеводой сторожеваго полка; затѣмъ въ этихъ полкахъ вторые

воеводы мѣстничались съ старшими воеводами своего и иныхъ полковъ, и, наконецъ, молодые князья и дѣти боярскія, назначенныя куда либо въ полкъ, мѣстничались съ своими воеводами. Но подтверждающихъ случаевъ мы не имѣемъ, а можемъ отнести лишь случай, на который указывается въ актахъ Археограф. экспедиц. (№ 289, опись царскаго архива, ящикъ 217), дѣло кн. Мих. Воротынскаго, при походѣ изъ Ярославля къ Казани, съ кн. Петр. Шуйскимъ (лѣвая рука и передов. полкъ). Въ этотъ походъ оба эти лица были именно въ такихъ полкахъ и лѣвая рука собиралась въ Ярославль (Карамз. VIII стр. 74, пр. 220). Г. Ждановъ („Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора“, Журн. Мин. Нар. Просв. 1876 г., июль стр. 55), говоритъ сперва о приговорѣ 7058 (1550) года, а потомъ о мѣстничествахъ во время похода, будто бы вызвавшихъ вопросъ царя на Стоглавомъ соборѣ, о которомъ ниже. Но едва ли это такъ. Изъ вопроса видимъ, что во время казанскаго похода просто объявлено было обычное въ такихъ случаяхъ безмѣстіе и ничего болѣе. И по хронологическимъ датамъ видно, что приговоръ состоялся послѣ похода и былъ очевиднымъ его результатомъ. Безмѣстіе продолжалось и въ 7058 (1550 г.), когда воеводы отошли отъ Казани и стояли въ одномъ разрядѣ по разнымъ городамъ (Ист. Сб. II, стр. 10 и 11 оф-фиц.). Мѣстничество князя Мих. Ив. Воротынскаго съ княземъ Петр. Ив. Шуйскимъ могло быть и въ этомъ году, такъ какъ воеводы въ разрядѣ остались по прежнему, хотя, понятно, это менѣе вѣроятно. Во время спора съ княземъ Александр. Ив. Шуйскимъ князь Андр. Ив. Голицынъ говорилъ, что князь Юр. Мих. Голицынъ (первый въ сторож. полку) тогда билъ челомъ на князя Александра Бор. Горбатаго (первый въ правой рукѣ), „почему-де всѣмъ воеводамъ государь велѣлъ быть безъ мѣстъ“. Справка въ разрядахъ подтвердила, что было общее безмѣстіе, но въ частности это мѣстничество записано не было и, можетъ быть, и не существовало (ibid). Въ 7058 (1550) же году особые воеводы были въ Муромѣ для защиты отъ Казани: кн. Ив. Ив. Пронскій, кн. Юрій Ив. Кашинъ и кн. Григор. Ѳед. Мещерскій. Между тѣмъ въ Акт. Арх. эксп. (№ 289, ящ. 145) мы имѣемъ указаніе на мѣстничество князей Кашиныхъ и князя Мещерскаго, имена коихъ не обозначены. Понятно, что это указаніе легко можетъ быть отнесено къ данному случаю.

Въ 7059 (1551) году тоже былъ походъ на Казань, извѣстный мнѣ по Григоровической разрядной, въ которомъ возникло мѣстничество: князь Влад. Ив. Воротынскій, второй воевода большаго полка, замѣстничался разомъ съ тремя воеводами: съ княземъ Петр. Мих. Щенятевымъ (первымъ воеводой прав. руки), съ княземъ Ив. Ив. Турунтаемъ-Пронскимъ (первымъ воеводой передоваго полка) и съ княземъ Ѳед. Ив. Скопинымъ-Шуйскимъ (первымъ воеводой сторожеваго

полка). Князю Воротынскому было отвѣчено, что между нимъ и вышеуказанными воеводами нѣтъ случая. Затѣмъ въ 7059 (1551) же году сильное войско отправлено было ставить городъ Свѣяжскъ (Ист. Сб. V, 220). Когда городъ былъ выстроенъ, то съ запасами туда были посланы Ив. Дм. Кнутъ-Шестуновъ, да Мих. и Ник. Вас. Борисовы. Послѣдніе били челомъ на Шестунова, и имъ обѣщанъ счетъ, но по окончаніи службы они челомъ не били, что и записано въ разрядной (Григоровической). Наконецъ, тогда же стояли войска и въ Муромѣ (Ист. Сб. V, 27). Съ Казанью нѣсколько времени было перемиріе, хотя въ дѣйствительности были постоянныя стычки, которыя и продолжались до самаго знаменитаго похода 7060 (1552) года, рѣшившаго участь Казани. Передъ походомъ, на Стоглавомъ соборѣ (8 февраля 7059 (1551) года), когда царь хотѣлъ по примѣру своихъ предковъ дать законы, то онъ прежде всего обратился къ собору съ такимъ вопросомъ: „Отецъ мой, Макарій митрополитъ, и архіепископы, и епископы, и князи, и бояре! Наряжался есми къ Казани со всеѣмъ христіанскимъ воинствомъ и положилъ есми совѣтъ своими бояры въ пречистой и соборной (церкви) передъ тобою, отцемъ своимъ, о мѣстѣхъ въ воеводахъ и во всякихъ посылкахъ, въ всякомъ разрядѣ не мѣстничатися, кого съ кѣмъ куды ни пошлютъ, чтобы воинскому дѣлу въ томъ порухи не было (ниже видно, что рѣчь идетъ о приговорѣ передъ походомъ 7057 (1549) года); и всеѣмъ боярамъ тотъ былъ приговоръ любь. И въ Володимерѣ передъ митрополитомъ съ бояры тотъ же приговоръ былъ, и въ Нижнемъ-Новѣгородѣ такожь. И какъ пріѣхали къ Казани, и съ кѣмъ кого ни пошлютъ на которое дѣло, ино всякой размѣстничается на всякой посылкѣ и на всякомъ дѣлѣ, и въ томъ у насъ вездѣ бываетъ дѣло не крѣпко; и отселѣ куды кого съ кѣмъ посылаю безъ мѣстъ по тому приговору, никако безъ кручины и безъ вражды промежь себя никоторое дѣло не минеть, и въ тѣхъ мѣстѣхъ всякому дѣлу помѣшка бываетъ. О семъ посовѣтуйте всеѣ вкупѣ и уложите, какъ впередъ тому дѣлу быть безъ вражды и безъ кручины и полюбовно, чтобы (въ) воинскомъ дѣлѣ въ томъ ни которые споны не было, а мнѣ бы о томъ кручины не было“ (Ждановъ, *op. cit.* стр. 54—55, по рукописи Стоглава, находящ. въ Импер. Публ. библ. Q, XVII, 50; туда она поступила изъ собр. рукоп. гр. Толстого, которому была доставлена изъ Волоколамской бібліотеки, *ibid.*, 51 и слѣд.). Отвѣта на этотъ царскій вопросъ въ рукописи нѣтъ, и что было постановлено—неизвѣстно, но разумѣется, отвѣтъ и постановленіе были. Не былъ-ли отвѣтомъ именно приговоръ, относимый къ 7058 (1550) году? Онъ былъ-бы самымъ подходящимъ отвѣтомъ. Лица тѣ же, что были и на соборѣ. Этому противорѣчитъ хронологія, такъ какъ приговоръ былъ въ предыдущемъ году. Но нѣтъ ли здѣсь въ датѣ ошибки? Вообще хронологія этого времени далеко еще не ясна. Разница

же всего на 7 мѣсяцевъ. Во всякомъ случаѣ я не берусь рѣшить этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ. Меня смущаетъ еще и слѣдующее обстоятельство: неужели, если бы приговоръ 7058 (1550) года былъ раньше царскаго вопроса, царь обошелъ бы его молчаніемъ, хотя говорилъ о менѣ важныхъ постановленіяхъ 7057 (1549) года? Я оставляю этотъ вопросъ открытымъ.

Нельзя думать, чему даетъ поводъ нѣкоторая неопредѣленность царскаго вопроса, что могла идти рѣчь объ уничтоженіи мѣстничества. Правительство видимо признавало его законность, но хотѣло устроить дѣло какъ можно лучше, что-бы не было ни ссоръ, ни вражды, ничего подобнаго. „Да и трудно, говорить Ждановъ, было ожидать отмѣны мѣстничества въ такое время, когда мѣстничество жило въ нравахъ, когда мѣстничались, не исключая лучшихъ передовыхъ людей“. Въ примѣръ онъ приводитъ мѣстничество князя А. М. Курбскаго. Затѣмъ, едва ли можно приписывать приговоръ и вопросъ лично царю Ивану: онъ былъ чьимъ нибудь интерпретаторомъ. Онъ самъ говоритъ, что его подъ Казань везли насильно и что въ государственныхъ дѣлахъ въ то время онъ былъ не самостоятеленъ (Сказ. кн. Курбск., стр. 165). Это можетъ относиться лишь къ походамъ или 7057 (1549), или 7060 (1552) годовъ. До 7057 (1549) г. „государя наши не бывали подъ стѣнами Казани“ (Карамз. VIII, стр. 74). Къ этому же времени можетъ быть приуроченъ и другой, къ сожалѣнію неясный, намекъ Грознаго, изъ котораго видно, что вліянія на мѣстническія отношенія онъ въ то время не имѣлъ: „По семь же съ тѣмъ своимъ единомысленникомъ (кн. Дм. Курлятевымъ) отъ прародителей нашихъ данную намъ власть отъ насъ отъяша, еже вамъ бояромъ нашимъ по нашему жалованію честію предѣданія почтеннымъ быти, сія убо вся во своей власти и въ вашей положиша, якоже вамъ годѣ и якоже кто како восхощетъ“ (ibid. 164) ('). Послѣ этого вообще трудно говорить объ ограниченіи мѣстничества въ это время. Указы, подобныя приговору 7058 (1550) г., только упрощали мѣстническіе разсчеты. Рѣшительному походу на Казань еще предшествовалъ совѣтъ. „И призываетъ къ себѣ (государь) въ палату златую брата своего, благовѣрнаго князя Юрія Владимірскаго (очевидно, переписчикъ слилъ въ одно имена двухъ князей), и князи мѣстныя, и вся великія воеводы и благородныя звая вельможи и посади ихъ по мѣстамъ, и нача благъ и мудръ совѣтъ съ ними совѣтовати, etc.“ (Подробная лѣтопись отъ начала Руси до Полтавской баталіи, изд. Львовымъ 1798 г., ч. II, стр. 155). По лѣтописямъ, войска выступили изъ Москвы 16 іюня (1553) года, но въ официальной справкѣ взя-

(') Обратимъ вниманіе и на то, что въ 7059 (1551) г. старшимъ воеводою въ Муромѣ, мѣсто, какъ мы видѣли, очень важное въ то время—былъ бояринъ кн. Конст. Ив. Курлятевъ (Ист. Сб. V, 27).

тіе Казани отнесено къ 7160 (1552) году (Ист. Сб. V, 27) и это разумѣтся, вѣрнѣе. 19-го Іюня 1552 г. войско было въ Коломнѣ. 3-го или 4-го іюля оттуда вышло и 8-го было во Владимірѣ, откуда вышло 10-го и 13-го дошло до Мурома, а оттуда 20-го двинулось на Оку (¹). Вслѣдъ за тѣмъ „повелѣ государь у себя быть выборнымъ головамъ: Семену Васильеву сыну Яковлевича, Николаю да Ивану Васильевымъ дѣтямъ Шереметева, кн. Ивану Кашину-Сухому, Петровымъ дѣтямъ Головина, Василию Петрову (тутъ какая то путаница въ именахъ) да Мих. Михайлову сыну Воронова; а съ ними велѣ итти князьямъ и дѣтемъ боярскимъ *безмѣстно*“ (Подробн. лѣт. II, стр. 173. Въ Никоновск. лѣт., VII, стр. 142, говорится только объ устройствѣ царскаго полка, при чемъ соотвѣ дѣтей боярскихъ давѣ былъ голова изъ великихъ отцевъ дѣтей, но безмѣстіе не обозначено). Ни въ посланіяхъ митрополита, ни въ рѣчахъ подѣ Казанью мѣстничество не упоминается. Разрядъ похода извѣстенъ у Карамзина, VIII, стр. 8, 9 и слѣд., по Царств. книгѣ и во всѣхъ описывающихъ это время лѣтописяхъ; только въ Никон. лѣтописи, VII, стр. 302 и сл., въ передовомъ полку ошибочно обозначенъ вмѣсто князя Ив. Ив. Пронскаго да князя Дм. Ив. Хилкова, князь Ив. Ив. Хилковъ. Въ Подробной лѣтописи, изд. Львовымъ, вторымъ воеводой въ сторожевомъ полку названъ князь Д. Ѳ. Палецкій, а Шереметевъ уже третьимъ; здѣсь же есть и ертоуль, въ которомъ былъ князь Юр. Ив. Шемяка-Пронскій и князь Ѳед. Ив. Троекуровъ.

Извѣстно, что изъ подѣ Казани бывали посылки цѣлыми разрядами, наприм. походъ на горныхъ людей по три полка (Карамз., *ibid.*). Нигдѣ о мѣстничествѣ нѣтъ и рѣчи, но есть основаніе думать, что и въ этомъ походѣ оно происходило. Въ Акт. Арх. эксп. (№ 289., ящ. 217), упоминаются дѣла кн. Андр. Курбскаго о мѣстахъ съ Дм. Плещеевымъ и кн. Мих. Воротынскаго съ кн. Петр. Щенятевымъ. Первое дѣло легко пріурочить къ этому казанскому походу, когда князь А. М. Курбскій былъ вторымъ воеводою въ прав. рукѣ, а Дм. Плещеевъ вторымъ же въ лѣвой рукѣ. Такъ полагаетъ и Ждановъ (Ор. сит., стр. 56 въ примѣч.). Этотъ случай любопытенъ по личности князя А. М. Курбскаго, которому одинъ изъ новѣйшихъ его біографовъ ставитъ именно въ заслугу, что съ его именемъ не связано ни одного мѣстническаго дѣла (Г. Опоковъ, „Кн. А. М. Курбскій“, стр. 6); впрочемъ, если дѣло было въ казанскомъ походѣ 1552 года, то на кн. А. М. Курбскаго били челомъ, а не онъ самъ. Дру-

(¹) По лѣтописямъ можно прослѣдить даже по днямъ этотъ походъ: 1-го авг. войско было на Алатырѣ, 13-го въ Свіяжскѣ, гдѣ воеводамъ велѣно было ставить свои полки гдѣ угодно, такъ какъ отъ множества войскъ тѣсно было стоять близъ города (Подробн. лѣт. II, 176). 18 авг. войско перешло Волгу и 20-го подошло къ Казани.

гіе историки, напр. Соловьевъ, какъ извѣстно, скорѣе склонны обвинять кн. Курбскаго въ крайнемъ аристократизмѣ, что, по моему мнѣнію, не имѣетъ должнаго основанія, такъ какъ князь А. М. Курбскій былъ далеко не изъ перво-класснаго по знатности рода. Доказывать это въ настоящее время я не намѣренъ, потому что это слишкомъ бы отклонило меня отъ прямой цѣли. Второе дѣло тоже могло случиться въ этомъ походѣ, гдѣ князь Мих. Воротынский былъ вторымъ воеводой большаго полка, а князь Петръ Щенятевъ первымъ правой руки. Въ мѣстническомъ дѣлѣ боярина, князя Вас. Юр. Голицына съ бояриномъ, кн. Ив. Петр. Шуйскимъ говорится, въ одной изъ памятей князя Голицына, что у кн. Петра Мих. Щенятева было дѣло съ кн. Мих. Ив. Воротынскимъ, и кн. Щенятевъ получилъ правую грамоту. Кн. Ив. Петр. Шуйскій не отрицалъ этого факта, но дѣло осталось не выясненнымъ (Ист. Сб. II, 20); вѣроятно это такъ и было послѣ похода. Мы видѣли, что годъ назадъ съ кн. Щенятевымъ мѣстничался старшій братъ кн. Мих. Воротынскаго и получилъ отказъ по отсутствію случая; вѣроятно меньшей братъ хотѣлъ добиться того, что не удалось старшему. Наконецъ, можетъ быть тогда было и мѣстничество кн. Юр. Голицына и кн. Ив. Ѳед. Мстиславскаго (А. А. Э. № 289, ящ. 145). Разряда, гдѣ они были вмѣстѣ я не припомню, но оба они были подъ Казанью. Такъ какъ подъ Казанью были многія важныя лица, не вошедшія въ разрядъ, но бывавшія въ посылкахъ, то возможно, что и еще нѣсколько споровъ, изъ вошедшихъ въ Ак. Арх. эксп. № 289 и которые пока нельзя приурочить, случились тогда же.

Разумѣется взятіемъ Казани прекратились походы собственно на Казань, но они продолжались на окрестности Казани. Такъ напр. въ 7062 (1554) году изъ Казани былъ походъ на Арскія мѣста (Ист. Сб. V, 295 офф.), интересный тѣмъ, что въ сторожевомъ полку были кн. А. М. Курбскій и Дм. Мих. Плещеевъ, ему подчиненный. Безмѣстіе не обозначено, поэтому, если ихъ мѣстничество было не въ 7060 (1552) году, то должно было случиться въ 7062 (1554) г. Въ слѣдующемъ 7063 (1555) году былъ тоже походъ на казанскія окрестности (ibid II, 234). Даже въ 7080 (1572) году нужно было оберегать Нижній-Новгородъ отъ казанскихъ луговыхъ людей (ibid 81). Въ 7091 (1583) году посланы были воеводы воевать подъ Казанью горную Черемису (ibid 261). Въ 7092 (1584) и 93 (1585) годахъ былъ походъ подъ Казань, въ которомъ замѣстничались кн. Ив. Барятинскій (сторожеваго полка) съ кн. Дм. Елецкимъ (большаго полка). Результатъ не извѣстенъ, да и случай сомнительный (въ одномъ имѣющемся у меня мѣстническомъ дѣлѣ). Наконецъ въ 7099 (1591) году мы встрѣчаемъ зимній походъ въ Казань, вѣроятно, тоже противъ окрестныхъ инородцевъ (Ист. Сб. II.

96 и 94). Конечно, бывало много походовъ и кромѣ этихъ, но я привожу эти лишь къ примѣру.

Въ самой Казани были мѣстничества: такъ въ 7062 (1554) году Мих. Дм. Ласкиревъ, посланный туда городничимъ, билъ челомъ, что ему занимать эту должность невмѣстно. Въ разрядѣ не найдено этого, но вѣроятно потому, что Ласкиревъ въ сущности ни на кого не билъ челомъ (*ibid.* 65). Можетъ быть тогда же было мѣстничество между кн. Фед. Кашинымъ и кн. Дм. Хилковымъ, третьимъ и вторымъ воеводами въ Казани (*ibid.* и Акт. Арх. эксп. № 289, ящ. 217), такъ какъ иного разряда съ ихъ именами я найти не могъ. Въ 7087 (1579) году мѣстничались воеводы: Богданъ Сабуровъ съ княземъ Григор. Андр. Куракинымъ (Синб. Сборн., разряд. стр. 78). Вѣроятно и еще найдутся случаи, но дальше мы ихъ не слѣдили.

Görbersdorf in Schlesien.

20 июля
1 августа 1877 г.

V.

ПРЕДАНИЕ О ПУГАЧЕВѢ СРЕДИ УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ (*).

В. Н. Витевского.

Помѣщаемое преданіе о Пугачевѣ найдено нами въ черновыхъ бумагахъ покойнаго І. И. Желѣзнова, автора книги „Уральцы, очерки быта Уральскихъ казаковъ“, Москва 1858 г., 2 тома. Покойный І. И. Желѣзновъ⁽¹⁾ записалъ это преданіе въ пятидесятыхъ годахъ со словъ инокини Августы, которая въ міру называлась Анисьей Васильевой и была въ замужествѣ за казакомъ Махоринымъ, прозывавшимся также и Перстняковымъ. Анисья Махорина, урожденная Невзо-

(*) Это интересное преданіе было доставлено Съезду преподавателемъ Казанской учительской семинаріи В. Н. Витевскимъ въ виду 4-го вопроса программы Съезда: *«Какіе вопросы должны входить въ программу для собиранія преданій о мѣстностяхъ, лицахъ и событіяхъ по Казанской губерніи?»* Хотя сообщеніе г. Витевского доложено на Съездѣ не было, но стало извѣстнымъ въ печати, благодаря г. Альфреду Рамбо, французскому ученому, бывшему на Съездѣ делегатомъ отъ французскаго министерства народнаго просвѣщенія. Г. Рамбо, весьма усердно изучающій исторію и литературу Россіи, живо заинтересовался преданіемъ о Пугачевѣ и сдѣлалъ изъ него извлеченіе. Это извлеченіе, въ переводѣ на французскій языкъ, помѣщено г. Рамбо въ «Revue historique» 1878 года (Mai-Août), подъ заглавіемъ: «Traditions populaires dans la Russie orientale sur l'insurrection de Pougatschef; un récit inédit sur le faux Pierre III». Изъ статьи г. Рамбо появилась выдержка въ газетѣ «Голось» 1878 г., откуда была перепечатана П. А. Гильдебрантомъ въ «Древней и Новой Россіи» (1878 г., т. II, замѣтки и новости, стр. 253—254). Въ настоящее время сообщеніе В. Н. Витевского помѣщается вполнѣ, въ томъ именно изложеніи, въ какомъ оно было доставлено предварительному комитету IV Археологическаго Съезда. Редакція «Трудовъ» сочла нужнымъ выпустить лишь введеніе къ статьѣ г. Витевского, гдѣ авторъ передаетъ разсужденія бывшія въ засѣданіи предварительнаго комитета 8 ноября 1876 г., о матеріалахъ по исторіи Пугачевскаго бунта, находящихся въ Перми и Бугульмѣ, разсужденія, которыя дали г. Витевскому поводъ доставить на Съездъ уральское преданіе о Пугачевѣ. (См. Извлеченія изъ протоколовъ предвар. комит. IV Археол. Съезда, Казань, 1877 г., с. 28—29).—*Ред.*

(¹) І. И. Желѣзновъ † въ Нижне-Уральскѣ, 11 іюля 1863 г.—*Прим. Ред.*

рова, происходила изъ калмыцкаго рода и, овдовѣвши, поступила въ женскій монастырь, или скорѣе скитъ, находившійся въ склонахъ Общаго Сырта, близъ Гниловскаго умета, а теперь форпоста; въ настоящее время скитъ этотъ уничтоженъ. Во время Пугачевскаго бунта инокиня Августа была десяти лѣтъ и, по ея заявленію, хорошо помнила Пугачева и толки о немъ, ходившіе въ то время среди казаковъ.

Извѣстно, что императрица Екатерина II не пользовалась расположеніемъ своего мужа, императора Петра III, который былъ болѣе занятъ княгиней Куракиной и особенно фрейлиной Елизаветой Романовной Воронцовой; охлажденіе между супругами возрасло, наконецъ, до того, что Петръ III не считалъ уже нужнымъ скрывать свое нерасположеніе къ Екатеринѣ, какъ супругѣ: онъ очень рѣдко видѣлся съ ней и не приглашалъ ее даже къ столу, во время обѣда; Екатерина была небезопасна,—ей угрожалъ монастырь: Петръ гласно сталъ говорить о своемъ намѣреніи жениться на Воронцовой⁽¹⁾. Такой семейный разладъ между супругами раздѣлилъ придворныхъ на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая, стремясь къ славѣ и матеріальнымъ выгодамъ, думала основать на этомъ супружескомъ антагонизмѣ свое значеніе и свое вліяніе на дѣла внутренняго управленія государствомъ со смертію императрицы Елизаветы Петровны. Начались придворныя интриги; образовалось два лагеря, каждый старался примкнуть къ тому или другому, смотря по обстоятельствамъ и личнымъ расчетамъ. Вотъ объ этомъ-то семейномъ разладѣ, объ этихъ интригахъ, какъ оказывается изъ преданія о Пугачевѣ, знали и тогдашніе Яицкіе казаки, имѣвшіе постоянныя сношенія съ Петербургомъ. Во время самаго переворота, возведшаго Екатерину II на престоль, въ Петербургѣ находилось нѣсколько войсковыхъ старшинъ отъ Яицкаго войска, участвовавшихъ въ петергофскомъ походѣ и награжденных за то золотыми медалями; слѣдовательно, на Яикѣ могли знать лучше и подробнѣе исторію вступленія на престоль Екатерины, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ отдаленномъ уголкѣ Россіи. Яицкіе казаки и старшины, бывавшіе и иногда подолгу жившіе въ Петербургѣ, безъ сомнѣнія, не пропускали мимо ушей и тѣхъ толковъ и слуховъ, которые ходили въ столицѣ о Петрѣ и Екатеринѣ. Въ этомъ-то обстоятельстве, по нашему мнѣнію, и заключается причина того, что и на Яикѣ знали о семейномъ разладѣ Петра III съ его супругой.

⁽¹⁾ Записки воспитателя Петра III, Штелина, въ Чт. Моск. Общ. Истор. и Древн. Росс., 1866 г., кн. III, стр. 104.—Осьмнадцатый вѣкъ, сборникъ, изданный П. И. Бартевымъ, кн. II, стр. 577—579 и 633.

Преданіе сообщаетъ, что сторону Екатерины приняли графы Орловы и Чернышевъ, а за Петра вступился турецкій султанъ, который, изъ сожалѣнія къ Петру Ѳедоровичу, скитавшемуся уже десять лѣтъ, посовѣтовалъ ему обратиться къ Яицкимъ казакамъ и обѣщать имъ въ награду за помощь крестъ и бороду⁽¹⁾, изъ-за которыхъ казаки готовы на все; Петръ послушался султана, и казаки возстали, чтобы возвратить престоль низверженному государю. Признавая въ Пугачевѣ истиннаго Петра Ѳедоровича и выражая по мѣстамъ къ нему сожалѣніе и сочувствіе, преданіе всетаки отдастъ предпочтеніе Екатеринѣ, называя ее мудрой-красавицей: „Вѣдь она (говорится въ преданіи) даромъ что была женщина, а куда какъ была разумна, да и воевать горазда,—супротивъ нея ни одинъ царь не стоялъ. На что ужъ прусскій царь, Фридрихъ, воинъ былъ; говорятъ, отъ всего свѣта всѣхъ царей побивалъ, а она, наша матушка, и его побила. Сколько она земель отбила отъ супротивниковъ, сколько городовъ перебрала—и не перечтешь! Турскаго султана, говорятъ, вдостоль добила; пѣлюю Крымскую орду отъ него къ себѣ присообщила; Очаковъ взяла и много, много земель завоевала. Вотъ она какова была, наша красавица!“ Въ преданіи также говорится о бракѣ Пугачева съ казачкой Устиньей Кузнецовой, объ ея представленіи Екатеринѣ, о рожденіи ею сына, воспитаннаго будто Екатериной, а также и о загадочной смерти Мартемьяна Михайловича Бородина, войсковаго старшины, энергичнаго противника Пугачева.

Указавъ на существенныя черты преданія, послушаемъ самоѣ инокиню Августу, со словъ которой оно записано покойнымъ І. И. Желѣзновымъ.

На вопросъ, обращенный къ Августѣ, помнить-ли она Пугачева? — рассказщица отвѣчала:

— „Какъ-же не помнить! кое-что осталось въ памяти. Какъ теперь смотрю на него голубчика: такой былъ мужественный, величавый, — настоящій царь, Петръ Ѳедорычъ! Моего свекра отецъ былъ близкимъ человѣкомъ къ Петру Ѳедоровичу, да и дядюшку моего роднаго съ сыномъ, моимъ двоюроднымъ братцемъ,—прозывались Кораблевы,—убили на приступѣ къ крѣпости. Вотъ отъ нихъ-то я и слышала.

„У него, у Петра-то Ѳедоровича, между нами будь сказано, вышло несугласье съ супружницей его, матушкой царицей, Катериной Алексѣвной. Господь ихъ вѣдаетъ, изъ-за чего у нихъ тамъ стало, не наши дѣла, суди ихъ Царь Небесный, а намъ не подобаетъ разузнавать да доискиваться, что и какъ было. Поговаривали только, что батюшка нашъ, Петръ Ѳедорычъ, былъ ревнивый, ревнивый такой, а она, матушка наша, супротивъ его

⁽¹⁾ Въ это время въ Москвѣ, по иниціативѣ Потемкина, сформировался особый казачій легіонъ, въ который требовалось болѣе 300 человекъ и отъ Яицкаго войска. Легіонеры должны были брить бороды и носить особую форму. Яицкіе казаки протестовали и были уволены отъ легіонной службы.

неповорлива такая; ну, и пробѣжала, знать, между ними кошка, либо сѣрый волкъ. Супротивники ему были эти Чернышевы, Орловы и прочіе всѣ генералы, что въ Питерѣ, при дворцѣ находились. Онъ видитъ, что ему одному супротивъ всѣхъ не совладать,—взялъ да и скрылся тайно изъ дворца, какъ св. Алексѣй, Божій человекъ, изъ покоевъ своего отца-царя. Какъ все это случилось, Богъ вѣсть! Однако между себя поговаривали люди-то, когда я уже выросла, что все это пло такимъ манеромъ: онъ, Петръ Федорычъ, хоша родомъ нашего царскаго корня, но родился-то въ иной землѣ, тамъ, вишь, и выросъ,—значить, у него тамъ были и сродники, и знакомые. Въ ту пору, какъ вышло у него съ матушкой-то, Катериной Алексѣвной, несугласье, въ нимъ изъ иной-то земли и пріѣхала на корабляхъ со свитой какая-то иностранная принцесса; онъ и пошелъ къ ней на корабль въ гости да и загулялся: трое, говорятъ, сутокъ изъ ея банкета не выходилъ. Матушкѣ-то, Катеринѣ Алексѣвнѣ, и показалось это за досаду. Вотъ она и шлетъ къ нему посланца, чтобы онъ оставилъ банкетъ да шелъ въ свою царскую семью. Онъ не послушался. Она—другаго посланца, онъ и другаго не слушаетъ. Она—третьяго, онъ и третьяго не слушаетъ. Напослѣдокъ сама матушка ѣдетъ къ нему; но не показалась ему на глаза, а посмотрѣла только на него сквозь стеклышко двери, какъ онъ тамъ прохладился. Показала матушка головушкой и примолвила: „не справишь!“—да и удалилась во дворецъ. Близкіе къ Петру Федорычу генералы говорятъ ему: „Пора-де до дому Ваше царское Величество, а то долго-ли до бѣды! Сама царица здѣсь была и ушла больно недовольная“.

— „Пустяки! говорить царь,—она не посмѣетъ ничего супротивъ меня сдѣлать.“

— „Анъ посмѣла! замѣтила разскащица. Черезъ сколько-то времени,—продолжала Августа,—ночною порой царь идетъ во дворецъ, а ворота-то—на запоръ. Человекъ, что у воротъ-то стоялъ, окликаетъ: „Кто идетъ?“—Царь! говорить Петръ Федорычъ. „Нѣтъ у насъ царя, у насъ есть царица, Катерина Алексѣвна“, говорить часовой.—Ничего не подѣлаешь! замѣтила Августа и продолжала: онъ, батюшка, и покатишь назадъ, а она, матушка, открыла окно сверху, смѣется да и кричитъ ему въ задъ-то: „что взялъ?!. Ступай, говорить, теперича въ своей-то заморской прелестницѣ, а я, говорить, и безъ тебя проживу“. Остановился онъ, поглядѣлъ на нее, погрозилъ ей пальцемъ: „ну добро же, голубушка, будетъ и на моей улицѣ праздникъ!“—сказалъ онъ и удалился.

„Такимъ-то побытомъ онъ и сталъ странствовать изъ царства въ царство: то къ тому придетъ къ царю, то къ другому. Всѣ его тайкомъ принимали; у всѣхъ онъ просилъ помощи и всѣ ему отказали. Одинъ говоритъ: „не могу въ чужія дѣла входить“; другой—„свой дерись, бранись, а чужой не приставай“. Съ ихъ стороны это былъ отводъ одинъ, а на самомъ дѣлѣ они крѣпко побаивались матушки Катерины Алексѣвны. Вѣдь она даромъ что была женщина, а куда какъ разумна да и воевать горазда,—супротивъ нея ни одинъ царь не стоялъ. На что ужъ прусскій царь, Фридрихъ, воинъ былъ; говорятъ, онъ всего свѣта всѣхъ царей побивалъ, а она, наша матушка, и его побила. Вотъ она какая была, наша красавица! Сколько она земель отбила отъ супротивниковъ, сколько городовъ перебрала—и не перечесть. Турскаго султана, говорятъ, вдостоль добила; цѣ-

люю Крымскую орду отъ него къ себѣ присообщила; Очаковъ взяла и много, много земель завоевала. Вотъ она какова была, наша красавица!!!

— „Ну, кто-жъ супротивъ нея смѣлъ идти!? Одинъ только турецкій султанъ и тотъ изъ досады, чай, одной, что она его дошибла, въ корень разорила. {Онъ, говорятъ, и шепнулъ Петру Федоровичу: „ты, говорить, что по чужимъ-то огородамъ шатаешься; у тебя, говорить, свой садъ зеленый стоитъ: толкнись-ка, говорить, въ Яицкимъ соколамъ, казакамъ брадатаимъ; присугласи, говорить, ихъ къ себѣ и ужъ черезъ нихъ-то, говорить, получишь или нѣтъ, что слѣдуетъ тебѣ; они, говорить, постоятъ за отечество. И впрямь, мой соколикъ,—замѣтила раскащица,—лихіе войны были старше казаки, любо было посмотреть на нихъ, а теперь что?!—тарань, тарань!“⁽¹⁾ Потомъ Августа продолжала: „И говорить салтанъ Петру Федорычу: „иди къ Яицкимъ казакамъ и объяви имъ себя царскимъ именемъ, и обѣщай пожаловать ихъ крестомъ да бородой,—они, говорить, это любятъ, постоятъ за тебя и не дадутъ никому въ обиду; я, говорить, знаю ихъ; они и ко мнѣ не прочь перейти, есть (если) когда ихъ въ отечествѣ будутъ обижать на счетъ креста да бороды. Это я тебѣ, говорить, только по жалости говорю, а то что мнѣ за охота отбивать у себя хлѣбъ-соль! Не нынѣ, завтра—всѣ казаки будутъ въ моемъ царствѣ. Ступай, куда велю, а то ни за что-ни-про-что пропало десять лѣтъ“.

— „Вотъ онъ и пришелъ на Яикъ, нашъ батюшка.

„Кто батюшка, Пугачевъ-то?“—спросилъ раскащицу собесѣдникъ.

— „Какой Пугачъ, родимый! Не Пугачъ, а Петръ Федорычъ, отвѣтила старуха такимъ тономъ простоты и увѣренности, что, казалось бы, и возражать не слѣдовало; но собесѣдникъ всетаки замѣтилъ: „Ахъ, бабушка, бабушка, какъ же онъ и обманулъ васъ,—вѣдь то былъ простой донской казакъ, Емелька Пугачевъ!“

— „Нѣтъ, нѣтъ, дитятко! Это выдумали супротивники его; они и Пугачемъ-то назвали,—вишь онъ *воинъ* больно былъ, такъ и прозвали его *Пугачъ, да Пугачъ*, а онъ былъ настоящій Петръ Федорычъ! Есть (если) когда-бы это былъ не Петръ Федорычъ, то бы не то и было; тогда и духу нашего не осталось-бы на Яикѣ, даромъ-что Яикъ-то нашъ родной, кровный,—вѣдь знаешь, дитятко, Марина Кайдановна⁽²⁾ завоевала его отъ Чулака-воина.

— „Я тебѣ вотъ что скажу, дитятко! Какъ только случилась въ ту пору завороха, то недѣли черезъ три и прискакалъ отъ матушки царицы гонецъ, чтобъ повончить, затушить эдакое дѣло, а наши казаки возьми да и *приспокой*⁽³⁾ этого гонца-то,—видно, такъ надо было. Вотъ въ Питерѣ-то бояре-то, всѣ эти Чернышovy, Орловы, и взѣлись

⁽¹⁾ Мѣстное выраженіе, равносильное выраженію: «дрянь-дряню!»

⁽²⁾ Марина Кайдановна, по преданію Уральцевъ, была предводительницей рыцарей или морскихъ разбойниковъ и, вмѣстѣ съ ними, грабила царскіе корабли. При помощи донскаго казака Рыжечка, она побѣдила Чулака-воина и завоевала р. Яикъ; она (будто) построила Гурьевъ-городокъ, при чемъ ей помогалъ уже и самъ Чулакъ съ своими воинами.

⁽³⁾ *Приспокойтъ*—убить.

на нашихъ да и дають матушеѣ царичѣ таковой совѣтъ, чтобы всѣхъ казаковъ *пошабашить* (¹); чтобы и духу ихняго не пахло; чтобы и городъ-то ихній скрыть; чтобы камня на камнѣ не оставить. Но мудрая Катерина Алексѣевна такого злаго совѣта не послушалась: „никогда, говоритъ, этого не будетъ,—вѣдь они, говоритъ, казаки-то сирѣчь, не за мужика какого стоять, а стоять они за царское имя“. Вотъ и значить, что то не Пугачъ какой былъ, а всетаки онъ самъ, сирѣчь Петръ Ѳедорычъ! Опять вотъ что, дитятво, скажу тебѣ, какъ онъ впервые-то явился, въ ту пору немногіе изъ нашихъ-то признавали его. Мой родной свекоръ (тогда еще онъ былъ мнѣ чужой, а послѣ сдѣлался свекромъ-то) ѣхалъ изъ города въ Талинскіе хутора, а на встрѣчу-то ему и показалась партія казаковъ. Впереди всѣхъ ѣхалъ въ парчевой одеждѣ мужчина такой мужественный, величавый. Свекоръ скинулъ шапку и поклонился. „Чей ты?“—спросилъ онъ.—Перстняковъ, отвѣтилъ свекоръ и опять поклонился. „Какъ твоего отца зовутъ?“—Иваномъ, говоритъ свекоръ.—„Помню, помню, говоритъ; ступай къ отцу и скажи ему, чтобы сію же минуту явился ко мнѣ и представилъ бы жалованный ковшъ, который я ему далъ въ Питерѣ“. И поскакалъ свекоръ мой, сломя голову, въ Уральскъ; на ту пору отецъ-то свекра былъ въ лихоманѣ (²), одначе свекру-то моему велѣлъ запречь лошадь; досталъ изъ сундука жалованный Петромъ Ѳедорычемъ ковшъ и поѣхалъ на *Горки* (³) къ Талинскимъ хуторамъ, а на Горкахъ-то сдѣланы были рели, словно для качалокъ, а на реляхъ качались удавленники, человекъ съ семь,—это были казаки, которые не признавали Петра Ѳедорыча. Отецъ свекра-то какъ взглянулъ на Петра Ѳедорыча, такъ и призналъ его, нашего батюшку, и многіе казаки, бывавшіе въ Питерѣ съ презентомъ (⁴), признали его. И вотъ съ этого-то самаго времени и пошелъ трусъ и мятежъ по всему войску. Чего, чего, кормилицъ, не было: и топили, и давили, и рѣзали, и разстрѣливали. Ночью, бывало, не ходи; безперечь окликають: кто идетъ? Скажешь: „казакъ“.—Чьей стороны? Ну, и не знаешь, какъ отвѣчать; не знаешь, съ какой стороны спрашиваютъ. Одно было спасенье, сказать: „калмыкъ“, и лучше,—ихъ что-то не трогали. Мы жили въ куреняхъ, почитай, у самой крѣпости, такъ я и наслышалась вдоволь страстей, ужастей. Безперечь на приступъ ходили, подкопы дѣлали; изъ пушекъ, изъ пицалей безъ умолку палили, а съ крѣпостной стѣны варомъ обливали: моего дядю роднаго съ сыномъ, Кораблевы прозывались, на приступѣ убили...“

„А знала ты, матушка, Устинью жену Пугачева?“ спросилъ собесѣдникъ.

— „Какъ не знать-то мнѣ: шаброво дѣло, только черезъ два дома жили! Когда я подросла, то слышала, что говорили на-двое: одни говорили, что Петръ Ѳедорычъ самъ женился на ней, а другіе,—что графы и сенаторы ему присовѣтовали.“

(¹) *Пошабашить*—тоже убить, или перебить, уничтожить.

(²) *Лихорадка*.

(³) *Горками* называется мѣсто за р. Чаганомъ, протекающею съ западной стороны Уральска.

(⁴) Съ рыбой и икрой, ежегодно отправляемой ко двору и въ настоящее время.

— „Какіе графы и сенаторы?“

Августа улыбнулась. „Да все наши же воины, казаки; вѣдь у него была цѣлая свита набрана: кто звался Чернышевымъ, кто—Орловымъ ⁽¹⁾, кто—другимъ какимъ нинасть инераломъ, что въ Питерѣ при Катеринѣ Алексѣевнѣ были, все съ лентами черезъ плечо; ну, и у него все тѣ же были, съ лентами все черезъ плечо щеголяли, прости Господи“.

Инокиня опять улыбнулась и продолжала:

„Сидитъ это онъ разъ подъ окномъ и смотритъ на улицу, а Устинья въ ту пору бѣжитъ черезъ улицу въ одной только рубахѣ, рукава засучены; руки по-локоть въ красной краскѣ,—она видишь, шерсть красила да кушаки изъ нея ткала. Увидалъ ее Петръ Ѳедорычъ,—а она была красавица,—увидалъ да и говоритъ своимъ сенаторамъ: „чья это такая дѣвушка?“ — Дочь казака Кузнецова, говорятъ ему. „Сію же минуту“, говоритъ онъ, „ведите меня въ домъ къ ней“. И пошли въ домъ къ Устинѣ. Тамъ посмотрѣлъ онъ на нее пристально и она полюбилась ему, — вишь больно красива была. „Хочу, говоритъ, на ней жениться“, а сенаторы-то будто и говорятъ ему: „нельзя дѣлу этому стать?“ — „Какъ такъ?“ спрашиваетъ Петръ Ѳедорычъ. — „Отъ живой жены жениться законъ воспрещаетъ!“ — А я вамъ говорю—не воспрещаетъ. „Какъ такъ?“ — „А вотъ какъ, говоритъ онъ: съ своей женой я разошелся больше десяти лѣтъ, а законъ позволяетъ жениться черезъ семь лѣтъ“. Этими словами и урезонилъ ихъ. Другіе же говорятъ иначе. Будто они, сенаторы-то, сами присовѣтовали ему жениться. Петру Ѳедорычу, вишь, хотѣлось имѣть ее, — Господи! прости за слово, — полюбовницей, а сенаторы-то возстали противъ этого да и говорятъ ему: „безчестно отцевою дочери наложницей быть; не подобаетъ царской особѣ въ грѣхѣ жить, а есть когда угодно твоей царской милости, чтобы отцевская дочь была твоею, то соединишь съ ней законнымъ бракомъ“. Онъ имъ и говоритъ: „Не можетъ эвто дѣло стать—знаете, у меня жена жива“. — Какая у тебя жена, та что ли, что въ Питерѣ-то живетъ?, что она тебѣ за жена! не жена это, а супротивница. Что тутъ много толковать! Женись да и баста, а на ту нечего смотрѣть,—немного она надарить; ты только положишь на насъ: грудью за тебя постоимъ; всю имперію (имперію) съ тобой пройдемъ; Москву, Питеръ возьмемъ и ее плѣнимъ“. Такимъ-то побытомъ они его и соблазнили, на грѣхъ-то и навели. Женитьбой-то своей онъ все дѣло и испортилъ: когда узнали про его женитьбу на Устинѣ, такъ народъ-то и отшатнулся отъ него, а то бы, глядишь, не то было. Узнала объ этомъ государыня и гнѣвомъ воскипѣла. — „Есть, (если) говоритъ, когда ты такъ поступаешь, то я поступлю съ тобой по своему. Поѣзжай, говоритъ она князю Голицыну, поѣзжай на Яикъ и непременно разбей его, непотребнаго, живаго или мертваго, говоритъ, представь его ко мнѣ“.

Далѣе Августа сообщила, что Петра Ѳедорыча не удалось имъ поймать, а поймали другаго, какого-то колодника, котораго и вазнили въ Москвѣ.

(1) Чернышевымъ былъ у Пугачева Чика, Орловымъ—Чумаковъ, Воронцовымъ—Шигаевъ, Панинымъ—Овчинниковъ, и т. п.

Извѣстно, что Пугачевъ былъ пойманъ на Яикѣ и отправленъ чрезъ Симбирскъ въ столицу, подъ прикрытіемъ отряда изъ Яицкихъ же казаковъ согласной стороны; главный надзоръ за ними былъ порученъ войсковому старшинѣ М. М. Бородину, который, по пріѣздѣ въ столицу, умеръ скоропостижно. Вотъ что, между прочимъ, рассказала объ этой смерти инокиня Августа.

— „Ѣдетъ изъ Питера М. М. Бородинъ съ своимъ деньщикомъ и говоритъ ему по киргизски, чтобы ямщикъ ихъ не понялъ: „и какое, братецъ мой, я чудо видѣлъ, еслибъ ты только зналъ. Стою я это у матушки царицы въ опочивальнѣ и рассказываю ей, какъ мы сражались супротивъ Пугачева-то, а онъ, Пугачевъ-то, вдругъ изъ-за ширмы съ сжатыми кулаками какъ кинется на меня, иида (такъ-что) я не зналъ, куда дѣться отъ него. Тутъ подоспѣлъ царевичъ и заступился за меня. Но ты помолчи объ этомъ!“ Лишь только онъ объ этомъ сказалъ, какъ нагоняетъ его курьеръ и велитъ ѣхать назадъ въ Питеръ,—матушкѣ царицѣ что-то спонадобился. Сѣлъ онъ съ курьеромъ въ бричку и поскакалъ въ Питеръ, а деньщикъ его вернулся особо послѣ. Пріѣхалъ деньщикъ въ Питеръ, а М. М. Бородинъ уже Богу душу отдалъ.

— „Вотъ она какая притча-то!“ заключила Августа въ недоумѣніи.

„А что случилось съ Устиньей-то?“—спросилъ собесѣдникъ.

— „Устинья и двѣ сестры Толкачевы, ея фрельны (фрейлины), были взяты въ Питеръ. Царица осматривала ихъ востюмъ и похвалила, только Устинья замѣтила, что нехорошо она дѣлаетъ, что украшаетъ свои башмаки золотомъ, что золото прилично только употреблять на украшеніе св. иконъ. Фрельны Толкачевы возвратились въ Уральскъ, а Устинья осталась въ Питерѣ и тамъ кончила свою жизнь. Царица пристроила ее въ какомъ-то монастырѣ, гдѣ Устинья и жила до своей смерти во всякомъ удовольствіи. А сына-то, сына-то ея, какъ матушка царица осчастливила! Устинья осталась послѣ Петра Федорыча беременной и, живши въ Питерѣ, родила мальчика, который былъ воспитанъ царицей, какъ подобаетъ, и отданъ какому-то королю“.

На этомъ и былъ поконченъ рассказъ Августы о Пугачевѣ.

О простота, простота! замѣчаетъ по поводу этого преданія І. И. Желѣзновъ, бесѣдовавшій съ инокиней Августой. Тутъ невольно,—говоритъ онъ,—припоминается секретное предписаніе Оренбургскаго губернатора князя Волконскаго генералу Окулову, въ 1805 г.,—предписаніе, въ которомъ князь Волконскій говоритъ о тайныхъ французскихъ агентахъ, бывшихъ въ Уральскѣ въ 1770 году. Волконскій, какъ современникъ Пугачева, какъ высшее административное лице въ краѣ, могъ знать много такого, чего мы теперь пока не знаемъ.

VI.

О НАРОДНЫХЪ ПРАЗДНИКАХЪ ВЪ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ (¹).

Н. Я. Аристовъ.

Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ приходскими священниками Пензенской духовной консисторіи и препровожденныхъ въ предварительный комитетъ IV Археологическаго Съѣзда, оказывается, что самыми популярными праздниками въ той мѣстности являются у крестьянъ дни, въ которые совершается память въ честь святыхъ, служащихъ покровителями скотоводства, хлѣбопашества и вообще матеріальнаго достатка человѣка. Праздники въ эти дни отличаются особымъ торжествомъ. Такъ напр. въ Пензенской губерніи и въ другихъ сосѣднихъ съ нею особеннымъ чествованіемъ пользуется день свв. муч. *Флора и Лавра* (18 августа), которые считаются у народа за покровителей лошадей. Въ день, посвященный

(¹) Предварительный комитетъ IV-го Археологическаго Съѣзда, озабочиваясь собраніемъ свѣдѣній по 42-му запросу программы Съѣзда о мѣстныхъ святыхъ и праздникахъ, чествуемыхъ въ опредѣленные дни года съ особымъ торжествомъ, обратился къ содѣйствию преосвященныхъ Казанской и сосѣднихъ съ нею епархій относительно доставленія свѣдѣній по означенному запросу, а статистическіе комитеты тѣхъ же губерній просилъ доставить самыя свѣдѣнія. (См. Протоколы предв. комит., Казань 1876 г., стр. 17). Вслѣдствіе этого были доставлены свѣдѣнія: а) отъ преосвященныхъ и духовныхъ консисторій слѣдующихъ Волжско-Камскихъ епархій: Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Астраханской, Уфимской, Оренбургской, Пермской и Вятской б) отъ статистическихъ комитетовъ: Казанскаго, Саратовскаго и Томскаго.—Доставленный матеріалъ очень обширенъ, и для доклада съѣзду, должно было быть составлено изъ него извлеченіе. Этотъ трудъ принялъ на себя бывший на съѣздѣ профессоръ русской исторіи въ Нѣжинскомъ историко-филологическомъ институтѣ кн. Безбородки, Н. Я. Аристовъ († 26 августа 1882 года), но работы окончить не успѣлъ: онъ сдѣлалъ извлеченіе лишь изъ свѣдѣній, доставленныхъ преосвященнымъ Пензенскимъ Григоріемъ, которое здѣсь и помѣщается.—Ред.

ихъ памяти, служится молебствіе, послѣ котораго окропляются св. водою лошади, собираемыя со всего села къ церкви. Полевыхъ работъ въ этотъ день не бываетъ; всѣ лошади стоятъ дома, и ихъ не гоняютъ въ табуны; употреблять лошадь въ работу въ этотъ день считается грѣхомъ. Иногда пригоняютъ къ церкви не однѣхъ лошадей, но и рогатый скотъ и всѣ стада.

Какъ Флоръ и Лавръ представляются покровителями лошадей, такъ св. *Власій*—коровъ, св. *Георгій*—овець, и каждый изъ нихъ спасаетъ ихъ отъ волковъ и проч. Въ Пензенской губерніи память священномученика *Власія* празднуется не въ день его памяти, а во вторникъ передъ праздникомъ Преполовенія. Въ этотъ день въ церкви не бываетъ мужчинъ, а однѣ только женщины, которыя приходятъ въ церковь съ пирогами особой формы, называемые *копытцами*. При этомъ служится молебенъ св. Власію о благополучіи скота. У крестьянъ этотъ день называется бабьимъ праздникомъ.

Въ день празднованія св. *Георгія Побѣдоносца* совершается также моленіе святому о благополучіи скота, причемъ просятъ св. Георгія сохранить скотъ отъ звѣрей и отъ падежа. Въ этотъ день также во многихъ мѣстахъ скотъ впервые выгоняется въ поля на пастбище.

Пророкъ *Илія* считается покровителемъ земледѣлія; онъ посылаетъ урожай и жатву; онъ же спасаетъ поля отъ града и домъ отъ пожара. Въ этомъ смыслѣ и совершаются молебствія въ Ильинъ день во многихъ мѣстахъ Пензенской губерніи. Кромѣ того, пророкъ *Илія* считается какъ бы специально завѣдывающимъ явленіемъ грозы и въ Саратовской губерніи даже называется *Громобоемъ*. Ему молятся объ избавленіи отъ грозы, а также вообще отъ внезапной смерти.

1-го августа въ Пензенскомъ уѣздѣ, послѣ водосвятія, окропляютъ св. водою лошадей и весь скотъ, который въ нѣкоторыхъ селахъ перегоняютъ черезъ рѣку. Въ этотъ же день пчеловоды служатъ молебенъ и угощаютъ духовенство и постороннихъ посѣтителей молодымъ медомъ. Когда же выставляютъ весной ульи на пчельникъ изъ шпеника, то молятся *Зосимъ* и *Савватию*, прося ихъ о сохраненіи и приплодѣ пчелинаго царства.

Іюня 2-го церковь воспоминаетъ великомуч. Іоанна, пострадавшаго въ Бѣлградѣ; крестьяне называютъ его *Іоаннъ Градобойный* и убѣждены, что онъ можетъ отвратить въ другую сторону градовую тучу, или уничтожить градъ и сдѣлать его безвреднымъ при самомъ паденіи. Вслѣдствіе этого они служатъ молебны Іоанну Градобойному о ниспосланіи дождя и спасеніи отъ града и бури.

Покровительницей женскаго труда считается св. *Пятница*; хотя память ея совершаетъ церковь 28 октября, но народъ празднуетъ въ честь этой мученицы Параскевы 9-ю и 10-ю пятницу послѣ Пасхи. Въ этотъ праздникъ непременно бы-

ваеъ крестный ходъ на рѣку, озеро или родникъ; тамъ совершается водосвятіе, и по нѣкоторымъ селамъ окропляется пригоняемый скотъ. Вездѣ во время 9-й и 10-й пятницы происходятъ торги, а по мѣстамъ и ярмарки. Крестьяне о празднованіи въ честь св. Пятницы сообщаютъ много рассказовъ: говорятъ, что за непочитаніе этой мученицы цѣлое село было поражено слѣпотою, а въ другомъ селѣ убило бабу громомъ, которая стала работать. Мужчины, впрочемъ, мало почитаютъ св. Пятницу и называютъ этотъ праздникъ бабьимъ, а женщины считаютъ за большой грѣхъ взять въ руки веретено или гребень, иначе, по ихъ понятію, св. Пятница отсушитъ руки и наплетъ какую-либо страшную болѣзнь. При непочтеніи св. Пятницы она сама является женщинамъ вся исколотая иглками, съ глазами засоренными кастрикой отъ безвременнаго шитья и прядева женщинъ, жалуется на такое невниманіе къ ней и мститъ за это. Въ Пензенское село *Ушенки*, гдѣ бываетъ крестный ходъ на рѣку, приходятъ на богомолье женщины не только изъ окрестныхъ селъ, но даже изъ Тамбовской губерніи, чтобы причастить въ тамошней церкви своихъ грудныхъ дѣтей. Особеннымъ почтеніемъ пользуется св. Пятница въ дер. *Новой Резеповкѣ* и уважается болѣе престольнаго праздника Михаила архангела; ее считаютъ покровительницей всей деревни, и нѣтъ почти ни одного дома, гдѣ бы не было ея иконы. Св. Пятницу зовутъ „матушкой-мученицей“, иногда даже смѣшиваютъ ее съ Богоматерью; 9-ю пятницу отличаютъ отъ *временной*, которая празднуется 28 октября. Въ с. Колоняхъ пятницу передъ днемъ святителя Николая называютъ матерью, или отцомъ чудотворца. Въ рѣдкомъ селѣ Пензенской губерніи нѣтъ часовни, въ которую совершается крестный ходъ послѣ Троицы; о такихъ часовняхъ крестьяне говорятъ, что тамъ прежде была чудотворная икона св. Пятницы и исчезла, но объ этихъ иконахъ въ большинствѣ случаевъ никто ничего не знаетъ, и по замѣчанію мѣстныхъ священниковъ, ихъ тамъ никогда и не было. Празднованіе св. Пятницы непременно соединяется съ хожденіемъ къ водѣ. Не имѣетъ ли связи почитаніе это съ старымъ языческимъ представленіемъ о приплытіи русалокъ?

Кромѣ празднованія въ честь покровителей труда и экономического благосостоянія народа, крестьяне съ особеннымъ уваженіемъ встрѣчаютъ дни святыхъ, которымъ приписываютъ силу создавать довольство человѣка, исцѣлять болѣзни и устраивать семейное счастье и благополучіе.

Во главѣ этихъ святыхъ стоятъ ковачи брачной жизни—*Кузьма и Демьянъ*. Празднованіе дня свв. *Возмы и Даміана* сопровождается особенными обрядами. Такъ въ с. Богословскомъ, Пензенской губерніи въ этотъ день въ церковь собираются только дѣвицы, которыя служатъ молебень и потомъ, по освященіи воды, всѣ подходятъ ко кресту и окропляются св. водою. Послѣ обѣдни дѣвицы соби-

раются вмѣстѣ ѣсть и пить брагу, а потомъ проводятъ время въ игрѣ и пѣсняхъ. Этотъ праздникъ, называемый „Кузьминки“, считается праздникомъ дѣвиць. Въ Мокшанскомъ уѣздѣ дѣвушки собираются на вечеринку и если день скоромный, угощаютъ подругъ курятиной; для этого угощенія рѣжутъ непременно молодого пѣтуха; затѣмъ подаютъ пирогъ съ кашей, называемый *курникъ* ⁽¹⁾. Такимъ образомъ крестьяне считаютъ Кузьму и Демьяна покровителями дѣвиць и устроителями счастливой супружеской жизни.

Спеціально женскимъ праздникомъ считается праздникъ св. *женъ мироносицъ*, когда замуженія женщины служатъ молебенъ; этотъ день такъ и называется женскимъ праздникомъ. День св. муч. *Екатерины* (24 ноября) исключительно празднуется молодыми женщинами-матерями, по обѣщанію служащими молебны, по случаю трудныхъ родовъ. Эту святую считаютъ покровительницею беременныхъ женщинъ.

Есть въ народѣ праздникъ и въ честь, такъ сказать, повивальнаго искусства: третій день по Рождествѣ Христовѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Пензенской губерніи, напр. въ с. *Колонахъ*, посвященъ бабушкѣ *Савоонъ* (Соломея?) которая будто повивала Спасителя въ вертепѣ (въ апокрифахъ и русскихъ заговорахъ встрѣчается бабушка *Соломія*, что Христа повивала). Въ этотъ день устраивается угощеніе всѣмъ повитухамъ въ селѣ и катанье ихъ на тройкахъ съ колокольцами. Въ случаѣ болѣзни дѣтей женщины служатъ молебны *Симеону Богопріиму*, а въ д. Собакинѣ (Городищенскаго уѣзда), въ четвергъ Троицкой недѣли женщины собираются въ церковь и молятся о здравіи дѣтей своихъ. Наконецъ, свв. муч. *Гурій, Самонъ и Авиъ* считаются народомъ за ходатаевъ предъ Богомъ о сохраненіи согласія и любви между супругами. Если мужъ перестаетъ любить жену, то послѣдняя служитъ молебны этимъ покровителямъ семейнаго счастья и брачной жизни.

⁽¹⁾ Во всѣхъ обрадахъ и увеселеніяхъ, сопровождающихъ празднованіе этого дня, не участвуютъ ни замуженія женщины, ни мужчины; рѣдко лишь приглашаются на пирушку молодые парни.

VII.

О КИРЕМЕТАХЪ КРЕЩЕНЫХЪ ТАТАРЪ, ИЗЪ ДЕРЕВНИ ТАВЕЛЬ, ЧИСТОПОЛЬСКАГО УѢЗДА, КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Объяснительная записка

И. М. Софійскаго (¹).

Въ этнографическомъ отдѣленіи выставки, устроенной при IV Археологическомъ Създѣ, между различными предметами, касающимися такъ или иначе той или другой стороны быта казанскихъ инородцевъ, находятся жертвенныя приношенія крещеныхъ Татаръ, извѣстныя у послѣднихъ подъ именемъ *кирметей*. Извѣстно, что слово *кирметь*, чаще всего слышимое у крещеныхъ Татаръ въ формѣ *кирямять*,—есть арабское и въ переводѣ на русскій языкъ значить „достойное почтенія, достойное уваженія“. Этимъ именемъ крещеные Татары обозначаютъ во 1-хъ, духовъ или геніевъ, почитаемыхъ ими наравнѣ съ Чувашами и

(¹) Редакціонный Комитетъ передалъ какъ настоящую статью, такъ и слѣдующую за нею на разсмотрѣніе извѣстнаго ориенталиста и знатока быта поволжскихъ инородцевъ Н. И. Ильминскаго, который, разсмотрѣвъ ихъ, снабдилъ записку г. Софійскаго слѣдующимъ примѣчаніемъ: Авторъ записки Илья Михайловичъ Софійскій, въ 1877 году студентъ Казанской духовной академіи по миссіонерскому отдѣленію, ученикъ Н. П. Остроумова. По его совѣту г. Софійскій занимался этнографіей и особенно религіозными повѣртіями старо-крещеныхъ Татаръ, у которыхъ много сохранилось шаманской старины. Г. Софійскій доставилъ на выставку Създа описываемыя имъ въ этой статьѣ кирметы и самъ объяснялъ ихъ посѣтителямъ выставки. Въ «Извѣстіяхъ по Казанской епархіи» на 1877 годъ, стр. 674—689, напечатана статья его «о кирметахъ крещеныхъ Татаръ Казанскаго края», (лекція въ казанскомъ миссіонерскомъ приютѣ), составляющая общій обзоръ вѣрованій Татаръ въ кирметъ, и служащая какъ бы выводомъ изъ печатаемыхъ свѣдѣній. Г. Софійскій, по окончаніи академическаго курса, поступилъ учителемъ киргизскаго училища въ Перовскѣ; потомъ былъ преподавателемъ русскаго языка въ Туркестанской учительской семинаріи; нынѣ перешелъ на мѣсто инспектора киргизскихъ школъ и народныхъ училищъ Уральской области и Орскаго уѣзда.

Черемисами, во 2-хъ, мѣсто, гдѣ, по представленію крещеныхъ Татаръ, обитаютъ таковыя духи, и въ 3-хъ, жертвы, приносимыя ими въ честь и умилоствленіе почитаемыхъ ими духовъ. На выставку къ IV Археологическому Съѣзду доставлены собственно жертвенныя приношенія крещеныхъ Татаръ, носящія названія киреметей. Всѣхъ, доставленныхъ сюда, киреметей крещеныхъ Татаръ 10 видовъ; расположены они въ 3-хъ группахъ, въ такомъ видѣ, въ какомъ они были расположены и хранились у самихъ крещеныхъ Татаръ.

Первая группа киреметей, извѣстная у крещеныхъ Татаръ подъ именемъ „Оло кирямятляръ“ или „Оло келляляръ“, т. е великія киремети или великія моленія, заключаетъ въ себѣ 6 видовъ киреметей. Они помѣщены въ четырехугольномъ лубочномъ ящикѣ, имѣющемъ въ верхней своей части 10 $\frac{1}{2}$., а въ нижней 11 $\frac{1}{2}$., вершковъ длины, и 5 $\frac{1}{2}$., вершковъ ширины; вышина ящика 4 $\frac{1}{2}$., вершка. Внутри ящикъ раздѣленъ поперегъ на 2 равныя половины лубочною, въ настоящее время уже значительно покривившеюся, перегородкою. Сверху ящикъ закрывается лубочною же крышкой, вращающеюся на двухъ петляхъ изъ мочальной бичевки. Крышка запирается особымъ лубочнымъ поперечникомъ шириною въ 1 и длиною въ 7 $\frac{1}{2}$., вершковъ; поперечникъ наглухо прикрѣпленъ мочальною бичевкою съ той стороны ящика, съ которой находятся петли крышки; съ противоположной стороны ящика поперечникъ замыкается мочальною же бичевкой. Въ первомъ отдѣленіи ящика находятся полотняный мѣшечекъ съ мѣдными монетами и двѣ группы небольшихъ отрѣзковъ грубаго полотна; а во второмъ— три группы такихъ же отрѣзковъ полотна съ маленькими кусочками воска въ срединѣ каждаго изъ нихъ. Всѣхъ монетъ въ мѣшечкѣ 60; въ числѣ ихъ находится *три старинныхъ двухкопѣечника (гроша)*,—одинъ 1821 года и два—1831 г.; кромѣ того *37 старинныхъ копѣекъ*: одна—1759 г., 1—1796, 5—98, 2—1800, 5—1801, 2—11, 1—16, 1—18, 4—19, 1—20, 3—21, 1—24, 1—27, 3—28, 2—32, 1—36, 1—37; *одна $\frac{1}{2}$ копѣйки* 1840 г.; 6 денегъ: 1—1737 г., 1—38 г., 1—48, 2—1825, 1 годъ стертъ; *5 денежекъ*: 1—1853 г., 1—56, 1—57, 1—58, 1—62; *четыре $\frac{1}{4}$ копѣйки*: 2—1842 г., 2—45 г., *4 полушки*: 1—1851 г., 3—53 года. Сюда же присоединены добытыя изъ другаго мѣста, но имѣющія одинаковое съ первыми назначеніе, 36 серебряныхъ монетъ XVII и начала XVIII столѣтій. Одна группа отрѣзковъ полотна состоитъ изъ 56 кусковъ; длина каждаго куска равняется ширинѣ обыкновеннаго полуаршиннаго полотна, ширина же ихъ колеблется между $\frac{1}{2}$.—2 вершками. Во второй группѣ находится 63 отрѣзка полотна такихъ же размѣровъ. Во второмъ отдѣленіи ящика въ первой группѣ 56, во второй 66 и въ третьей 58 такихъ же по величинѣ и внѣшней формѣ отрѣзковъ полотна, какіе находятся въ первомъ отдѣленіи ящика, съ тѣмъ толь-

во. небольшимъ отличіемъ, что въ средину каждого клочка полотна 2-й половины ящика завернуты маленькіе кусочки воска.

Вторая группа киреметей, извѣстныхъ у крещеныхъ Татаръ подь именемъ „*Быръ кирямте*“—полевая киреметь, заключаетъ въ себѣ 2 вида киреметей и помѣщается въ берестяномъ буракѣ съ деревяннымъ дномъ. Вышина бурака съ наружной его стороны $4\frac{1}{2}$, а со внутренней $3\frac{1}{2}$ вершка; въ діаметрѣ онъ имѣетъ 3 вершка. Буракъ привѣшивается на конопляной въ 10 вершковъ длины бичевкѣ и покрытъ тремя грубыми крашениновыми, другъ на друга положенными, тряпками съ бѣлою подкладкою изъ грубаго же полотна; длина верхней крашениновой тряпки 10, и ширина $7\frac{1}{2}$ вершковъ. Въ буракѣ находится 116 мѣдныхъ монетъ, въ числѣ которыхъ 46 грошей: 4—1810 года, 2—11, 3—12, 2—13, 1—14, 4—15, 3—16, 2—17, 1—20, 5—21, 2—22, 2—24, 3—25, 1—26, 2—28, 3—29, 2—32, 3—38, 1—39; 4 копейки серебромъ: 1—1851 г., 1—56, 1—59, 1—64; 45 копеекъ: 1—1758 г., 2—60, 1—74 (сибирская), 1—98, 6—99, 9—1800, 8—1801, 1—18, 4—19, 1—21, 1—23, 1—24, 2—28, 1—29, 1—30, 6—32, 5—35, 1—37; восемь $\frac{1}{2}$ копеекъ серебромъ: 3—1840, 1—41, 4—42 г.; 6 денегъ: 1—1731 г., 1—39, 1—41, 1—48, 1—57, 1—1825; 5 денежекъ: 1—1851 г., 1—53, 1—54, 2—56; одна $\frac{1}{4}$ копейки серебромъ 1841 г., одна полушка 1853 года.

Третья группа киреметей заключаетъ въ себѣ также 2 вида киреметей и называется у крещеныхъ Татаръ общимъ именемъ: „*Тягеръ* (или *тяреларъ*) *беланъ кужаларъ кирямте*“, т. е. киреметь Бога неба (или иконъ) и ходжей. Эта группа киреметей представляетъ собою свертокъ изъ отрѣзковъ полотна, число которыхъ простирается до 103; отрѣзки полотна намотаны на четырехгранной липовой палкѣ длиною въ $\frac{1}{2}$ аршина.

Кромѣ общихъ названій представленныхъ на выставку Съѣзда киреметей,—названій, раздѣляющихъ киремети на 3 группы, каждый отдѣльный видъ киремети характеризуется своимъ собственнымъ названіемъ. Изъ первой группы киреметей деньги въ полотняномъ мѣшечкѣ въ первомъ отдѣленіи четырехугольной лубочной коробки носятъ названіе „*Жылкы корманынынъ алдыннанъ жбрѣй торганъ акъ тьяксе*“, т. е. бѣлый баранъ, который ходитъ (рѣжется) прежде жертвоприношенія лошади, или „*Оло бауыръ корманынынъ алдыннанъ жбрѣй торганъ тьяксе*“, т. е. баранъ, который ходитъ (рѣжется) предъ жертвоприношеніемъ великой печени, или наконецъ полнѣе „*Оло бауыръ, жылкы корманынынъ алдыннанъ жбрѣй торганъ акъ тьяксе*“, т. е. бѣлый баранъ, который ходитъ (рѣжется) предъ жертвоприношеніемъ лошади или великой печени. Слѣдующая за этой киреметью коллекція изъ 56 отрѣзковъ полотна называется „*Оло бауыръ корманы*“, т. е. жертвоприношеніе великой печени, или „*Оло бауыръ корманынынъ үгезе*“,

т. е. быкъ (вмѣсто) жертвоприношенія великой печени, или „*Жылкы корманынынъ ѳезе*“, т. е. быкъ (вмѣсто) жертвоприношенія лошади, или наконецъ полнѣе: „*Оло бауыръ, жылкы корманынынъ ѳезе*“, т. е. быкъ (вмѣсто) жертвоприношенія лошади, или великой печени. О происхожденіи этихъ двухъ видовъ киреметей извѣстно слѣдующее преданіе въ потомствѣ тѣхъ крещеныхъ Татаръ, у которыхъ взяты ⁽¹⁾ доставленныя на выставку Съѣзда киремети. Рассказываютъ, что когда-то очень давно нѣсколько молодыхъ людей (*жигеть*) рубили въ лѣсу дрова. Во время своей работы они, въ подражаніе оставшимся дома старшимъ членамъ своихъ семействъ, вздумали совершить жертвоприношеніе невидимому духу въ надеждѣ, что въ такомъ случаѣ работа ихъ пойдетъ успѣшнѣе. Не имѣя подъ руками никакихъ домашнихъ животныхъ, кромѣ лошадей, они болѣе всего обратили свое вниманіе на двухгодовалого жеребенка (*кырыммыш тай*), который былъ съ ними, и рѣшили принести его въ жертву, какъ самый подходящий предметъ для жертвы въ данныхъ обстоятельствахъ. Жеребенка зарѣзали; шкуру его повѣсили на дрова, а мясо сварили въ котлѣ. Сваривши мясо, они помолились, какъ могли и съумѣли; а мясо потомъ поѣли. Кромѣ совершившихъ жертвоприношеніе двухгодовалого жеребенка, никто не зналъ объ этой жертвѣ. Молодые люди, принесшіе означенную жертву, потомъ выросли, поженились, у нѣкоторыхъ изъ нихъ появились даже свои дѣти; но хозяйство ихъ какъ-то все разстраивалось, здоровье ихъ самихъ ухудшалось и дѣлалось годъ отъ году слабѣе. Наконецъ, по обыкновенію крещеныхъ Татаръ, они обратились къ ворожеѣ съ вопросами о своемъ несчастіи. Ворожея напомнила имъ о принесенной ими когда-то въ лѣсу жертвѣ и рекомендовала имъ возстановить ее ежегоднымъ повтореніемъ ея. Послушные голосу ворожеи, крещеные Татары возстановили жертвоприношеніе двухгодовалого жеребенка, — стали ежегодно въ урочный день рѣзать молодую лошадку. Съ того времени хозяйство ихъ улучшилось, они значительно разбогатѣли, здоровье ихъ самихъ поправилось, они почувствовали себя бодрыми и крѣпкими. Возстановивши киреметь, они назвали ее „*жылкы корманы*“ — жертвоприношеніе лошади; а когда приносить въ жертву лошадей было запрещено закономъ (?), то они вмѣсто цѣлой лошади стали приносить только печень лошади, которую доставали будто тайкомъ у Татаръ-мухаммеданъ, поэтому самое жертвоприношеніе стали называть „*оло бауыръ корманы*“ или „*оло бауыръ келяуе*“, т. е. жертвоприношеніе великой печени. Наконецъ вмѣсто лошади, а также и вмѣсто

⁽¹⁾ Доставленныя на выставку Съѣзда киремети добыты въ дер. Тавель Чистопольскаго уѣзда, Казанской губерніи, изъ рода крещеныхъ Татаръ Апаковыхъ

печени лошади они стали приносить быка (кыуа ҫгезь), и на этомъ основаніи самому жертвоприношенію дали слѣдующее полное названіе: „оло бауырҫ, жылкы корманынынҫ ҫгезе“, т. е. быкъ (вмѣсто) жертвоприношенія лошади или великой печени. Съ теченіемъ времени, когда богатство ихъ увеличилось въ значительной степени, они нашли возможнымъ въ благодарность за оказанное имъ благодѣяніе увеличить свою жертву невидимому духу;—кромѣ быка, они стали рѣзать еще ежегодно бѣлаго барана, который всегда приготавливался прежде быка, и служилъ такъ сказать открытіемъ торжества жертвоприношенія лошади или, вмѣсто ея, быка; отсюда образовалось названіе первой киремети: „оло бауырҫ, жылкы корманынынҫ алдыннанҫ жбрѣй торганҫ акҫ таясе“, т. е. бѣлый баранъ, который ходитъ (рѣжется) предъ жертвоприношеніемъ лошади или великой печени.—Вторая коллекція отрѣзковъ полотна, находящихся въ первомъ отдѣленіи четырехугольнаго ящика, и простирающихся числомъ до 63 отрѣзковъ, называется „Тюрҫ ҫгезе“, т. е. древній или первоначальный быкъ. О происхожденіи этой киремети можно прочесть въ 11 № „Извѣстій по Казанской епархіи“ за 1876 годъ, въ статьѣ старо-крещенаго Татарина Михаила Апакова: „Разказы крещеныхъ Татаръ.... о происхожденіи киреметей“. Первая коллекція отрѣзковъ полотна съ воскомъ въ срединѣ каждаго куска полотна, находящаяся во второмъ отдѣленіи четырехугольнаго ящика и заключающая въ себѣ 56 клочковъ полотна, называется „кай бяряне“ или „кайгы бяряне“ — ягненокъ печали. Въ честь этой киремети должно зарѣзать ягненка синяго (?) цвѣта (кюкь бярянь): умило-стивленное такую жертвою божество избавляетъ людей отъ града и мора, отъ грозы и пожара, отъ смертоноснаго вѣтра и другихъ физическихъ несчастій. Вторая коллекція отрѣзковъ полотна во второмъ отдѣленіи ящика носитъ названіе „оло жаратканҫ Ана“—мать сотворительница великая, а третья коллекція называется „кече жаратканҫ Ана“—мать сотворительница малая. О происхожденіи послѣдней киремети разсказывается слѣдующее преданіе. Однажды, въ очень отдаленное отъ насъ время, старшіе члены изъ семейства крещеныхъ Татаръ уѣхали въ чужую деревню на праздникъ. Оставшіяся дома дѣти ихъ, подобно выше-сказаннымъ дроворубамъ, вздумали приносить жертву. Они зарѣзали бѣлаго гуся и совершили обрядъ жертвоприношенія, т. е. сварили мясо гуся въ котлѣ и съѣли его съ молитвеннымъ призываніемъ божества. Дальше въ преданіи повторяется то же самое, что было сказано о дроворубахъ. Въ заключеніе разсказа прибавляется, что возстановленная возмужавшими дѣтьми крещеныхъ Татаръ киреметь получила названіе „Кече жаратканҫ Ана“—мать сотворительница малая—въ отличіе отъ „Оло жаратканҫ Ана“—матери сотворительницы великой, въ подражаніе которой была первоначально совершена жертва маленькими дѣтьми.—

Во второй группѣ киреметей, находящихся въ буракѣ, и состоящихъ изъ 116 мѣдныхъ монетъ, одна часть денегъ носить названіе „*кыръ кирамятенень алдыннанъ жѣрбѣй торганъ акъ тякясе*“, т. е. бѣлый баранъ, который ходитъ (рѣжется) предъ жертвоприношеніемъ полевой киремети, или полнѣе: „*кыръ кирамятенень кызылъ танасынынъ алдыннанъ жѣрбѣй торганъ акъ тякясе*“, т. е. бѣлый баранъ, который ходитъ предъ жертвоприношеніемъ красной телки полевой киремети. Другая часть денегъ въ буракѣ называется: „*кыръ кирамятенень кызылъ танасы*“, т. е. красная телка полевой киремети. Обѣ же части денегъ вмѣстѣ называются общимъ именемъ „*кыръ кирамяте*“, т. е. полевая киреметь. О происхожденіи этого рода киреметей передается слѣдующее преданіе. Одна старушка изъ потомства Апаковыхъ въ д. Тавель Чистопольскаго уѣзда нашла въ полѣ одинъ разъ буракъ съ небольшимъ числомъ монетъ. Полагая, что эта находка есть знакъ особой къ ней милости Бога, она, изъ почтенія и уваженія къ Нему, вздумала принести Ему посильную жертву. Сначала она сварила кашу (бутка), а потомъ обѣщала зарѣзать двухлѣтнюю красную телку. Собравшись съ силами, она исполнила свое обѣщаніе,—зарѣзала красную телку и съ тѣхъ поръ стала приносить такую же жертву. Явилась такимъ образомъ киреметь „*кыръ кирамятенень кызылъ танасы*“—красная телка полевой (найденной въ полѣ) киремети. Впослѣдствіи, когда въ домѣ названной старушки богатство замѣтно увеличилось, родственники ея—потомки положили, въ благодарность Богу, увеличить жертвоприношеніе, къ телкѣ прибавили бѣлаго барана, котораго рѣзали прежде телки; образовалась новая киреметь „*кыръ кирамятенень алдыннанъ жѣрбѣй торганъ акъ тякясе*“, т. е. бѣлый баранъ, который ходитъ (рѣжется) прежде красной телки. Киреметь полевая существуетъ только въ одномъ потомствѣ Апаковыхъ; въ другія потомства ея не распространяли изъ опасенія, какъ бы вмѣстѣ съ киреметью не перешло совѣмъ въ другой родъ и богатство.

Послѣдняя группа киреметей, свертокъ клочковъ полотна на липовой палочкѣ, какъ сказано выше, содержитъ въ себѣ два вида киреметей, изъ которыхъ первая носить названіе „*Тянгре* (или *тярелярь*) *келяуе*“—моленіе Бога неба (или иконъ), а вторая „*кужаларъ келяуе*“, т. е. моленіе ходжей. Обѣ же вмѣстѣ называются общимъ именемъ; „*Тянгре* (или *тярелярь*) *белянъ кужаларъ кляуе* (или *кирямяте*)“, т. е. киреметь Бога неба и ходжей. Въ объясненіе „*кужаларъ келяуе*“ у крещеныхъ Татаръ существуетъ слѣдующій рассказъ.

Вскорѣ послѣ потопа, еще во дни „праведнаго Ноя“, въ нынѣшнемъ Чистопольскомъ уѣздѣ жила дѣвушка-царица (кызы-патша); столицею ея царства былъ городъ, стоявшій въ свое время на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находятся деревни Нижняя и Верхняя Никиткины. Небольшой холмъ между этими деревнями, вер-

стахъ въ 1½, отъ большаго оренбургскаго тракта къ югу, и до сего времени слы-
ветъ въ народѣ подь именемъ „*кызы патшанынъ каласы*“, т. е. городъ дѣви-
цы-царицы; на скатѣ холма стоитъ камень—памятникъ, обнесенный деревянною
оградой; на камнѣ едва замѣтно виднѣются буквы арабскаго алфавита; арабская
или татарская въ нихъ заключается письменность—разобрать трудно. По сказа-
нію мѣстныхъ жителей, подь камнемъ симъ покоится прахъ дѣвицы-царицы. У
этой царицы, продолжаетъ преданіе, было многочисленное войско, которое одна-
ко было взято въ плѣнъ русскимъ царемъ и окрещено въ „русскую“ вѣру. Глав-
нымъ начальникомъ войскъ царицы былъ Татаринъ-мухаммеданинъ, по имени
Насръ-эдинъ, извѣстный въ народѣ больше подь именемъ ходжи, — „*кужа*
Насрэддинъ“. Ученикъ какого-то знаменитаго хальфы, онъ однако самъ имѣлъ у
себя шакирдовъ (учениковъ), которыхъ и наставлялъ въ правилахъ мухаммедан-
ской религіи (*). Въ душѣ своей онъ всегда держалъ Бога и былъ величайшимъ
праведникомъ; онъ обладалъ даромъ предвѣденія и другими довольно чудесными
качествами. Однако людямъ онъ казался смѣшнымъ и съумасшедшимъ: онъ ска-
калъ и плясалъ по улицамъ, безобразничалъ въ публичныхъ мѣстахъ; будучи
мясникомъ одно время, разбрасывалъ мясо собакамъ, говоря, что даетъ имъ въ
долгъ и под. Вообще о жизни Кужа-Насръ-эдина у крещеныхъ и некрещеныхъ
Татаръ передается весьма много подробностей. По преданію, онъ умеръ въ глу-
бокой старости и былъ похороненъ въ Чистопольскомъ уѣздѣ недалеко отъ села
Биларска, на возвышенномъ мѣстѣ. Съ того времени, говорятъ, эта возвышен-
ность стала называться „*кужаларъ тауы*“, т. е. гора ходжей. При подошвѣ этой
горы протекаетъ святой ключъ, въ которомъ въ древности найдена была какая-
то чудотворная икона. Эта икона будто и до нынѣшняго времени хранится въ
церкви с. Биларска. Когда бываетъ крестный ходъ на священный ключъ, то сю-
да стекается много народа изъ окрестностей; сюда собираются: Русскіе, Татары
крещеные, Татары-мухаммедане, Чуваши, Мордва и пр. Одни изъ приходящихъ
сюда являются съ цѣлію поклониться христіанской святынѣ, а другіе, и такихъ
большинство, являются на поклоненіе праху Насръ-эд-дина, въ честь котораго
и приносятъ здѣсь различныя жертвы. Татары-мухаммедане сами готовятъ
жертвы изъ приведенныхъ съ собою домашнихъ животныхъ,—рѣжутъ ихъ, ва-
рятъ и ѣдятъ; а крещеные Татары и Чуваши передаютъ свои жертвы въ руки
мухаммеданскихъ муллъ, которые и распоряжаются по своему усмотрѣнію по-

(*) По ученію мухаммеданъ исламъ проповѣдуется со времени появленія первыхъ людей на
земли.—первымъ проповѣдникомъ ислама былъ еще Адамъ; затѣмъ исламъ же проповѣдывали и
другіе ветхозавѣтные и новозавѣтные пророки;

жертвованными животными. Жертвы, приносимыя крещеными Татарами въ честь „Кужа Насръ-эддина“, называются ими: „*кужа келяу*“ или „*кужа кирямте*“.

Изъ перечисленныхъ отдѣльныхъ названій каждой изъ представленныхъ на выставку Съѣзда киреметей видно, что жертвы, приносимыя крещеными Татарами въ честь и умилостивленіе киреметей, должны быть непременно кровавыя,—нужно рѣзать коровъ, лошадей, овецъ и пр. Естественно при этомъ рождается вопросъ: откуда же взялись и что значать представленные на выставку Съѣзда жалкія кополки съ грошами и тряпьемъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ должно сказать, что представленные на выставку Съѣзда мѣдныя и серебряныя монеты вмѣстѣ съ отрѣзками полотна, нося тоже названіе киреметей, представляютъ собою результатъ сдѣлки практическаго расчета съ религіозною совѣстью крещенныхъ Татаръ. Дѣло въ томъ, что весьма часто случается, что у одного и того же домохозяина—крещенина бываетъ нѣсколько экземпляровъ киреметей, иногда больше 10 штукъ; въ честь каждой киремети ежегодно нужно совершить то или другое жертвоприношеніе; въ противномъ случаѣ крещенинъ ожидаетъ себѣ несчастія или наказанія отъ мстительныхъ, разсерженныхъ невниманіемъ къ нимъ, киреметей; слѣдовательно одинъ и тотъ же домохозяинъ долженъ ежегодно извести болѣе 10 штукъ крупнаго и мелкаго скота на одно чествованіе предметовъ своего религіознаго поклоненія. Но не всѣ крещенные Татары живутъ настолько состоятельно, чтобы могли ежегодно дѣлать такія, сравнительно очень значительныя, особенно для поселянина, затраты. Между тѣмъ непринесеніе жертвы тяжелымъ гнетомъ лежитъ на религіозной совѣсти крещенина.... Въ такой борьбѣ между различными мотивами изворотливый умъ крещенина придумалъ слѣдующую, успокоительную для его религіозной совѣсти, сдѣлку. Вмѣсто кровавой жертвы въ урочное для жертвоприношеній въ честь киреметей время года крещеный Татаринъ варитъ изъ какой либо крупы кашу, кладетъ ее въ чашку и ставитъ на столъ въ своей избѣ предъ образами. Въ кашѣ въ срединѣ чашки хозяйка дома дѣлаетъ углубленіе и наполняетъ его какимъ либо жирнымъ или маслянистымъ веществомъ, преимущественно растопленнымъ коровьимъ масломъ; по краямъ чашки на кашу кладутся двѣ пустыхъ ложки. Затѣмъ на одну изъ ложекъ хозяинъ или хозяйка кладетъ или монету преимущественно стараго чекана (мѣдную или серебряную — все равно), или небольшой отрѣзокъ полотна съ воскомъ въ срединѣ, или таковой же отрѣзокъ полотна безъ воска; разница эта зависитъ отъ киремети, въ честь какой совершается жертвоприношеніе, и обусловливается первоначальнымъ опытомъ приносившихъ жертву таковую въ первый разъ. Затѣмъ приносящій жертву крещенинъ обращается съ молитвою къ чествуемому божеству, проситъ его о своихъ нуждахъ и извиняется предъ нимъ, говоря: „будь

довольно (божество) этою скромною и малою жертвою, какую я тебѣ приношу; въ слѣдующій разъ, когда я буду состоятельнаѣе, я принесу тебѣ настоящую жертву (лошадь, корову и пр.)“. Потомъ другою пустою ложкой онъ беретъ немного каши изъ чашки и ѣстъ ее; жертву же свою, т. е. монету или отрѣзокъ полотна, онъ снимаетъ съ ложки и кладетъ въ особый сосудъ, нарочно для того приготовленный. Съ того момента, какъ жертвенное приношеніе, такъ и сосуды, вмѣщающіе въ себѣ жертвенныя приношенія, считаются священными и ихъ не должно касаться до новаго жертвоприношенія, когда къ нимъ подкладываются новыя приношенія. По окончаніи жертвоприношенія сосуды съ жертвенными приношеніями относятся въ какое либо темное, мало доступное, мѣсто; всего чаще ихъ вѣшаютъ, втыкаютъ и кладутъ подъ крыши жилыхъ строеній, на потолкахъ избъ, или относятъ въ овины, риги и тому подобныя помѣщенія. Такъ какъ эти приношенія назначаются взаменъ кровавыхъ жертвъ, вмѣсто лошадей, коровъ, овецъ и пр., то они со времени ихъ помѣщенія въ коробкахъ и буракахъ, т. е. со времени, такъ сказать, освященія ихъ жертвоприношеніемъ получаютъ особыя названія; деньги получаютъ названіе „*битъ*“—лице, а клочки полотна—„*мангай*“—лобъ; каждая монета, принесенная въ жертву вмѣсто животнаго, называется *битъ*, каждый клочекъ полотна—*мангай*. Цѣлая же группа или коллекція такихъ *битъ* или *мангай*, т. е. собранныя за нѣсколько лѣтъ приношенія въ честь одной киремети, называются *тѣбъ*—основаніе. На выставку Съѣзда доставлены приношенія отъ 10 видовъ киреметей; слѣдовательно здѣсь 10 *тѣбъ*—основаній; изъ нихъ 7 *мангай*—лбовъ и 3 *битъ*—лица. Въ тотъ годъ, когда въ честь какой либо киремети приносится кровавая жертва, собранныя въ честь этой киремети приношенія въ предъидущіе годы вынимаются изъ своихъ помѣщеній и раздѣляются между членами семейства. Изъ кусочковъ воска, вкладываемаго въ нѣкоторыя приношенія, во время жертвоприношенія животныхъ дѣлаются двѣ восковыя свѣчки, которыя зажигаются и прилѣпляются къ божницѣ предъ иконами. Молитва предъ иконами съ зажженными предъ ними свѣчами, сдѣланными изъ приношеній въ честь киреметей, на языкѣ крещеныхъ Татаръ получила названіе „*эшямъ астында тороу*“, т. е. стояніе подъ свѣчей.

Киремети различныхъ видовъ существуютъ у всѣхъ крещеныхъ Татаръ Казанской губерніи, но гораздо болѣе они почитаются и въ бѣльшемъ количествѣ существуютъ у тѣхъ крещеныхъ, у которыхъ въ полной силѣ еще господствуютъ языческія вѣрованія и языческія представленія. Лицамъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ имѣвшимъ случай входить въ близкія отношенія къ крещенымъ Татарамъ, извѣстно, что сами крещеные Татары, по степени своей обрусѣлости и религіознымъ симпатіямъ, дѣлятъ себя на три вида: 1) *таза кряшень*, *чиста кря-*

шень, чей кряшень (чистый крещенинъ, невареный, сырой, т. е. настоящій крещенинъ), 2) *кара кряшень* или *уриссымакъ* (черный крещенинъ, крещенинъ, похожій на русскаго, обрусѣлый) и 3) *акъ кряшень* или *татарсымакъ* (бѣлый крещенинъ, крещенинъ, похожій на татарина, обтатарившійся). Первые (чиста кряшень, чей кряшень) характеризуются сравнительно большею преданностію язычеству. Самое названіе ихъ „таза, чиста кряшень“ (чистый крещенинъ) или „чей кряшень“ (не вареный, сырой крещенинъ) показываетъ, что они меньше другихъ своихъ единоплеменниковъ подверглись измѣненію въ религіозно-нравственномъ состояніи, болѣе другихъ сохранили у себя *чистыхъ* языческихъ вѣрованій, не переварились, не передѣлались въ другой какой либо новой для нихъ религіи. Въ понятіи Татаръ съ названіемъ „чиста кряшень“, или „чей кряшень“—всегда является крещенинъ-язычникъ, такъ сказать непосредственный крещенинъ, оставшійся и послѣ купели крещенія при первыхъ проповѣдникахъ христіанства язычникомъ. Это—Татаринъ крещенный, но не просвѣщенный, не наученный вполне истинамъ новой религіи, не забывшій прежней религіи, не оставившій языческихъ обрядовъ и суевѣрій. Крещеные Татары втораго рода (*кара кряшень* или *уриссымакъ*) характеризуются сравнительно большею преданностію христіанской вѣрѣ, православно-русскимъ обычаямъ. Названіе „кара кряшень“ показываетъ, что крещенинъ, по представленію Татаръ, потерялъ прежнюю *чистую* вѣру, воспринялъ новую *черную* ⁽¹⁾ вѣру, предался русскимъ обычаямъ „*русской*“ вѣрѣ (*уриссымакъ*). Названіе крещеныхъ Татаръ казанскаго края 3-го рода—*акъ кряшень* и *татарсымакъ*—показываетъ, что крещенинъ, обозначаемый этими именами, болѣе всего преданъ мухаммеданству, вполне проникнуть татарско-мухаммеданскимъ духомъ, держится мухаммеданскихъ обрядовъ и суевѣрій, постоянно совершаетъ омовенія, слѣдитъ

⁽¹⁾ Когда Татары замѣчаютъ, что кто-либо изъ ихъ единоплеменниковъ въ своихъ религіозныхъ симпатіяхъ начинаетъ склоняться къ христіанской вѣрѣ, усвоить православно-русскіе обычаи и воззрѣнія, то обыкновенно смѣются надъ таковымъ и говорятъ съ презрѣніемъ объ немъ: *кара-ла башлаганъ* (чернѣть началъ).—Примѣчаніе автора.

Это, нужно полагать, взглядъ познѣйшій, а въ старину, т. е. около времени взятія Казани, было совсѣмъ не такъ. Древнѣйшія выраженія, общія у Татаръ съ Чувашиами и Черемисами: *демй кереу, тине кирес, тенеш нураш*, войти въ вѣру—принять крещеніе; *оло кѡн, мун кун, куту кечи*, великій день—Пасха; а познѣйшія выраженія: *бозолян* испорченъ—крестился; *кызыл жоморка* красное яйко—Пасха. Это значитъ, что въ старину Татары смотрѣли на православную вѣру, какъ на вѣру по преимуществу и чтли русскіе праздники. У нихъ осталось русское названіе *Покровъ*—*ныкрау*. Впослѣдствіи, уже съ развитіемъ въ Казани мухаммеданской культуры, Татары стали фанатичнѣе. Отсюда и пренебрежительное отношеніе къ обрусѣлымъ инородцамъ.—Примѣчаніе Н. И. Ильминскаго.

за чистотою тѣла, носить чистую одежду (акъ кряшень—бѣлый крещенинъ).— Киремети, какъ сказано выше, существуя у всѣхъ крещеныхъ Татаръ казанскаго края, въ ббльшемъ почтеніи и въ большемъ количествѣ находятся у крещеныхъ Татаръ перваго рода, т. е. у крещеныхъ Татаръ-язычниковъ. Впрочемъ, во многихъ уже мѣстностяхъ, населенныхъ крещеными Татарами, киремети стали отходить въ область археологіи. Съ распространеніемъ христіанскаго просвѣщенія среди татарскаго населенія,—просвѣщенія, получившаго новое, до прошлаго десятилѣтія нынѣшняго столѣтія не практиковавшееся въ здѣшнемъ краѣ, направленіе,—вѣра въ киреметей стала уступать мѣсто здоровымъ христіанскимъ воззрѣніямъ. Мододое поколѣніе крещеныхъ Татаръ, воспитывающееся въ новыхъ началахъ, уже безбоязненно употребляетъ старинныя жертвенныя приношенія въ честь киреметей (серебряныя деньги) на свои нужды и прихоти. Но поколѣніе ихъ отцовъ и дѣдовъ и до сего времени страшится еще гнѣва грозныхъ киреметей, до сего времени опасается не почитать ихъ жертвоприношеніемъ, хотя и сильно стѣсняется ихъ существованіемъ и присутствіемъ у себя въ домахъ. Эти чудаки весьма рады бываютъ, когда киремети ихъ какъ нибудь безъ вѣдома хозяевъ уничтожаются,—похищаются, сгораютъ въ пожарѣ и пр. Случается даже, что крещенинъ, желающій избавиться отъ излишнихъ и тягостныхъ для него киреметей, предлагаетъ какому нибудь чужому для него человѣку, изъ другаго племени, всего чаще русскому,—украсть свои киремети. Крещеные Татары вѣрятъ, что русскихъ людей киремети не трогаютъ, поэтому они и предлагаютъ Русскимъ купить или даже украсть у нихъ киремети; но при этомъ хозяева-Татары предупреждаютъ, чтобы киремети взяты были у нихъ безъ ихъ вѣдома, такъ сказать безъ ихъ непосредственнаго участія. Представленные на выставку IV Археологическаго Съѣзда киремети крещеныхъ Татаръ добыты именно такимъ путемъ. Бывшіе хозяева представленныхъ на выставку Съѣзда киреметей въ разговорѣ съ лицами, не вѣрующими въ силу киреметей, предложили этимъ невѣрующимъ украсть свои жертвенныя приношенія въ честь киреметей; при этомъ хозяева указали мѣсто, гдѣ хранились у нихъ киремети, предложили лѣстницу для удобства восхожденія къ жертвеннымъ приношеніямъ (они хранились на потолкахъ, или по мѣстному нарѣчію, на подлавахъ двухъ, другъ противъ друга стоящихъ, избъ) и назначили время для похищенія, обѣщаясь сами къ этому времени заснуть, или по крайней мѣрѣ не присутствовать въ домѣ. Въ ночь съ 7-го на 8-е іюля 1877 года два человѣка—одинъ Русскій и другой старокрещеный Татаринъ, утратившій вѣру въ киреметей,—пришли въ означенное мѣсто и взяли оттуда коробку и буракъ (свертка клочковъ полотна на первый разъ не нашли). При этомъ, во время прохода по снѣгамъ дома, имъ пришлось наткнуться на спя-

щихъ хозяевъ; нѣкоторые изъ спящихъ, или вѣрнѣе якобы спящихъ, поспѣшили плотнѣе закутаться своими одѣялами, а другіе начали сильнѣе дышать и сопѣть. На другой день (8 іюля), увидавши помянутаго выше старокрещеннаго Татарина, утратившаго вѣру въ киреметей, хозяева похищенныхъ коробки и бурака съ ужасомъ рассказывали ему, что у нихъ остался еще свертокъ клочковъ полотна, заключающій въ себѣ два вида киреметей, и просили его докончить начатое дѣло, т. е. взять и оставшійся свертокъ. Не имѣя времени придти за сверткомъ ночью, какъ просили было опять хозяева, помянутаго старокрещенаго Татарина, послѣдній пришелъ къ нимъ вечеромъ; въ домѣ была одна только женщина съ своею маленькою дочерью; увидавши пришедшаго, она растворила для него двери, а сама съ дочерью поспѣшила убѣжать къ сосѣдямъ, гдѣ и пробыла во все время, пока онъ доставалъ свертокъ изъ подъ крыши избы. Спустя нѣсколько дней послѣ похищенія киреметей, бывшіе хозяева послѣднихъ приходили къ помянутому выше старокрещенному Татарину (Русскій въ это время уже уѣхалъ изъ деревни), благодарили его за избавленіе ихъ отъ киреметей, обѣщались вѣровать въ одного только Бога, ходить въ христіанскую церковь, ставить свѣчи предъ иконами святыхъ и пр., только при этомъ просили его купить для нихъ поминовеніе и вписать въ него имена своихъ живыхъ и умершихъ родственниковъ для поминовенія ихъ предъ жертвенникомъ на проскомидіи во время литургіи.

IX.

ПОВѢРЬЯ, ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ ВОТЯКОВЪ МАМАДЫШСКАГО УѢЗДА, УРЯСЬ-УЧИНСКАГО ПРИХОДА.

Записаны В. Г. Гавриловымъ (¹).

Гостепріимство Вотяковъ.

Въ 1876 году лѣтомъ, проживая на своей родинѣ, я получилъ приглашеніе отъ Вотяковъ деревни Верхнихъ Шунь пріѣхать къ нимъ въ гости въ день праздника Казанской иконы Божіей Матери. Въ 1873 году я жилъ въ этой деревнѣ, по порученію начальства, изучая языкъ Вотяковъ, и до того сошелся съ ними, что они принимали меня какъ родственника. Рѣдкій недѣльный день проходилъ безъ того, что меня не приглашали въ гости въ три-четыре дома. Скрытность Вотяковъ извѣстна; но несмотря на это я не пропускалъ ни одного жертвопри-

(¹) Борисъ Гавриловичъ Гавриловъ изъ старо-крещеныхъ Татаръ Мамадышскаго уѣзда Казанской губерніи, деревни Никифоровой. Обучался въ Казанской крещено-татарской школѣ и кромѣ того своимъ образованіемъ много обязанъ извѣстному ревнителю миссіонерства, дворянину Евстафію Николаевичу Воронцу. Борисъ Гавриловъ въ 1873 и 1874 годахъ былъ командированъ въ вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерніи для изученія вотяцкаго языка. Плодомъ этого изученія было переложеніе имъ нѣсколькихъ христіанскихъ книгъ съ крещено-татарскаго языка на вотяцкій, которыя тогда же были напечатаны, и не мало собрано Гавриловымъ матеріаловъ по языку, преданіямъ, повѣрьямъ и обрядамъ Вотяковъ. Эти матеріалы частію въ вотяцкихъ текстахъ съ переводомъ на русскій языкъ, частію въ русскомъ изложеніи, напечатаны были въ 1880 году на счетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, подъ заглавіемъ «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья Вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Записаны, переведены и изложены Борисомъ Гавриловымъ во время командировки его въ вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерній».—Настоящая статья представляетъ систематическій сводъ вотяцкихъ повѣрій и обрядовъ. Нынѣ Борисъ Гавриловъ служитъ священникомъ, настоятелемъ Умякскаго прихода въ Вллубужскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи.—*Примѣчаніе Н. И. Ильминскаго.*

ношенія или другихъ семейныхъ обрядовъ, не побывавши на нихъ, или, лучше сказать, мнѣ не давали пропускать подобныхъ обрядовъ, а всегда приглашали и, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, дѣлали все, что требовали обычаи стариковъ.

Юля 8 дня Вотяки прислали за мной пару лошадей, а разстояніе отъ моей родины до ихъ деревни около 30 верстъ. Я поѣхалъ, согласно приглашенію Вотяковъ, съ женой. Какъ проводили мы праздникъ, я не стану описывать, скажу только, что мы прогостили восемь дней и побывали за это время въ 22 домахъ *шнд дорыи* т. е. за угощеніемъ. Многіе звали по два и по три раза. Обрядовую сторону праздника мы видѣли тоже какъ нельзя лучше. Наконецъ, на девятый день, мы попросили, чтобы насъ проводили домой. Пока закладывали лошадей, намъ принесли изъ четырехъ домовъ гостинцы: кто лепешекъ, кто огурцовъ, кто яицъ и т. п. Деревня, въ которой мы пировали, будетъ длиною около версты. Поблагодаривши всѣхъ, мы выѣхали на улицу, но къ удивленію нашему, были остановлены, не проѣхавши и двухъ дворовъ: на встрѣчу намъ вынесли изъ одного дома чашку пива, графинъ кумышки (вотяцкая водка домашнего приготовленія) и нѣсколько кусковъ хлѣба. Мы принуждены были ласково принять это въ руки и, отвѣдавъ, благодарить сдѣлавшихъ намъ такую честь. Едва мы тронулись съ мѣста, какъ изъ слѣдующаго дома вышли съ такими же угощеніями. Между тѣмъ народу собиралось все больше и больше. Встрѣчи изъ разныхъ домовъ задержали насъ до того, что мы выѣхали изъ деревни спустя около 3-хъ часовъ по выѣздѣ изъ квартиры. За околицей деревни насъ остановили и опять принялись угощать припасами вынесенными изъ деревни. Нѣкоторыя дѣвушки, подружившіяся съ моей женой въ бытность ея на праздникѣ, провожали насъ версты за три отъ деревни, при чемъ захватили съ собой кумышку, пиво, кислый медъ и закуску, состоящую изъ говядины, хлѣба и огурцовъ. При прощаніи всѣ провожавшія плакали такъ, что мы сами невольно прослезились, смотря на этихъ добрыхъ людей принявшихъ насъ какъ родныхъ.

Все это пишу я для того, чтобы показать, что при умѣннн обходиться съ Вотяками, скрытность и скупость ихъ пропадаетъ и они готовы пожертвовать для пріятнаго имъ человѣка всѣмъ, что имѣютъ сами. Заслужить же довѣріе Вотяковъ очень не трудно. Въ первое время проживанія въ вотяцкой деревнѣ слѣдуетъ вести себя скромно, ласково обращаться съ ними, не слѣдуетъ пить водку и, при удобныхъ случаяхъ, бесѣдовать съ ними о ихъ житьѣ-бытьѣ, не касаясь впрочемъ обрядовой стороны ихъ жизни. Вотьякъ при первой же встрѣчѣ, видя, что человѣкъ ведетъ себя съ нимъ какъ свой братъ, дѣлаетъ ему предложеніе: *ойдола ми дорэ но пукыи*, т. е. пойдете и къ намъ посидѣть. Скрытность Вотяковъ въ отношеніи къ Русскимъ происходитъ отъ того, что русскіе

чиновники въ прежніе годы обращались съ Вотьяками весьма нехорошо. Они искали только предлога, чтобы испугать Вотьяковъ и взять съ нихъ деньги. Даже осповививатели, пріѣзжая къ Вотьякамъ и заставъ ихъ иногда на молитвѣ на дворѣ, старались пугать ихъ для вымогательства денегъ. Въ настоящее время нѣкоторые чиновники и священники, пріѣзжая къ Вотьякамъ, съ перваго же раза стараются заговорить объ обрядахъ и обычаяхъ Вотьяковъ; смѣются надъ ихъ повѣрьями и укоряютъ ихъ за языческіе обряды. При подобныхъ случаяхъ Вотьяки наружно показываютъ равнодушіе къ насмѣшкамъ, но внутренно ненавидятъ такихъ лицъ. Для того, чтобы узнать образъ жизни Вотьяковъ въ томъ видѣ, какъ онъ есть, нужно сначала заслужить довѣріе Вотьяковъ, а потомъ постепенно можно узнать все. Такимъ путемъ я узналъ много обрядовъ и повѣрій, которыя записывалъ по возможности подробнѣе. Между прочимъ мнѣ удалось узнать представленіе Вотьяковъ о Богѣ и о злыхъ духахъ, при чемъ я пользовался толкованіями одного знакомаго мнѣ *туночи* (гадатель).

Божества Вотьяковъ.

Быдым иѣмар—великій богъ.

Аляк иѣмар—богъ клеветникъ.

Осто или осто иѣмар—богъ хранитель.

Кылдиѣ вордиѣ иѣмар—богъ творецъ и содержитель; его же называютъ кылдиѣиѣ.

Иѣмар анай—мать бога.

Кун эксей—отецъ царей.

Шунды мумы—мать солнца.

Каба иѣмар—богъ каба (непонятное слово).

Вож-шуд (Вор-шуд)—начальникъ счастья.

Чукна утиѣ вордиѣ—хранящій утромъ.

Жыт утиѣ вордиѣ—хранящій вечеромъ.

Гиј кылчиѣ—ангелъ двора.

Гѣдѣри анай—мать грома.

Чашшиѣ—убивающій громомъ.

Му кылчиѣ—ангелъ земли.

Ју кылчиѣ—ангелъ посѣянныхъ хлѣбовъ.

Быдым иѣмар царствуетъ на небѣ и самъ ничего не дѣлаетъ. Молитвы людей не доходятъ непосредственно до него, злыхъ дѣлъ людей онъ самъ не видитъ. Онъ имѣетъ власть творить добро и зло и распоряжаться другими богами.

Аляк иңмар путешествуетъ между небомъ и землею. Видитъ дѣла людей, слушаетъ ихъ молитвы и обо всемъ доводитъ до свѣдѣнія великаго бога. Онъ, какъ и быдзым иңмар, не требуетъ жертвъ и довольствуется одними молитвами людей.

Осто иңмар живетъ на небѣ и охраняетъ человѣка отъ злыхъ духовъ. Вотяки поминаютъ его при началѣ каждаго дѣла, отходя ко сну и передъ ѣдой словами: „осто козма“. Значенія этихъ словъ Вотяки и сами не понимаютъ, но вѣрятъ, что они не допускаютъ до человѣка никакого зла.

Кылдиç вордиç или *Кылдысиң иңмар* живетъ на небѣ. Онъ даруетъ людямъ жизнь и необходимыя въ жизни вещи; охраняетъ ихъ отъ козней злыхъ духовъ и отъ опасностей. При путешествіи людей онъ сопутствуетъ имъ съ правой стороны человѣка, тогда какъ съ лѣвой стороны его идетъ *пери* и старается склонить человѣка къ злымъ дѣламъ. Чтобы избавиться отъ соблазновъ пери, человѣку стоитъ только помянуть *Кылдысиң-а* и онъ отразитъ злыя козни *Пери*.

Мать бога (боговъ?), такъ же какъ и великій богъ, ничего не дѣлаетъ.

Кунъ эксей охраняетъ царя, слушаетъ его молитвы, даетъ ему знать, когда и съ кѣмъ слѣдуетъ воевать.

Мать солнца наблюдаетъ за солнцемъ, чтобы оно свѣтило какъ слѣдуетъ, чтобы знало время когда всходить и когда заходить.

Каба иңмар можетъ сдѣлать людей счастливыми и несчастливыми, смотря потому, поминаютъ ли его люди или нѣтъ. Нѣкоторые Вотяки называютъ его: *Кабыл бастиç* т. е. принимающій и говорятъ, что онъ принимаетъ молитвы людей, а *Аляк иңмар* только смотритъ за дѣлами людей и доводитъ до свѣдѣнія бога лишь о благополучномъ и злополучномъ состояніи людей.

Вож-шуд или *Вор-шуд* есть родоначальникъ счастья. Каждое семейство имѣетъ своего *Вор-шуда*, который счастливить и покровительствуетъ ему. *Вож-шуд* есть ближайшій богъ; онъ, такъ сказать, свой человѣкъ: не слишкомъ сердить и долго терпѣть; довольствуется малыми жертвами. Когда кто нибудь заболитъ отъ неисправнаго приношенія жертвъ *Вож-шуду*, то обыкновенно берутъ маленькій кусокъ холста и, положивши на него щепотку крупъ, завязываютъ узелкомъ. Туночи, конечно, указываетъ какой *вож-шуд* недоволенъ и если *вож-шуд* этотъ находится вблизи, въ своей или чужой недалекой деревнѣ, у родственниковъ больного, то больной отправляется въ куалу этого *вор-шуда* и несетъ туда утку и вышеупомянутый узелокъ крупъ. Тамъ утку рѣжутъ надъ горномъ куалы и, выпустивъ кровь на огонь, бросаютъ туда-же щепотку перьевъ утки, послѣ чего, вычистивъ ее, тутъ же варятъ. Крупу же, принесенную въ узелочкѣ, мѣшаютъ съ большимъ количествомъ крупы и, сваривъ изъ нея кашу, помолясь, съѣдаютъ.

Если же вож-шуд дальній, и хозяйственныя занятія или другая какая нибудь причина не позволяют больному отправиться туда для удовлетворенія вож-шуда, то больной беретъ узелочекъ съ крупю и идетъ въ такое мѣсто, гдѣ растутъ какія нибудь мелкія деревья. Тамъ, развязавши узелокъ, пригнетъ къ себѣ какое нибудь деревцо и положивъ на него узелокъ крупъ, пускаетъ деревцо. Дерево разогнувшись, рассыпаетъ крупу и роняетъ съ себя кусочекъ холста. Больной, въ полной увѣренности что удовлетворилъ вожшуда, отправляется домой. Этотъ обрядъ равносильнъ принесенію жертвы вож-шуду.

Чукна утиѣ вордиѣ, или хранящій утромъ, охраняетъ человѣка съ утра до полудня отъ всякихъ опасностей, если только человѣкъ не забываетъ его помянуть. Жертвоприношеній онъ не требуетъ, только во время молитвъ, совершаемыхъ при другихъ жертвоприношеніяхъ, слѣдуетъ помянуть и его.

Хранящій вечеромъ—охраняетъ человѣка послѣ полудня до полуночи и, какъ хранящій утромъ, довольствуется одними поминовеніями при жертвахъ.

Лиј кылчиѣ живетъ на дворѣ въ сараяхъ и охраняетъ домашнихъ животныхъ отъ волковъ и падежа скота. Если люди забудутъ принести ему жертву, то онъ напоминаетъ о себѣ посредствомъ допущенія волковъ или падежа къ животнымъ. Жертвуютъ ему птиць, гуся или утку, и ѣдятъ одни семейные,—постороннимъ не даютъ.

Мать грома управляетъ громомъ и жертвъ не требуетъ.

Чашшиѣ требуетъ поминовенія себя въ молитвахъ; не поминающихъ убиваетъ громомъ, и если не людей, то скотину ихъ. Разсердившись на известную деревню, бьетъ громомъ во что нибудь на полѣ этой деревни, чѣмъ и напоминаетъ о себѣ. Сердясь на человѣка, поражаетъ какую нибудь часть его тѣла во время пребыванія его въ своемъ дворѣ.

Му кылчиѣ живетъ на небѣ и смотритъ за всѣми произрастеніями земли и за обрабатывающими землю. Жертвъ не требуетъ, только при началѣ посѣва яроваго зарывають въ землю горбушку хлѣба и одно яйцо въ жертву ему для того, чтобы онъ хранилъ хлѣбъ вмѣстѣ съ ангеломъ посѣянныхъ хлѣбовъ отъ всѣхъ могущихъ случиться несчастій, наприм. отъ града, отъ червей, отъ засухи и отъ гніенія.

Лу кылчиѣ обитаетъ на небѣ и довольствуется одними поминовеніями. Обязанность его состоитъ въ храненіи посѣянныхъ хлѣбовъ вмѣстѣ съ ангеломъ земли.

З л ы е д у х и .

Шайтан—дьяволъ.

Пери—бѣсъ, помощникъ дьявола.

Албасты.

Луд кужо, или луд пери—хозяинъ поля или полевой бѣсъ.

Нюлэе кужо—хозяинъ лѣса, лѣшій.

Шурь вожо

Пор вожо

Бу мурт

} водяные духи

Ой вотлиѣ мыниѣ—ходящій ночью.

Сѣиѣ јуиѣ—ѣдящій и пьющій.

Ибыр—вѣдьма.

Чук переѣюс—умершіе старики.

Шайтан живетъ въ аду (тамо) и все дѣлаетъ черезъ своихъ помощниковъ пери, которые гуляютъ вездѣ и могутъ причинять только вредъ, добра не дѣлаютъ. Пери, кажется, по вѣрованію Вотяковъ, дѣти шайтана, потому что говорятъ, что „отецъ сидитъ на мѣстѣ, а дѣти ходятъ вездѣ и ищутъ кого бы взять (изъ людей) въ адъ“. Потомъ, когда у человѣка рождается ребенокъ съ большой головой, и если этотъ ребенокъ будетъ полуумный, то говорятъ, что онъ переимененъ дьяволомъ, т. е. ребенокъ человѣка взятъ дьяволомъ, а ребенокъ дьявола оставленъ на его мѣсто. Есть-ли у шайтана и у пери жены—неизвѣстно.

Албасты—злой духъ ходящій ночью и имѣющій видъ огромной черной копны; онъ давить людей, легшихъ спать, не поминая бога, на гумнѣ, или гдѣ нибудь на дворѣ.

Луд кужо, или *луд пери* обитаетъ въ священныхъ рощахъ и требуетъ ежегодныхъ жертвъ. Сердасъ на всю деревню, наказываетъ неурожаемъ хлѣба, на одного человѣка—болѣзнью. Жертвы принимаетъ всякія. Когда кто нибудь заболѣетъ отъ непоминовенія хозяина луда, т. е. непривнесенія жертвъ духу обитающему въ лудѣ (священная роща), то сейчасъ же обѣщаютъ принести въ жертву гуся, утку или какое нибудь животное. Иногда, за неимѣніемъ мелкихъ лишнихъ животныхъ, завязываютъ въ узелокъ деньги, обѣщаясь отдать ихъ на расходы луда. Въ день праздника луда эти деньги несутъ къ смотрителю луда (луд-утиѣ) и вмѣстѣ съ ними несутъ пять маленькихъ караваевъ хлѣба. Луд-утиѣ, вымывши руки, принимаетъ деньги и вымывъ ихъ, втыкаетъ въ одинъ коровай хлѣба; потомъ беретъ этотъ коровай въ руки и, ставъ лицомъ къ образамъ или къ югу, молится Богу. Послѣ обычнаго поминовенія Бога, онъ говоритъ луду: „вотъ такой-то принесъ тебѣ то, что обѣщаль, ты же разрѣши его отъ болѣзни и впередъ не трогай его“. Послѣ этого смотритель луда четыре коровай и деньги оставляетъ себѣ, а пятый коровай возвращаетъ принесшему. Деньги, принесенныя луду, называются *моггж*, и ихъ можно тратить только на расходы луда: на покупку

чашекъ, ложекъ и т. п. вещей нужныхъ для жертвоприношенія въ лудѣ. Кромѣ того, смотритель луда имѣеть право расходовать эти деньги на свою семью, кромѣ дочерей; если же израсходуетъ на нужды дочерей, то дочери должны хворать и даже умереть.

Нюлэс кужо ни жертвъ ни поминовенія не требуетъ, зла людямъ не приноситъ, только для потѣхи себѣ водить людей по лѣсу и посвистываетъ.

Шур вожо, пор вожо и *вумурт*—водяные духи; живутъ въ водѣ. Жертвы приносятся только шур вожо и пор вожо, которые, кажется, имѣютъ власть надъ вумуртомъ, потому что во время жертвъ Вотяки не поминаютъ вумурта, тогда какъ сами говорятъ, что вумуртъ главнѣйшимъ образомъ наноситъ человѣку вредъ посредствомъ уничтоженія гусей и утокъ. Въ мѣстахъ, гдѣ есть глубокія рѣчки и озера, вумуртъ беретъ животныхъ и человѣка. Шур вожо и пор вожо наносятъ вредъ людямъ, причиняя имъ болѣзни отъ питья воды. Жертвы водянымъ духамъ бываютъ двухъ родовъ: или только рѣжутъ жертвенную птицу у рѣчки, поминая водяныхъ, а готовятъ и ѣдятъ дома; или же рѣжутъ ее у рѣчки и, разложивъ тамъ огонь, варятъ кашу и жертвенную птицу. Когда все бываетъ готово, то зовутъ туда же своихъ родныхъ и при нихъ молятся, взявъ въ руки чашки съ кашей и мясомъ и обратившись лицомъ на югъ. Потомъ тутъ же садятся и сѣдаютъ. Жертвы эти бываютъ умиловительныя и благодарственныя. Умиловительную приносятъ, прося водяныхъ духовъ не причинять людямъ болѣзней и хранить гусей и утокъ отъ всякой напасти, а благодарственную—благодаря за храненіе тѣхъ же птицъ и за недѣланіе зла людямъ. Г. Островскій смѣшиваетъ шайтана съ вумуртомъ⁽¹⁾, тогда какъ это, по вѣрованію Вотяковъ, два существа совершенно различныя, такъ что, въ кругъ дѣйствій шайтана не входятъ обязанности вумурта и наоборотъ.

Шур вожо и пор вожо въ рѣчкахъ своей деревни не наносятъ людямъ много вреда, въ рѣчкахъ же чужихъ они упускаютъ рѣдкаго человѣка пившаго воду прямо изъ рѣчки или ключа. Поэтому, когда въ чужой деревнѣ Вотяки пьютъ воду, то обыкновенно берутъ въ щепотку траву и, пуская ее въ воду, говорятъ: „монэ эн куты, жѹѣ кышноез, пор кышноез куты“, т. е. меня не трогай, а русскую и черемискую женщину трогай. Если же не пустить травы и не сказать такъ, то тотчасъ по питьѣ или не въ продолжительномъ времени появляется боль въ животѣ, въ ногахъ, или въ какойнибудь другой части тѣла. Тогда слѣдуетъ обѣщать пустить въ ту воду, изъ которой пилъ заболѣвшій, крупу. Когда обѣщан-

⁽¹⁾ Труды Общ. Естествоисп. при Импер. Казан. Унив., т. IV, № 1. Вотяки Казанской губ. *Островскаго*; стран. 35.

ную шепотку крупы идутъ пускать въ воду, то кто бы ни встрѣтился и ни заговорилъ, ничего въ отвѣтъ не говорятъ,—какъ до воды, такъ и оттуда домой, идутъ молча и не оглядываясь назадъ. Если съ кѣмъ нибудь говорить или оглядываться назадъ, то пущенная въ воду крупа пропадаетъ такъ безъ пользы. Пришедши къ ключу или рѣчкѣ, бросаютъ принесенную крупу со словами: „тон кутид кэ лэж“, т. е. если ты поймалъ, пусти. Подобное же повѣріе есть и у крещеныхъ Татаръ, съ тою только разницею, что у послѣднихъ при питьѣ воды выдергиваютъ изъ одежды нитку и, пуская въ воду, говорятъ: „сина жаулыкъ, мина саулыкъ“, т. е. тебѣ платокъ, а мнѣ здоровье. Впослѣдствіи, если человѣкъ захвораетъ отъ питья воды, пускаютъ вмѣстѣ съ крупкою и соль, при чемъ ничего не говорятъ. Кому предназначается у крещеныхъ Татаръ пущенная крупа съ солью,—неизвѣстно.

Ходящій ночью—есть злой духъ, который ходитъ ночью и сосетъ иногда кровь людей при чемъ раны не дѣлаетъ, а оставляетъ только синее пятно. Опасенъ для пьяныхъ. Жертвъ ему не приносятъ; только по рожденіи ребенка обѣщаютъ ему принести въ жертву утку, иначе ребенокъ будетъ боленъ падухою болѣзнию. Отъ неисполненія обѣщанія бываетъ тоже. Утку, принесенную въ жертву ходящему ночью, постороннимъ ѣсть нельзя; ѣдятъ только одни семейные ребенка.

Сисъ јуисъ ночные злые духи, которые напускаютъ на человѣка болѣзни. Жертвъ и поминовенія не требуютъ. Если напустить болѣзнь, то Вотяки дѣлаютъ въ маленькой чашкѣ болтушку изъ муки и воды и, сдѣлавъ маленькія ложечки изъ дерева, ставятъ болтушку на столбъ уличнаго забора говоря: „сисъ јуисъюе, тани сизлэ но јуэлэ, милемыз эн детэ, кошкэлэ“, т. е. ѣдящіе и пьющіе, вотъ (вамъ), ѣшьте и пейте, насъ не трогайте и уходите. Болтушка эта стоитъ нѣсколько дней и даже недѣль, а потомъ выбрасывается. Это же дѣлается и тогда, когда бываетъ падежъ скота, или холера.

Ибыр летаетъ иногда въ видѣ коромысла огненнаго и отнимаетъ ребятъ у беременныхъ женщинъ въ первые мѣсяцы беременности; такая женщина не говоритъ объ этомъ никому, потому что люди стали бы думать, что она въ дружбѣ съ ибыромъ. Иногда онъ проглатываетъ солнце и луну, но ожегшись, выбрасываетъ ихъ изо рта (затменія). Жертвъ и поминовенія не требуетъ.

Чѣк пересѣнос могутъ отнять у своихъ наслѣдниковъ оставленное ими богатство. Ихъ боятся наравнѣ съ злыми духами и приносятъ жертвы, при чемъ жертвенное животное закалываютъ, обращая голову на сѣверъ, тогда какъ при другихъ жертвахъ голова животного обращается на югъ. Когда у Вотяка пропадетъ или захвораетъ какое нибудь животное, то онъ идетъ къ туночи, который иногда говоритъ, что скотина пропала или нездорова отъ того, что *чѣк пересѣнос* не-

довольны хозяиномъ ея. Тогда хозяйка дома идетъ въ свою клѣтъ и беретъ въ горсть муку и жметъ ее въ горсти, чтобы на мукѣ получились отпечатки пальцевъ; потомъ завертываетъ ее въ холстъ и кладетъ куда нибудь. Когда скотину найдутъ, или она выздоровѣетъ, эту муку мѣшаютъ съ большимъ количествомъ обыкновенной муки и испекши изъ этой смѣси блины поминаютъ умершихъ стариковъ. Если же скотина не найдется или невыздоровѣетъ, то мука остается въ холстѣ до тѣхъ поръ, пока кто нибудь нечаянно ее не разсыпетъ.

Кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ злыхъ духовъ есть еще *Мунчо пери*, т. е. банный бѣсъ, охраняющій баню и любящій подшучивать надъ людьми, когда они ходятъ въ баню безъ товарища. Есть еще *Корка кужо* — хозяинъ дома, о принесеніи жертвы которому будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

Вотяки ни одного животного и ни одну птицу не рѣжутъ безъ поминаенія кому онѣ приносятся. Если всѣ жертвы уже принесены, а Вотяку необходимо нужно мясо, онъ закалываетъ какое нибудь животное великому богу, только это не считается жертвой и не сопровождается никакими молитвами.

Мудор куала.

Куала есть деревянное четырехугольное строеніе, неимѣющее ни пола ни потолка. Въ срединѣ ея сдѣланъ горнъ, на которомъ утверждён котель; у нѣкоторыхъ же котель повѣшенъ надъ горномъ. Куала нѣкоторымъ образомъ есть священное мѣсто для Вотяковъ: она служитъ мѣстомъ жертвоприношеній вошуду (вор-шуд); въ ней обитаетъ вор-шуд — родоначальникъ счастья. Зимой въ куалѣ варятъ пиво и кумышку, а лѣтомъ она служитъ кухнею. Внутри куалы нѣтъ ничего, кромѣ стѣнъ и лавокъ для сидѣнія, лишь въ переднемъ углу помѣщается полка, на которой въ обыкновенное время ничего не становится. Моленія въ куалѣ бывають три раза въ годъ: на Пасхѣ, въ лѣтнюю и осеннюю Казанскую (8—20 іюля и 22—31 октября). На Пасхѣ молится каждое семейство въ своей куалѣ съ разными кушаньями, и послѣ молитвы на полку въ переднемъ углу кладутъ коровай хлѣба и ставятъ чашку съ медомъ, которые остаются тутъ на одну ночь, у нѣкоторыхъ же цѣлую недѣлю, т. е. до конца праздника. Хлѣбъ этотъ и медъ послѣ ѣдятъ только одни семейные мужчины, женщинамъ и постороннимъ мужчинамъ ѣсть его нельзя. Въ Казанскую утромъ топятъ въ куалѣ подъ котель и, принося туда утку, рѣжутъ надъ горномъ такъ, чтобы кровь вся вытекла на огонь; потомъ берутъ въ щепотку перья утки и тоже бросаютъ въ огонь. Затѣмъ, вычистивъ утку, варятъ ее и послѣ нея кашу. Когда все готово, молятся и съѣдаютъ. Въ осеннюю Казанскую бываетъ тоже, съ тою только разницею, что

въ лѣтнюю Казанскую на полку куалы кладутъ зеленя вѣтки деревь и дозволяется приносить утку, заранѣ зарѣзанную.

Куалою и порядкомъ въ ней завѣдуетъ отецъ семейства и передаетъ по старости старшему сыну, тотъ же въ свою очередь—тоже своему наслѣднику. Жена управляющаго куалою должна одинъ разъ въ годъ мыть стѣны куалы внутри и къ каждому празднику убирать оттуда посуду и другія вещи, которыя въ простое время валяются въ куалѣ. Мыть куалу слѣдуетъ непременно до Семика, а послѣ этого времени мыть нельзя. Полка въ куалѣ называется *мудор* или *вож-шуд* (въ Малмыжскомъ и Глазовскомъ уѣздахъ *воршуд*). Кромѣ частной семейной куалы, есть еще одна общественная въ каждой деревнѣ, называемая *быдзым куала*—великій шалашъ, въ которой молится управляющій куалою на пасхѣ, для чего изъ cadaго дома дѣвушки несутъ разныя кушанья, хлѣбъ и кумышку. Управляющій куалою принимаетъ кушанья, молится держа ихъ въ рукахъ, часть отъ cadaго кушанья бросаетъ въ огонь, разведенный среди куалы и, отвѣдавъ самъ, возвращаетъ принесшимъ. Устройство куалы общественной такое же какъ и частной, съ тою только разницею, что она перегорожена на двѣ половины.

Иногда по случаю какой нибудь важной болѣзни обѣщаютъ воршуду и быка. Это бываетъ такъ. Утромъ варятъ дома кашу, которую несутъ въ куалу на молитву: при молитвѣ обѣщаютъ быка. Черезъ годъ, или два, года точно такимъ же образомъ возобновляютъ обѣщаніе. Черезъ полгода послѣ возобновленія приносятъ жертву. Въ назначенный день всѣ семейные моются въ банѣ и надѣваютъ чистое бѣлье; все это происходитъ утромъ пораньше. Послѣ бани идутъ въ хлѣвъ и выводятъ обѣщаннаго быка, при чемъ одного мальчика изъ своего семейства заставляютъ поймать быка за хвостъ и гонять его ногойкой (урьс) въ куалу. Загнавши быка въ куалу, кладутъ на столъ куалы коровой хлѣба и молятся, чтобы жертва обѣщанная была пріятна воршуду. Потомъ льютъ на быка воду до тѣхъ поръ, пока онъ не обтряхнется. Послѣ этого опять молятся о принятіи жертвы, послѣ чего сваливаютъ быка на срединѣ куалы и закаляютъ; при этомъ у закаляющаго непременно должно быть на рукѣ серебряное кольцо. Мясо быка варить непременно мужчина, послѣ мяса варить и кашу. Когда все готово, зовутъ сосѣдей и молятся въ куалѣ, а ѣдятъ дома.

Въ прежніе годы приносили въ жертву только телку, а быка не позволяли и жертва эта приносилась за женщинъ. За каждую женщину приносили жертву въ продолженіи всей ея жизни пять разъ: три раза въ своей куалѣ и два раза въ быдзым куалѣ. Телку вель мужъ той женщины, за которую приносилась жертва, а жена его гнала ее сзади, при чемъ на рукѣ должна была имѣть серебряное кольцо, а въ ушахъ серебряныя серьги. Все это въ настоящее время измѣнено

по наставленію одного туночи (гадателя), который, вѣроятно, въ продолженіе своей жизни успѣетъ еще многое измѣнить.

Разказы и предсказанія туночи.

Туночи, разказы котораго я хочу привести здѣсь, въ молодости былъ однимъ изъ самыхъ развратныхъ молодыхъ людей; онъ вовсе не соблюдалъ обычаевъ стариковъ, не приносилъ никакихъ жертвъ. Разъ онъ поѣхалъ въ другую деревню звать къ празднику гостей. На обратномъ пути ночью онъ заблудился около одной керемети и блуждалъ цѣлую ночь. По приѣздѣ домой у него явились признаки сумасшествія,—такъ говорили о немъ Вотяки той деревни, въ которой онъ жилъ,—самъ же онъ говорилъ, что въ это время ходилъ къ нему каждый день при закатѣ солнца великій богъ. Вотъ его разказъ впоследствии, когда припадки сумасшествія съ нимъ прошли.—„Повадилса ко мнѣ каждый день ходить Быдзым иѣмар и учитъ меня, какъ, когда и гдѣ слѣдуетъ молиться и приносить жертвы. Сначала я все смотрѣлъ какъ онъ входитъ, не отворяя двери, но никакъ не могъ замѣтить. Разъ, въ то время какъ ему придти ко мнѣ, я ушелъ въ другую избу, въ которой не было печки, а на мѣстѣ трубы было только отверстіе въ потолокъ. Сижу и гляжу. Вдругъ Быдзым иѣмар входитъ въ это отверстіе. Я испугался и, выскочивъ въ окно, побѣжалъ въ баню. Быдзым иѣмар за мной же пришелъ въ баню и влѣзъ подъ полокъ, я сѣлъ на полокъ. Хотя и сильно я боялся бога, но все-таки рѣшился разсмотрѣть его лицо. Тутъ только я увидалъ, что у бога глазъ только одинъ, въ серединѣ лба. Оглянувшись по сторонамъ, я увидалъ въ щеляхъ бревенъ много пророковъ и ангеловъ, которые слушали нашу бесѣду съ богомъ. Тутъ богъ опять училъ меня, какъ и гдѣ приносить жертвы и какъ молиться. Въ это время въ нашей деревнѣ былъ одинъ больной человекъ. Быдзым иѣмар велѣлъ мнѣ идти и сказать этому человекъ, чтобы онъ принесъ въ жертву жеребенка въ оврагѣ Ак-таш (съ татарск. бѣлый камень). Я сказалъ богу, что не пойду. Богъ разсердился и хотѣлъ меня убить. Я согласился идти. Тогда богъ сказалъ мнѣ: „иди и скажи ему: вотъ тебѣ четыре дня срока, если ты въ продолженіи этого времени не обѣщаешь принести въ жертву же ребенка въ оврагѣ, находящемся въ вашемъ полѣ и называемомъ Ак-таш,—я сейчасъ убью тебя; такъ говоритъ Быдзым иѣмар“. Я вышелъ изъ бани и пошелъ къ больному, Быдзым иѣмар тоже пришелъ за мной къ нему. Я сѣлъ на нары, а богъ вошелъ въ промежутокъ между печью и стѣною. Я началъ разговаривать съ больнымъ о его болѣзни, а Быдзым иѣмар все торопитъ меня: „скажи ему скорѣе мои слова“. Я сказалъ. Но больной не послушался меня. Тогда я ушелъ домой, а Быдзым

ицмар ушелъ на небо. На другой день я опять ходилъ къ больному и уговаривалъ его послушаться моихъ словъ. Больной и слышать не хотѣлъ. Тогда я пересталъ къ нему ходить. Нѣсколько дней спустя послѣ этого опять пришелъ ко мнѣ Быдым ицмар и спрашиваетъ: „не пойдешь ли ты опять къ больному и не повторишь ли ему опять мои слова?“ Я отвѣчалъ, что не пойду. Тогда Быдым ицмар сказалъ, что онъ сейчасъ возьметъ душу больного, и когда богъ ушелъ отъ меня, больной дѣйствительно умеръ. Люди считали меня тогда сумасшедшимъ, а я все бесѣдовалъ съ богомъ и учился дѣлать все такъ, какъ угодно ему. Быдым ицмар не оставилъ ничего тайнаго для меня и все открылъ мнѣ, только онъ многое не велитъ говорить людямъ. Я знаю много, а говорю мало—такова воля божія“.

Въ настоящее время туночи этотъ извѣстенъ не только казанскимъ Вотякамъ, но и вятскимъ; къ нему ѣздятъ нерѣдко Вотяки Малмыжскаго и Елабужскаго уѣздовъ, живущіе за 40—60 верстъ отъ мѣста жительства его. Я познакомился съ нимъ въ 1873 году, когда онъ былъ сельскимъ старостой. Часто бывая у меня, онъ до того привыкъ ко мнѣ, что ничего не скрывалъ, а говорилъ съ полной увѣренностью, что онъ не ошибается въ своихъ понятіяхъ о богѣ и объ обрядахъ угодныхъ богу. Въ послѣднее время мы съ нимъ разошлись, потому что я началъ доказывать ему, что онъ грѣшитъ противъ истины, распространяя въ народѣ представленія своего воображенія.

Разъ этого туночи призвали къ только что заболѣвшему старику. Онъ сталъ молиться о томъ, чтобы Быдым ицмар самъ пришелъ къ больному. Черезъ нѣсколько времени сказавъ, что Быдым ицмар пришелъ и сидитъ въ промежуткѣ между печью и стѣною, подвелъ больного къ этому мѣсту и заставилъ его кланяться до того, что послѣдній ослабъ, и его принуждены были поднять и положить на постель. Пролежавъ недѣли три, старикъ этотъ выздоровѣлъ, что приписали, конечно, дѣйствию поклоновъ.

По рассказамъ этого туночи пѣніе пѣтуховъ происходитъ отъ одного бѣлаго голубя, который живетъ на небѣ у бога. Какъ только придетъ время пѣть пѣтухамъ, то этотъ голубь кричитъ такъ же какъ пѣтухъ, и если его съ перваго раза не услышать, то кричитъ нѣсколько разъ. Послѣ него начинаютъ пѣть пѣтухи. Изображеніе этого голубя бываетъ и въ церкви и на образахъ.

Верстахъ въ десяти отъ мѣста жительства этого туночи, есть въ одной деревнѣ семейство Вотяковъ. Молодой человѣкъ, сынъ отца этого семейства, учился въ Казани въ Крещено-татарской школѣ у о. В. Тимоѣева. Познавъ истинную Христову вѣру, онъ уговорилъ своего отца бросить всѣ языческіе обряды Вотяковъ. Послѣ многихъ увѣщаній сына, отецъ дѣйствительно бросилъ все и сталъ

жить жизнь Христианина, чѣмъ заслужилъ ненависть своихъ однодеревенцевъ. Много разъ собирались его бить, оскорбляли словами, не принимали въ сходку мирскую и т. п., много онъ терпѣлъ за свою жизнь, но несмотря на все это, жилъ все-таки, какъ подобаешь жить Христианину. У сына этого челоуѣка умеръ ребенокъ, смерть котораго приписали тому, что мать ребенка бросила носить *амзля* (головной уборъ вотяцкихъ женщинъ) и стала повязываться платкомъ такъ, какъ повязываются русскія женщины. Разъ, во время общественнаго жертвоприношенія, хотѣли собраться миромъ, идти къ дому этого семейства и требовать, чтобы они всѣ поѣли жертвенную кашу, но неизвѣстно по какому случаю, количество каши оказалось недостаточнымъ даже на присутствующихъ, и ревнители старинныхъ обрядовъ даже и сами не наѣлись. Когда такими и подобными мѣрами они не могли склонить это семейство къ совершенію языческихъ обрядовъ, то всѣмъ обществомъ обратились къ туночи, (моему знакомцу), чтобы онъ уговорилъ ихъ. Однажды туночи, увидѣвъ отца этого семейства, уговаривалъ его такъ: „вы живете по русски, поэтому и хлѣбъ у васъ рождается плохо, и разбогатѣть вы не можете. Когда вы молитесь Богу по русски (по христіански), то Богъ стоитъ къ вамъ задомъ и не слушаетъ вашихъ молитвъ; если же вы обратитесь и будете соблюдать обряды отцевъ и молиться такъ, какъ молились старики, тогда Богъ обернется къ вамъ лицомъ и будетъ милостиво принимать ваши молитвы. Обратитесь, не то строго будете наказаны!“

По предсказанію туночи, при окончаніи міра останутся на землѣ только шесть народовъ, а именно: Вотяки, Русскіе, крещеные Татары, Черемисы, Чуваши и Мордва, а Татары мухаммедане будутъ уничтожены разными случайностями. И голодомъ, и войною, и каменнымъ градомъ, и всѣми подобными бѣдствіями будутъ истреблены мухаммедане, и по уничтоженіи ихъ, вышеупомянутые шесть народовъ будутъ взяты Богомъ въ рай за то, что они милостивы къ нищимъ, смиренны и главное за то, что они держатъ русскую вѣру. Туночи этотъ говоритъ, что тотъ, кого русскіе называютъ Иисусомъ Христомъ, есть старшій сынъ бога, втораго сына его Русскіе называютъ „Михаиль архангелъ“, третьяго „Іоаннь (Иванъ) Креститель“. Старшій сынъ бога ниспосылаетъ вѣтеръ посредствомъ рога, который держитъ онъ въ рукахъ. Если онъ толькодохнетъ въ рогъ, то дѣлается маленькій вѣтеръ, а если дунетъ, то происходитъ страшная буря. Все это толкуетъ только одинъ туночи, другіе же Вотяки ничего подобнаго не знаютъ.

Въ другое время этотъ же туночи уговаривалъ дѣтей учиться: „старайтесь, дѣти, учиться, и главное понимать то, что читаете. Если вы будете учиться и соблюдать все, что сказано въ книгахъ—мѣсто ваше будетъ въ раю; если же вы будете учиться и не соблюдать, то на томъ свѣтѣ сдѣлаетесь огненными столбами“.

Туючи этожь соблюдаетъ нѣчто въ родѣ поста въ отношеніи пици. Напримѣръ: онъ не пьетъ пиво и кумышку, сваренныя изъ рѣчной воды, не ѣстъ ничего, во что бы вмѣшалась рѣчная вода. Пьетъ чай фамильный (другіе Вотяки пьютъ почти всѣ чай кирпичный) и то только съ медомъ. Рѣчная вода, будучи оскверняема гусями, утками и другими водяными птицами, по его мнѣнію, не годна для употребленія въ питье, потому что Богъ велѣлъ-де ѣсть и пить чистую только воду, для чего и сотворилъ родники и ключи. Нерѣдко рассказываютъ этотъ туючи разныя и другія правила при употребленіи пици.

Туючи этотъ знаетъ въ какой части неба живетъ какой богъ и поэтому кланяется при молитвѣ на двѣнадцать сторонъ, двѣнадцати верховнымъ существамъ. Онъ знаетъ какого цвѣта волосы боговъ и т. п. Быдзым иѣмар, по его рассказамъ, весь сѣдой, бодрый старикъ, а старшій сынъ его среднихъ лѣтъ, волосы и борода у него рыжіе.

Лѣтній праздникъ Казанской иконы Божіей Матери.

Къ этому празднику Вотяки варятъ около десяти ведеръ кумышки и столько же, или еще больше, пива. Къ назначенному дню праздника зовутъ гостей, а нѣкоторые въ числѣ ихъ и молодушекъ.

Въ назначенный день вечеромъ пріѣзжаютъ гости. Ихъ сажаютъ за столъ, на столъ ставятъ разныя кушанья. Когда кашу поставятъ на столъ, въ серединѣ каши дѣлаютъ ямочку и кладутъ въ нее масло, на кашу кладутъ одну ложку. Потомъ кладутъ на тарелкахъ хлѣбъ, масло и другія кушанья, наливаютъ въ стаканы пиво и кумышку. Послѣ этого всѣ приготовленныя кушанья и нанитки берутъ пятеро и выходятъ на дворъ; тамъ становятся рядомъ лицомъ къ югу и начинаютъ молиться. Трое говорятъ: „Казански понна бурэ вайском Иѣмарэ“, т. е. Боже, поминаемъ (тебя) ради Казанской, а двое говорятъ: „Аляк иѣмарез бурэ вайско“, т. е. поминаю бога клеветника. Послѣ этого говорятъ: „Осто Иѣмарэ, быдзым Иѣмарэ, жеѣкын потыса, жеѣкын ужатысалыдкэ, т. е. Боже осто“, великій Боже, дай намъ возможность добромъ выйти (на работу) и добромъ работать. По окончаніи молитвы идутъ въ избу и начинаютъ пировать. Черезъ два дня гости уѣзжаютъ, но праздникъ еще не кончается,—по отъѣздѣ гостей Вотяки ходятъ другъ къ другу и пируютъ еще 2—3 дня; послѣ этого начинаютъ приниматься за ту работу, о которой молились въ началѣ праздника, т. е. начинаютъ косить сѣно.

Въ первый день этого праздника молятся въ куалѣ и приносятъ въ жертву утку. Обрядъ этотъ описанъ выше, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „мудор куала“.

Бадзым акашка (пасха).

На страстной недѣлѣ у Вотяковъ бывають приготовленія къ празднику, состоящія обыкновенно изъ варенія кумышки и пива и изъ приготовленія бискили—маленькихъ круглыхъ хлѣбовъ изъ полбенной или ячменной муки. Въ самый день свѣтлаго праздника утромъ, съ хлѣбомъ молятся на дворѣ. Послѣ этого кладутъ въ котель варить гуся и говядину. Когда гусь и говядина поспѣютъ, около полудня зовутъ своихъ родственниковъ, живущихъ въ своей деревнѣ, изъ семи или восьми дворовъ. Званые приходятъ обыкновенно мужъ съ женой. Войдя въ домъ, они здороваются; послѣ чего садятъ ихъ за столъ. Если къ этому времени поспѣетъ каша, то ставятъ на столъ три бискили въ чашкѣ, масло въ тарелкѣ, полуштофъ кумышки и пиво въ кувшинѣ; потомъ семеро берутъ все приготовленное въ руки и идутъ на дворъ молиться Богу. Одинъ беретъ кашу, другой гуся, третій три бискили въ чашкѣ и тарелку съ масломъ, четвертый пиво, пятый кумышку, шестой одинъ коровой хлѣба и седьмой одинъ круглый небольшой хлѣбъ, помазанный сверху сметаной, яйцами или творогомъ. На дворѣ они всѣ становятся рядомъ, лицомъ на югъ, въ томъ порядкѣ, какъ перечислено здѣсь, т. е. первый къ востоку стоитъ съ кашей и т. д., и начинаютъ молиться такъ: держащій въ рукахъ гуся, кашу и три бискили съ тарелкою масла—всѣ трое говорятъ: „бдзым ныналг понна бдзым иѣмарез бурэ вайско“, т. е. ради великаго дня поминаю великаго бога; а остальные кто поминаетъ бога клеветника, кто кылдиѣ вордиѣ иѣмар, кто мать бога,—однимъ словомъ поминаютъ всѣхъ добрыхъ и злыхъ существъ за исключеніемъ шайтана, пери и албасты. Въ другомъ дворѣ, если придется кому нибудь разъ молившемуся опять молиться, то онъ не поминаетъ уже разъ помянутыхъ существъ, а поминаетъ непомянутыхъ. Три человека, поминающіе великаго бога, поминаютъ его и въ другихъ дворахъ. Послѣ поминованія боговъ просятъ ихъ чтобы дали возможность хорошо проводить праздникъ. По окончаніи молитвы всѣ входятъ въ избу и ставятъ кушанья и напитки на столъ, сами садятся кругомъ стола и пачинаютъ пировать. Послѣ угощенія гости благодарятъ за него хозяевъ и идутъ къ кому нибудь изъ бывшихъ тутъ. Такимъ образомъ ходятъ ко всѣмъ гостямъ; помолвившись и попировавши у всѣхъ, каждый возвращается въ свой домъ.

Послѣ этого всякое семейство молится въ своей куалѣ, вспоминая вож-шуда. Для этого несутъ въ куалу подушку, скатерть, стаканы и другіе сосуды нужные для молитвы. Подушка кладется въ переднемъ углу за столомъ, скатерть стелютъ на столъ. Тогда несутъ туда въ чашкѣ три бискили, тарелку масла и пиво съ кумышкой въ стаканахъ; кромѣ того готовятъ вѣтку какого нибудь хвой-

наго дерева и, поставивши все это на столъ, старшій въ семьѣ молится, вспоминая ради великаго дня вож-шуда. Послѣ молитвы на полку вож-шуда кладутъ хлѣбъ, чашку съ медомъ и вѣтку хвойнаго дерева,—это называется *вылэ мичэм*, т. е. возношеніе. Послѣ молитвы отвѣдываютъ бискили молитвенныя съ масломъ и пьютъ пиво и кумышку.

По окончаніи обряда молитвы въ своемъ шалашѣ, изъ cadaго дома дѣвушки несутъ кушанья въ общую куалу, гдѣ смотритель куалы, помолясь и отвѣдавъ кушаній, отпускаетъ ихъ домой.

На другой день, въ понедѣльникъ утромъ, топятъ печку и пекутъ блины. Когда испекутъ около осьми блиновъ, хозяйка дома беретъ тарелку и, помазавши около пяти блиновъ (нужно непременно нечетное число), ставитъ ихъ въ тарелкѣ на столъ. Одинъ изъ семейныхъ мужчинъ беретъ со стола тарелку съ блинами и, выйдя на дворъ, молится Богу: „Осто иѣмарэ, быдзым иѣмарэ, та јуонэ жескын орчытысалыдкэ, Иѣмаре, акашка понна бурэ ваиско“, т. е. боже Осто, великій боже, дай возможность хорошо провести этотъ праздникъ, боже ради акашки (свѣтлый праздникъ) поминаю (тебя). Послѣ молитвы идетъ въ избу и, поставивъ блины на столъ, идетъ въ куалу и приноситъ оттуда оставленные съ вечера корвай хлѣба и медъ. Потомъ садятся всѣ семейные за столъ и пьютъ чай съ блинами, мужчины ѣдятъ и хлѣбъ принесенный изъ куалы. Послѣ этого молодые парни изъ cadaго двора выѣзжаютъ верхами и ѣдутъ на одинъ конецъ деревни. Приѣхавшіе раньше дожидаются своихъ товарищей у околицы деревни; у всѣхъ парней бываютъ въ рукахъ липовыя палки. Когда всѣ соберутся, то выѣзжаютъ въ поле (въ дер. Верхнихъ Шунь) и ѣдутъ къ одному дубу, растущему недалеко отъ деревни. Обѣхавъ этотъ дубъ, ѣдутъ назадъ въ деревню и начинаютъ ѣздить по каждому двору до другаго конца деревни. На другомъ концѣ деревни ѣдутъ опять въ поле въ какойнибудь оврагъ гдѣ есть рѣчка, тамъ всѣ слѣзаютъ съ лошадей и, привязавши ихъ, бросаютъ липовыя палки, а сами умываются. Этотъ обрядъ ѣзды по дворамъ называется *сбрэм шуккон*, т. е. битье по порядку. Вѣроятно въ прежніе годы липовыми палками били обо чтонибудь, отчего и произошло названіе. Теперь же Вотяки ѣздятъ только для того, чтобы готовы были всѣ принять ихъ, когда они поѣдутъ съ другаго конца деревни.

Когда всѣ вымоются, тутъ же выбираютъ изъ среды своей молодыхъ парней, одного попомъ, другаго дьякономъ, третьяго дьячкомъ и четвертаго пономаремъ, послѣ чего опять садятся верхами на своихъ лошадей и ѣдутъ по деревнѣ изъ двора въ дворъ. Въ каждомъ дворѣ готовятъ для нихъ столъ, на столѣ въ большой деревянной чашкѣ три бискили, четыре крашенныхъ яйца, пиво и кумышку. Вѣхавши во дворъ, попь беретъ хлѣбы, дьяконъ пиво, дьячекъ

яйца и пономарь кумышку и начинают молиться, при чемъ всѣ сидятъ верхомъ на лошадахъ, а хлѣбы и прочіе подаютъ имъ въ руки сами хозяева. На молитвѣ они поминаютъ кто великаго бога, кто бога клеветника, кто мать солнца, кто мать бога и прочихъ добрыхъ и злыхъ существъ. Послѣ молитвы пьютъ пиво и кумышку, тоже сидя на лошадахъ, потомъ берутъ всѣ четыре яйца и съ пѣснями ѣдутъ въ другой дворъ. Такимъ образомъ они набираютъ очень много яицъ, которыя раздаютъ каждому выѣхавшему верхомъ парню, по два яйца, а остальные дѣлятъ между собой попъ, дьяконъ, дьячекъ и пономарь поровну. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ послѣ молитвы хозяева подносятъ всѣмъ по стакану пива и кумышки, послѣ чего попъ наливаетъ кумышку и подноситъ хозяину, при чемъ всѣ парни кричатъ: тау! т. е. благодаримъ. Когда изѣздятъ всю деревню, то собираются опять на одинъ дворъ называемый *сэбэт*—закуска. Сэбэтъ бываетъ поочередно, въ одинъ годъ у одного, на слѣдующій годъ у другаго человѣка и т. д. На этомъ дворѣ тоже молятся на лошадахъ, поминая бога ради сэбэта. Послѣ этого ихъ тутъ угощаютъ и они разѣзжаются по домамъ. Такимъ образомъ проходитъ понедѣльникъ. Старики въ этотъ день пируютъ, ходя изъ дома въ домъ.

Во вторникъ утромъ живущіе на одномъ концѣ деревни варятъ гуся и говядину и приглашаютъ всѣхъ живущихъ среди деревни и на другомъ концѣ ея. Сначала конечно распредѣляютъ кому изъ сколькихъ дворовъ звать и кого именно звать; послѣ уже всякъ зоветъ доставшихся на его долю гостей. Въ среду живущіе на срединѣ деревни дѣлаютъ тоже, а въ четвергъ живущіе на противоположномъ концѣ. Въ четвергъ же утромъ молодые люди собираютъ по деревнѣ крупу, говядину, соль, яица и масло. Изъ собранныхъ яицъ стряпаютъ яичницы, а изъ прочаго три дѣвушки варятъ гдѣ нибудь на лугу кашу. Когда каша на лугу будетъ готова, то молодые парни садятся на лошадей и ѣздятъ по деревнѣ съ одного конца до другаго крича: „гуждор жук сѣины мынэлэ“—идите ѣсть кашу (сваренную въ честь восходящей травы). Когда объѣдутъ всю деревню, то идутъ въ одинъ дворъ (тоже по очереди ежегодной), гдѣ имъ готовятъ столъ съ кушаньями, они, сидя на лошадахъ, молятся съ этими кушаньями и потомъ хозяинъ угощаетъ ихъ пивомъ и кумышкой, послѣ этого молодые люди сажаютъ самого хозяина за столъ на подушку и подносятъ ему кумышку. Потомъ хозяинъ встаетъ и идетъ за парнями, ему предстоитъ честь быть гостемъ за жертвенной кашей. Парни ѣдутъ въ другой домъ, кому предстоитъ очередь, и сажаютъ за столъ хозяйку дома, которая вмѣстѣ съ мужчиной посаженнымъ за столъ должна быть гостьей за жертвенной кашей; какъ мужчину такъ и женщину эту называютъ *аргыш*. Послѣ этого молодые парни съ аргышами и

другіе желающіе идти ѣсть кашу люди, собираются на дворъ сѣбѣта. Тамъ опять на лошадяхъ съ хлѣбомъ молятся богу и ѣдутъ на луга, гдѣ варится каша. Спереди идутъ аргыши пѣшкомъ, мужчина по правую сторону, а женщина по лѣвую. Прочія женщины, каждая съ чашкой и ложками, идутъ пѣшкомъ за ними, а мужчины всѣ верхомъ на лошадяхъ. Когда дойдутъ до мѣста, то кладутъ двѣ подушки и сажаютъ на нихъ аргышовъ. Передъ ними разстилаютъ скатерть, на которой ставятъ пиво, кумышку и кладутъ яичницу снятую со сковороды; потомъ одну молодушку заставляютъ класть въ чашку кашу и поставить передъ аргышами, за что молодушка эта даетъ деньги дѣвушкамъ варившимъ кашу. Послѣ этого трое изъ стариковъ наливаютъ въ стаканы пиво и кумышку и молятся, поминая бога ради жертвы, принесенной въ честь выходящей травы. Послѣ молитвы угощаютъ аргышовъ пивомъ и кумышкой и потомъ всѣ ѣдятъ кашу и говядину. Пока угощаютъ аргышовъ, молодые люди играютъ между собой, а дѣвушки тоже не подалеку отъ нихъ играютъ въ какія нибудь игры. Оставшуюся кашу женщины несутъ домой. По окончаніи ѣды всѣ мужчины становятся лицами на югъ и дѣлаютъ три земныхъ поклона. Послѣ этого аргыши идутъ прямо въ домъ сѣбѣта, а остальные, за исключеніемъ трехъ дѣвшекъ варившихъ кашу, расходятся по домамъ; тѣ три дѣвушки приносятъ въ домъ сѣбѣта кашу въ чашкѣ и говядину, оставленная нарочно для этого. Въ домъ сѣбѣта аргыши и дѣвушки опять ѣдятъ кашу, а хозяинъ сѣбѣта угощаетъ ихъ пивомъ и кумышкой. Дѣвушки, варившія кашу, подносятъ каждому человѣку пришедшему туда стаканъ пива и сами, стоя передъ нимъ, поютъ каждому по одной пѣснѣ. По окончаніи этого обряда всѣ расходятся по домамъ. На другой день, въ пятницу утромъ, аргыши варятъ гуся и говядину и зовутъ къ себѣ въ гости всю деревню. Въ субботу и воскресеніе никакихъ обрядовъ не бываетъ, пируютъ ходя изъ дома въ домъ. Въ пятницу на этой же недѣлѣ молодые парни дѣлаютъ гдѣ нибудь на возвышенномъ мѣстѣ качели, и когда качели готовы, ходятъ во всѣ дома, гдѣ есть дѣвушки, которыя угощаютъ кумышкой. До семи недѣль послѣ пасхи молодые парни и дѣвушки каждый четвергъ и пятницу играютъ поъ качелями. Во время качанія на качеляхъ поютъ пѣсни. Проводя подъ качелями цѣлыя ночи, парни и дѣвушки расходятся только къ утру попарно. Это не мало способствуетъ развитію разврата между молодежью Вотяковъ.

Начало посѣва яроваго.

Вотяки начинаютъ сѣять яровой хлѣбъ обыкновенно въ четвергъ или понедѣльникъ, при чемъ дѣлаютъ довольно большой праздникъ. Къ назначенному дню

приготавливают около 10 ведеръ кумышки и пива и пекутъ бискили. Гостей къ этому празднику не зовутъ, но большею частью родственники ѣздятъ другъ къ другу безъ зова.

Въ назначенный день утромъ молятся на дворѣ съ хлѣбомъ, послѣ чего ѣдятъ масло и пьютъ чай. Потомъ запрягаютъ лошадь, кладутъ въ телѣгу овса въ мѣшкѣ, соху и ѣдутъ въ поле. Когда доѣдутъ до ближайшей полосы, отпрягаютъ лошадь отъ телѣги и, запрягши ее въ соху, начинаютъ пахать. Къ этому времени приходятъ на полосу всѣ семейныя женщины, дѣти и дѣвушки, которыя приносятъ кашу, говядины, кумышку и пиво и все это ставятъ на полосу. Такъ выходятъ въ поле изъ каждаго дома, каждый на свою полосу. Вспахавши всю полосу, или часть ея, кладутъ въ лукошко немного овса и нѣсколько яицъ и, перемѣшавши съ овсомъ, начинаютъ сѣять, выкидывая вмѣстѣ съ овсомъ и яйца. Семейныя всѣ собираютъ эти яйца. Послѣ этого беретъ старшій мужчина въ руки хлѣбъ, другіе — кто кашу, кто пиво, кто кумышку и человекъ пять или семь становятся рядомъ лицомъ на югъ и начинаютъ молиться: „Осто иңмарэ, быдзым иңмарэ, жеҕкын потыса жеҕкын ужатысалыдкэ, кижэм јуэз далтытысалыдкэ иңмарэ“, т. е. боже осто, великій боже, дай возможность хорошо начать и работать, уроди посѣянный нами хлѣбъ, боже. Послѣ молитвы садятся кругомъ на полосу, оставляя въ серединѣ чашки съ кушаньями, потомъ начинаютъ ѣсть кашу и говядину и пить пиво и кумышку. Потомъ приглашаютъ другъ друга изъ сосѣднихъ полосъ и гуляютъ такъ по тремъ или четыремъ полосамъ. Во время обѣда отрѣзываютъ горбушку хлѣба и зарываютъ ее вмѣстѣ съ однимъ яйцомъ въ землю, жертвуя хранителю земли (му кылчиң). Послѣ этого молодые люди садятся верхомъ на лошадей и ѣздятъ по дорогѣ до тѣхъ поръ, пока соберутся всѣ; тогда начинаютъ собирать яйца и платки или полотенца отъ каждой молодухи, при этомъ и нѣкоторыя дѣвушки даютъ тоже платки. Послѣ этого молодые люди ѣдутъ до полевой межи и оттуда скачутъ назадъ до деревни. Кто прискачетъ первый, тому даютъ платокъ, а остальнымъ двоимъ прискакавшимъ за нимъ яйца, самымъ послѣднимъ ничего не даютъ. Если платковъ было собрано нѣсколько, то вторично скачутъ отъ той же межи, а если платковъ не много, то заставляютъ молодыхъ людей бѣгать въ перегонки или бороться. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока не разберутъ всѣ собранные платки и яйца. По окончаніи этой потѣхи идутъ домой. По приѣздѣ въ деревню, ѣздятъ верхомъ изъ двора въ дворъ и молятся въ каждомъ дворѣ, сидя на лошадяхъ точно также, какъ это бываетъ на пасхѣ. Послѣ молитвы ихъ угощаютъ пивомъ и кумышкой. Два дня послѣ этого пируютъ, а на третій день начинаютъ работать. Этотъ праздникъ называется *кидыс поттон*, т. е. вывозъ сѣмянъ.

У крещеныхъ Татаръ начало посѣва яроваго происходитъ почти точно такъ же, какъ и у Вотяковъ. Только крещеные Татары не молятся какъ Вотяки, а довольствуются сѣянiемъ яицъ, обѣдомъ на полосѣ и зарыванiемъ на межѣ одного яйца и горбушки хлѣба; у Вотяковъ эти яства приносятся въ жертву ангелу земли, у крещеныхъ же Татаръ зарыванiе ихъ осталось только какъ одинъ пустой, ничего незначущiй обычай. Посѣянные яйца означаютъ желанiе такого полного и круглаго зерна хлѣбу, какое бываетъ яйцо. Крашенiе этихъ яицъ въ желтую краску означаетъ желанiе спѣлости зерну. Тоже означаютъ яйца и краска ихъ и у Вотяковъ. При собиранiи посѣянныхъ яицъ, если дѣти будутъ толкать другъ друга и падать,—то это какъ у Вотяковъ, такъ и у крещеныхъ Татаръ предвѣщаетъ урожай хлѣба до того, что онъ подъ тяжестью колоса будетъ наклоняться къ землѣ.

Собиранiе платковъ и скачка или бѣгъ для полученiя ихъ бываетъ и у крещеныхъ Татаръ, только у послѣднихъ платки не носятъ въ поле, а собираютъ въ деревнѣ.

Покчи акашка.

Передъ паровою пашнею празднуютъ Вотяки въ деревнѣ Верхнихъ Шунь, называя свой праздникъ *покчи акашка*—малая акашка, въ отличiе отъ большой акашки—свѣтлаго праздника Воскресенiя Христова. Къ этому празднику варятъ около 20 ведеръ кумышки и пива и зовутъ всѣхъ своихъ родственниковъ въ гости. По прiѣздѣ гостей начинаютъ пировать. Угостивши немного гостей, изъ каждаго дома дѣвушки несутъ въ чашкахъ бискили въ очередной домъ, называемый *сэбэт*. Туда же собираются и молодые парни. Двое изъ молодыхъ людей распредѣляютъ кому кого поминать на молитвѣ и потомъ, взявъ изъ рукъ дѣвушекъ чашки съ хлѣбами, всѣ парни становятся рядомъ, съ чашками въ рукахъ, и каждый молится, поминая того духа, котораго велѣли ему помянуть распредѣляющiе. Послѣ молитвы отрѣзываютъ отъ каждаго хлѣба по куску и кладутъ эти куски въ одну большую чашку, чашку же ставятъ среди двора на рогожѣ. Когда отрѣжутъ отъ всѣхъ хлѣбовъ по куску, то хлѣбы возвращаютъ принесшимъ, а сами всѣ отвѣдываютъ отъ отрѣзанныхъ кусковъ. Оставшiеся куски крошатъ опять въ одну чашку и несутъ къ рѣчкѣ; перейдя черезъ рѣчку, опять молятся и сѣдаютъ весь хлѣбъ. Идя обратно черезъ рѣчку, зачерпываютъ въ чашку воду и обливаютъ дѣвушекъ. Послѣ этого начинается у молодыхъ *жумшан*, о которомъ подробно будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ, а старики входятъ въ домъ сэбэта и тамъ, съ пѣснями, пируютъ. Въ слѣдующiе два дня угощаютъ гостей и пируютъ сами, при чемъ никакихъ интересныхъ обрядовъ не бываетъ.

Черезъ два дня по отъздѣ гостей Вотяки идутъ со всѣмъ семействомъ на дуга, гдѣ приносятъ жертву называемую *ју корбон* — жертва за посѣянный хлѣба. Въ жертву приносятся двѣ коровы. Пока готовится жертвенное мясо и каша, молодые парни играютъ мячиками въ родѣ русской игры въ лапту, а дѣвушки играютъ большею частью въ горѣлки, оттого тамъ бываетъ весело и шумно. Когда мясо сварится, старики дѣлятъ его на равныя части и кладутъ въ принесенныя чашки. Послѣ говядины въ тѣхъ же котлахъ варятъ кашу. Когда сварится каша, старики кладутъ ее въ чашки и, взявъ въ руки по одной чашкѣ говядины и каши, старшіе между ними человѣкъ около шести молятся безъ шапокъ, стоя лицомъ на югъ. Послѣ молитвы старики дѣлятъ кашу и говядину между собой по жеребью. Каждый человѣкъ кладетъ жеребій съ своей тамгой въ шляпу и одинъ человѣкъ, держа шляпу надъ головой, трясетъ ее для того, чтобы жеребьи перемѣшались, при чемъ говорить разныя пожеланія тѣмъ, чей жеребій вынется. Другой же, стоя рядомъ съ нимъ, вынимаетъ жеребьи и подаетъ тому, чей будетъ вынутый жеребій. Пожеланія или прибаутки, сказываемыя во время выниманія жеребья, состоятъ изъ слѣдующаго: Кто разбогатѣетъ посредствомъ хлѣбопашества?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ состоитъ въ вынутомъ жеребѣ, т. е. разбогатѣетъ тотъ, чей жеребій вынутъ послѣ сего вопроса.—Кто разбогатѣетъ посредствомъ воровства? Кто разбогатѣетъ на боку лежа? Кто покроетъ крышу своего дома желѣзомъ? У кого уродится овесъ, ячмень, рожь и т. п. Кто разбогатѣетъ посредствомъ извозничества? Кто разбогатѣетъ, выдавши замужъ свою дочь? Кто разбогатѣетъ, женивши сына? Кто разбогатѣетъ посредствомъ торговли? и т. п., и т. п.

Изъ раздѣленныхъ такимъ образомъ каши и говядины съѣдаетъ каждый свою долю, при чемъ на днѣ чашки оставляютъ немного каши для тѣхъ, кто не могъ по какой нибудь причинѣ придти самъ. Послѣ съѣденія каши и говядины, мужчины всѣ обращаются лицомъ къ югу и дѣлаютъ одинъ земной поклонъ, а женщины и дѣвушки стоятъ вдали, собравшись въ одно мѣсто. Послѣ этого съ шумомъ и играми отправляются домой.

У крещеныхъ Татаръ тоже бываетъ эта жертва и называется *сабан корманы* — жертва за яровыя хлѣба. При этомъ рѣжутъ одну или двѣ овцы и тоже варятъ кашу. Когда все готово, старики берутъ въ руки чашки съ кашей и молятся, смотря на югъ, большею частью въ шапкахъ, о томъ, чтобы Богъ далъ урожай яровымъ хлѣбамъ и хранилъ ихъ отъ всякой напасти. Послѣ этого старики по своему усмотрѣнію дѣлятъ кашу между присутствующими и ѣдятъ. Немного каши и кусочекъ мяса несетъ каждый въ свой домъ для не бывшихъ на жертвоприношеніи своихъ семейныхъ.

Пучы шуккон.

Въ Лазареву субботу у Вотяковъ въ каждомъ домѣ варятъ по два яйца (до этого времени никто не ѣстъ новыхъ яицъ) и даютъ ихъ ребятамъ. Послѣ этого ребята, ѣвшіе яйца, отправляются въ лѣсъ за вербой (пучы). Принесши домой вербу, ребята, каждый для себя, вяютъ изъ нея толстые бичи. Вечеромъ всѣ парни собираются въ одной банѣ, куда несутъ съ собой свои бичи и кусочки бумаги, туда же собираются и дѣвушки. Тамъ парни выбираютъ изъ болѣе взрослыхъ— одного волостнымъ писаремъ, другаго старшиной, третьяго старостой, четвертаго сборщикомъ податей и нѣсколько парней десятниками. Начинается сборъ податей. Нѣкоторые мальчики даютъ трехъугольные и запачканные кусочки бумаги; тогда старшина и писарь заявляютъ, что это фальшивыя деньги, послѣ чего виновнаго бьютъ слегка вербовыми бичами и сажаютъ подъ полокъ—въ тюрьму. У кого нѣтъ кусочковъ бумаги, тому даютъ срокъ, а если онъ и къ сроку не приготовить, то бьютъ вербой и тоже сажаютъ въ тюрьму. По окончаніи сбора податей, мальчиковъ берутъ въ солдаты, при чемъ смотрятъ имъ зубы и пачкаютъ какъ зубы, такъ и лицо сажей. Послѣ этого новобранцевъ начинаютъ учить. Ученіе состоитъ въ томъ, что ихъ заставляютъ кричать такъ, какъ кричатъ звѣри и птицы. Въ такихъ и подобныхъ играхъ проходитъ время до полуночи и болѣе; послѣ полуночи всѣ выходятъ изъ бани и бьютъ ее своими вербовыми бичами. Потомъ всѣ парни идутъ на верхній конецъ деревни и по порядку начинаютъ бить вербой всѣ дома и ворота, при чемъ сами кричатъ: „вэрвакистыр!“ Значенія этого слова Вотяки не могутъ объяснить и кричатъ лишь по заведенному изстари обычаю. Это битіе воротъ и домовъ называется *пучы шуккон*—битіе вербой. Когда дойдутъ парни до нижняго конца деревни, то выходятъ въ поле и, бросивъ свои шапки на землю, бьютъ ихъ вербой, потомъ бросаютъ тутъ же свои вербы и, надевъ шапки, съ пѣснями возвращаются домой. Такимъ образомъ они, по своему мнѣнію, выгоняютъ изъ своей деревни шайтана и пери.

Нардуган.

Такъ называются у Вотяковъ Мамадышскаго уѣзда святочные игры, бывающія въ началѣ рождественскаго поста. Игры эти въ продолженіи второй половины мѣсяца ноября должны быть три раза, или пять разъ, рѣдко семь разъ; требуется, чтобы количество игръ было непременно нечетное.

Если кто нибудь возилъ бревна для постройки своего дома, при безвозмездной помощи своихъ одножилителей и если онъ успѣлъ уже отдѣлать свой домъ, то со-

бираются молодые люди и отправляются къ тому человѣку просить у него избу для игры *нардуган*. Если онъ обѣщаетъ дать, то посылають мальчиковъ собирать по деревнѣ лучину. Если же не обѣщается, то идутъ къ другому подобному человѣку и просятъ у него. Въ случаѣ если никто не будетъ давать избы, то дѣлають нардуганъ въ караулкѣ. Мальчики, ходя изъ дома въ домъ, собирають лучины, послѣ чего ходятъ по деревнѣ крича: „нардуганэ мынэлэ!“ т. е. идите въ нардуганъ. Собравшись вечеромъ по закатѣ солнца въ избу, сданную подъ квартиру нардугана, оборачивають нары другою стороною, для того чтобы не загрязнить ихъ и сами собравшіеся, особенно дѣвушки, стоятъ на нарахъ. Когда соберется много народа, то охотники наряжаются идутъ въ какую нибудь баню и, нарядившись въ самыя безобразныя одежды, входятъ въ нардуганъ. Нѣкоторые одѣваются чертомъ, другіе медвѣдемъ, а иные черемиской. Черемиска есть непремѣнная принадлежность нардугана, — безъ нея эти игры немыслимы. Входя въ нардуганъ, черемиска беретъ съ собой веретено и клокъ кудели, привязанный къ палкѣ. При входѣ всѣ наряженные пляшутъ, послѣ чего черемиска садится и начинаетъ пряхть, при чемъ мальчики, держащіе огонь, поджигаютъ ея кудель; увидѣвъ это, она начинаетъ безобразно кричать и размахивать горячей куделью надъ головами присутствующихъ. У многихъ при этомъ загораются платки, рубашки и т. п. Послѣ этого черемиска пляшетъ и уходитъ. Послѣ черемиски входятъ разные другіе ряженые и представляютъ разныя комическія сцены. Самыя употребительныя сцены слѣдующія: Одинъ человѣкъ входитъ, одѣвшись въ солдатскую одежду и вводитъ съ собой другаго одѣтаго лошадю. Нѣкоторые присутствующіе начинаютъ торговать лошадью и, сладившись въ цѣнѣ, платятъ за нее щепками, при чемъ договариваются и о могоарычѣ. Купившій лошадью сажаетъ на нее маленькаго мальчика, который ѣздитъ на ней верхомъ по комнатѣ, при чемъ лошадью бьетъ головой присутствующихъ тутъ людей, и послѣ того уходитъ. Хозяинъ лошади, оставшись въ избѣ, ходитъ отъ одного человѣка къ другому, спрашивая, гдѣ кабакъ. Одинъ показываетъ на одного, другой на другаго, — такимъ образомъ толкають его одинъ къ другому, послѣ чего хозяинъ лошади уходитъ.

Послѣ этого входятъ два колодника совершенно голые съ повязанными спереди фартуками и съ пестерями (пешуръ) за спиной; они отнимають у людей шапки и кладутъ въ свои пестери. Когда наберутъ полные пестери, входитъ чиновникъ, одѣтый въ солдатскій мундиръ; при входѣ его колодники прячутся въ уголь. Чиновника сажаетъ на нары, при чемъ одну доску снимають и онъ, садясь на пустое мѣсто, проваливается подъ нары. Послѣ этого онъ требуетъ самоваръ; ему подносятъ разбитое колесо телѣги, вмѣсто чайныхъ чашекъ подають черепицы и

щепки, а вмѣсто меду человѣческой калѣ. Чиновникъ дѣлаетъ видъ, что пьетъ чай и послѣ чаю требуетъ закусить; ему подають дохлую курицу, или кошку. Дѣлая видъ, что онъ наѣлся, чиновникъ требуетъ, чтобы къ нему привели колодниковъ. Дѣлая обыскъ ихъ вещамъ, чиновникъ находитъ у нихъ много шапокъ и спрашиваетъ, чьи онѣ и зачѣмъ собраны? Колодники, вынимая по одиночкѣ шапки, говорятъ, что съ хозяиномъ той или другой шапки они дѣлали то-то и то-то. Чиновникъ призываетъ хозяина шапки и спрашиваетъ, справедливо ли показаніе колодниковъ? Нѣкоторые сознаются, что справедливо, и чиновникъ присуждаетъ ихъ къ ссылкѣ вмѣстѣ съ колодниками въ Сибирь, а не сознавшихся тутъ же наказываетъ ударами кушака. Послѣ этого какъ тѣмъ, такъ и другимъ возвращаетъ ихъ шапки, и когда разберутъ всѣ шапки, колодниковъ выгоняють, а чиновника сажаютъ въ салазки и вывозятъ въ сѣни, а иногда вмѣстѣ съ салазками сталкиваютъ съ лѣстницы.

Самое послѣднее изъ представленій бываетъ *сырон носон* т. е. выжиманіе воды изъ кожи (обдѣланной). При этомъ ловятъ дѣвушекъ и катають ихъ на нарахъ. Когда всѣхъ перекатають, то маленькихъ дѣвочекъ и мальчиковъ выгоняють, чѣмъ и кончаются всѣ драматическія сцены. Рассказывать содержаніе всѣхъ ихъ нѣтъ возможности тѣмъ болѣе, что въ разныхъ деревняхъ бивають разныя представленія.

По окончаніи представленій, одного парня и одну дѣвушку посылають за водой, а остальные запирають за ними дверь, гасятъ огонь и остаются, сидя за столомъ, при чемъ всѣ молчатъ. Отправившіеся за водой садятся и слушають въ трехъ мѣстахъ, не услышать ли чегонибудь. Потомъ зачерпываютъ въ ведро воду и, положивъ въ нее серебряное кольцо, или такую же монету, возвращаются въ квартиру нардугана. Неся воду, парень и дѣвушка—оба держатся за ведро и такимъ образомъ входятъ въ избу нардугана. Въ избѣ воду ставятъ на нары въ переднемъ углу, а парень и дѣвушка, принесшіе воду, садятся одинъ по правую сторону ведра, а другая по лѣвую. Тогда зажигаютъ огонь, и каждый парень выбираетъ себѣ въ жены какуюнибудь дѣвушку. По выборѣ жены, они попарно подходятъ къ сидящей около ведра парѣ, при чемъ парень сидящій у ведра черпаетъ воду ковшомъ и подаетъ подошедшему парню, а дѣвушка точно такъ же подаетъ дѣвушкѣ. Послѣ этого дѣвушки отходятъ въ одну сторону, а парни въ другую и попеременно поють разныя пѣсни. Попѣвши около получаса, нѣсколько человѣкъ идутъ къ хозяину дома и просятъ у него коровай хлѣба. Принесшіе этотъ хлѣбъ кладутъ на столъ и всѣ садятся за столъ. Посидѣвши немного, человѣкъ семь (4 парня и 3 дѣвушки) или пять (3 парня и 2 дѣвушки) отправляются въ озимое поле слушать, а осталь-

ные крѣпко запирають за ними дверь и кладуть у дверей доску, на которую сыплют золу. Послѣ этого гасятъ огонь и молча, не шевелясь, сидятъ до тѣхъ поръ, пока не вернутся ушедшіе въ поле. Тѣ же, которые ушли въ поле, садятся тамъ на одномъ мѣстѣ и, обеда ножичкомъ вокругъ себя черту, покрываются занавѣской. Такимъ образомъ сидятъ съ четверть часа и болѣе и слушаютъ. Такъ они садятся въ пяти мѣстахъ, въ полѣ и въ деревнѣ. При этомъ говорятъ, что, садясь и сидя на мѣстѣ, нельзя поминать Бога, въ противномъ случаѣ ничего не услышишь. Въ полѣ, если въ будущемъ году долженъ быть урожай хлѣба, говорятъ, слышится скрипъ телѣги какъ будто отъ тяжелаго воза, а если будетъ неурожай,—то слышится звукъ пустой телѣги. Если на улицѣ со стороны чьего нибудь двора слышится звукъ ударовъ топора, то говорятъ, что въ томъ домѣ будетъ покойникъ. Если услышится звукъ плача, то говорятъ, что въ томъ домѣ будетъ какое нибудь горе и будутъ плакать. Если слышится звукъ пѣсней, то говорятъ, что будетъ свадьба. По такимъ и другимъ подобнымъ звукамъ дѣлають заключенія о будущемъ. На золѣ, оставленной у дверей дома нардугана, остается, говорятъ, отпечатокъ ноги какого нибудь животнаго; по этимъ слѣдамъ тоже предугадываютъ объ урожаѣ или неурожаѣ хлѣбовъ: если слѣдъ животнаго или человека, оставленный на золѣ, будетъ гладкій, то говорятъ, что хлѣба не уродятся, если же слѣдъ будетъ мохнатый, то будетъ урожай.

По окончаніи подслушиванія, въ нѣкоторыхъ деревняхъ нардуганъ расходится, а въ нѣкоторыхъ, по приходѣ посланныхъ для слушанія въ полѣ, собирають отъ дѣвиць кольца и перстни и кладуть въ ведро воды, принесенной парнемъ и дѣвушкой, которая все еще стоитъ на своемъ мѣстѣ. Туда же кладуть свои кольца и парни. Послѣ этого одинъ парень мѣшаетъ кольца и, доставая ихъ по одному, подаетъ тому, чье кольцо вынется. При этомъ говорятъ разныя прибаутки въ родѣ слѣдующихъ: Кто разбогатѣетъ, выйдя замужъ? Кто выйдетъ замужъ за пьяницу? Кто пойдетъ на подловку (чердакъ) для того, чтобы открыть трубу и, упавши съ лѣстницы, умереть? Кто умретъ родами? Кто, выйдя замужъ, будетъ жить съ мужемъ недружно? Кто умретъ до замужества? Кто женится на развратной? Чья жена отравитъ мужа? и т. п. Отвѣты на эти вопросы состоятъ въ вынутомъ кольцѣ, или перстнѣ. Когда вынуть всѣ кольца и перстни, тогда воду выносятъ на дворъ и выливаютъ; при этомъ смотрятъ въ какую сторону потечетъ больше воды, на сѣверъ или на югъ; если на югъ, то хорошо, а если на сѣверъ, то будетъ тяжелый годъ.

Зимою дѣвушки Вотячки иногда гадають посредствомъ курицы. Ночью, собравшись въ одномъ домѣ, онѣ выходятъ въ курятникъ и желающая гадать ловить

курицу. Если попадется курица старая, то говорятъ, что мужъ той дѣвушки будетъ вдовець. Поймавши курицу, несутъ въ избу и пускаютъ на полъ; на полу рассыпаютъ овесъ и въ какой нибудь чашечкѣ ставятъ воду. Если курица будетъ много ѣсть, то говорятъ, что мужъ гадающей дѣвушки будетъ безсовѣстный обжора; если она будетъ все пить, то говорятъ, что мужъ гадающей будетъ пьяница; если курица будетъ ходить на полу и будетъ пѣть, какъ обыкновенно поютъ курицы, то мужъ гадающей будетъ мастеръ пѣть пѣсни. Послѣ этого курицу выносятъ назадъ въ курятникъ и другая дѣвушка, желающая погадать, ловить курицу.

У крещеныхъ Татаръ, въ сороковыхъ годахъ и даже позже, были такія же святочныя игры съ подобными же безобразіями и назывались также нардуган. Игры эти бывали съ 25 декабря по 1 января. Въ эти годы изъ всѣхъ такихъ игръ сохранилась только одна *жбѣок салму*, т. е. положеніе перстней въ ведро воды, какъ это дѣлается у Вотяковъ. Въ назначенный для этой игры день, молодые люди ищутъ квартиру и, нашедши, договариваются о цѣнѣ, которая никогда не бываетъ выше 2—3 коп. сер. съ парня, съ дѣвушекъ же денегъ не берутъ. Условившись о цѣнѣ, посылаютъ мальчиковъ собирать лучины, а если какой нибудь парень не поспуится купить свѣчку, то посылаютъ мальчиковъ звать дѣвушекъ на игры. Входя въ каждый домъ, гдѣ есть дѣвушка, мальчики говорятъ: „без сямукъ ѳндяуче“, т. е. мы приглашаемъ на *сямукъ*,—такъ иначе называются эти игры. Когда стемнѣетъ, собираются парни и дѣвушки въ известный домъ. Послѣ этого двухъ парней и двухъ дѣвушекъ посылаютъ за водой, изъ которыхъ одна пара, т. е. парень съ дѣвушкой остаются на полудорогѣ, а другая пара идетъ черпать воду на рѣчку. Зачерпнувши воду, кладутъ въ нее серебряное кольцо или перстень и взявшись за ведро оба, несутъ до оставшейся на полудорогѣ пары, послѣ чего передаютъ воду этой парѣ, которая и доноситъ до квартиры нардугана. Вода ставится такъ же, какъ и у Вотяковъ, на нары, послѣ чего дѣвушки, загадывая что нибудь мысленно, кладутъ въ нее кольца и перстни. Взболтавши перстни, одна дѣвушка вынимаетъ ихъ поодиночкѣ изъ ведра и подаетъ той, чей перстень вынется, парни въ это время говорятъ пѣсни; дѣвушка, получивъ перстень, въ сказанной пѣснѣ получаетъ и отвѣтъ на загаданный вопросъ, и если пѣсня ей нравится, то она беретъ перстень въ ротъ, если же нѣтъ, то бросаетъ его опять въ ведро. Когда разберутъ всѣ перстни, расходятся по домамъ.

Кромѣ того у крещеныхъ Татаръ былъ обычай гаданія посредствомъ курицы, при чемъ значеніе дѣйствій курицы были тѣ же что и у Вотяковъ; въ послѣдніе годы этотъ обычай также вывелся.

На святкахъ крещеные Татары наряжаются и ходять изъ дома въ домъ, но слишкомъ безобразно не одѣваются.

Жумшан.

Самая обыкновенная и самая употребительная забава молодежи у Вотяковъ есть *жумшан*. Лѣтомъ и зимою, въ праздники, молодые люди только этимъ и забавляются. Въ праздничный день вечеромъ собираются нѣсколько Вотячекъ, зовуть съ собой свою подругу, мастерицу играть на гусляхъ, и заставляютъ ее играть въ чьемъ нибудь домѣ. По предварительному условію въ тотъ же домъ собираются всѣ желающіе позабавиться молодые люди обоого пола. Когда соберется человекъ 15, то нѣкоторыхъ молодцовъ заставляютъ плясать. Въ это время почти всѣ присутствующіе хлопаютъ руками подъ тактъ музыки до того, что музыки совсѣмъ не слышать. Послѣ молодцовъ заставляютъ плясать и дѣвушекъ, которыя сначала пляшутъ по одиночкѣ, потомъ вдвоемъ и втроемъ; въ избахъ болѣе просторныхъ иногда пляшутъ по пяти и по шести дѣвушекъ въ разъ. Вся забава состоитъ только въ этомъ и въ ходѣ изъ дома въ домъ; въ каждомъ домѣ повторяется то же самое. Въ нѣкоторыхъ домахъ парней угощаютъ кумышкой. Когда обойдутъ домовъ около десятка или болѣе, и молодцы немного подопьютъ, то начинаютъ подъ тактъ музыки и хлопанья рукъ пѣть пѣсни такъ называемыя *такмак*. Содержаніе этихъ пѣсней болѣе чѣмъ неприлично, что впрочемъ нисколько не стѣсняетъ привычный къ подобнымъ пѣснямъ слухъ дѣвушекъ-Вотячекъ. Во время хожденія изъ дома въ домъ, Вотяки-молодцы имѣютъ привычку отрывать у дѣвушекъ пришитыя серебряныя монеты, за что послѣ просятъ выкупъ. Выкупъ состоитъ, смотря по требованію молодца, изъ кошелька для денегъ, изъ пояса, изъ полуштофа хорошей кумышки и т. п. Не всегда возвращаютъ молодцы отнятыя монеты, болшею частью они берутъ и выкупъ, да и монету оставляютъ у себя. Дѣвушки бываютъ, конечно, недовольны этимъ и посредствомъ подарковъ подговариваютъ двухъ-трехъ молодцовъ поколотить отнявшаго у нихъ серебро. Если бы не было у дѣвушекъ этого средства, то въ одну недѣлю молодцы обобрали бы всѣхъ дѣвушекъ своей деревни.

Такимъ образомъ гуляютъ до полуночи и болѣе, послѣ полуночи начинаютъ понемногу расходиться, при чемъ нерѣдко расходятся попарно и идутъ куда хотятъ.

Жумшан болѣе всего способствуетъ развитію разврата между молодыми людьми. Гуляя до полуночи и болѣе, дѣвушка нисколько не стѣсняется явиться домой

даже передъ разсвѣтомъ, потому что хорошо знаетъ, что кромѣ беременности ничто не навлечетъ на нее гнѣва родителей, которые въ свою очередь, смотрятъ на шалости своихъ дѣтей сквозь пальцы. Одна беременность или рожденіе дѣтей считается предосудительнымъ для дѣвушки, а гулянье нисколько. Ночь въ вотяцкой деревнѣ, особенно лѣтомъ, скрываетъ не мало преступленій отъ людей. Если бы кто нибудь вздумалъ лѣтомъ ночью походить по вотяцкой деревнѣ,—разнообразныя картины разврата поразили бы его. Если бы дѣвушки Вотячки, обзаведясь любовникомъ, были бы ему вѣрны,—это бы было еще немного сноснаго, а то онѣ мѣняютъ любовниковъ чуть не каждую недѣлю; отъ этого не мало достается побоевъ самой дѣвушкѣ и вновь заведенному любовнику. Драка между молодцами ночью есть самое обыкновенное явленіе въ вотяцкой деревнѣ. Иногда случается, что молодецъ, подкарауливъ вновь заведеннаго любовника своей любовницы, даетъ ему пробраться въ клѣтѣ, гдѣ спитъ дѣвушка, и закладываетъ дверь клѣтки чѣмъ нибудь тяжелымъ такъ, что парочку оставшуюся въ клѣтѣ освобождаютъ на другой день родители дѣвушки. Для избѣжанія подобной непріятности Вотячки дѣвушки берутъ съ собой спать свою маленькую сестренку или племянницу, для того чтобы спустить ее въ окно и призвать кого нибудь на помощь раньше разсвѣта. Примѣръ старшей сестры или тетки находить, конечно, подражательницу и въ младшей, видѣвшей какъ и когда слѣдуетъ ухитриться, чтобы избѣжать непріятностей.

Несмотря на все это, Вотяки при женитьбѣ выбираютъ по возможности дѣвушку хорошаго поведенія, какихъ, впрочемъ, найти между Вотячками довольно трудно. Нѣкоторые знакомые съ бытомъ Вотяковъ писатели увѣряютъ, что Вотяки беременную дѣвушку или даже рождавшую дѣтей предпочитаютъ дѣвушкѣ хорошаго поведенія⁽¹⁾. Но это мнѣніе ни на чемъ не основано. Вотяки при женитьбѣ за дѣвушку не замѣченную въ развратѣ даютъ калыма до 75 руб. сер., а за дѣвушку беременную, если найдутся женихи, даютъ никакъ не болѣе 3 руб. При мнѣ бывало нѣсколько случаевъ женитьбы на беременной дѣвушкѣ, при чемъ одинъ женихъ заплатилъ калыма 15 коп., а другой 9 коп. Предпочитая беременную дѣвушку дѣвушкѣ хорошаго поведенія, они, по моему мнѣнію, должны бы и калыма за нее давать больше. Нерѣдко бываетъ такъ, что дѣвушка беременная, не находя жениха, приглашаетъ къ себѣ ночевать какого нибудь парня, при чемъ подговариваетъ кого нибудь поймать парня на мѣстѣ преступленія. Не мало побоевъ принимаетъ она за свой грѣхъ и считаетъ себя счастли-

⁽¹⁾ Труды Общ. Естествоисп. при Импер. Казан. унив., т. IV, № 1. Вотяки Казанской губ. Островскаго; стран. 27.

вой если хоть какъ нибудь удастся выйти замужъ. Нечего говорить о супружеской жизни подобныхъ женщинъ: онѣ какъ безсловесныя животныя должны подчиняться всѣмъ капризамъ семейныхъ мужа. Всѣ члены семейства, не исключая и дѣтей 10—15 лѣтъ поступаютъ съ такою женщиной какъ хотятъ: ругаютъ и надѣясь на свою силу, на каждомъ шагу кормятъ ее колотушками. Склоненъ думать, что подобныя отношенія не доказываютъ того, что Вотяки беременную дѣвушку предпочитаютъ дѣвушкѣ хорошаго поведенія. Нерѣдко случается, что мужъ подобной женщины, видя порокъ своей жены, начинаетъ и самъ развратничать, а если нѣтъ, т. е. если онъ черезъ-чуръ смирнаго характера, то (хотя рѣдко) бываютъ случаи, что таковой бракъ разрывается черезъ самоубійство мужа.

Пятница лѣтомъ.

Вотяки повсемѣстно почти празднуютъ пятницу вмѣсто воскресенья и называютъ ее *арня пынал*—недѣльный день, тогда какъ воскресенье они называютъ *жѹс арня пынал*—русскій недѣльный день. Въ пѣсняхъ пятницу Вотяки называютъ *вбсаѣкон пынал*, т. е. день молитвы, потому что въ этотъ день они молятся съ блинами.

Наканунѣ пятницы, въ четвергъ вечеромъ, Вотяки моются въ банѣ и, поужинавъ, ложатся спать. Молодые люди лѣтомъ въ этотъ день вечеромъ играютъ гдѣ нибудь на лугахъ или подъ качелями. Вотъ какъ описываетъ пятницу одинъ ученикъ начальной школы изъ Вотяковъ.—„Тамъ (т. е. подъ качелями) было очень весело, много молодыхъ парней и дѣвушекъ качались на качеляхъ, пѣли пѣсни и играли въ разныя игры. Такъ мы тамъ пробыли всю ночь. Потомъ я пришелъ домой и легъ спать. Чуть только я уснулъ, всѣ семейные встали. Мамаша истопила печку, батюшка поставилъ самоваръ, а я все еще спалъ. Когда поспѣлъ самоваръ, батюшка меня разбудилъ; я умылся и, помолившись Богу, сѣлъ за столъ. Мы съ батюшкой и съ братьями сѣли чай пить, а мамаша пекла въ это время блины. Когда напились досыта, самоваръ убрали. Мамаша взяла тарелку, помазала семь блиновъ (нужно нечетное число), положила на эту тарелку и поставила на столъ. Батюшка надѣлъ зипунъ и, взявъ эту тарелку, вышелъ на дворъ молиться Богу ради пятницы. Онъ всталъ посреди двора лицомъ на югъ и сталъ молиться такъ: „осто иѣмарэ, быдзым иѣмарэ, арня пыкал понна бурэ ваиско“ и т. д. Послѣ этой молитвы онъ вошелъ въ избу и мы начали ѣсть блины. Въ этотъ день мы ничего не работали. Когда насталъ вечеръ, всѣ молодые

люди вышли на улицу, мы, мальчики, стали играть въ лапти, а большіе парни и дѣвушки пошли подъ качели. Игра въ лапти состоитъ въ слѣдующемъ. Вбиваютъ въ землю деревянный колъ и привязываютъ къ нему веревку длиною около двухъ аршинъ. Къ этому колу собираютъ около 50 старыхъ брошенныхъ лаптей. Одинъ изъ ребятъ держитъ веревку и караулитъ эти лапти, всѣ другіе стараются отнимать ихъ у него. Онъ долженъ стараться поймать когонибудь не выпуская изъ руки веревки. Когда когонибудь поймаютъ, пойманный остается вмѣсто него караулитъ лапти. Если же отнимутъ всѣ лапти и онъ никого не успѣетъ поймать, то собираютъ отнятые лапти и гонятъ его, кидая лапти ему въ спину. Нерѣдко такимъ образомъ доводятъ его до слезъ, или же выгоняютъ за околицу деревни“.

Начало и окончаніе жатвы.

Когда поспѣетъ рожь, въ одинъ четвергъ Вотяки дѣлаютъ зажинъ ржи. Для этого изъ cadaго дома идутъ на свою ближайшую полосу по одному человеку съ серпомъ. Пришедши на полосу, помолясь Богу, начинаютъ жать. Молятся о томъ, чтобы Богъ далъ силы и добраго здоровья всему ихъ семейству до конца жатвы. Обыкновенно жнутъ снопа три во имя трехъ добрыхъ существъ (бадзымъ иңмар—великій богъ, иңмар анай—мать бога и осто иңмар—богъ хранитель отъ злыхъ духовъ), и въ этотъ день большее не жнутъ. На слѣдующій день, т. е. въ пятницу, по причинѣ недѣльнаго дня, не работаютъ. Совсѣмъ принимаются жать въ субботу утромъ и съ того времени начинаютъ жать безъ остановки, по возможности каждый день.

Когда кончаютъ жатву, всѣ жнецы, жавшіе на одной полосѣ, кладутъ по одному снопу на землю вязанымъ концомъ на югъ; на эти снопы садятся сами лицомъ на югъ и жнутъ оставшееся послѣ жатъя жниво, котораго нажавши полную горсть, кидаютъ назадъ черезъ правое плечо. Послѣ этого благодарятъ Бога за благополучное окончаніе жатвы. Нѣкоторые при окончаніи жатвы нарочно несутъ въ поле цѣлый коровай хлѣба и, разостлавши скатерть, кладутъ его передъ собой въ то время, когда сами садятся на снопы. Когда перекинутъ черезъ правое плечо сжатое жниво, старшій между присутствующими беретъ хлѣбъ въ руки и молится на югъ; это называется *кужым курон*, т. е. прошеніе силы. Послѣ этого садятся въ кружокъ и ѣдятъ хлѣбъ.

Когда всѣ снопы яроваго и ржаного хлѣба соберутъ въ гумны, пекутъ бискили, блины и маленькія круглыя лепешки, помазанныя сверху сваренымъ сокомъ коноплянаго сѣмени. Все это мажутъ коноплянымъ масломъ и раздаютъ своимъ сосѣдямъ и родственникамъ, живущимъ въ той же деревнѣ. Обрядъ этотъ называется *аран быттэт*, т. е. окончаніе жатвы.

Начало жатвы у крещеныхъ Татаръ бываетъ точно такъ же большею частью въ четвергъ. Нѣкоторые несутъ въ поле съ собой хлѣбъ, а другіе какое нибудь кушанье. Пришедши на полосу, не обращаясь особенно ни въ какую сторону, такъ сказать на ходу, крещеный Татаринъ, внутренно прося Божіей помощи, начинаетъ жать. Нѣкоторые жнутъ два-три снопа, а нѣкоторые дѣлаютъ повязку снопа и, нажавши съ полснопа, оставляютъ такъ незавязаннымъ и садятся закусить, конечно, если что нибудь принесли; закусивши отправляются домой. А если ничего не принесли, то садятся на снопъ и вставъ уходятъ домой.

При окончаніи жатвы у крещеныхъ Татаръ никакихъ обрядовъ нѣтъ.

Ана дерагэ ыж вандон.

Осенью передъ Покровомъ Вотяки приносятъ въ жертву за посѣянную рожь овцу. Каждое семейство, желающее принести жертву, ведетъ на свою ближайшую полосу овцу или барана: одинъ изъ семейныхъ держитъ овцу, а другой обливаетъ ее водой, овца отряхивается; если же нѣтъ, то обливаютъ до трехъ разъ, если и тогда не отряхнется, рѣшаютъ ее зарѣзать. Передъ тѣмъ какъ зарѣзать овцу ставятъ впереди и сами, взявъ въ руки коровай хлѣба, молятся Богу. Послѣ этого подводятъ овцу къ межѣ полосы и, поваливъ, рѣжутъ. Тутъ же раскладываютъ огонь и варятъ мясо; каши при этомъ не бываетъ.—бываетъ только одинъ супъ. Когда поспѣютъ супъ и баранина, на полосу разстилаютъ скатерть и, вынувъ мясо изъ котла, ставятъ въ чашкѣ на скатерть; потомъ берутъ эту чашку съ мясомъ въ руки и начинаютъ молиться обратившись лицомъ на югъ: „осто иѣмарэ, быдзым иѣмарэ, ана дерагэ ыж вайско“, т. е. боже осто, великій боже, приношу овцу на межѣ полосы. Послѣ этихъ словъ говорятъ, чтобы богъ хранилъ посѣянную рожь отъ всякихъ напастей и т. п. По молитвѣ, садятся на полосу и ѣдятъ мясо и супъ. Вставши послѣ ѣды, становятся всѣ лицами на югъ и дѣлаютъ одинъ земной поклонъ, потомъ отправляются домой.

Жертвоприношеніе пѣтуха на озими.

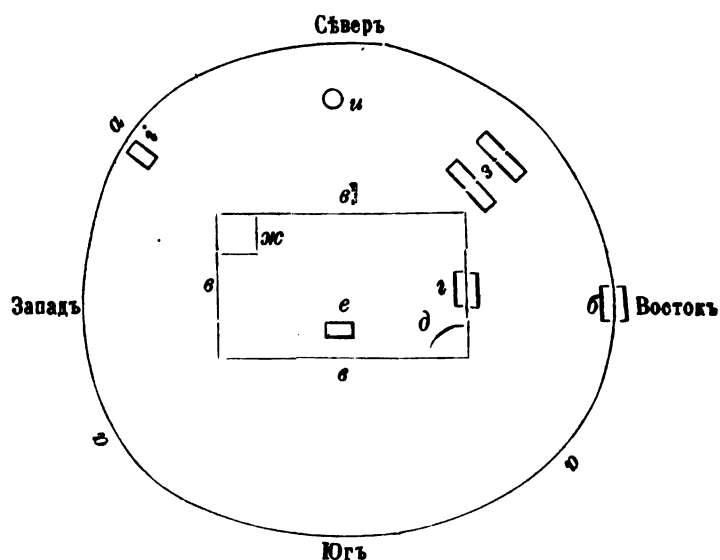
Осенью передъ Покровомъ Вотяки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Мамадышскаго уѣзда рѣжутъ на озими пѣтуха. Прежде чѣмъ рѣзать не молятся, а только говорятъ: „важкала јулалэз бурэ ваиско“, т. е. поминаю обычай древнихъ. Послѣ этого пѣтуха рѣжутъ и, отрѣзавъ ему голову и ноги, зарываютъ въ землю для того, чтобы онъ клевалъ червяковъ, которые будутъ ѣсть озимь (*номыр бичаны*—собирать червяковъ). Потомъ несутъ пѣтуха домой и, очистивъ, варятъ изъ него супъ. Ъдятъ какъ самого пѣтуха, такъ и супъ безъ предварительной молитвы, тогда какъ при другихъ жертвоприношеніяхъ молятся.

У крещеныхъ Татаръ на озими большею частью рѣжутъ курицу и почти всѣ варятъ вмѣстѣ съ ней кашу. Только они не знаютъ съ какою цѣлью рѣжутъ курицу, а дѣлаютъ это по заведенному древними обычаю.

Лудэ нырон.

Керемети Вотяковъ извѣстны болѣе или менѣе всѣмъ, кому приходилось быть хоть разъ въ странѣ, обитаемой Вотяками. Это ни болѣе ни менѣе какъ группа деревьевъ старыхъ или молодыхъ, смотря потому, древняя кереметь или нѣтъ. Всѣ подобныя рощи бываютъ загорожены пряслами для того, чтобы не топтала ихъ скотина. Въ подобныхъ рощницахъ обыкновенно ничего нѣтъ кромѣ деревьевъ, только въ нѣкоторыхъ бываетъ молитвенный шалашъ—куала. Кереметь—слово не вотяцкое и есть общее названіе всѣхъ добрыхъ и злыхъ духовъ, которымъ приносятся жертвы. На татарскомъ языкѣ это слово не имѣетъ особаго значенія и крещеные Татары называютъ такъ всѣ свои домашнія жертвоприношенія. Праздники бывающіе въ кереметяхъ почти повсемѣстно одинаковы за исключеніемъ маленькой разницы въ обрядахъ. Рощи эти называются Вотяками *луд*, т. е. поле. Когда въ одной деревнѣ бываетъ нѣсколько лудовъ, то одинъ изъ нихъ называется *быдзым луд*, т. е. большой лудъ.

Въ деревнѣ Новой Учѣ (Виль гурт—новая деревня) Мамадышскаго уѣзда есть четыре луда, изъ которыхъ *быдзым лудъ* называется Эшембай луд (лудъ Эшембая, некрещенаго Вотяка, основавшаго, вѣроятно, поклоненіе въ этомъ лудѣ), второй—Онися луд (Анисья), третій—Олексѣй луд (Алексѣя) и четвертый—Пор луд (Черемисина). Эшембай лудъ загороженъ пряслами и въ срединѣ его есть куала. Входъ какъ въ лудъ, такъ и въ куалу съ восточной стороны. Въ куалѣ кромѣ стола, шкапа и полки ничего нѣтъ. Весь лудъ съ принадлежностями имѣетъ слѣдующую форму:

а. окружность луда.

б. ворота.

в. куала.

г. дверь в уалы.

д. полка „мудор“.

е. столъ.

ж. шваць.

з. скамейка для сидѣнія.

и. мѣсто востра.

і. мѣсто закалыванія жертвъ.

Праздникъ Эшембай луда бываетъ одинъ разъ въ году, осенью, 8 ноября. Смотритель луда въ этотъ день утромъ топить баню и зоветъ къ себѣ всѣхъ, кто пойдетъ въ лудъ, париться въ банѣ. Выпарившись, всѣ надѣваютъ чистое бѣлье, а смотритель луда надѣваетъ бѣлую холщевую рубаху и такіе же штаны. Послѣ этого всѣ, кто хочетъ идти въ лудъ (одни только мужчины; женщины въ лудъ не ходятъ), несутъ къ смотрителю луда пять короваевъ хлѣба и въ бутылкѣ водку. Къ керемети этой принадлежатъ около десяти дворовъ въ означенной деревнѣ, вѣроятно имѣющіе одного родоначальника Эшембая. Когда всѣ соберутся, хозяинъ луда готовитъ обѣдъ, а когда обѣдъ готовъ, то кушанья наливаютъ въ чашки и ставятъ на столъ. Тогда смотритель луда беретъ въ руки коровай хлѣба и спрашиваетъ у присутствующихъ: „не имѣете ли, братья, обѣщаній луду, если имѣете, то дайте“. Обѣщавшіе чтонибудь, берутъ свои обѣщанныя деньги и, вымывъ ихъ, кладутъ на коровай смотрителя луда. Иногда обѣщавшіе деньги обѣщаютъ вмѣстѣ съ ними и какуюнибудь домашнюю птицу, а иногда обѣщаютъ только деньги. Не имѣющіе обѣщанія тоже даютъ деньги. Обѣщавшій деньги, вручая ихъ смотрителю луда говоритъ: „вотъ я за неимѣніемъ домашнихъ птицъ обѣщаль деньги и принесъ ихъ“. По собраніи денегъ, смотритель луда оставляетъ ихъ покуда на столѣ и начинаетъ принимать птицъ. Обѣщавшій, отдавая птицу ему въ руки, говоритъ: „вотъ я обѣщаль и принесъ гуся,

утку и подобн. Принесенныхъ птицъ смотритель принимаетъ изъ рукъ въ руки и, вымывъ имъ ноги, пускаетъ на полъ. Если птица будетъ обтряхиваться, то говорятъ, что лудъ кужо ждетъ жертву, а если нѣтъ, то говорятъ, что птица была обѣщана давно и что хозяева вѣроятно вспомнили прежнее обѣщаніе. Послѣ этого смотритель луда втыкаетъ въ коровай хлѣба всѣ собранныя деньги и, взявъ его въ руки, становится лицомъ на югъ; пришедшіе съ хлѣбами берутъ въ руки свои хлѣбы и становятся сзади его; смотритель луда начинаетъ молиться: „осто иѣмарэ, тани ми шыдэн-няѣэн Эшембай лудэз бурэ ваиском“, т. е. боже осто, вотъ мы хлѣбомъ-солью поминаемъ лудъ Эшембая и т. д. Послѣ молитвы садятся за столъ и ѣдятъ. Деньги собранныя при этомъ называются *люгелж* или *мямяля* и тратятся на нужды луда и смотрителя, только нельзя тратить ихъ на нужды дочерей послѣдняго—въ противномъ случаѣ онѣ будутъ больны глазами.

Послѣ обѣда запрягаютъ лошадей и ѣдутъ въ самый лудъ. Туда везутъ пивной котель, хлѣбъ, медъ, крупу, воду въ пивной бочкѣ и обѣщанныхъ птицъ. Каждый ѣдущій въ лудъ беретъ съ собой полуштофъ хорошей кумышки или кабацкой водки. Когда пріѣдутъ въ лудъ, хозяинъ луда отворяетъ ворота и входитъ туда первый, за нимъ входятъ и прочіе люди; при входѣ въ ворота шапки снимаютъ, а вошедши въ лудъ опять надѣваютъ ихъ. Смотритель луда беретъ въ руки коровай хлѣба, чашку меда (большею частью сотоваго) и входитъ въ куалу; войдя туда, ставитъ ихъ въ шкапъ. Тогда изъ чистаго вощенаго холста дѣлаютъ факелы и зажегши ихъ, прилѣпляетъ къ южному краю стола. Послѣ этого беретъ изъ шкапа хлѣбъ съ медомъ, ставитъ ихъ на столъ, потомъ опять беретъ ихъ со стола и начинаетъ молиться такъ: „осто иѣмарэ, тани мон кужоед вашкала јулолэз бурэ ваиса кіам нянен му кутыса тонэ бурэ ваиско; нянен му кижы ческыт лѣэ, ми калыкйоетэ ко ческыт аджыса ул; бурчиѣ каик небыт кылын-ымын тон иѣмарэ бурэ ваиллялмы кэ!“ т. е. боже осто, вотъ я, *твой хозяинъ*, поминая обычай древнихъ, взявши въ руки хлѣбъ съ медомъ, поминаю тебя; какъ сладки хлѣбъ съ медомъ, такъ и насъ дѣлай для себя сладкими (приятными), чтобы мы мягкими какъ шелкъ устами-языкомъ поминали тебя, Бога. Въ этой молитвѣ странно то, что смотритель сначала призываетъ имя бога, защитника отъ злыхъ духовъ, а потомъ говоритъ ему же: „я твой хозяинъ“—тогда какъ онъ хорошо знаетъ, что умиляетъ не бога, а луда Пери—полеваго бѣса и что онъ хозяинъ жилища этого бѣса. Вообще Вотяки, принося жертвы злымъ духамъ, обращаются съ молитвою къ Богу: этимъ они хотятъ избавиться гнѣва обѣихъ сторонъ. Принося жертву злему духу, умиляетъ его; но вполнѣ предать себя его волѣ и молиться ему боятся, потому что тогда сталъ бы гнѣваться Богъ; а предаться вполнѣ волѣ божіей и не приносить злымъ

духамъ жертвъ—тоже боятся, п. ч. послѣдніе наказываютъ скорѣе чѣмъ Богъ. Поэтому, чтобы не разгнѣвать обѣихъ сторонъ, болѣе страшному приносятъ жертвы, а болѣе милостиваго поминаютъ въ молитвахъ.

Послѣ молитвы смотритель луда выносить изъ куалы хлѣбъ съ медомъ и дѣлитъ между присутствующими, которые тутъ же и съѣдаютъ его.

Послѣ этого обряда приступаютъ къ принесенію жертвъ. Смотритель луда рѣжетъ сначала только одну птицу, а остальные рѣжутся своими хозяевами. Свободные въ это время люди занимаются разведеніемъ огня и приготовленіемъ котла для варенія жертвенныхъ птицъ и каши. Вычистивши птицъ, варятъ ихъ въ приготовленномъ котлѣ, а перья и пухъ отдаютъ смотрителю луда, который ихъ продаетъ; полученныя при этомъ деньги называются тоже *могеж* и расходуются какъ всѣ люгежи. Послѣ сваренія птицъ варятъ кашу, и когда все готово, то кашу и птицъ кладутъ въ чашки и, взявъ ихъ въ руки, всѣ молятся Богу. Потомъ смотритель луда беретъ кусокъ мяса, ложку каши и рюмку водки и бросаетъ все это въ огонь, послѣ чего всѣ присутствующіе начинаютъ ѣсть, пить и веселиться. Повеселившись вдоволь, съ пѣснями отправляются домой и везутъ съ собой остатки жертвенныхъ кушаній. По приѣздѣ въ деревню ѣздятъ по улицѣ и кричатъ: „луд шид сійны мынэлэ“, т. е. идите поѣсть кушанья луда. Нѣкоторые изъ принадлежащихъ къ другимъ лудамъ идутъ къ хозяину Эшембай-луда и отвѣдываютъ жертвенныя кушанья. Это не обязательно для всѣхъ: не желающіе могутъ и не ходить. Кушанья по приѣздѣ изъ луда могутъ ѣсть и женщины.

Праздники прочихъ лудовъ деревни Новой Учи совершаются почти также и въ тотъ же день, за исключеніемъ Пор-луда. У Пор-луда нѣтъ смотрителя, и праздникъ ему совершаютъ одни молодые парни весною, когда земля совершенно высохнетъ. Большею частью въ этотъ праздникъ варятъ только кашу, для чего крупу, соль и масло собираютъ въ деревнѣ изъ каждаго дома. Если жители не поспѣютъ дать повемногу мяса, то варятъ его тоже передъ кашей, какъ и на другихъ жертвоприношеніяхъ. Передъ тѣмъ, какъ ѣсть жертвенныя кушанья, молятся также всѣ, какъ и въ Эшембай-лудѣ. Привезенныя изъ Пор-луда кушанья парни носятъ по деревнѣ изъ дома въ домъ для того, чтобы дать всѣмъ попробовать.

Луды въ прочихъ деревняхъ почти всѣ имѣютъ смотрителей, и праздники въ нихъ бывають почти такъ же, какъ и въ Эшембай-лудѣ, за исключеніемъ лудовъ общихъ для нѣсколькихъ деревень. Въ такихъ лудахъ въ жертву приносятся животныя крупныя, коровы или лошади, и порядокъ обрядовъ бываетъ иной.

Благодареніе за угощеніе.

Въ праздники Вотяки, пріѣхавшіе въ гости къ одному хозяину, обыкновенно по окончаніи угощенія, передъ своимъ отѣздомъ, благодарятъ хозяина и его домашнихъ за угощеніе слѣдующимъ образомъ. Одинъ изъ гостей говоритъ: „не пора ли благодарить хозяина?“ Остальные соглашаются. Одинъ изъ гостей подноситъ старшему въ домѣ стаканъ водки, а другой гость въ это время держитъ въ рукахъ такой же стаканъ. Хозяинъ, принявъ изъ рукъ гостя стаканъ, садится на мѣсто, а гости становятся передъ нимъ на колѣни, или просто присѣдаютъ и поютъ вотяцкую или татарскую пѣсню. По окончаніи пѣсни хозяинъ выпиваетъ и, доливши стаканъ, возвращаетъ тому гостю, который ему подаль. Гость же, державшій во время пѣнія пѣсни въ рукахъ стаканъ, подноситъ его хозяйкѣ; хозяйка садится, а гости опять становятся на колѣни и поютъ пѣсню. Если пожелаютъ гости и если у хозяина есть женатый сынъ, то его и его жену благодарятъ точно также, съ тою только разницею, что хозяйскій сынъ и его жена не садятся, а стоятъ передъ гостями, ставшими на колѣни. Пѣсни, которыя поются въ знакъ благодарности, бывають обыкновенно въ родѣ слѣдующихъ:

Азыѣ но зундэс ѳотислы
Зарніам зундэс ѳотысалмы;
Милемыз туган шѣислы
Лулюемэс шори карысалмы.

Т. е. дающему намъ серебряный перстень мы дали бы перстень вызолоченный; называющему насъ роднымъ, мы (дали бы) раздѣливъ (собственно сдѣлавъ) душу свою пополамъ.

Гуреж но борлад сѣрэсэд
Чик пыд волчонтэм лѣсэлкэ;
Та дыроѣ, туган, валчэ улим
Чик люкиѣконтэм лѣсэлкэ.

Т. е. дорога (проложенная) по отлогости горы пусть была бы не скользкою; до сихъ поръ, родной, жили вмѣстѣ (въ дружбѣ), пусть бы были мы неразлучными.

(Татарская): Ак иделлярга аулар кордом
Ак балыкка тѣгѣл ѣрдяккя;
Ашадык, эчтек, хурмят кюрдеж,
Алла риза булсын хурмяткя.

Т. е. на бѣлой рѣкѣ (Камѣ) я поставилъ сѣти не для бѣлуги, а для утки; ѣли, пили, видѣли угощеніе (угостились); Богъ да благословитъ за угощеніе.

По окончаніи благодарности пѣснями, гости благодарятъ хозяевъ и словами и затѣмъ уходятъ.

При угощеніи гостей Вотяки имѣютъ привычку давать каждому гостю по куску варенаго мяса, обыкновенно съ костью. Когда гость обглодаетъ кость, то люди болѣе придерживающіеся обычаевъ стариковъ, берутъ ее и кладутъ на правую руку пониже локтя, такъ чтобы кость лежала на рукавѣ, и подносятъ хозяину или хозяйкѣ, при чемъ говорятъ: „пусть размножатся у васъ овцы, коровы, бараны, гуси (и т. п., смотря потому, какого животнаго или птицы кость), и пусть суждено будетъ намъ жить, угощая другъ друга“. Хозяинъ подставляетъ правую же руку и говоритъ: „дай Богъ, чтобы такъ было!“ Гость перекладываетъ кость на руку хозяина, не дотрогиваясь до нея голой рукой, прямо съ рукава на рукавъ. Гостю послѣ этого подаютъ водку. Этимъ обрядомъ гость выражаетъ хозяину дома свою благодарность и искреннее желаніе размноженія его скотины.

Б е р е к е т .

Когда на праздникъ Вотяки приносятъ на столъ, за которымъ сидятъ гости, какое нибудь кушанье въ чашкѣ, или водку въ бутылкѣ, то одинъ изъ гостей говоритъ: „берекет!“ т. е. благодать, и подаетъ принесшей кушанье или водку женщинѣ кусокъ хлѣба или стаканъ водки, смотря потому, что есть передъ нимъ. Хозяйка принимаетъ кусокъ хлѣба и, поцѣловавъ, кладетъ его передъ гостемъ, а принимая водку, отвѣдываетъ ее и, доливши, снова подноситъ гостю. Гость принимаетъ стаканъ и ставитъ передъ собой, а когда придетъ охота—выпиваетъ.

П р и м ѣ т ы п р и в ы ѣ з д ѣ в ь д о р о г у .

Когда Вотяки ѣдутъ въ дорогу, то по выѣздѣ изъ двора, наблюдаютъ за тѣмъ, кто встрѣтится первый или кто перейдетъ или переѣдетъ черезъ дорогу и смотря по этому, дѣлаютъ заключенія, посчастливится имъ въ дорогѣ или нѣтъ. Если встрѣтится человѣкъ злой и если ничего не будетъ онъ нести, то говорятъ, что несчастливится. Если же встрѣтится человѣкъ добродушный или несущій что нибудь, или если встрѣтится кто нибудь съ возомъ, то говорятъ: „шат сурэс

далтоз“, т. е. должно быть посчастливится въ дорогѣ (будетъ исполненіе того, зачѣмъ ѣдутъ). Когда встрѣтится человѣкъ съ пустою посудой и если этотъ человѣкъ долженъ перейти черезъ дорогу, то нѣкоторые останавливаютъ такого человека и просятъ переждать пока они проѣдутъ. Если передъ выѣздомъ изъ двора лошадь испражняется, то это знакъ добрый, если же лошадь будетъ мочиться, то это не нравится Вотьякамъ и они пускаются въ дорогу съ сомнѣніемъ. У крещеныхъ Татаръ существуетъ точно такое же повѣрье о встрѣчахъ при выѣздѣ въ дорогу. Кромѣ того у Вотьяковъ на свадьбѣ, когда встрѣчаются два свадебные поѣзда, то дружки того и другаго поѣзда (казакъ) мѣняются другъ съ другомъ мѣдною копѣечною монетой. Когда встрѣчаются поѣзжане двухъ свадебъ въ одномъ домѣ или въ одной деревнѣ на улицѣ, то дружки тоже мѣняются копѣечными монетами. Передъ выходомъ изъ дома ѣдущій въ дорогу непременно садится на мѣсто, при чемъ кладетъ подъ себя подушку; потомъ встаетъ и помолившись, выходитъ изъ дома.

Присяга.

Официальная присяга некрещеныхъ Вотьяковъ и домашняя присяга крещеныхъ Вотьяковъ производится слѣдующимъ образомъ. На столѣ кладутъ кусочки хлѣба величиною не больше кубического полувершка; со стороны лица, хотящаго принять присягу, кладутъ липовую палку, съ которой предварительно содрана кора на лыки. Присягающій беретъ въ руку ножъ и концомъ его достаетъ черезъ липовую палку кусочекъ хлѣба и съѣдаетъ. Липовая палка означаетъ, что присягающій долженъ сказать правду, если не желаетъ остаться такимъ же голымъ, какъ голая липовая палка; ножъ означаетъ, что хлѣбъ, который во время присяги ѣстъ присягающій, подѣйствуетъ на его сердце какъ острый ножъ, если онъ присягнетъ ложно.

Если ложно присягнувшій человѣкъ возвратится прямо домой, то Богъ наказываетъ его смертью одного изъ его семейныхъ; если же, идя домой съ мѣста присяги, зайдетъ къ комунибудь, то за принятіе такого человѣка наказываются одинъ изъ семейныхъ того дома, въ который вошелъ ложно присягнувшій; самъ же онъ или его семейные не наказываются. Чтобы отвратить божіе наказаніе люди ложно присягнувшіе нарочно заходятъ къ какомунибудь незнакомому или злему человѣку, чѣмъ наводятъ на тотъ домъ это наказаніе.

Наравнѣ съ рассказанною выше формою присяги считается слѣдующій обрядъ: Вотьякъ беретъ концомъ ножа кусочки хлѣба черезъ лошадь, при чемъ съ другой стороны лошади эти кусочки подносятъ ему на дощечкѣ.

Похороны.

По вѣрованію Вотяковъ, смерть (*лул баѣтиѣ*—тотъ, который беретъ душу) рѣжетъ человѣка, при чемъ брызги крови отлетаютъ далеко и даже могутъ попасть въ посуду, покрытую какою нибудь тканью. Такъ напримѣръ, если при смерти кого нибудь въ домѣ въ квашнѣ есть замѣшанное тѣсто, и на ней не была положена сверхъ тряпки какая нибудь стальная или желѣзная со сталью вещь, каковы ножикъ, ножницы и т. п., то тѣсто это должно непременно вылить, потому что брызги крови могутъ-де попасть въ тѣсто и осквернить его. Если же на квашнѣ положены ножъ или ножницы, то можно ѣсть, потому что кровь, брызнувшая изъ подъ руки смерти, какъ имѣющая уже тѣ же свойства какъ и самая нечистая сила, не можетъ подойти близко къ стали, слѣдовательно не можетъ попасть въ квашню и осквернить тѣсто.

По смерти человѣка собираются къ нему родственники и родственницы, изъ которыхъ нѣсколько мужчинъ отправляются копать могилу, нѣкоторые дѣлаютъ гробъ, а женщины занимаются приготовленіемъ платья покойнику. Мужчину умершаго обмываютъ мужчины, а женщину женщины. Обмывши покойника, одѣваютъ его въ праздничныя одежды и кладутъ въ гробъ. Подъ голову покойнику кладутъ изрубленный вѣникъ и сверхъ него подушку. Уложивши покойника въ гробъ, ставятъ его на лавку или скамейку головою къ двери и прилѣпляютъ къ гробу зажженную восковую свѣчу; возлѣ гроба ставятъ маленькое корытцо. Женщины въ это время готовятъ супъ и три маленькихъ прѣсныхъ лепешки безъ соли. Супъ и лепешки приносятъ на столъ; каждый беретъ по маленькому кусочку лепешки и по ложкѣ супа и бросаетъ въ корытцо поставленное возлѣ гроба съ словами: „чѣк переѣйое эн кыжтылэ (кыжмыж эн карэ)“, т. е. старики не трогайте насъ! Послѣ этого запрягаютъ пару лошадей и везутъ покойника въ церковь, съ собой берутъ и куски лепешекъ, оставшіеся послѣ поминовенія. Когда отпоютъ покойника, то везутъ его на кладбище хоронить. Передъ опущеніемъ покойника въ могилу бросаютъ мелкую серебряную монету въ знакъ уплаты за мѣсто занимаемое покойникомъ. Помянувъ привезенными лепешками покойника и бросивъ кусочки на могилу, остатки съѣдаютъ сами хоронившіе и копавшіе могилу.

Когда хоронившіе вернутся домой, передъ входомъ въ избу ихъ осыпаютъ золою, послѣ чего ихъ вводятъ въ избу и сажаютъ за столъ. Къ этому времени бываетъ готова баня, которую топятъ кто нибудь изъ сосѣдей. Всѣ бывшіе у покойника парятся въ банѣ, а въ это время приглашаютъ какую нибудь женщину печь блины и какого нибудь мужчину, чтобы зарѣзать курицу. Когда ку-

рица и супъ будутъ готовы, то, по обычномъ поминовеніи, ѣдятъ ихъ, при чемъ конечно, бываетъ и кумышка. Послѣ ѣды благодарятъ хозяина и отправляются домой.

Нѣкоторые Вотяки кладутъ въ гробъ покойника разныя вещи какъ-то палку, кудочикъ, (?) ножикъ, трубку съ кисетомъ табаку и т. п. и при выносѣ покойника изъ избы снимаютъ двери съ петель.

По прошествіи семи дней послѣ смерти, поминаютъ покойника блинами; это называется *сизжымэти үйез*—седьмая ночь.

По прошествіи сорока дней (*июнь дас үй*—четыре десятка ночей) рѣжутъ опять курицу и пекутъ блины и тоже поминаютъ обычнымъ образомъ. При всѣхъ поминовеніяхъ покойника до истеченія года послѣ смерти и послѣ, во время *жыр-пыд куштона*, сами хозяева не глсадутъ костей, а всегда даютъ постороннимъ.

Поминая покойника великимъ постомъ непременно до великаго четверга, рѣжутъ овцу или гуся и поминаютъ обычнымъ поминовеніемъ; поминовение это называется *ар орчытон*, т. е. исполненіе года, хотя иногда и не проходитъ года послѣ смерти покойника. Если „ар орчытон“ не будетъ исполнено передъ великимъ четвергомъ, то его оставляютъ до слѣдующаго великаго поста.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ перья курицы, зарѣзанной въ день похоронъ, выбрасываютъ за ворота на улицу, при чемъ бросающій обращается лицомъ на сѣверь.

Жыр-пыд куштон.

Спустя 1—5 лѣтъ послѣ смерти какого нибудь члена семейства старше трехъ лѣтъ Вотяки даютъ ему скотину въ видѣ приданаго. Умершему мужчинѣ даютъ лошадь, большею частью кобылу, а женщинѣ корову. Къ назначенному дню приготавливаютъ около 15 ведеръ пива и кумышки. Обыкновенно для этого праздника назначаютъ четвергъ; въ этотъ день утромъ зовутъ своихъ родственниковъ помогать готовить угощенія. Корову или лошадь рѣжутъ посторонніе, при чемъ животное обращаютъ головой на сѣверь и при зарѣзаніи говорятъ: „чѣк пересѣослы—старикамъ“. Въ этотъ день варятъ голову, четыре ноги и всю лѣвую сторону животнаго. Все это приготавливаютъ къ вечеру; вечеромъ зовутъ всѣхъ своихъ родственниковъ. Когда сварится мясо, то заставляютъ одного человѣка крошить его въ большое корыто; этого человѣка называютъ *парчаскис*, т. е. крошущій. Когда парчаскис искрошитъ всю говядину, то даетъ кости глотать дѣтямъ, которыя собираются къ этому празднику въ большомъ количествѣ и стоятъ у дверей. Обглоданныя кости кладутъ въ лукошко или плетенку. Послѣ мяса

варять кашу. Когда сварится каша, тогда всё присутствующіе поминаютъ умершихъ стариковъ, бросая кашу, кусочки мяса, пиво и кумышку въ приготовленное корытцо. Кругомъ корытца прилѣпляютъ много зажженныхъ восковыхъ свѣчъ, принесенныхъ гостями. Послѣ этого начинается пиръ. Собравшіеся мальчики, стоя у дверей, поютъ пѣсни свадебнымъ напѣвомъ, потому что этотъ обрядъ называется нѣкоторыми *суан*—свадьба. Попировавши вдоволь, запрягаютъ въ сани лошадей, привязываютъ къ дугѣ колокольчики и, взявъ лукошко наполненное костями, съ пѣснями везутъ его въ одно мѣсто, гдѣ обыкновенно принято его въ данномъ случаѣ бросать. Если парней много, то запрягаютъ двое саней; нѣкоторые везутъ съ собой и кумышку. Въ лукошко съ костями кладутъ кусочки холста и деньги. По пріѣздѣ на мѣсто зажигаютъ солону и дѣлаютъ поминовеніе покойныхъ бросаніемъ на землю кусочковъ блиновъ, пива и кумышки, при чемъ къ краю лукошка прилѣпляютъ зажженную восковую свѣчу и также поютъ и пляшутъ, какъ въ домѣ. Выпивши все пиво и всю кумышку и бросивши остатки блиновъ въ лукошко, достаютъ изъ лукошка куски холста и деньги; потомъ бросаютъ также одинъ маленькій кусокъ холста и копѣечную монету, а остальной холстъ и деньги дѣлятъ между собой. Кости съ лукошкомъ оставляютъ тамъ, а сами возвращаются съ пѣснями домой. Когда они пріѣдутъ къ хозяину праздника, то ихъ не пускаютъ идти выше матицы, а осыпаютъ прежде золою. Послѣ этого всё показываютъ свои куски холста другимъ и говорятъ: „вотъ какіе подарки получили мы на свадьбѣ!“ Тотъ, кому показываютъ это, беретъ кусокъ холста и вытеревъ имъ свое лицо, возвращаетъ показывающему и говоритъ: „хорошо, хорошо!“ Затѣмъ всё отправляются домой. На другой день утромъ гости опять приходятъ къ хозяину сдѣлавшему праздникъ, для того чтобы дать возможность умершимъ старикамъ опохмѣлиться; для этого поминаютъ ихъ водкой и льютъ въ корытцо, послѣ чего опохмѣляются сами. Въ этотъ день до вечера опять пируютъ, не поминая уже больше покойниковъ.

Праздникъ этотъ называется какъ сказано свадьбой. Кромѣ того его называютъ *жыр-тыд куштон*—бросаніе головы и ногъ, и *уллаң сотон*—даваніе въ противную (собств. внизъ) сторону; это названіе происходитъ отъ зарѣзанія животнаго, обращеннаго головою на сѣверъ.

К и с т о н .

Такъ называются у Вотяковъ праздники въ честь покойниковъ, бывающіе два раза въ годъ: осенью, въ четвергъ и пятницу передъ праздникомъ Казанской

иконы Божіей Матери и весною въ четвергъ и пятницу на страстной недѣлѣ. Къ этому празднику готовятъ немного пива и около 3 ведеръ кумышки. Гостей изъ чужихъ деревень не зовутъ, а празднуютъ только живущіе въ одной деревнѣ.

Въ четвергъ, послѣ полудня, начинаютъ топить печки и пекутъ блины; блины пекутъ непремѣнно старухи, тогда какъ въ другое время пекутъ ихъ дѣвушки или молодыя женщины. Когда испекутъ блиновъ восемь, старухи берутъ тарелку и, помазавши два блина, ставятъ ихъ въ тарелкѣ на столъ. Послѣ этого старики и старухи берутъ эти блины и, отламывая маленькіе кусочки, бросаютъ въ маленькое корытцо, которое бываетъ у печки на приступкѣ, поминая умершихъ стариковъ словами: „чѹк переѣос кыж мыж эн карэ“. Точно также льютъ въ корытцо пиво и кумышку, поминая тѣми же словами; потомъ начинаютъ ѣсть и пить. Когда наѣдятся, еще бросаютъ такіе же кусочки въ то же корытцо, послѣ чего кусочки эти отдаютъ собакамъ. Молодые люди въ этотъ день не работаютъ, вечеромъ устраиваютъ јумшан. Старики вечеромъ берутъ хлѣбъ и блины и бросаютъ также какъ и утромъ въ корытцо, на край корыта прилѣпляютъ зажженные восковыя свѣчи. Потомъ собираются вмѣстѣ съ родными, живущими отдѣльно въ той же деревнѣ и, ходя изъ дома въ домъ, въ каждомъ домѣ пьютъ пиво и кумышку, такимъ образомъ гуляютъ почти до полуночи. На другой день поутру рѣжутъ двѣ курицы, вычистивъ ихъ кладутъ въ котель и варятъ. Когда сварятся курицы и супъ, зовутъ изъ пяти и болѣе домовъ своихъ родныхъ, которыхъ тотчасъ по приходѣ не сажаютъ за столъ, а заставляютъ нѣсколько стоять; въ это время ставятъ на столъ супъ. Старики и старухи берутъ въ руки ложки и начинаютъ наливать въ корытцо супъ,—наливаетъ каждый ложки двѣ-три. Въ корытцо льютъ также нѣсколько капель пива и кумышки, поминая тѣми же словами какъ и наканунѣ. Поминовение собственно производится въ четвергъ, а въ пятницу даютъ умершимъ старикамъ пиво и кумышку только для того, чтобы они опохмѣлились (макмыр вескатон). Послѣ поминовения садятся за столъ и ѣдятъ супъ, потомъ еще бросаютъ остатки. Въ другихъ домахъ дѣлаютъ тоже самое. Такъ проходитъ весь этотъ день—пятница. Въ субботу пируютъ только сами, не поминая стариковъ. Весною пируютъ только два дня—четвергъ и пятницу.

К у л ѣ ш ѹ ѣ.

Въ великую среду вечеромъ, по вѣрованію Вотяковъ, души умершихъ людей приходятъ на сей свѣтъ погулять. Кромѣ того въ этотъ день дается воля всѣмъ живымъ и мертвымъ вѣдунамъ, которые пользуются этой волей для на-

пусканія порчи на людей. Чтобы охранить себя от порчи вѣдуновъ, Вотяки въ этотъ день съ вечера проводятъ черту топоромъ или ножомъ вокругъ всей своей усадьбы съ призываніемъ имени бога Осто; вѣдуны и вообще всякая нечистая сила, по вѣрованію Вотяковъ, не могутъ перейти черезъ черту, освященную призываніемъ имени бога—хранителя отъ злыхъ духовъ. Кромѣ того на каждой двери и на всѣхъ окнахъ кладутъ стальные или желѣзные со сталью вещи, какъ-то: ножикъ, шило, топоръ и тому под. Внутренность избы окуриваютъ ладонемъ или можжевеловымъ и ложатся спать. По вѣрованію Вотяковъ, въ эту ночь, когда вѣдунъ ложится спать, душа его выходитъ изъ него и въ видѣ какого нибудь животнаго или птицы ходитъ по деревнѣ, портя людей. Подойдя къ животнымъ, онъ выдергиваетъ нѣсколько шерстинокъ животнаго, которое послѣ этого хвораетъ и нерѣдко издыхаетъ. Вѣдуны бываютъ извѣстны въ своей деревнѣ, поэтому въ среду вечеромъ нѣкоторые идутъ къ такимъ людямъ и кругомъ ихъ усадьбы проводятъ сталью черту; или идутъ туда, гдѣ вѣдунъ складываетъ свои дрова, еще ненарубленные на мелкія полѣнья и взявъ одно дерево, которое подлиннѣе и посуше, перевертываютъ тонкимъ концемъ внизъ и ставятъ, прислонивъ его къ чему нибудь. Послѣ этого сила вѣдуна обращается, говорятъ, на его же домашнихъ и скотину.

Мытое бѣлье и всякую одежду непременно убираютъ въ избу; если оставить на дворѣ, то вѣдунъ портитъ одежду, посредствомъ дѣланія на ней подрѣзокъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ на воротахъ, на дверяхъ и на окнахъ дѣлаютъ дегтемъ крестъ, или кладутъ терновникъ (кый боды—палка змѣи). Если не предпринимать подобныхъ предосторожностей, то живой или мертвый вѣдунъ можетъ испортить цѣлое семейство. Порчу, напущенную вѣдуномъ, узнаетъ туночи, но поправить дѣла онъ не можетъ. Если догадаются кто именно испортилъ, и если этотъ вѣдунъ еще живъ, то идутъ къ нему самому и, страшая его, требуютъ, чтобы онъ снялъ порчу и онъ, конечно, можетъ снять. Случается, что вѣдунъ изъ зависти портитъ вѣдуна, послѣ чего они стараются помириться и снять другъ съ друга порчу. Кромѣ самого вѣдуна, порчу могутъ поправить такъ называемые *пелляскис*, люди занимающіеся излѣченіемъ всякихъ болѣзней посредствомъ напѣтыванія какихъ-то словъ и дуновенія на воду или на какое нибудь кушанье, которое даютъ больному ѣсть. Но порча, разъ напущенная на человѣка, ни чѣмъ не излѣчивается до того, чтобы не осталось и слѣда ея. Даже сами вѣдуны не могутъ снять напущенную ими же порчу, не оставивъ легкой боли въ испорченномъ членѣ тѣла. Люди выдавшіе рѣдку, думаю, знаютъ, что сердцевина ея бываетъ съ маленькой чернотой. По вѣрованію Вотяковъ, это слѣдъ порчи, напущенной однимъ вѣдуномъ и снятой другимъ. Вѣдунъ испортившій рѣдку былъ

сердить на всѣхъ людей за то, что они узнавали его порчу и заставляли поправлять; вотъ онъ вздумалъ испортить рѣдку, чтобы никто не могъ узнать, что онъ что нибудь испортилъ. Рѣдка въ это время еще только росла, и поэтому никто не могъ подозрѣвать, что она испорчена. Къ счастью людей, въ этотъ годъ первый вздумалъ ѣсть рѣдку одинъ вѣдунъ, который въ то же время былъ и туночи. Узнавъ, что рѣдка испорчена, онъ снялъ съ нея порчу и тѣмъ избавилъ людей отъ болѣзни, а можетъ быть и отъ смерти. Если кто нибудь изъ теперешнихъ вѣдуновъ напуститъ на рѣдку еще порчу, то ѣвше ея должны будутъ умереть, потому что отъ первой порчи можно избавиться, а отъ второй ужъ нѣтъ.

Въ одной деревнѣ на свадьбѣ встрѣтились два вѣдуна и изъ зависти испортили другъ друга. Когда встали изъ-за стола, одинъ вѣдунъ упалъ на нары, какъ будто совсѣмъ мертвый, а другой вышелъ въ сѣни и тоже упалъ полумертвымъ. Упавшій на нары былъ сильнѣе, а потому когда онъ упалъ, душа его вышла изъ него и, обратившись въ кошку, вышла въ сѣни и начала кружиться возлѣ лежащаго тамъ вѣдуна, вѣроятно, съ цѣлью совсѣмъ убить его. Отъ шерсти этой кошки сыпались по сторонамъ искры. Одна пьяная женщина, увидѣвъ это, показала другимъ и сказала, что одолѣетъ вѣдуна обратившагося въ кошку; какъ только она вышла въ сѣни, кошка прыгнула на нее и она упала тоже полумертвою, а кошка пропала. Черезъ нѣсколько времени всѣ они опамятавались и встали, но всѣ съ того времени заболѣли и пролежали больными три мѣсяца. Послѣ этого оба вѣдуна помирились между собой и сняли порчу другъ съ друга и съ испорченной женщины.

Одинъ знаменитый вѣдунъ, пріѣхавъ въ какую-то деревню, заѣхалъ къ своему знакомому покормить лошадь, не зная, что тотъ тоже вѣдунъ. Знакомый его угостилъ и, между прочимъ, поднесъ стаканъ испорченной водки. Тотъ выпилъ, и сейчасъ же у него заболѣло сердце. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ посидѣлъ еще немного для того, чтобы хозяинъ поднесъ еще водки. Когда хозяинъ поднесъ, онъ возвратилъ ему стаканъ, говоря, что хозяину слѣдуетъ тоже выпить. Когда хозяинъ выпилъ, гость поблагодарилъ его и хотѣлъ уйти. Хозяинъ тутъ же ослѣпъ и началъ умолять своего гостя, чтобы тотъ снялъ съ него порчу. Гость возвратился опять въ избу и стаканомъ вина снялъ порчу; точно также и хозяинъ поправилъ гостя.

Вѣдуны могутъ тоже летать огненнымъ коромысломъ, какъ и ибырь и катиться огненнымъ шаромъ величиною иногда съ копну. Много Вотяковъ увѣряютъ, что они видѣли сами, какъ летаетъ вѣдунъ. Во всѣхъ вотяцкихъ дерев-

няхъ есть вѣдуны. Если имъ не удастся портить людей, то они портятъ траву, деревья, отчего послѣднія сохнутъ.

Для того чтобы избѣжать порчи извѣстнаго вѣдуна, слѣдуетъ его поймать, бить до того, чтобы изъ носу, или изъ какого нибудь другаго члена потекла кровь и выпить нѣсколько капель этой крови. Послѣ такой расправы этотъ вѣдунъ никакъ ужъ не можетъ испортить того человѣка. Если кто будетъ иначе бить вѣдуна, то онъ непременно напуститъ на этого человѣка такую порчу, отъ которой никто не можетъ его избавить; если первая порча будетъ кѣмъ нибудь снята, то напуститъ вторую, отъ которой человѣкъ умретъ.

Для того, чтобы вѣдунъ не испортилъ лошадь, слѣдуетъ слѣлать оглобли рябиновыя, или привязать между гривой кусокъ рябиноваго дерева. Вѣдуны не терпятъ присутствія рябины и можжевельника и не могутъ ѣсть изъ рябиновой посуды, хотя рябину (ягоды) они и ѣдятъ.

Когда вѣдунъ летитъ огненнымъ коромысломъ и пролетаетъ надъ головой человѣка, то послѣдній, для того чтобы остановить его, долженъ оборвать шнурокъ, которымъ связываютъ вѣротъ рубашки вмѣсто пуговицы. Послѣ этого сила вѣдуна на нѣсколько времени уничтожается, и онъ сходитъ на землю въ собственномъ своемъ видѣ, т. е. въ видѣ человѣка, и говоритъ тому, кто оборвалъ повязку ворота: „я не къ тебѣ летѣлъ, зачѣмъ ты остановилъ меня и испортилъ мою дорогу?“ Послѣ этихъ словъ поднимается на воздухъ и въ видѣ огня улетаетъ къ себѣ домой, а туда, куда онъ летѣлъ раньше остановки, уже летѣть не можетъ.

Вѣдуны бываютъ не одни мужчины, но и женщины, и онѣ имѣютъ точно такую же силу, какъ и мужчины.

Послѣ всего сказаннаго не странно, что Вотяки боятся вѣдуновъ больше всего, тѣмъ болѣе, что вышеприведенные рассказы передаются съ именами самихъ вѣдуновъ, и нерѣдко подтверждаются очевидцами, людьми любящими похвастать своей храбростью. Но хотя бы ходили рассказы о еще болѣе невозможныхъ дѣлахъ вѣдуновъ, Вотяки и тогда не стали бы сомнѣваться въ ихъ справедливости. Все-му этому причиной мнительность Вотяковъ. Вещь, на которую Русскій не сталъ бы обращать вниманія, въ Вотякахъ порождаетъ мысль—не испорчена ли она. Найдеть Вотякъ маленькую мѣдную монету въ домѣ, можетъ быть уроненную имъ же самимъ,—онъ думаетъ, что она подкинута вѣдуномъ и съ этого времени начинаетъ примѣчать, не захвораетъ ли кто нибудь изъ семейныхъ или изъ скотины. Стоитъ только захворать кому нибудь, и Вотякъ вполне убѣждается въ справедливости своей мысли. Мнѣ самому случалось видѣть, какъ Вотяки смотрѣли со страхомъ на обыкновенное явленіе природы—на падающія звѣзды, называя ихъ вѣдуномъ.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ великій четвергъ утромъ раскладываютъ на дворѣ огонь (обыкновенно жгутъ солому, можжевельникъ и терновникъ) и три раза перескакиваютъ черезъ огонь, въ противномъ случаѣ лѣтомъ, во время полевыхъ работъ, одолеваетъ сонъ. Въ этотъ день у всѣхъ Вотяковъ Мамадышскаго уѣзда бываетъ кистонъ.

Свадьба.

Желая женить своего сына, Вотякъ подыскиваетъ ему невѣсту по своему выбору, не обращая вниманія на то, понравится сыну невѣста или нѣтъ. Онъ спрашиваетъ у своихъ родныхъ и знакомыхъ, нѣтъ ли гдѣ нибудь подходящей невѣсты. Поиски и распросы, конечно, не остаются безплодными—родные указываютъ на чью нибудь дочь, какъ на подходящую невѣсту; послѣ чего ищущій невѣсту отправляется къ своему родственнику или знакомому, указавшему ему невѣсту и просить его сватать. Послѣдній тотчасъ идетъ къ тому, у кого есть дочь, а отецъ жениха остается въ его домѣ, ожидая отвѣта родителей невѣсты. Пришедши въ домъ невѣсты, сватунъ (аж вѣтлицъ—ходящій впередъ, проводникъ) говоритъ: „я пришелъ по важному дѣлу, положите подъ меня подушку, я гость (достойный) подушки“. Послѣ этого хозяева кладутъ за столъ подушку и сватунъ садится на нее. На столъ передъ гостемъ ставятъ масло въ чашкѣ, рѣжутъ хлѣбъ, выносятъ кумышку и начинаютъ его угощать. Онъ говоритъ по какому дѣлу пришелъ и за кого именно сватаетъ ихъ дочь. Хозяева соглашаются, не сразу и сватунъ начинаетъ выхвалять жениха, выставляя на видъ его достоинства: богатство, здоровье, умъ, характеръ и т. п. Послѣ долгаго уговариванія, родители невѣсты говорятъ, что они согласны и что нужно спросить невѣсту. При несогласіи они прямо отказываютъ, говоря, что не отдадутъ. Если невѣста согласна, то она заявляетъ объ этомъ словами и въ знакъ согласія даетъ какую нибудь вещь, большею частью платокъ или полотенце. Сватунъ отправляется домой и передаетъ вещь невѣсты отцу жениха, который, поблагодаривъ его, отправляется къ себѣ домой и говоритъ своимъ семейнымъ, что „слава Богу, дѣвушка дала уже свою вещь“. Нѣкоторые Вотяки, посылая сватуна сватать невѣсту, даютъ ему листового и нюхательнаго табаку, которыми сватунъ угощаетъ семейныхъ невѣсты, отчего и знаютъ, что онъ сватунъ. Табакъ, какъ курительный, такъ и нюхательный, есть непремѣнная принадлежность каждаго сговора и каждой свадьбы; его покупаетъ отецъ жениха и угощаетъ всѣхъ, кто приглашенъ на сговоръ или свадьбу.

Передъ Петровымъ днемъ (въ маѣ—іюнѣ) бываетъ сговоръ. У жениха готовятъ обѣдъ, состоящій изъ каши и мяса; когда обѣдъ готовъ, то съ кашей, мясомъ и кумышкой молятся Богу на дворѣ, потомъ обѣдаютъ и пьютъ кумышку. Послѣ этого двое, обыкновенно отецъ жениха и кто нибудь изъ родственниковъ его, на одной телѣгѣ ѣдутъ къ сватуну. Сватунъ угощаетъ ихъ масломъ, пивомъ и кумышкой. Послѣ этого сватунъ везетъ ихъ къ невѣстѣ на той же лошади, на которой пріѣхали. Пріѣхавши во дворъ къ родителямъ невѣсты, лошадь отпрягаютъ, а сами входятъ въ избу, гдѣ ихъ сажаютъ за столъ. Тутъ опять угощаютъ ихъ масломъ, пивомъ и кумышкой. Въ продолженіи этого времени бываетъ готовъ и обѣдъ. Когда кашу поставятъ на столъ, начинаютъ уговариваться о калымѣ. Договариваются обыкновенно отецъ невѣсты со сватуномъ. Калымъ бываетъ до 75 и 80 рублей. Уговорившись, отецъ жениха выкладываетъ деньги на столъ и всѣ, вставъ изъ-за стола, и съ кашей въ рукахъ, молятся Богу. Послѣ этого ѣдятъ кашу, говядину и начинаютъ пировать. Попиравши вдоволь, возвращаютъ невѣстѣ данный ею сватуну подарокъ, а она вмѣсто него даетъ большое полотенце. Послѣ того благодарятъ хозяевъ пѣснями и начинаютъ собираться домой. Отецъ невѣсты даетъ свату гостинцы, состоящія изъ полбренныхъ хлѣбовъ (бискили), мяса и кумышки, и гости уѣзжаютъ. По пріѣздѣ домой, отецъ жениха зоветъ къ себѣ своихъ родственниковъ и сосѣдей, которыхъ угощаетъ гостинцами привезенными отъ свата. Этимъ и заканчивается сговоръ.

Самая свадьба дѣлится на двѣ половины, изъ которыхъ первая половина бываетъ отъ Петрова дня до лѣтняго праздника Казанской иконы Божіей Матери, а вторая половина—на масляницѣ.

Въ назначенный день отецъ жениха готовитъ обѣдъ—кашу и мясо. Пока готовится обѣдъ, онъ самъ идетъ звать къ себѣ родственниковъ, которые должны ѣхать вмѣстѣ съ нимъ на свадьбу, и приготовляетъ телѣги. Обыкновенно ѣдутъ въ одномъ тарантасѣ и въ одной повозкѣ. Когда придутъ званые и обѣдъ будетъ готовъ, то молится на дворѣ кто нибудь изъ семейныхъ жениха, держа въ рукахъ посудину съ кашей: „Осто иѣмарэ, быдзым иѣмарэ, жеѣкын мыныса жеѣкын бертытысалыдкэ иѣмарэ, баѣтоно нылмы шудо лусалкэ иѣмарэ“, т. е. боже Осто, великій боже, пусть бы далъ ты намъ ѣхать и возвратиться по добру, боже; дѣвушка, которую мы намѣрены взять, была бы счастливая, боже. Послѣ молитвы идутъ въ избу, повернувшись по солнцу, т. е. съ юга на западъ; потомъ ѣдятъ кашу съ говядиной и пьютъ кумышку. Къ этому времени запрягаютъ лошадей—въ повозку пару, а въ тарантасъ одну. Ѣдущіе на свадьбу берутъ со стола нѣсколько кусковъ хлѣба и, поминая покойниковъ, бросаютъ эти кусочки въ корытцо поставленное у печки; точно также поминаютъ и кумышкой говоря: „чѣк переѣйос, эн кыжтылэ, жеѣ мыныса

жеҕ бертытылэ“, т. е. старики, не трогайте, дайте возможность хорошо ѣхать (туда) и хорошо возвратиться. Послѣ этого всѣ садятся на подушки, посидѣвъ немного встаютъ и помолившись (крестятся), смотря на образа, выходятъ изъ дома. Ёдутъ четверо: отецъ жениха съ какимъ нибудь мужчиной родственникомъ, холостой братъ его или родственникъ съ дѣвушкой родственницей. Въ повозку садятся паренъ съ дѣвушкой, а въ тарантасъ отецъ жениха съ родственникомъ, самъ же женихъ остается дома. Сначала прямо ёдутъ къ сватуну и не отпрягая лошадей, входятъ въ его избу, гдѣ ихъ угощаютъ масломъ и кумышкой. По приѣздѣ ихъ, сватунъ готовитъ обѣдъ. Когда обѣдъ готовъ, то всѣ молятся, держа опять въ рукахъ посудину съ кашей, слѣдующими словами: „Осто иѣмарэ, быдзым иѣмарэ, пыд ажмэ сайкыт карысалыдкэ, иѣмарэ“, т. е. боже Осто, великій боже, сдѣлай передъ ногъ моихъ яснымъ, т. е. направи ноги мои на путь ясный. Послѣ молитвы всѣ садятся за столъ и обѣдаютъ. Къ этому времени приходитъ отецъ невесты, приноситъ съ собой пиво и угощаетъ имъ гостей; сначала подаетъ сватуну, потомъ отцу жениха, при чемъ говоритъ: „если вкусъ нашего пива понравится вамъ, то пойдете и къ намъ“. Послѣ этого онъ отправляется домой, куда вскорѣ послѣ него ёдутъ и поѣзжане. Приѣхавши къ нему во дворъ, гости отпрягаютъ лошадей и идутъ въ избу; тамъ ихъ сажаютъ за столъ. На столъ ставятъ въ чашкѣ масло. Одинъ изъ присутствующихъ, большею частью сватунъ, беретъ ломти хлѣба и, положивъ на нихъ по куску масла, подаетъ всѣмъ присутствующимъ говоря: „пусть будетъ (невеста) какъ масло ласкова и привѣтлива“. Послѣ этого всѣ ѣдятъ масло и пьютъ кумышку. Между тѣмъ готовятъ кашу и подаютъ ее на столъ. Свать, отецъ жениха, кладетъ на нее деньги 1 или 3 руб., а иногда 5 или 7 рублей, смотря по своимъ средствамъ, только нужно, чтобы число рублей было нечетное. Послѣ этого всѣ встаютъ и молятся Богу, держа въ рукахъ посудину съ кашей и смотря на образа. Все это бываетъ вечеромъ. Послѣ молитвы садятся за столъ и начинаютъ ѣсть кашу и мясо. Къ этому времени, конечно, не мало бываетъ выпито и кумышки, поэтому гости развеселяются и поютъ пѣсни. Поѣвши и попивши еще немного, гости ходятъ изъ дома въ домъ по сосѣдямъ и также пируютъ, а къ обѣду начинаютъ собираться домой. Тогда у отца невесты готовятъ обѣдъ, одѣваютъ невесту и приготавливаютъ подарки. Когда поѣзжане соберутся опять къ отцу невесты, то на столъ ставятъ кашу и выводятъ невесту, покрытую шалью до того, что лица ея бываетъ вовсе невидно; она раздаетъ подарки поѣзжанамъ: отцу жениха рубашку, другимъ мужчинамъ штаны, а дѣвушкѣ фартукъ. Подарки эти раздаются не самою невестою, а ея замужнею сестрою или женою ея брата (кэнак). Послѣ этого отводятъ невесту въ женскую половину избы и сажаютъ на нары; гости между тѣмъ обѣдаютъ и пьютъ кумышку. Старшій или младшій братъ не-

вѣсты становится передъ ней на колѣни и въ знакъ благодарности поетъ пѣсню, при чемъ всѣ семейные даютъ ей деньги, она же начинаетъ плакать и плачетъ до тѣхъ поръ, пока не выѣдетъ изъ двора родительскаго и даже изъ своей деревни. Попировавши довольно, гости благодарятъ хозяевъ пѣснями, а молодежь въ это время запрягаетъ ихъ лошадей. По окончаніи благодарности пѣснями и словами, поѣзжане выходятъ изъ избы, за ними одна жепщина (виѣ кэн кэнак) выводитъ невѣсту. Выведши ее на дворъ, сначала вводятъ въ куалу, отгуда въ хлѣвъ, а потомъ въ сарай и подводятъ къ запряженнымъ уже лошадямъ поѣзжанъ, обводятъ ее три раза кругомъ телѣгъ съ лошадьми, сажаютъ верхомъ на осѣдланную лошадь и везутъ до выѣзда изъ деревни или, если женихъ и невѣста изъ одной деревни, то до двора жениха. Когда проѣдутъ около ста сажень, то позади свадебнаго поѣзда проводятъ ножичкомъ черту такъ, чтобы провожающіе остались по одну, а свадебный поѣздъ по другую сторону черты. потомъ сажаютъ невѣсту въ повозку и везутъ въ домъ жениха.

По пріѣздѣ въ домъ жениха, останавливаются у воротъ и высаживаютъ невѣсту изъ повозки, при чемъ кладутъ ей подъ ноги кусокъ холста. Изъ дома выносятъ хлѣбъ и масло и всѣ поѣзжане молятся, стоя лицомъ на югъ: „осто иѣмарэ, быдзым иѣмарэ, жес карысалыдкэ; валчэ валчэ улыны кылдытысалыдкэ, иѣмарэ“, т. е. боже Осто, великій боже, сдѣлай хорошо; суди намъ жить вмѣстѣ, боже. Послѣ молитвы всѣ отвѣдываютъ хлѣба съ масломъ и идутъ въ избу. Когда невѣста сойдетъ съ холста и ее поведетъ одна женщина родственница жениха, въ избу, то будущая свекровь ея беретъ холстъ, выковыриваетъ ножичкомъ три раза землю, на которой стояла невѣста, и положивъ эту землю на холстъ, несетъ въ избу. Впослѣдствіи земля эта бросается въ такое мѣсто, откуда не могутъ достать или увидать ее люди, напр.: на подволоку (чердакъ), въ подполье и т. п. Нѣкоторые вовсе не выковыриваютъ землю, а оставляютъ ее на мѣстѣ, сдѣлавши на ней черточку ножичкомъ въ видѣ креста. Это все дѣлается для того, чтобы вѣдунъ не могъ взять землю, на которую ступила молодушка, и напустить посредствомъ этой земли порчу на семейныхъ невѣсты или на нее самое. Невѣсту сначала вводятъ въ хлѣвъ, а потомъ въ избу. Нѣкоторые вводятъ невѣсту изъ хлѣва прямо въ клѣтъ и надѣваютъ на нее полушубокъ и ашъянъ, покрытый тремя платками (сулык), иначе, если покрыть ашъянъ однимъ платкомъ, то говорятъ, что житье ея будетъ плохое; потомъ вводятъ въ избу. Нѣкоторые же совершаютъ этотъ обрядъ, выведя невѣсту изъ избы въ клѣтъ. Когда ее одѣнутъ, то одна женщина наряжается молодушкой и, входя три раза въ избу, пляшетъ, причемъ присутствующіе спрашиваютъ ее: „чья это свадьба?“ Она называетъ жениха. Послѣ этого невѣсту вводятъ въ избу и когда она идетъ въ избу, то одинъ па-

рень кладеть у порога съ наружной стороны вѣтку хвойнаго дерева, а на нее кусокъ холста. Невѣста, ступая на этотъ холстъ, ровяеть на него мелкую мѣдную монету; парень положившій холстъ поднимаетъ вмѣстѣ съ нимъ и монету, а еловую вѣтку бросають на крышу куалы. Введя въ избу невѣсту сажаютъ на нары, кладя подъ нее подушку, которую впоследствии она беретъ себѣ. Послѣ этого зовуть родственниковъ на свадьбу и готовятъ обѣдъ. Парни запрягаютъ лошадь и ѣздятъ по деревнѣ крича: „суан јуыны мыкэлэ!“ т. е. идемте праздновать (собств. пить) свадьбу.

Тогда же зовутъ крестныхъ отца и мать (восприемниковъ) жениха, которыхъ сажаютъ въ передній уголъ и заставляютъ распоряжаться пиромъ. Послѣ этого ставятъ на столъ приготовленныя кушанья и гостинцы, привезенныя отъ свата, и начинаютъ молиться Богу, причемъ какъ кушанья, такъ и гостинцы берутъ со стола въ руки; молитва состоитъ изъ слѣдующаго: „осто иѣмарэ, быдзым иѣмарэ, ваемъ каѣмэе жеѣ карысалыдкэ, валчэ-валчэ улыны кылдытысалыдкэ“, т. е. боже Осто, великій боже, сдѣлай хорошимъ (благослови) привезенный нами хлѣбъ и суди намъ жить вмѣстѣ. Послѣ молитвы крестный отецъ жениха, котораго называютъ *тѣр нукиѣ*—сидящій въ переднемъ углу, наливаетъ въ стаканъ привезенную отъ свата водку и подноситъ жениху. Тутъ только впервые женихъ начинаетъ принимать участіе въ своей свадьбѣ, и то не всѣ женихи успѣваютъ явиться домой съ работы раньше вечера. При мнѣ была одна свадьба, на которую женихъ пріѣхалъ съ мельницы только къ тому времени, когда слѣдовало уложить молодыхъ спать, слѣдовательно, онъ безъ зазрѣнія совѣсти могъ бы сказать „безъ меня меня женили,—я на мельницѣ былъ“.

Послѣ жениха сидящій въ переднемъ углу угощаетъ этой водкой всѣхъ присутствующихъ. Въ это время женщина, введившая невѣсту въ избу, беретъ въ руку хлѣбъ, испеченный изъ полбенной или ячменной муки (бискили), а невѣста беретъ стаканъ пива и подноситъ отцу жениха; отецъ жениха, стоя или сидя, выпиваетъ стаканъ и, положивъ въ него деньги, возвращаетъ невѣстѣ. Поднося стаканъ, невѣста и женщина держащая хлѣбъ становятся на колѣни. Такимъ образомъ онѣ подносятъ всѣмъ присутствующимъ; собранныя же деньги невѣста оставляетъ себѣ. Послѣ этого начинаютъ ѣсть кашу и пировать.

По окончаніи пировація, жениха съ невѣстой ведутъ въ клѣтъ (кэнае), куда несутъ масло въ чашкѣ и хлѣбъ. Постлавши на нары скатерть, хлѣбъ и масло ставятъ на нее, а жениха съ невѣстой сажаютъ по обѣ стороны скатерти; при этомъ одинъ парень стелеть постель. По приготовленіи постели, присутствующіе парни берутъ въ руки хлѣбъ и масло и отъ имени жениха начинаютъ молиться. Молитва ихъ состоитъ изъ перемѣшиванія имени Божія съ самыми неблагопри-

стойными пожеланіями. Послѣ такого кощунства жениха съ невѣстой сажаютъ на прежнія мѣста на подушки; одинъ парень, отрѣзавъ ломтикъ хлѣба, накладываетъ на него довольно толстый слой масла и подаетъ жениху, тотъ, откусивъ, подаетъ невѣстѣ; такимъ образомъ они откусываютъ каждый три раза. Послѣ этого выносятъ изъ избы кашу, пиво и кумышку, которыя ѣдятъ и пьютъ также какъ и масло съ хлѣбомъ, отвѣдывая каждое по три раза. Остатки кушаній и напитковъ никому не даютъ, а на другой день съѣдаютъ и выпиваютъ сами молодые. Когда такимъ образомъ молодые поѣдятъ и попьютъ, женихъ ложится на постель, а невѣста прячется въ одинъ уголь клѣтки; одинъ изъ присутствующихъ молодыхъ парней ловитъ невѣсту и, обхвативъ ее станъ обѣими руками, поднимаетъ ее и кладетъ на постель рядомъ съ женихомъ. Немало бываетъ при этомъ смѣха, разныхъ безнравственныхъ пожеланій и пѣсень, послѣ чего парни покрываютъ молодыхъ шубой и уходятъ. Женихъ, вставъ съ постели, запираетъ изнутри дверь клѣтки и опять ложится. На другой, или на третій послѣ этого день (а иногда черезъ нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ) молодыхъ везутъ въ церковь вѣнчаться. Вслѣдъ затѣмъ тоже пируютъ, при чемъ никакихъ особенныхъ обрядовъ не бываетъ.

Какъ сказано было выше, на невѣсту, тотчасъ по приѣздѣ въ домъ жениха надѣваютъ ашъянъ — женскій головной уборъ. Ашъянъ и платокъ на ашъянѣ (сулык) молодухи бываетъ больше ашъяна (по малмыжскому нарѣчію айшон) женщины прожившей больше года замужемъ. Бахрома, которой обшивается сулыкъ, закрываетъ у молодухекъ почти все лицо, тогда какъ у женщинъ, прожившихъ замужемъ больше года, она спускается только до глазъ. При сниманіи съ молодухи ея молодухина ашъяна и при надѣваніи обыкновеннаго женскаго ашъяна бываютъ особые обряды, называемые *сулык коскон* — сниманіе платка. Сниманіе ашъяна бываетъ спустя 1—6 мѣсяцевъ послѣ совершенія первой половины свадьбы и состоитъ изъ слѣдующаго.

Въ назначенный день въ домъ молодухи зовутъ музыканта, играющаго на скрипкѣ, гармоникѣ, или гусяхъ и парня, имѣющаго принять участіе въ будущей половинѣ свадьбы въ качествѣ младшаго дружки жениха (покчи казак). Молодушка готовитъ обѣдъ, состоящій изъ лапши и мелкихъ пельменей, начинкой которыхъ бываетъ мука, соль, крупа, конопляное сѣмя, перецъ, горохъ, тѣсто и т. п. При рѣзаніи лапши изъ-подъ ножа молодухи будущій младшій дружка отнимаетъ отрѣзанную лапшу, при чемъ молодуха ударяетъ тупой стороной ножа ему по пальцамъ, (нѣкоторыя молодухи ударяютъ лезвеемъ и причиняютъ иногда довольно значительныя раны). Когда обѣдъ готовъ, то зовутъ род-

ственниковъ и крестныхъ отца и мать жениха, изъ которыхъ первый садится въ переднемъ углу въ мужской половинѣ избы, а вторая въ женской половинѣ. Послѣ изготовленія кушаній, ихъ ставятъ на столъ. Молодушка къ этому времени одѣвается въ свою лучшую одежду и надѣваетъ свой апшьянъ, а другой, предназначенный для ношенія на будущее время, приготовляетъ и кладетъ въ женской половинѣ избы; потомъ беретъ приготовленный апшьянъ и входитъ въ промежутокъ между печью и стѣною и стоитъ тамъ. Музыканта заставляютъ играть. Будущій дружка идетъ къ молодушкѣ, снимаетъ съ нея апшьянъ и, надѣвъ на себя, пляшетъ; послѣ пляски въ томъ же интересномъ нарядѣ подходитъ къ сидящему въ переднемъ углу, который подаетъ ему стаканъ водки. Потомъ дружка опять пляшетъ и подходитъ къ женѣ сидящаго въ переднемъ углу, которая тоже даетъ ему стаканъ водки, поплясавши еще разъ, дружка идетъ къ молодушкѣ и снявъ съ себя апшьянъ надѣваетъ на нее, а самъ беретъ апшьянъ, приготовленный для ношенія послѣ сего обряда и, подпоясавшись имъ, начинаетъ опять плясать, послѣ чего садится за столъ, и всѣ пируютъ. По окончаніи пира дружка уноситъ съ собой апшьянъ на поясѣ, а на другой день рано утромъ приноситъ его опять къ молодушкѣ; при этомъ его угощаютъ кумышкой и онъ возвращаетъ апшьянъ молодушкѣ, которая даритъ его кошелькомъ для денегъ или кисетомъ для табаку.

По прошествіи осенняго праздника Казанской иконы Божіей Матери, въ назначенный день у молодушки готовятъ обѣдъ, состоящій изъ лапши и говядины. Къ обѣду зовутъ гостей и крестныхъ отца и мать жениха. Обѣдъ готовитъ молодушка. Когда придутъ гости, молодушка угощаетъ ихъ пивомъ и кумышкой, послѣ чего ставятъ на столъ лапшу и мясо. Молодушка съ одною родственницей подносятъ каждому присутствующему лапшу уполовникомъ (дѣры), а сами становятся передъ нимъ на колѣни. Первому подносятъ молодушка своему свекору, а потомъ, по старшинству лѣтъ, всѣмъ присутствующимъ. Послѣ этого всѣ присутствующіе, выливая по ложкѣ лапши въ корытцо, поставленное у печки, поминаютъ покойныхъ. Потомъ запрягаютъ лошадь, и свекоръ со свекровью везутъ молодушку къ родителямъ ея гостить. Тамъ ночуютъ одну ночь. Родители ея даютъ въ приданое за ней гуся и утку, которыхъ увозятъ свекоръ со свекровью, а молодушка остается у родителей до зимней половины свадьбы. Она по пріѣздѣ къ родителямъ бросаетъ носить апшьянъ и носитъ только платокъ, повязывая его подѣвичьи, а надѣвать уже *такшо*—дѣвичій головной уборъ, ей нельзя.

Оставаясь у родителей около 3—4 мѣсяцевъ, молодушка начинаетъ жить вполне дѣвичьей жизнью: ходитъ на вечерки, на нардуганъ и т. п. собира

молодыхъ людей. Она вполне пользуется свободой и еще больше прежняго начинаетъ развратничать, не боясь уже беременности, потому что имѣетъ въ оправданіе мужа. Мужъ же ея съ своей стороны тоже не упускаетъ случая насладиться прелестями вольной холостой жизни. Такова вѣрность молодыхъ супруговъ!

Передъ масляницей готовятъ по 15 ведеръ кумышки и пива и приготавливаютъ разныя кушанья. Въ первый день масляницы у жениха готовятъ обѣдъ и зовутъ на него родныхъ, которые должны принимать участіе въ свадьбѣ. Родные пріѣзжаютъ къ нимъ на саняхъ, совершенно готовыми ѣхать на свадьбу. По пріѣздѣ лошадей не отпрягаютъ. Хозяинъ угощаетъ родственниковъ водкой, пивомъ, кумышкой и разными кушаньями. Когда каша будетъ готова, хозяинъ выходитъ съ ней на дворъ и молится, стоя лицомъ на югъ: просить Бога, чтобы онъ далъ возможность хорошо съѣздить къ свату, чтобы онъ хранилъ ихъ самихъ и лошадей ихъ отъ всякаго зла. Послѣ молитвы всѣ начинаютъ ѣсть и пить. Потомъ всѣ встаютъ изъ-за стола и подъ музыку начинаютъ плясать; пляшутъ двое мужчинъ и одна женщина до трехъ разъ. Къ этому времени приготавливаютъ лошадей, и собирающіеся ѣхать всѣ встаютъ и, помолясь (крестятся) передъ образами, выходятъ на дворъ. Впереди ѣдетъ старшій дружка (*быдзым казакъ*) съ одною дѣвушкой, а за ними всѣ поѣзжане безъ разбора; поѣздъ заключаетъ собой отецъ жениха. Ёдутъ прямо къ сватуну и не отпрягая лошадей входятъ въ избу, гдѣ немного пируютъ. Сватунъ готовитъ обѣдъ и когда обѣдъ будетъ готовъ, то приходитъ отецъ невесты съ пивомъ, которымъ угощаетъ гостей говоря: „если вкусъ нашего пива понравится вамъ, то пойдете и къ намъ“. Послѣ обѣда всѣ пляшутъ и потомъ всѣ садятся въ свои сани и отправляются въ домъ невесты. Когда въѣдутъ во дворъ, то отпрягаютъ лошадей и старшій дружка ѣдетъ къ сосѣдямъ за огнемъ, гдѣ даетъ за огонь денегъ— одну копѣйку. Принесши огня, поѣзжане раскладываютъ среди двора одинъ или нѣсколько костровъ и стоятъ, грѣясь до тѣхъ поръ, пока не вынесутъ изъ избы масла и хлѣба. По вынесеніи ихъ, всѣ становятся лицами на югъ и молятся; послѣ молитвы всѣ гости отвѣдываютъ масла и хлѣба и хозяева приглашаютъ ихъ войти. Вошедши въ избу, они не идутъ дальше матицы. Тутъ бываетъ старшая сестра или тетка молодушки съ мужемъ, которыхъ называютъ „*алдыр удъ-яѣ*“, т. е. подносящіе (напитки) раньше всѣхъ. Мужъ подноситъ гостямъ водку, а жена пиво. Старшему дружкѣ и дѣвушкѣ, пріѣхавшей съ нимъ, подають первымъ, и послѣ всѣхъ сажаютъ за столъ. Прежде всего ставятъ на столъ масло, водку и пиво и начинаютъ готовить обѣдъ. Когда обѣдъ будетъ готовъ, его приносятъ и ставятъ на столъ въ чашкахъ; хозяинъ дома беретъ въ руки кашу и, выйдя на дворъ, молится: „Осто иѣмарэ, быдзым иѣмарэ, кѣдойнызъ жескын

аыктыса жескын бертытысалыдкэ“, т. е. боже Осто, великій боже, сваты хорошо пріѣхали, дай имъ (возможность) хорошо возвратиться. Послѣ молитвы вносятъ кашу въ избу, ставятъ на столъ и самъ отвѣдываетъ ее первый, послѣ чего приглашаетъ гостей ѣсть. Гости принимаются за ѣду, между прочимъ и попиваютъ немного. Послѣ каши ставятъ на столъ говядину. Потомъ сватунъ встаетъ съ мѣста и начинаетъ пѣть: „чалэ люкаскыса пыржалом, айгай, жягжэг пи тайос мед муозы, айгай; ты кўйосмы кэдымозкэ, айгай, ог туган тайос мед шуозы, айгай“, т. е. давайте собравшись пѣть, айгай; пусть скажутъ: это гусята (шумятъ), айгай; если эти напѣвы наши будутъ согласны, айгай, пусть скажутъ: это родные (собств. родившіеся отъ однихъ родителей), айгай. Послѣ пѣсенъ гостей пріѣхавшихъ со стороны жениха приглашаютъ гости, пришедшіе со стороны невесты къ себѣ ночевать. Каждый родственникъ молодухи, живущій въ одной деревнѣ съ ее родителями, зоветъ къ себѣ одного родственника жениха и въ знакъ того, что позванный пойдетъ, беретъ у него кольцо или перстень. Молодушка въ это время бываетъ у когонибудь изъ сосѣдей. Старшій дружка съ нѣкоторыми другими поѣзжанами берутъ въ руки хлѣбъ съ масломъ и съ пѣснями отправляются къ сосѣду, чтобы привести молодуху домой. Пришедши туда, хлѣбъ съ масломъ ставятъ на столъ, потомъ опять берутъ въ руки и молятся Богу. По молитвѣ, рѣжутъ ломоть хлѣба и, намазавъ на него толстый слой масла, несутъ къ молодухкѣ, которая въ это время находится между печью и стѣною въ промежуткѣ, и, подавая ей ломоть, поютъ: „Кузон но сўрэс тати-а? айгай! Милям саскамы татын-а? айгай! Милям саскамы татын-а? айгай! Саска охсана јам ѓвѓл, айгай!“ т. е. Здѣсь ли дорога въ Казань? Здѣсь ли напѣ цвѣтокъ? Здѣсь ли цвѣтокъ нашъ? Безъ цвѣтка нѣтъ веселья (собств. јам—красота). При этомъ старшій дружка даетъ молодухкѣ одну копѣечную монету, послѣ чего она отправляется вмѣстѣ съ пришедшими въ домъ своего отца. Пришедши домой, она наливаетъ въ стаканъ пиво и поднося свекору, сама становится передъ нимъ на колѣна, вмѣстѣ съ ней становятся и всѣ поѣзжане. Такъ она подноситъ всѣмъ присутствующимъ и передъ всѣми становится на колѣна. Послѣ этого всѣ гости идутъ ночевать къ тѣмъ, кто ихъ звалъ, у отца молодухи остается только ее свекоръ. Молодушка передъ уходомъ гостей спрашиваетъ у всѣхъ, кто у кого будетъ ночевать.

На другой день рано утромъ молодуха беретъ кувшинъ пива и, ходя по квартирамъ поѣзжанъ, угощаетъ всѣхъ пивомъ. Напивши всѣхъ гостей, идетъ домой и подноситъ свекору стаканъ пива, сама же становится передъ нимъ на колѣна. Къ обѣду всѣ поѣзжане возвращаются въ домъ отца невесты, гдѣ под-

неся свату стаканъ водки, становятся передъ нимъ на колѣни и поютъ: „кўскад но кэртэм бурчинь путсэд, айгай, укoен кюртэм интыез ванъ, айгай; пыремэ тыриҫ уҫкыҫко, айгай, кузон купеслэн тўсэз ванъ, айгай!“ т. е. на шелковомъ кушакѣ, которымъ ты подпоясанъ, есть мѣста отдѣланныя позументомъ; смотрю на тебя, съ тѣхъ поръ, какъ вошелъ, — (въ тебѣ) есть подобіе (тўс—черты лица, образъ) казанскаго купца. При этомъ поется не исключительно одна эта пѣсня, а можетъ быть замѣнена какою нибудь другою, подходящей, по мнѣнію поѣзжанъ, къ настоящему случаю. Въ другихъ вышеупомянутыхъ случаяхъ, пѣсни поются исключительно тѣ, какія приведены здѣсь. Послѣ пѣсни гости садятся пить чай. Послѣ чаю начинаютъ пировать съ пѣснями, такъ пируютъ до вечера. Ходятъ по сосѣдямъ изъ дома въ домъ и тоже пируютъ. Вечеромъ возвращаются опять къ свату, гдѣ молодушка раздаетъ всѣмъ подарки: свекору даетъ рубашку, другимъ мужчинамъ штаны, а женщинамъ и дѣвушкамъ фартуки, дружкамъ, старшему и младшему, — коротенькія полотенца. Подарки раздаетъ она вмѣстѣ съ своей замужней сестрой или теткой, или же съ женою своего брата (кэнак), которая беретъ въ руки коровай хлѣба, на него кладетъ подарокъ (кужым) и, поднося кому слѣдуетъ, вмѣстѣ съ молодушкой становится на колѣна. Послѣ раздачи подарковъ всѣ поѣзжане вмѣстѣ поютъ разные пѣсни. Потомъ всѣ берутъ въ руки по пустому стакану и идутъ въ другую избу или въ подполье, гдѣ хранится водка въ бочкахъ; тамъ алдыр удъяҫ (т. е. подносящій раньше всѣхъ), всѣмъ наливаетъ изъ бочекъ по стакану кумышки и по стакану кабацкой водки; обрядъ этотъ называется *выж-улэ нырон*, т. е. вхожденіе въ подполье. Послѣ этого начинаютъ пѣть пѣсни и всѣ идутъ къ сосѣдямъ, звавшимъ ихъ, ночевать. На другой день утромъ возвращаются къ свату, гдѣ пьютъ чай, обѣдаютъ и опять принимаются за пѣсни. Послѣ обѣда ходятъ, пируя, изъ дома въ домъ; при этомъ меньшей дружка беретъ въ руку среднюю часть вотяцкой прялки (*кубо модос*), къ которой въ каждомъ домѣ дѣвушки или хозяйка привязываютъ ленточки. Такъ ходятъ цѣлый день. Вечеромъ возвращаются къ свату и затѣмъ всѣ ночуютъ у него. Ночью всѣ строятъ другъ надъ другомъ разные штуки, на примѣръ: привязываютъ къ ногамъ спящихъ старые лапти, пришиваютъ рубашку спящаго къ подушкѣ или спящихъ рядомъ пришиваютъ за рубашку одного къ другому. Вся ночь проходитъ въ такихъ и подобныхъ шуткахъ. На другой день рано утромъ поѣзжанъ уводятъ къ себѣ сосѣди, у которыхъ они остаются почти до полудня. Около полудня всѣ возвращаются съ пѣснями къ свату, у котораго къ этому времени бываетъ готовъ обѣдъ. Когда обѣдъ поставятъ на столъ, поѣзжане идутъ на дворъ и разсыпаютъ тамъ около пудовки овса, потомъ всѣ выводятъ своихъ лошадей на дворъ и съ пѣснями

стоять, смотря какъ ѣдятъ лошади. Когда лошади съѣдятъ овесь, поѣзжане идутъ въ избу и тоже обѣдаютъ. Когда съѣдятъ кашу, то всѣ поѣзжане выходятъ изъ-за стола прямо на нары, гдѣ стоятъ до тѣхъ поръ, пока алдырь удьясь принесетъ два полуштофа водки и раздастъ имъ. Выпивши два полуштофа водки и поѣвши говядины, поданной сватуномъ тоже на нары, поѣзжане слѣзаютъ съ наръ и одѣвшись идутъ на дворъ запрягать лошадей. Потомъ опять идутъ въ избу и совѣмъ собравшись выходятъ на дворъ и стоятъ тамъ съ пѣснями до тѣхъ поръ, пока нѣкоторые изъ нихъ вынесутъ вещи и выведутъ молодушку. Старшій казакъ (дружка) и сватунъ идутъ въ избу за периной молодушки; выпивъ тамъ по стакану водки они выходятъ ни съ чѣмъ. Такъ входятъ они два раза и въ третій разъ выносятъ перину; при этомъ перину охраняетъ ктонибудь изъ молодыхъ родственниковъ молодушки, которому старшій дружка даетъ мелкую мѣдную монету. Въ это время меньшаго дружку привязываютъ къ столбу, гдѣ онъ поетъ, прося водки: „вайелэ мыным анданзэ, айгай, анданзэ јуэмэ потэдыр, агай“, т. е. дай-те мнѣ сталь, я хочу пить сталь. Ему подносятъ кумышку, но онъ не пьетъ ея и опять повторяетъ свою пѣсню. Здѣсь младшій дружка, прося сталь, сравниваетъ водку кабацкую и кумышку со сталью и желѣзомъ, такъ какъ водка кабацкая крѣпче кумышки также, какъ сталь крѣпче желѣза. Ему подносятъ въ небольшой чашкѣ водку кабацкую, которую онъ выпиваетъ и кладетъ чашку за пазуху; такъ онъ увозитъ ее съ собой домой и даетъ впоследствии молодушкѣ. Затѣмъ происходитъ слѣдующее: дружку отвязываютъ и онъ даетъ копѣечную монету отвязавшему его; сватунъ и меньшей дружка идутъ въ избу за сундукомъ молодушки, за которымъ тоже входятъ три раза, какъ и за периной, а охраняющему сундукъ тоже даютъ копѣйку, и выводятъ молодушку, за которой тоже входятъ три раза. Выведя ее, обводятъ три раза кругомъ саней, на которыхъ ее повезутъ, потомъ сажаютъ ее въ сани; поѣзжане тоже всѣ сажаются въ свои сани и выѣзжаютъ. Отѣхавши немного по выѣздѣ изъ двора, старшій дружка проводитъ черту ножичкомъ поперекъ дороги между свадебнымъ поѣздомъ и провожающими. При всѣхъ выѣздахъ свадебнаго поѣзда изъ двора наблюдаютъ, чтобы между санями не прошелъ ктонибудь поперекъ дороги. По возвращеніи въ домъ жениха, всѣ поѣзжане отправляются на своихъ лошадяхъ по домамъ; если поѣзжане изъ другой деревни, то ночуютъ у жениха, а если изъ своей деревни, то отпрягнувши лошадей, идутъ пѣшкомъ опять къ жениху. На лошади отца жениха, молодые парни ѣзжаютъ по деревнѣ крича „суан јуыны мынылэ!“ т. е. идите праздновать (собственно пить) свадьбу!

Собравшись вторично въ домъ жениха, поѣзжане подносятъ матери его стаканъ пива, а сами, становясь на колѣна передъ ней, поютъ пѣсню. Также под-

носятъ и самому жениху. Къ этому времени готовятъ кашу, и когда ее поставятъ въ чашкѣ на столъ, то молодушка даетъ жениху и его матери подарки: жениху рубашку, штаны и поясъ (кѹс кэртон), матери его тоже рубашку (дэрэм), которыя какъ тотъ, такъ и другая, тотчасъ надѣваютъ на себя. При раздачѣ молодушка вынимаетъ подарки изъ сундука и подаетъ одной женщинѣ, которая передаетъ ихъ кому слѣдуетъ. Послѣ этого всѣ садятся за столъ, ѣдятъ кашу и, попирававъ, расходятся по домамъ. Потомъ молодые люди, парни и дѣвушки, укладываютъ молодыхъ спать въ клѣти, какъ это дѣлаютъ и въ лѣтнюю половину свадьбы. На другой день прежде всего молодушка идетъ за водой, потомъ работаетъ кое-какую домашнюю работу, а около полудня присоединяется къ поѣзжанамъ и пируя, ходитъ съ ними изъ дома въ домъ. Поѣзжане же утромъ въ этотъ день собираются къ свату, потомъ идутъ къ сватуну (если онъ живетъ въ одной деревнѣ съ женихомъ) и отъ него ко всѣмъ, кто былъ на свадьбѣ въ качествѣ поѣзжанъ; это называется *нергэ вэтлон*, т. е. хожденіе по порядку. Когда обойдутъ всѣхъ, кто былъ на свадьбѣ, то опять собираются къ жениху, гдѣ благодарятъ всѣхъ пѣснями и расходятся по домамъ. Этимъ и оканчивается свадьба.

Молодушка въ первое время не говоритъ со старшимъ братомъ мужа, съ его отцемъ и при нихъ не говоритъ вслухъ ни съ кѣмъ. Для того чтобы заставить ее говорить готовятъ обѣдъ, зовутъ родственниковъ и сосѣдей, и при нихъ молодушка даетъ тому, съ кѣмъ не говоритъ рубашку или штаны, при чемъ произноситъ: „мэ агайзы“ или „мэатайзы“, смотря по тому, кому даетъ, т. е. если даетъ брату, то говоритъ: мэ агайзы—на, братъ, а если свекору—мэ, атайзы, т. е. на, отецъ. Подарокъ она перекладываетъ съ руки на руку. Большею частью молодушка подаетъ подарокъ молча. Послѣ этого бываетъ, конечно, небольшой пиръ, и гости расходятся по домамъ, а молодушка начинаетъ съ того времени говорить съ тѣмъ, кому дала подарокъ.

Въ приданое за молодушкой назначаютъ родители разную скотину, которую даютъ не тотчасъ по выходѣ замужъ, а тогда, когда захотятъ, или когда будетъ возможность. При полученіи обѣщанной скотины, молодые ѣдутъ къ родителямъ молодой и везутъ съ собой гостинцы, состоящія изъ лепешекъ, говядины и кумышки. При этомъ если бы обстоятельства требовали отвоза такихъ же гостинцевъ другимъ роднымъ,—не везутъ, иначе взятое въ приданое животное не будетъ распложаться. По привозѣ гостинца, помолясь, сѣдаютъ его. Послѣ этого тестъ устраиваетъ обѣдъ, и по окончаніи его идутъ въ хлѣвъ, откуда выводятъ обѣщанную скотину. Жена зятя, т. е. дочь хозяина дома, привозитъ съ собой около 1½ аршина холста, который разстилаютъ на спинѣ животного и на который зять кла-

детъ мелкую серебряную монету. Послѣ этого одинъ изъ семейныхъ тестя полою своей одежды беретъ животное за веревку, привязанную къ его шеѣ и передаетъ зятю, который, беретъ за веревку тоже полою. Послѣ этого животное оставляютъ въ саняхъ, или привязавши къ санямъ, а сами идутъ обѣдать. Послѣ обѣда уѣзжаютъ и увозятъ съ собой животное. При отвозѣ животного, даннаго въ приданое, соблюдаютъ обычай никого не сажать въ сани изъ постороннихъ лицъ,—иначе скотина не будетъ распложаться.

Съ такими же обрядами даютъ молодымъ скотину, большею частью овцу, всѣ поѣзжане бывшіе на свадьбѣ и получившіе въ подарокъ рубашку или штаны.

Корка суан.

При закладкѣ новаго дома, положивши въ основаніе бревенъ шесть, приносятъ рябиновую палку и втыкаютъ въ средину основаннаго дома. Рябиновая палка, по вѣрованію Вотяковъ, охраняетъ отъ порчи вѣдуновъ. Послѣ этого варятъ кашу. Когда каша будетъ готова, то одинъ мужчина беретъ коровой хлѣба, другой чашку каши и молятся Богу тоже внутри основаннаго дома, потомъ садятся тутъ же и сѣдаютъ кашу. Въ это время сосѣди приносятъ каждый по немногу муки, изъ которой хозяева впоследствии пекутъ хлѣбы и ѣдятъ только одни семейные.

Когда домъ совсѣмъ готовъ, и печка уже сложена, то дѣлаютъ такъ называемую свадьбу дома (корка суан). При этомъ зовутъ къ себѣ сосѣдей, одного изъ которыхъ сажаютъ въ переднемъ углу и называютъ тѣр пукиѣ—сидящій въ переднемъ углу. Всѣ сосѣди приносятъ съ собой хлѣбы и кумышку. Къ этому дню хозяева готовятъ въ 2—3-хъ ведерной бочкѣ кумышку, и перевязавъ ее новымъ поясомъ, вручаютъ въ руки сидящему въ переднемъ углу; поясъ этотъ называется эгес=обручъ. Мужчина принявшій боченокъ, развязавъ поясъ, подпоясывается имъ и угощаетъ кумышкой всѣхъ присутствующихъ, поясъ же оставляетъ себѣ. Въ это время хозяева варятъ гуся и кашу, и когда кушанье готово и принесено на столъ, то гости кладутъ на коровой хлѣба деньги, поздравляя новый домъ словами: „винь корка шудо-буро медло“, т. е. новый домъ да будетъ счастливъ. Нѣкоторые вбиваютъ мѣдныя монеты въ матицу дома, говоря тѣ же слова. Деньги эти называются *могемъ* и тратятся на семейные расходы за исключеніемъ расходовъ дочерей; если же онѣ будутъ истрачены на дочерей, то у послѣднихъ должны болѣть глаза. Попировавши вдоволь, гости расходятся по домамъ.

По построении новаго дома, при первой возможности приносятъ въ жертву хозяину дома (корка кужо) чернаго барана или какую нибудь домашнюю птицу, за исключеніемъ курицы и пѣтуха. Жертва приносится въ подпольѣ. Послѣ молитвы, части каши и мяса зарываютъ въ серединѣ подполья въ землю, при чемъ говорятъ: „тани си но јѹ, милемыз эн дэты“, т. е. вотъ ѣшь и пей, а насъ не трогай.

По построении дома Вотяки, по возможности, скорѣе стараются отдѣлать новый домъ, къ чему ихъ побуждаютъ, можетъ быть, нѣкоторыя необходимости, но иногда и суевѣріе. Когда въ новой избѣ поставятъ печку, то Вотяки какъ можно скорѣе стараются окрасить ее въ бѣлый цвѣтъ известкой. Если печку оставить не окрашенною, то люди, у которыхъ потѣютъ руки, приходятъ въ новый домъ и дотронувшись рукой до печки говорятъ: „пустъ потѣніе моихъ рукъ перейдетъ къ новой печи“. Тогда, по вѣрованію Вотяковъ, у того человѣка руки перестаютъ потѣть, а въ новомъ домѣ бываетъ всегда сырость. Кромѣ того, когда новый домъ совсѣмъ готовъ, то Вотяки стараются, чтобы кто нибудь изъ семейныхъ ночевалъ въ новомъ домѣ, а если домашніе уѣдутъ куда нибудь и ночевать въ новомъ домѣ некому, то приглашаютъ сосѣдей. Если послѣ сложенія печки не ночевать въ новомъ домѣ, то, по мнѣнію Вотяковъ, въ такомъ домѣ помѣщается *пери*, котораго послѣ трудно бываетъ изгнать. Узнать присутствіе пери въ домѣ можно изъ того, что такой домъ зимою сильно трещитъ, и трескъ этотъ походитъ иногда на ружейный выстрѣлъ. Кромѣ того, присутствіе пери можно узнать изъ того, что люди спящіе въ этомъ домѣ видятъ дурные сны.

Обряды, относящіеся къ рожденію ребенка.

Передъ временемъ рожденія беременная женщина обыкновенно приготовляетъ кумышку, пиво и коровье масло. До рожденія ребенка все это хранится въ цѣлости, т. е. нисколько не пьютъ напитковъ и не ѣдятъ масла. По рожденіи ребенка приготовляютъ въ избѣ пиво, кумышку и масло и зовутъ сосѣдей, предупреждая ихъ, что зовутъ въ гости къ новорожденному ѣсть масло. Званные приносятъ съ собою деньги. Когда придутъ гости, то съ пивомъ, кумышкой и масломъ молятся Богу, послѣ чего повивальная бабка объявляетъ имя новорожденнаго, которое дается самой бабкой и называется вотяцкимъ (утморт ним) или баннымъ (мунчо ним) именемъ. Имена эти бываютъ или мухаммеданскія, или православныя, или же просто вотяцко-языческія. Изъ именъ вотяцкихъ болѣе употребительныя слѣдующія: мужскія Туктар—отъ татарскаго слова *туктамак* = остановится; это имя дается большею частью тогда, когда дѣти не живутъ или

когда родильницѣ не хочется больше рождать; Сабанчи—дается родившемуся во время сѣянiя ярового и по-татарски значитъ: сѣющій яровое; Герей—дается родившемуся во время пашни и происходитъ отъ вотяцкаго слова *геры*—соха, пашня; Уракай—дается родившемуся во время жатвы, отъ татарскаго слова *урак*—серпъ, жатва. Женскiя имена тоже похожи на мужскiя: Туктастон—дается по однимъ причинамъ съ мужскимъ именемъ Туктар и происходитъ отъ одного съ нимъ слова; Сакабей—отъ вотяцкаго слова *сака*—цвѣтокъ.

По объявленiи имени новорожденнаго, бабушка беретъ въ ротъ кусокъ масла и чернаго хлѣба и разжевавъ, даетъ новорожденному. Гости, начиная ѣсть масло, кладутъ на него деньги, желая новорожденному здоровья, богатства и т. п. Мать ребенка беретъ эти деньги и хранитъ ихъ до совершеннолѣтiя его; тогда, если ребенокъ женскаго пола, мѣняетъ эти деньги на серебро и даетъ пришить къ *камали*, (нитка серебряныхъ монетъ, надѣваемая женщинами и дѣвухами Вотячками) или *танъ* (шапочка очень похожая на мухаммеданскую тюбетейку, украшенная бусами, оловянными кружечками, серебряными монетами и разными лоскутками ситца, и носимая дѣвухами-Вотячками). Если ребенокъ мужскаго пола, то мать его хранитъ эти деньги до его свадьбы и потомъ вручаетъ ихъ его женѣ. Дня черезъ три послѣ рожденiя ребенка крестятъ, послѣ чего начинаютъ звать его православнымъ именемъ: впрочемъ это зависитъ отъ желанiя родителей,—иногда случается такъ, что человекъ до самой его смерти называютъ баннымъ именемъ.

Около мѣсяца послѣ рожденiя ребенка обѣщаютъ принести въ жертву его ангелу (*нуны кылчиңъ*—ангелъ ребенка) бѣлаго барана. Обѣщанiе это происходитъ слѣдующимъ образомъ. Въ назначенный день утромъ варятъ кашу и говядину и зовутъ сосѣдей ѣсть *нуны шыд*—угощенiе ребенка. При этомъ непременно бываетъ кумышка и пиво. Гости и на этотъ разъ несутъ съ собою деньги, чтобы при пожеланiи ребенку всякихъ благъ, положить ихъ на хлѣбъ. Когда каша готова, то одинъ изъ мужчинъ—семейныхъ ребенка молится съ ней на дворѣ: „Осто иңмарэ, тани мон та нуныелэн жырыскыз тынды, тонэ бурэ вайса, тѣји така сижиҫко“, т. е. боже Осто, вотъ я поминаю тебя, отъ имени этого ребенка обѣщаю тебѣ бѣлаго барана. Послѣ молитвы ѣдятъ кашу и говядину и пируютъ. При обѣщанiи не назначаютъ времени его исполненiя, какое наступаетъ обыкновенно спустя 1—2 года при чемъ никакихъ обрядовъ не бываетъ; кромѣ того, что барана закалываютъ со словами: „нуны кылчиңлы“, т. е. ангелу ребенка.

Черезъ нѣсколько времени послѣ рожденiя, молясь съ хлѣбомъ, обѣщаютъ ходящему ночью одну утку, для того, чтобы ребенокъ не былъ плакса. Хлѣбъ

этотъ ѣдятъ одни домашніе. При принесеніи утки, ее, помолясь, ѣдятъ тоже одни семейные. Если не принести въ жертву ходящему ночью утку, то ребенокъ въ малолѣтствѣ очень плачетъ, а впослѣдствіи бываетъ боленъ падучей болѣзнью.

Мудор с у а п.

Воршуд, или *мудор* у Вотяковъ размножается вмѣстѣ съ размноженіемъ семейства самого хозяина куалы. Если хозяинъ куалы отдѣляетъ своего сына, то нужно, конечно, дать ему и *вож-шуда*, у котораго тоже къ этому времени сынъ бываетъ совершеннолѣтній и готовый къ раздѣлу. Какъ размножаются воршуды—неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что женъ у нихъ, по вѣрованію Вотяковъ, нѣтъ. Отдѣлившійся Вотякъ беретъ къ себѣ *вож-шуда* не тотчасъ по раздѣлѣ, а спустя нѣсколько лѣтъ.

На другой день лѣтняго праздника, большею частью на другой день 8 іюля, желающій взять къ себѣ воршуда зоветъ къ себѣ гостей, говоря, что онъ дѣлаетъ свадьбу воршуда. Гости бываетъ четверо—двое мужчинъ и двѣ женщины, кромѣ того зовутъ мастерицу играть на гусяхъ. Сами желающіе взять воршуда, мужъ съ женой ведутъ своихъ гостей къ хозяину воршуда, при чемъ несутъ съ собой нѣсколько хлѣбовъ и около одного ведра водки. Придя туда, молятся съ хлѣбомъ и пируютъ; хозяинъ куалы зоветъ къ себѣ одного человѣка съ женой, которые угощаютъ гостей и называются *тѣр нукис* = сидящіе въ переднемъ углу; мужъ угощаетъ мужчинъ, а жена женщинъ. Попировавши довольно, *тѣр нукис* съ женой встаютъ и начинаютъ пѣть пѣсни свадебнымъ напѣвомъ и съ припѣвомъ „айгай“. Послѣ нихъ поютъ и прочіе гости. Потомъ гости ходятъ, пируя по сосѣдямъ и возвращаются къ хозяину только вечеромъ. Когда вернутся гости, хозяинъ куалы варитъ кашу, тогда хотящій взять воршуда идетъ въ куалу и, взявъ оттуда изъ подъ котла горсть золы, завертываетъ въ бѣлую чистую холстину, при чемъ говоритъ: „покизэ багыскомъ, быдзымзэ кѣдтыском“, т. е. меньшаго беремъ, а большаго оставляемъ. Потомъ кладетъ эту золу на полку „мудор“ и самъ вмѣстѣ съ прочими гостями садится ѣсть кашу. Вставши изъ-за стола, онъ опять идетъ въ куалу и взявъ золу съ полки, отправляется съ своими гостями домой. Домой они идутъ съ музыкой и пѣснями, при чемъ жена взявшаго воршудъ беретъ въ ротъ мѣдную монету и до своего двора не вынимаетъ ея изо рта. Вышедши изъ воротъ хозяина воршуда, она пляшетъ подъ звуки гуслей, то же дѣлаетъ среди улицы и у своихъ воротъ. Хозяину куалы взявшій воршуда даетъ бѣлую рубаху, женѣ его фартукъ, другимъ женщинамъ бывшимъ тутъ нагрудники, мужчинамъ штаны и играющей на гусляхъ женщинѣ

или дѣвѣшкѣ даетъ тоже фаргукъ. По возвращеніи домой, золу, принесенную съ такимъ торжествомъ, вносятъ въ свою куалу и кладутъ на полку „мудор“, при чемъ говорятъ: „тани мон кужоед тоне кадѣрласа ваи, ини вождэ эн потты, ми оло тодыса вѣсақысыком оло тодытэк, тон кабыл бақты“, т. е. вотъ я твой хозяинъ съ честью принесъ тебя, теперь не сердись, мы молимся можетъ быть зная, можетъ быть незная, ты принимай (наши молитвы). Послѣ этого гости, бывшіе на свадьбѣ мудора, ходятъ, пируя, другъ къ другу и называютъ это, *пергэ вэтлон* — хожденіе по порядку. Пришедши опять къ взявшему воршуда, пируютъ почти до полуночи. Хозяйка дома варитъ кашу; послѣ ѣды каши гости благодарятъ хозяевъ на колѣняхъ, при чемъ поютъ пѣсни обыкновеннымъ напѣвомъ, а не свадебнымъ. Потомъ гости отправляются домой. На другой день золу, оставленную на полкѣ мудора, кладутъ въ приготовленное подъ котломъ мѣсто и съ того времени начинаютъ приносить жертвы въ куалѣ, какъ и прочіе люди. Этотъ обрядъ перенесенія воршуда или мудора называется, *мудор-суан*, т. е. свадьба мудора.

Если при раздѣлѣ между отцемъ и сыномъ произойдетъ ссора и непріятности, то отецъ не даетъ сыну воршуда, и послѣдній принужденъ бываетъ украсть его. Нерѣдко случается, что сынъ, при кражѣ воршуда на зло отцу говоритъ: „покчизэ келтыско, быдымзэ бақтыско“, т. е. маленькаго оставляю, а большаго беру. Такимъ образомъ онъ, по толкованію туночи, беретъ себѣ старшаго воршуда, чѣмъ въ религіозномъ отношеніи становится выше своего отца. Если бы послѣ того у того человѣка отдѣлился другой сынъ, то послѣдній долженъ брать воршуда не у отца, а у брата, взявшаго себѣ старшаго воршуда.

Б э р в ѳ с.

У нѣкоторыхъ Вотяковъ есть обрядъ принесенія въ жертву краденой черной курицы. Кому приносится эта жертва, мнѣ не удалось узнать, тѣмъ болѣе, что Вотяки неохотно говорятъ объ этомъ жертвоприношеніи. Эта жертва, какъ видно изъ самаго ея названія (*бэр вѳс*— послѣдняя, крайняя молитва), есть самая страшная, приносимая только въ крайности. Вотяки и названія ея не произносятъ безъ поминаенія имени Божія.

Задумавшій принести эту жертву, въ глухую полночь идетъ украсть у когонибудь черную курицу; если же ему это не удастся, то старается днемъ заманить черную курицу сосѣдей къ себѣ на дворъ и поймать ее, прячетъ. Въ слѣдующую ночь мужъ съ женой отправляются въ какоенибудь глухое мѣсто, при чемъ надѣваютъ одежду наизнанку, а жена надѣваетъ свой апъянъ задомъ на

передъ. Зарѣзавши курицу, тамъ же варятъ ее и помолясь ѣдятъ. Если на обратномъ пути кто нибудь встрѣтится, то долженъ непремѣнно отвѣдать жертвенное кушанье, которое жертвовавшіе несутъ домой. Если же не отвѣдаетъ, то самъ долженъ принести такую же жертву; если жертвовавшіе не дадутъ отвѣдать, то слѣдуетъ отнять у нихъ насильно. По возвращеніи съ жертвоприношенія слѣдуетъ сначала зайти къ чужому человѣку, потому что къ кому зайдетъ жертвовавшій, тотъ совершенно раззорится; если онъ придетъ прямо домой, то долженъ раззориться самъ. Когда жертвовавшій зайдетъ къ кому нибудь, и тотъ человѣкъ какъ нибудь узнаетъ, что онъ идетъ съ мѣста жертвоприношенія черной курицы, то выгоняетъ его помеломъ, чѣмъ и отвращаетъ раззореніе.

Жертва банному бѣсу.

По построеніи новой бани, нѣкоторые Вотяки приносятъ въ жертву банному бѣсу (*мунчо пери*) утку. Жертва эта закалается въ банѣ подъ полкомъ; потомъ, вычистивъ утку, варятъ ее и послѣ нея кашу, съ которой идутъ въ баню. Послѣ молитвы утку и кашу ѣдятъ дома. Если не принести этой жертвы, то банный бѣсъ будетъ стараться при каждомъ удобномъ случаѣ вредить хозяину бани. Впрочемъ жертва эта приносится не всѣми Вотяками и не вездѣ.

О р о м.

Когда Вотяку хочется сойтись съ другимъ Вотякомъ поближе, то онъ старается уговорить его сдѣлаться съ нимъ *бромомъ*. Желаящій приобрести себѣ брома дожидается пока у него родится ребенокъ и тогда зоветъ того человѣка, съ кѣмъ хочетъ породниться, къ себѣ въ гости. Когда тотъ придетъ, то отецъ ребенка кладетъ въ переднемъ углу подушку, на подушку разстиляетъ холстъ и кладетъ на него ребенка, возлѣ него кладетъ ножницы. Гость садится возлѣ ребенка; въ это время начинаютъ готовить обѣдъ, состоящій изъ каши и говядины. Когда каша поспѣетъ, то ставятъ ее въ чашкѣ на столъ, наливаютъ въ стаканы пиво и кумышку; тогда гость беретъ въ руки ножницы, отрѣзываетъ ими три раза волосы ребенка и говоритъ: „дай Богъ, чтобы онъ (ребенокъ) былъ живъ и здоровъ и дай Богъ намъ жить въ мирѣ и согласіи до самой нашей смерти“. Послѣ этого берутъ въ руки приготовленную кашу и напитки и молятся Богу, глядя на образа. Молитва состоитъ тоже изъ пожеланія здоровья ребенку и мирнаго житія молящимся.

Послѣ молитвы ребенка уносятъ, а сами садятся за столъ и пируютъ. Съ этого времени отецъ ребенка и гость считаются родными, гуляютъ на праздникахъ вмѣстѣ и называютъ другъ друга *бромз*; такъ же называютъ и ихъ семейные другъ друга.

Д у с ы м.

Когда двѣ дѣвушки подружатся между собой и любятъ одна другую, то онѣ обыкновенно дѣлаются *дусымз*. Одна изъ нихъ приготовляетъ угощеніе и зоветъ подругу, которой послѣ угощенія даритъ нагрудникъ (мурэжкэт или мурэж-кышэт). Подруга въ свою очередь зоветъ къ себѣ ее и даритъ фартукъ (аж кышэт). Съ этого времени онѣ называютъ другъ друга дусым, что по татарски значить: другъ.

Повѣрье о пятницѣ.

Вотяки вмѣсто воскресенія празднуютъ пятницу, совершая въ этотъ день моленія, какъ уже было сказано выше. Причиною этому была вѣроятно въ древности близость Татаръ мухаммеданъ, а въ настоящее время причиною служитъ повѣрье Вотяковъ, что умершіе старики сами праздновали пятницу и дѣтямъ своимъ велѣли праздновать этотъ день, и что если праздновать воскресенье, то непременно ниспосылается Богомъ какое нибудь наказаніе по просьбѣ умершихъ стариковъ. Такъ напр. въ дер. Верхнихъ Шунъ (Шын жыле) по настоянію одного священника въ прежніе годы два года праздновали воскресенье и въ оба года градомъ побило хлѣба. Туночи сказали, что умершіе старики требуютъ празднованія пятницы, и что за нарушеніе древняго порядка народъ наказанъ уничтоженіемъ хлѣбовъ. Нечего говорить о томъ, что въ первую пятницу послѣ этого прорицанія былъ совершенъ торжественный праздникъ и послѣ этого снова восстановлено празднованіе пятницы по обычаю умершихъ стариковъ. Въ Казанской губерніи всѣ Вотяки празднуютъ пятницу, за исключеніемъ Вотяковъ деревни Пойкина, Кляушевскаго прихода, Мамадышскаго уѣзда, которые празднуютъ воскресенье.

Повѣрье объ училищѣ.

Между Вотяками существуетъ повѣрье, что нельзя домъ сдавать подѣ квартиру училища, потому что въ училищѣ непременно заводится *перн*, т. е. бѣсъ, который всячески старается вредить хозяевамъ дома. Кромѣ того, если учитель молодой, холостой человѣкъ будетъ давать волю своимъ страстямъ, будетъ пьянствовать, заводить любовницъ, то грѣхъ его падаетъ на хозяевъ квартиры. Чтобы заслужить передъ Богомъ прощеніе учителю, одинъ изъ семейныхъ квартирнаго хозяина, обыкновенно ребенокъ, долженъ умереть. Такое тяжкое наказаніе ниспосылается Богомъ за то, что учитель, сознавая вполнѣ тяжесть грѣха, все таки не удерживается отъ совершенія его. Все это сочинено конечно туночи-ами, которые хорошо понимаютъ, что съ увеличеніемъ числа учащихся постепенно уничтожается и довѣріе простаго народа къ разнымъ туночамъ и пелляскис-амъ, а съ уничтоженіемъ довѣрія къ нимъ, уменьшается и доходъ ихъ.

Повѣрья касательно разныхъ случаевъ въ жизни.

При приготовленіи кумышки, если она черезъ-чуръ хорошо удастся, то говорятъ, что это бываетъ передъ какимъ нибудь горемъ. Когда доски, которыми покрывается котелъ при приготовленіи кумышки, или опрокинутое на котелъ ведро, упадутъ нечаянно въ котелъ, то говорятъ, что это напоминаютъ о себѣ умершіе старики, чтобы ихъ помянули кумышкой. Послѣ этого, какъ только приготовятъ немного кумышки, наливаютъ ее въ стаканъ и, помянувъ умершихъ, выливаютъ немного на землю, остатки выпиваютъ сами.

Въ то время, когда цвѣтеть рожь (сурэр поттэ), по вѣрованію Вотяковъ, нельзя ловить рыбу. Если кто нибудь нарушитъ это повелѣніе древнихъ, то хлѣба будутъ побиты градомъ. При этомъ говорятъ, что не слѣдуетъ именно ловить бреднемъ (калтон), а о другихъ родахъ ловли ничего не говорятъ.

Когда идетъ градъ, то Вотяки, какъ и всѣ другіе землевладѣльцы, обыкновенно съ тревогою смотрятъ на эту небесную кару, а когда пройдетъ градъ, то собираютъ сходку и отправляютъ на поле нѣсколькихъ стариковъ, чтобы узнать дѣйствіе града. Если же до стариковъ успѣетъ сходить въ поле какая нибудь

женщина, то ее бранятъ, потому что это-де нехорошее предзнаменованіе для будущаго года.

Всякій Вотякъ долженъ въ продолженіи своей жизни украсть у кого нибудь одну курицу и съѣсть ее, для того, чтобы было кому собирать отрѣзанные ногти на томъ свѣтѣ. По вѣрованію Вотяковъ, ногти каждаго человѣка будутъ требовать на томъ свѣтѣ отъ него самого; но такъ какъ человѣкъ не можетъ въ продолженіи всей своей жизни уберечь и взять съ собой на тотъ свѣтъ всѣ отрѣзанные ногти, то поэтому онъ долженъ украсть курицу и съѣсть ее, чтобы было кому собрать ногти (гижы бичаны—собирать ногти). На томъ свѣтѣ каждаго человѣка будутъ спрашивать: сѣрлаң чабъясэз лшуска сід-а? т. е. укравши ѣлъ ли назадъ выкидывающаго (разрываемую кучу)? Почему именно нужно курицу украсть, а не съѣсть своей,—Вотяки не могутъ объяснить.

Если кто будетъ стричь ногти въ день своего рожденія, у того будутъ задираться ногти и болѣть. Если напимѣрь кто нибудь родился въ субботу, то ему нельзя стричь ногти во всѣ субботы года.

Когда стригутъ ногти, то слѣдуетъ наблюдать, чтобы не было въ квашнѣ замѣшаннаго тѣста, въ противномъ случаѣ пери унесетъ кусочекъ отрѣзаннаго ногтя и положить въ тѣсто, чѣмъ можетъ причинить болѣзнь тому, кто съѣстъ этотъ кусочекъ ногтя. При стрижкѣ ногтей слѣдуетъ тщательно собрать всѣ кусочки ногтей и бросить ихъ между дверями въ то мѣсто, гдѣ онѣ растворяются; оттуда пери не можетъ вынуть ихъ и слѣдовательно не можетъ и испортить людей. Кромѣ того, бросая ногти все въ одно мѣсто, ихъ легче будетъ собрать, когда они потребуются на томъ свѣтѣ.

Если два человѣка будутъ ѣсть хлѣбъ, отламывая отъ одного куска, то они когда нибудь подерутся.

Если кто ѣсть супъ и капаетъ на столъ, то у него жена будетъ пьяница, если это дѣвушка или женщина, то мужъ будетъ пьяница. Подобныя же повѣрія есть и у крещеныхъ Татаръ, только у послѣднихъ говорятъ, что если мужъ и жена будутъ ѣсть отъ одного куска, то это означаетъ, что они будутъ жить въ совѣтѣ и въ дружбѣ.

Если беременная женщина украдетъ что нибудь, то ребенокъ родившійся отъ нея бываетъ калѣка или имѣетъ какой нибудь недостатокъ въ членахъ тѣла, напимѣрь: бываетъ сухорукій, безногій, съ двойною губой и тому подобн.

По вѣрованію Вотяковъ, мужу беременной женщины не слѣдуетъ идти въ воспріемники чьего нибудь ребенка, въ противномъ случаѣ жена его будетъ мучиться трудными родами.

Если какая нибудь женщина мучится трудными родами, то между другими средствами употребляется и слѣдующее. Беременную женщину укладываютъ на полу и заставляютъ ея мужа три раза перешагнуть черезъ нее, тогда, по вѣрованію Вотяковъ, она разрѣшается отъ бремени рожденіемъ живаго ребенка.

По вѣрованію Вотяковъ у человѣка, который во время сна храпитъ, бываетъ много сыновей.

Когда человѣкъ увидитъ во снѣ что нибудь дурное, то на другой день утромъ никому ничего не говоря слѣдуетъ выйти въ отхожее мѣсто и, плюнувши на человѣческой калѣ, рассказать шепотомъ свой сонъ; если не сдѣлать этого, то дурной сонъ, видѣнный человѣкомъ, по мнѣнію Вотяковъ, непременно исполняется.

Если разостлать постель и оставить ее ничѣмъ не покрытою, то на нее ложится пери, и если кто нибудь ляжетъ послѣ того на ту постель тотъ долженъ непременно захворать, а иногда даже умереть. Кромѣ того, когда Вотяки стелятъ постель, то наблюдаютъ, чтобы шовъ наволоки перины, находящейся только на одномъ концѣ перины, пришелся всегда въ головы, если же шовъ придется въ ногахъ, и легшій на эту постель человѣкъ по какому нибудь случаю захвораетъ, то непременно долженъ умереть. Последнее повѣріе есть и у нѣкоторыхъ крещеныхъ Татаръ.

Если кто нибудь сидя или стоя въ избѣ отъ нечего дѣлать барабанить пальцами по столу, по стеклу или по какой нибудь другой вещи, то къ нему подходитъ пери и рѣдко оставляетъ его одного, особенно если тотъ человѣкъ имѣетъ привычку часто стучать такимъ образомъ.

Когда нѣсколько разговаривающихъ лицъ вдругъ замолчатъ и молчаніе продлится около минуты и болѣе, то Вотяки обыкновенно говорятъ, что число сказанныхъ разговаривающими людьми словъ дошло до тысячи. У крещеныхъ Татаръ есть повѣріе, что если во время шумнаго разговора всѣ вдругъ замолчатъ и настанетъ тишина, что въ эту минуту родился на свѣтъ самый отчаянный разбойникъ.

Когда человекъ идя по ровному мѣсту нечаянно оступится и у него заболитъ нога, то, по вѣрованію Вотяковъ, сейчасъ же слѣдуетъ обернуться назадъ и плюнуть на то мѣсто, на которомъ оступился, въ противномъ случаѣ человекъ тотъ останется хромымъ на всю жизнь.

По вѣрованію Вотяковъ, у глазъ человѣческихъ есть караульщикъ или прясло, которое не допускаетъ до глазъ такой вещи, которая могла бы сдѣлать большой вредъ глазамъ. Такое же повѣріе существуетъ и между крещеными Татарами.

Если садясь за столъ зайдешь съ одной стороны, а выйдешь изъ-за стола съ другой стороны, то не будутъ расплжаться овцы. Крещеные Татары тоже не велятъ заходить за столъ съ одной, а выходить оттуда съ другой стороны, но почему именно нельзя этого дѣлать,—не объясняютъ.

Если у Вотяка спросить, сколько у него кражей пчель, то онъ никогда не скажетъ, потому что если сказать число, то, по вѣрованію Вотяковъ, пчелы не будутъ роиться, и годъ отъ году число кражей будетъ уменьшаться.

Если не съѣсть начатаго куска хлѣба, то жена разведется, а если это сдѣлаетъ женщина, то ее оставитъ мужъ.

Если ктонибудь будетъ ѣсть изъ глинянаго горшка, то не будетъ знать счета.

Если кто будетъ точить ножъ или топоръ и будетъ при этомъ плевать на брусокъ, то во время разговора у того человекъ будетъ какъ-бы связываться языкъ, т. е. онъ не можетъ скоро говорить и чисто выговаривать слова.

Если маленькому ребенку, когда еще онъ не говоритъ, показать его изображеніе въ зеркалѣ, то онъ остается нѣмымъ на всю жизнь.

Если кто посмотрится въ зеркало и отойдетъ не плюнувъ на него, то послѣ этого будетъ постепенно худѣть.

Если сова или филинъ будетъ кричать во дворѣ, то въ томъ домѣ будетъ покойникъ или какое нибудь горе.

Если воронъ кричитъ на крышѣ, то предвѣщаетъ пожаръ или какое нибудь другое несчастье.

Если къ окошку снаружи прилетитъ синица, то пріѣдутъ гости.

Если кошка будетъ чистить лапой морду, какъ бы мыть, то бываютъ гости. При этомъ гости пріѣдутъ съ той стороны въ какую смотритъ кошка. Подобное же повѣріе есть и у крещеныхъ Татаръ.

Если воронъ пролетитъ крича надъ головой на сѣверъ, то это не къ добру, если же на югъ или востокъ, то къ добру. Вотяки ему кричатъ въ отвѣтъ: жесъ вэра папае! т. е. говори хорошее, птица! У крещеныхъ Татаръ есть и это повѣріе, только они ничего не говорятъ въ отвѣтъ ворону.

Если пиво не будетъ киснуть послѣ того какъ въ него положить хмѣль, то это бываетъ не передъ добромъ.

Если хлѣбъ трескается въ печкѣ вдоль печи, то это не къ добру, если же поперегъ печи,—къ дорогѣ, если пицить во время печенія, тоже не къ добру. Тресканіе хлѣба въ печи у крещеныхъ татаръ предвѣщаетъ тоже дорогу.

Когда во время жатвы пухнутъ руки или жнецы нечаянно порѣжутъ серпомъ руку, то говорятъ, что первый началъ жать въ это лѣто нехорошій, злой человекъ.

Если между несвязаннымъ снопомъ и человекомъ пройдетъ кто нибудь, то тотъ человекъ, которому принадлежитъ снопъ, обрѣжетъ руку серпомъ.

Если серпы двухъ жнущихъ ударятся нечаянно одинъ объ другой, то у кого нибудь изъ нихъ обрѣжется рука серпомъ. Для отвращенія этого одной изъ

нихъ слѣдуетъ дотронуться серпомъ объ серпъ другой такъ, чтобы та не могла предупредить удара.

Когда молодуха, начавъ носить ашьянь, перестанетъ носить его и начнетъ по-вязываться платкомъ, то людямъ живущимъ въ одной съ ней деревнѣ бываетъ трудно, т. е. на нихъ ниспосылается какое нибудь несчастье. Тоже бываетъ и тогда, когда молодуха въ первое лѣто замужества начинаетъ носить бѣлые чулки вмѣсто черныхъ.

Когда кто нибудь женится, то наблюдаютъ, чтобы ни у жениха, ни у не-вѣсты не было готоваго для стройки сруба, въ противномъ случаѣ молодуха должна по выходѣ замужъ скоро умереть. Кроме того въ первый годъ замужества молодухи въ домъ ея мужа не слѣдуетъ дѣлать перестройки, нельзя работ-тать земляную работу, напр. сажать столбы, копать землю, рыть колодцы или погреба, складывать печи и т. п. Если дѣлать перестройку или работать земля-ную работу, то молодуха бываетъ несчастна или скоро умираетъ.

Когда везутъ невесту изъ родительскаго дома и во время пути случит-ся какая нибудь неисправность въ упряжи, если выпадетъ колесо изъ оси, обор-вется тяжъ и т. п., то житье молодухи будетъ плохое; если же сломается ось, то молодуха скоро умретъ.

Когда поставленный самоваръ воетъ, то говорятъ что будетъ какой нибудь убытокъ или горе, для предотвращения чего слѣдуетъ самоваръ побить немного кушакомъ и сказать: не намъ предвѣщай несчастье. а себѣ.

При шитьѣ рубашки, когда вынимаютъ воротъ, вынутый лоскутокъ слѣ-дуетъ прибрать въ такое мѣсто, гдѣ никто не можетъ его увидать, въ против-номъ случаѣ, если вѣдунъ найдетъ этотъ лоскутокъ, то испортитъ его, отъ чего можетъ захворать тотъ человѣкъ, который носить рубашку, отъ которой взятъ этотъ лоскутъ. Для отвращенія порчи вынутый лоскутъ слѣдуетъ пришить къ нижней части ворота.

Если кто нибудь, входя въ избу и затворяя двери прищемитъ ноги, то въ тотъ домъ должны пріѣхать гости.

Если въ великую среду вечеромъ (кулъш ѱй) кто нибудь будетъ чесать волосы, то на слѣдующее лѣто у того человѣка въ огородѣ будутъ рыться курицы и не дадутъ расти овощамъ.

Когда покойнику дѣлаютъ гробъ и гробъ окажется длиннѣе его роста, то изъ того же дома будетъ вскорѣ другой покойникъ. То же бываетъ и тогда, когда покойникъ при смерти не закроетъ глазъ. Обыкновенно Вотяки закрываютъ послѣ смерти глаза покойнику, но если вслѣдъ за нимъ долженъ быть другой покойникъ, то глаза его, несмотря на всѣ старанія закрыть ихъ, остаются открытыми. Подобное же повѣріе есть и у крещеныхъ Татаръ ⁽¹⁾.

Когда умираетъ вѣдунъ, то вслѣдъ за собой умерщвляетъ много людей. Если послѣ чьей нибудь смерти въ деревнѣ будетъ умирать много людей, то такого человѣка откапываютъ снова и, положивъ внизъ лицомъ, вбиваютъ ему въ спину деревянный, большею частью, рябиновый клинъ.

При горѣніи лучины угли ея падаютъ на полъ; если кто нибудь будетъ топтать эти угли, то у того человѣка яровые хлѣбы будутъ со ржавчиной.

Во ржи иногда бываютъ на одномъ стеблѣ двойные колосья. Если кто найдетъ такой колось, то слѣдуетъ взять палку и обвернувъ ее бѣлой чистой холстиной, положить колось такъ, чтобы раздвоившіеся концы его пришились по сторонамъ палки, т. е. дать колосу видъ сидящаго верхомъ на лошади человѣка и такимъ образомъ вдвоемъ съ кѣмъ нибудь принести его домой, дѣлая видъ, что несутъ что нибудь тяжелое, и положить въ новомъ пустомъ амбарѣ въ сусѣку. Только нужно чтобы никто не видалъ и не встрѣчался дорогою несущимъ. Кто сдѣлаетъ такъ, тотъ постепенно будетъ богатѣть.

⁽¹⁾ Извѣст. по Казанск. спарх. 1874 г. № 9, Погребальные обычаи и повѣрья старо-крещеныхъ Татаръ дер. Никифоровой Казан. губ. Мамадышскаго уѣзда. Бориса Гаврилова.

Крестъ, данный ребенку женскаго пола во время крещенія, Вотяки имѣютъ привычку пришивать къ своимъ украшеніямъ какъ-то: къ камали, ашъяну и под. Если какая нибудь женщина или дѣвушка пришьетъ свой крестъ выше своихъ глазъ, т. е. къ ашъяну или такъ, то у той глаза будутъ плохи или она будетъ не долголѣтняя.

Когда ребенку стригутъ въ первый разъ волосы, то ихъ не слѣдуетъ бросать, а нужно завернуть въ чистую бѣлую холстину и положить въ сундукъ. Если волосы бросить куда нибудь, то ребенокъ бываетъ глуповатъ.

Пупокъ, отрѣзанный во время рожденія отъ ребенка мужскаго пола, слѣдуетъ бросать въ сарай, отъ чего ребенокъ впоследствии дѣлается хорошимъ хозяиномъ лошадямъ. Пупокъ же отрѣзанный отъ ребенка женскаго пола, слѣдуетъ завернуть во что нибудь и положить въ сундукъ; если пупокъ дѣвочки бросить въ сарай, то она бываетъ охотница работать мужскую работу.

Вотяки послѣ мытья и высушки бѣлья колотятъ его колотушкой, что имѣетъ на бѣлье одинаковое дѣйствіе съ русскимъ катаніемъ, т. е. размягчаетъ бѣлье. Если бѣлье ребенка послѣ мытья колотить колотушкой, то ребенокъ скоро умираетъ; поэтому рубашки маленькихъ дѣтей Вотячки мнутъ руками. Бѣлье же взрослыхъ людей послѣ высушки не слѣдуетъ колотить чѣмъ нибудь желѣзнымъ, въ противномъ случаѣ не уродится ленъ и конопля.

Когда Вотяки молятся съ чѣмъ нибудь въ избѣ, то лѣтомъ открываютъ окно, чтобы молитва удобнѣе могла дойти до Бога, зимою же дотрогиваются до окна, только дѣлая видъ, что открываютъ окно. Кушанье, съ которымъ молятся, отвѣдываютъ стоя, а потомъ уже садятся.

Нѣкоторые люди во время печенія хлѣба имѣютъ привычку мазать хлѣбъ сверху водою. По вѣрованію Вотяковъ, если мазать водою разъ, то слѣдуетъ постоянно дѣлать это, въ противномъ случаѣ хлѣбъ обижается на людей, вслѣдствіе чего бываетъ неурожай.

Когда хлѣбъ испечется плохо, то Вотяки не называютъ его плохимъ, а говорятъ, что хлѣбъ очень хорошъ, только люди пекущіе его плохи. Если хлѣбъ назвать плохимъ, то послѣ того бываетъ неурожай.

Когда даютъ другъ другу взаймы цѣлый коровай хлѣба, то непременно слѣдуетъ отрѣзать маленькій кусокъ хлѣба и оставить себѣ; если кто даетъ не сдѣлавши этого, то будетъ постепенно бѣднѣть.

Когда Вотяки даютъ нищему муку, то непременно даютъ уполовникомъ (дѣры), если дать маленькой лопаткой или чѣмънибудь плоскимъ, то говорятъ, что на томъ свѣтѣ нищій поднесетъ кушанье тоже лопаткой, на которой жидкое кушанье удержаться не можетъ.

Если женщина будетъ ходить съ непокрытой головой, то ангелъ хранителься (кылчицъ) будетъ бояться подойти къ ней, слѣдовательно оставитъ ее въ волѣ пери.

Когда гремитъ громъ, всѣмъ слѣдуетъ выходить на дворъ съ покрытой головой, если нечѣмъ покрыть голову, то слѣдуетъ покрыть ее покрайней мѣрѣ рукавомъ; если не сдѣлать этого, то убивающій громомъ или убьетъ того человѣка или сильно испугаетъ его.

Во время грозы не слѣдуетъ идти подъ дерево, чтобы укрыться отъ дождя, а если кто нибудь пойдетъ, то слѣдуетъ дерево „равить“, т. е. ударить по нему топоромъ или ножомъ и прорубить кору, въ противномъ случаѣ убиваетъ громомъ.

Когда жениха съ невѣстой оставляютъ въ первую ночь однихъ, то женихъ кладетъ невѣстѣ за пазуху серебряную монету такъ, чтобы она не знала этого; если невѣста почувствуетъ какъ положилъ женихъ монету, то говорятъ, что она будетъ бойкая, если же не почувствуетъ,—глуповатая. Монета эта называется *nie куштон уксо*, т. е. деньги бросаема за пазуху, и ее нельзя пришивать выше глазъ, а слѣдуетъ пришить къ камали. Если же женихъ не положитъ невѣстѣ за пазуху, то впоследствии даетъ ей эти деньги, завернувъ въ холстъ и говоря, что это „*ніе куштон нергэ*“, т. е. вмѣсто бросанія за пазуху.

Чтобы узнать въ какую сторону пойдетъ дѣвушка замужъ, она гадаетъ посредствомъ овода (большая муха), называемаго по вотяцки *луж*. Поймавъ овода, она привязываетъ къ нему свой волосъ и пускаетъ; въ какую сторону полетитъ оводъ, въ ту сторону должна идти замужъ гадающая дѣвушка. Молодые парни привязываютъ къ оводу волосъ изъ лошадиного хвоста и, пустивъ его, тоже наблюдаютъ въ какую сторону онъ полетитъ.

Когда у когонибудь отелится корова и къ этому человѣку придетъ ктонибудь изъ сосѣдей, чтобы занять чтонибудь, то, если это мужчина, оставляютъ его кушакъ и даютъ ему то, что онъ проситъ, а если придетъ женщина, то оставляютъ ея платокъ. Въ противномъ случаѣ не будутъ распложаться коровы или онѣ будутъ уничтожены моромъ.

Если у двухъ женщинъ въ одно время рождаются дѣти, то онѣ не ходятъ другъ къ другу до одного мѣсяца. Если же одной изъ нихъ непременно нужно идти къ другой, то пришедшая вызываетъ ту, и онѣ, взявшись за руку одна другой мизинцами, переступаютъ черезъ порогъ обѣ въ разъ правыми ногами. Если не дѣлать этого, то хозяйкѣ дома бываетъ трудно, т. е. она постоянно бываетъ нездорова.

Если ктонибудь придетъ къ сосѣду, и въ это время стануть доить въ избѣ корову, то гостя не выпускаютъ до тѣхъ поръ, пока не кончатъ доить; если же гость уйдетъ раньше, т. е. во время доенія, то молоко у коровы портится.

Если сговоренная дѣвушка пойдетъ къ другой тоже сговоренной, то слѣдуетъ вызвать послѣднюю и перешагнуть вмѣстѣ съ нею черезъ порогъ избы правыми ногами, взявшись съ ней за руку мизинцами (чулляскон); въ противномъ случаѣ пришедшая отнимаетъ счастье у хозяйки дома. Нѣкоторыя сговоренныя дѣвушки нарочно ходятъ къ другимъ тоже сговореннымъ дѣвушкамъ и входятъ къ нимъ просто, не вызывая ихъ, для того, чтобы отнять у нихъ счастье и быть самимъ счастливыми послѣ замужества.

Разъ отдѣлившемся человѣку нельзя вторично войти жить въ тотъ домъ, изъ котораго онъ вышелъ, отдѣлившись; если же онъ войдетъ и станетъ жить снова въ томъ домѣ, то бываетъ трудно хозяину дома.

При началѣ кошенія сѣна, взмахнувши три раза косою, слѣдуетъ взять скошенную траву и, привязавъ къ поясницѣ, сказать: „та гужемэз висытэк, сѣллыкэн мед ужаломъ“, т. е. чтобы я работалъ это лѣто, не хвораю и будучи здоровымъ. Послѣ этого во время косыбы сѣна и во время жатвы у того человѣка не будетъ болѣть спина; только при привязываніи сѣна слѣдуетъ наблюдать, чтобы никто не видалъ, въ противномъ случаѣ пользы не будетъ.

Если кто любитъ сидѣть положивъ какую нибудь руку за пазуху, то будетъ всегда несчастливъ.

Если кто привыкъ часто вздыхать, то тому человѣку предстоитъ горе и онъ будетъ всегда печальный.

Человѣкъ, родившійся въ субботу, или скоро умираетъ, или бываетъ очень счастливъ.

Человѣкъ, родившійся въ среду, бываетъ очень бойкій, умный и на все ловкій.

Если у какой нибудь женщины по рожденіи ребенка не бываетъ молока въ грудяхъ, то это предвѣщаетъ смерть ребенка.

Если у ребенка очень скоро появятся зубы, то онъ бываетъ или черезъ-чуръ бойкій и ловкій, или скоро умираетъ.

Если кто первый увидитъ только что появившійся зубокъ ребенка, то долженъ подарить ему рубашку, или другую какую нибудь нужную ребенку вещь.

Если почемунибудь узнаютъ, что вещь испорчена вѣдуномъ, ее вовсе не берутъ въ руки, а если испорчена одежда, посредствомъ дѣланія на ней надрѣзовъ, то испорченную часть одежды отрѣзываютъ и бросаютъ, или же сожигаютъ, если не цѣлую вещь, то, по крайней мѣрѣ, испорченную часть ея. Если вѣдунъ, испортивъ, поднесетъ какойнибудь напитокъ, то, узнавъ порчу, слѣдуетъ засгавить его самого отвѣдать, или вылить на помело, которымъ метутъ печь, или же плеснуть на самого вѣдуна.

Если дѣвушка выйдетъ замужъ и на нее надѣнутъ ашьянъ въ день ея рожденія, то у ней будетъ постоянно болѣть голова.

Если ктонибудь будетъ ѣсть черезъ ножъ, т. е. если между нимъ и чашкой съ кушаньемъ будетъ лежать на столѣ ножъ, то тотъ человекъ будетъ мучиться колотьемъ въ животѣ; тоже бываетъ и тогда, когда человекъ ѣсть чтонибудь, доставая концемъ ножа.

Если ктонибудь будетъ смотрѣть на молодаго жеребенка сквозь щель забора, то сглазить жеребенка, и онъ долженъ издохнуть. Чтобы отвлечь взоры людей отъ самого жеребенка, на шею ему надѣваютъ ожерелье изъ лоскутковъ ситца.

Если обьягнится овца или отелится корова и если ктонибудь, внося въ избу ягненка или теленка будетъ говорить съ кѣмънибудь, то ягненокъ или теленокъ будутъ постоянно кричать. Внеся въ избу, Вотяки подносятъ ихъ къ печкѣ для того, чтобы они выросли большіе и толстые какъ печь. Послѣ этого зажигаютъ тряпку и подносятъ къ ягненку и теленку, чтобы они чихнули, при чемъ желаютъ имъ здоровья.

Если ктонибудь возвратится домой, заболѣвъ гдѣнибудь въ чужой сторонѣ, и если это узнаютъ сосѣди, то проводятъ кругомъ его двора черту какоюнибудь стальною вещью, для того чтобы пришлая болѣзнь не могла выйти изъ того двора. По вѣрованію Вотяковъ, пришлая болѣзнь равносильна эпидеміи и отъ нея могутъ заразиться всѣ; когда же проведутъ черту вокругъ двора, то она довольствуется умерщвленіемъ одного члена семейства заболѣвшаго.

Если кто нибудь во время ѣды или питья поперхнетя, то говорятъ, что тому человѣку въ тотъ день привезутъ гостинцы, состоящіе изъ чего нибудь съѣдобнаго.

ОТДѢЛЪ VI.

ПАМЯТНИКИ ЯЗЫКА И ПИСЬМА.

I.

О СТАРИННЫХЪ РУКОПИСНЫХЪ СБОРНИКАХЪ НАРОДНЫХЪ БЫЛИНЪ И ПѢСЕНЪ.

Докладъ о поступившихъ на Съездъ отвѣтахъ на 57-й запросъ программы

Л. Н. Майкова.

(Читанъ въ засѣданіи 16 августа. См. Протоколы, стр. СХХI).

Запросъ, отвѣтомъ на который должно служить настоящее мое сообщеніе, состоитъ въ слѣдующемъ: „Какія могутъ быть сдѣланы указанія о рукописяхъ, писанныхъ не позже конца XVIII в. и содержащихъ въ себѣ (въ числѣ другихъ статей или исключительно) народныя былины, народныя пѣсни и собранія народныхъ пословицъ? Желательно имѣть обстоятельное библиографическое описаніе такихъ рукописей, съ означеніемъ всѣхъ помѣщенныхъ въ нихъ статей, или по крайней мѣрѣ, точное извѣстіе о мѣстѣ нахождения рукописей и ихъ владѣльцевъ“.

При постановкѣ этого запроса имѣлось въ виду привести въ извѣстность рукописный матеріалъ, который указывалъ бы, насколько наши старинные грамотные и письменные люди интересовались памятниками русской народной словесности; далѣе, можно было бы ожидать, что вмѣстѣ съ приведеніемъ въ извѣстность рукописей, содержащихъ въ себѣ подобные памятники, откроются новые варианты къ былинамъ и пѣснямъ, записаннымъ изъ устъ народа въ наше время, или даже цѣлыя былины и пѣсни, до сихъ поръ вовсе неизвѣстныя по изустнымъ записямъ; наконецъ сборники, къ которымъ относится запросъ, могли представить свѣдѣнія о самыхъ составителяхъ ихъ, и еще болѣе — о способѣ и цѣли ихъ труда.

Поступившіе на Съездъ отвѣты на предложенный запросъ только отчасти удовлетворяютъ предположенной цѣли. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію,

что запросъ былъ встрѣченъ съ сочувствіемъ всѣми, къ кому предварительный комитетъ Съезда отнесся съ просьбой о сообщеніи свѣдѣній, и одно изъ этихъ лицъ, профессоръ Н. С. Тихонравовъ, выразился по этому случаю въ слѣдующихъ словахъ: „Попытка Предварительнаго Комитета привести, по мѣрѣ возможности, въ извѣстность рукописные сборники памятниковъ народной поэзіи вызоветъ самую искреннюю и глубокую признательность во всѣхъ образованныхъ людяхъ, равнодушныхъ къ историческимъ судьбамъ своей народности. Грѣшно было бы не откликнуться на такой призывъ“.

Въ нижеслѣдующемъ сообщеніи я позволю себѣ сгруппировать поступившія на Съездъ свѣдѣнія и привести ихъ въ связь съ другими данными, какія имѣются по разсматриваемому запросу.

Вообще должно сказать, что памятники устной народной словесности попадаются въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ весьма рѣдко, и притомъ случаи такого записыванія восходятъ въ старину не далѣе XVII вѣка. Обстоятельство это не слѣдуетъ, впрочемъ, объяснять однимъ пренебреженіемъ старинныхъ книжниковъ къ памятникамъ народной поэзіи. Рукописные сборники произведеній народного творчества могли быть и гораздо многочисленнѣе, чѣмъ сколько ихъ извѣстно нынѣ, но они истребились съ теченіемъ времени, точно также какъ позднѣе, въ XVIII вѣкѣ, быстро сдѣлались библиографическою рѣдкостью даже печатные пѣсенники Чулковскій и Новиковскій.

Изъ извѣстныхъ теперь собраній русскихъ народныхъ пѣсень самое старое принадлежитъ, впрочемъ, не русскому книжнику, а Англичанину, бакалавру Р. Джемсу. Онъ былъ въ Россіи въ 1619 году, и въ это время для него были записаны шесть народныхъ пѣсень, изъ которыхъ три относятся къ происшествіямъ Смутаго времени и, стало быть, записаны, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ событій, вслѣдъ за тѣмъ, какъ были сложены.

Затѣмъ, къ XVII вѣку принадлежатъ еще три рукописи, въ коихъ содержатся народныя пѣсни:

1) Рукопись, принадлежащая Императорской Публичной Библиотекѣ и содержащая въ себѣ „Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи“,

2) рукопись профессора Ѳ. И. Буслаева, въ которой помѣщено „Сказаніе о семи богатыряхъ“, и

3) принадлежащій П. А. Безсонову отдѣльный листъ съ былиною о Гришкѣ Отрепьевѣ.

Всѣ эти памятники давно извѣстны въ печати и оцѣнены по достоинству знатоками дѣла.

Къ XVIII вѣку можетъ быть отнесено значительно большее число рукописныхъ сборниковъ пѣсенъ. Нѣкоторые изъ нихъ сохранились, а другіе пропали. Въ числѣ исчезнувшихъ должно упомянуть о сборникахъ богатырскихъ былинъ, которые имѣлись у В. Н. Татищева и М. Д. Чулкова, о чемъ эти писатели и упоминаютъ—первый въ своей „Россійской Исторіи“, а второй — въ предисловіи къ „Русскимъ Сказкамъ“. Въ особенности же достойно сожалѣнія то, что не сохранился сборникъ, составленный для П. А. Демидова, и составителемъ котораго считаютъ сибирскаго казака Киршу Данилова. Къ счастью, существуетъ прекрасное изданіе почти всѣхъ былинъ и пѣсенъ, которыя были помѣщены въ этомъ сборникѣ, сдѣланное К. Ѳ. Калайдовичемъ. Долгое время изданіе это служило почти единственнымъ источникомъ свѣдѣній о русскомъ богатырскомъ эпосѣ, пока наконецъ не началось, съ 50-хъ годовъ текущаго столѣтія, обнародованіе пересказовъ былинъ, записанныхъ прямо изъ устъ народа.

Въ новѣйшей печатной литературѣ встрѣчаются свѣдѣнія и о другихъ рукописныхъ сборникахъ XVIII вѣка, содержащихъ въ себѣ былины и пѣсни; такъ, одинъ такой сборникъ, писанный около 1752 года, найденъ былъ въ Московской губерніи покойнымъ академикомъ Пекарскимъ и подробно описанъ А. Н. Пыпинымъ [въ Отечественныхъ Запискахъ 1860 года]; другой найденъ былъ покойнымъ В. А. Варенцовымъ и имъ же описанъ [Библиографическія Записки 1859 года]. Но гдѣ нынѣ находятся оба эти сборника—остается неизвѣстнымъ.

Запросъ, предложенный программой настоящаго Съѣзда, вызвалъ однако указанія и на такіе сборники, которые понынѣ сохраняются въ нашихъ общественныхъ и частныхъ книгохранилищахъ. Такъ, Н. С. Тихонравовъ въ письмѣ своемъ, о которомъ я упомянулъ выше, извѣщаетъ, что, намѣреваясь прибыть на Съѣздъ лично, онъ привезетъ съ собою имѣющіяся у него рукописи этого рода; къ сожалѣнію, неприбытіе г. Тихонравова лишаетъ насъ возможности познакомиться съ принадлежащими ему сборниками.

Другой высокоуважаемый ученый и собиратель И. Е. Забѣлинъ въ письмѣ на имя г. предсѣдателя предварительнаго комитета сообщаетъ, что въ его собраніи имѣется тетрадь въ 4-ку, почерка Екатерининскаго времени, входившая въ составъ большаго сборника и содержащая въ себѣ между прочимъ слѣдующія статьи:

1) Былину объ Ильѣ Муромцѣ, записанную прозаическимъ пересказомъ, мѣстами съ сохраненіемъ стихотворнаго размѣра. Перемѣта листовъ церковными цифрами. Начала до 9-ой четвертки не достаётъ. Конецъ на 29-мъ листѣ.

2) „Сказаніе о трехъ богатыряхъ: Ильѣ Муромцѣ, Михайлѣ Потокѣ Ивановичѣ и Алешѣ Поповичѣ“. Передъ этимъ заглавіемъ стоитъ церковная цифра: 33,

показывающая, что въ ряду сборника эта статья была 33-я. Вверху заглавія помѣчено церковными цифрами количество писанныхъ четвертокъ: 18 листовъ, между тѣмъ по четверткамъ переѣта сдѣлана арабскими цифрами. Конецъ на 18-мъ листѣ. Записана былина тоже безъ соблюденія стихотворнаго склада. Первые три слова заглавія, а также начальныя буквы нѣкоторыхъ остальныхъ словъ, равно и нѣкоторыя рѣчи въ срединѣ *Сказанія* [какъ и въ предыдущей статьѣ объ Ильѣ Муромцѣ] писаны красными чернилами“.

Третье письменное сообщеніе, доставленное настоящему Съѣзду въ отвѣтъ на 57-й запросъ его программы, принадлежитъ академику А. Ѳ. Бычкову. Въ немъ изложены свѣдѣнія о нѣсколькихъ рукописяхъ, принадлежащихъ Императорской Публичной Библіотекѣ и содержащихъ въ себѣ между прочимъ народныя пѣсни. Всѣ эти рукописи писаны въ прошломъ столѣтіи, и въ двухъ изъ нихъ, болѣе обширныхъ и замѣчательныхъ, принадлежавшихъ прежде извѣстному библіофилу С. А. Соболевскому, народныя пѣсни помѣщены на ряду съ романами и пѣснями, сочиненными представителями такъ называемой искусственной литературы. По отзыву г. Бычкова, изъ народныхъ пѣсенъ въ этихъ сборникахъ замѣчательны историческія, солдатскія и эротическія (¹).

Наконецъ, считаю долгомъ упомянуть и еще объ одномъ рукописномъ сборникѣ пѣсенъ, который принадлежитъ В. П. Мордвинову и сообщенъ имъ мнѣ для пользованія. Сборникъ этотъ составленъ въ концѣ XVIII вѣка и, подобно описаннымъ выше рукописямъ Соболевскаго, содержитъ въ себѣ народныя пѣсни вмѣстѣ съ произведеніями искусственной литературы. Не смотря на то, что составитель сборника не былъ вполне грамотнымъ человѣкомъ, текстъ помѣщенныхъ здѣсь народныхъ пѣсенъ отличается большою свѣжестью народной рѣчи.

Таковы тѣ немногочисленныя свѣдѣнія, которыя было возможно получить къ настоящему Съѣзду въ отвѣтъ на 57-й запросъ программы. Прибавлю еще къ этому, что предварительному комитету были доставлены и нѣкоторые отвѣты отрицательные. Такъ, г. начальникъ Московскаго Главнаго Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ, баронъ Ѳ. А. Булдеръ увѣдомилъ, что въ библіотекѣ Архива не имѣется ни одного сборника въ родѣ тѣхъ, о коихъ предложенъ запросъ; такой же отвѣтъ имѣется и отъ г. хранителя рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музея А. Е. Викторова. Есть однако полное вѣроятіе, что запросъ программы не дошелъ до многихъ лицъ, которыя могли бы отозваться на него любопытными сообщеніями. Въ интересахъ науки нельзя не

(¹) Сообщеніе А. Ѳ. Бычкова печатается вслѣдъ за докладомъ Л. Н. Майкова. См. стр. 164.

выразить желанія, чтобы такія сообщенія явились хотя бы и послѣ окончанія настоящаго Съѣзда. При тщательныхъ поискахъ, быть можетъ, отыщется и тотъ драгоценный сборникъ, составленіе котораго сдѣлало столь извѣстнымъ имя казака Кирши Данилова, и вообще могутъ найтись памятники нашего народнаго творчества доселѣ неизвѣстные, и притомъ въ пересказахъ не испорченныхъ вліяніемъ позднѣйшихъ культурныхъ условій.

II.

СВѢДѢНІЯ О РУКОПИСЯХЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ, СОДЕРЖАЩИХЪ ВЪ СЕБѢ МЕЖДУ ПРОЧИМЪ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Доставлены академикомъ *А. Ѳ. Бычковымъ*.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ находится три сборника стихотвореній, принадлежавшіе извѣстному библіофилу С. А. Соболевскому и купленные ею у Лейпцигскаго книгопродавца Франка, который пріобрѣлъ отъ наследниковъ его библіотеку, заключавшую въ себѣ много рѣдкихъ и единственныхъ экземпляровъ путешествій.

Объ этихъ сборникахъ, какъ о весьма замѣчательныхъ, упоминаетъ П. А. Безсоновъ въ одномъ изъ выпусковъ Русскихъ народныхъ пѣсенъ и горько сътуетъ на то, что русскія ученыя учрежденія дозволили имъ изъ Москвы перенестись за границу.

Въ двухъ изъ этихъ сборниковъ (№№ 1 и 3) между романсами и пѣснями, которые пѣли лица образованнаго общества и семинаристы, помѣщено нѣсколько народныхъ пѣсенъ и духовныхъ стиховъ. Изъ народныхъ пѣсенъ замѣчательны историческія и эротическаго содержанія; солдатскія пѣсни, которыхъ впрочемъ весьма немного, также заслуживаютъ вниманія. Къ сожалѣнію всѣ три сборника бывшаго собранія Соболевскаго переписаны крайне небрежно, неправильно, а иногда и безъ смысла, что значительно уменьшаетъ ихъ достоинство.

Въ рукописи подъ № 4 находится три духовные стиха, изъ которыхъ стихъ о князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ представляетъ нѣсколько любопытныхъ вариантовъ сравнительно съ напечатаннымъ.

Въ библіотекѣ имѣются еще двѣ рукописи, бѣлорусскаго письма, содержащія положенные на ноты стихи, которыя поютъ въ западной Россіи слѣпцы и нищіе. Значеніе ихъ можетъ опредѣлиться чрезъ ближайшее сличеніе ихъ съ такъ называемыми кантичками.

Прилагаю при семъ описаніе четырехъ сборниковъ Императорской Публичной Библіотеки, заключающихъ въ себѣ болѣе 450 стихотвореній. Изъ každого стихотворенія приведено по два и болѣе стиховъ для сличенія съ другими сборниками.

№ 1. Рукопись въ продолговатую 8 д. листа (О. XIV. № 11) изъ собраній С. А. Соболевскаго. Содержитъ простонародныя пѣсни, романсы, солдатскія пѣсни, эротическія стихотворенія и проч. Принадлежала прежде Николаю Рубелеву. Имѣется оглавленіе. 227 листовъ текста и 14 листовъ оглавленія. Скорописью разныхъ почерковъ XVIII и XIX в.

- № 1. Хвалу всевышнему Владыкѣ поднимся духъ мой возсылать
Я буду пѣть въ гремящемъ ликѣ о Немъ пока могу дышать.
- № 2. Полно ли духъ мой возмущать, надѣ жалость, ахъ, имѣть
Ежели толко лишь прелщати запрети мнѣ себя зрѣть.
- № 3. Всѣ прошли мои забавы, вижу я тебѣ не миль
Тщетно счастиемъ ласкался, тщетно имъ себя плѣнилъ.
- № 4. Чувствуя въ скорби люты самыя той минуты
Какъ я сталъ знать тебя, вольность на вѣкъ губя.
- № 5. При потокахъ на берегу плакала пастушка,
Припадала къ берегамъ, говорить не шутка.
- № 6. Прокляты Купида на что прострѣлилъ, | Стрѣлою глубокой мнѣ сердце пронзилъ.
- № 7. Возгреме горце плачевная муза | Терзаетъ сердце свирѣпа Медуза.
- № 8. Ахъ! вельми тяжко, сердце уязвлено | Любовію намъ сіе воспаленно.
- № 9. Здѣсь побудь моя отрада, | Я пойду, млада, до стада.
- № 10. Ахъ какъ трудно жити безъ друга на свѣтѣ
Кого вѣрно люблю не возможно зрѣти.
- № 11. Ругайся злая мною | Подвластенъ сталъ тебѣ
Коль сильною рукою | Взяла мя въ плѣнъ къ себѣ
- № 12. Свѣтло время, | Сложше бремя, | Пойже лица и музицы 2.
- № 13. Прощай мой свѣтъ въ послѣдни разъ | И вспомни какъ любилъ я васъ 2.
- № 14. Приходи несносно время, время горести моей,
Протекайте вы минуты, о минуты лютыхъ дней.

- № 51. Доволѣ имамъ сердце сокрушати | Доволѣ очи въ слезахъ погружати 2.
- № 16. Чисты источникъ ты цвѣтовъ краснѣйши, а мнѣ пріятне всѣхъ луговъ
Ты изъ вусточковъ и меня щастливѣ, горь и долинь всѣхъ лѣсовъ.
- № 17. Было время тое, а нынѣ иное, ахъ зло тернѣти
Когда веселилась, нынѣ сокрушилась, чтожъ жити.
- № 18. Молчите струйки чисты и дайте мнѣ вздыхать
Вы птички голосисты престаньте воспѣвать.
- № 19. Не смущай меня драгая, не вайсись глазамъ моимъ—
Воля знать судьбы такая, чтобъ тебѣ владѣть инымъ.
- № 20. Ты ужъ стала дорогая, плачучи, безъ глазъ,
Мучишься презѣльно, страдаешь всякой часъ.
- № 21. Въ день несносныя печали часъ источникъ нашихъ слезъ,
Вы какъ тучи набѣжали, помрачили свѣтъ очесъ.
- № 22. Общество наше запрещаетъ чтобъ не жениться никому.
- № 23. Лишь только занялась заря, какъ солнце взошло сверхъ гора.
- № 24. Всѣ забавы мнѣ не милы | Не могу спокоенъ быть.
- № 25. Вамъ прекрасныя долины, гдѣ я съ малыхъ лѣтъ жила
Гдѣ не знала и печали, дни веселые вела | Вамъ тоску свою вручаю.
- № 26. Ахъ! какъ скучно здѣсь одной, гдѣ дѣвался мой повои.
- № 27. Прощай Москва, пришла тоска, жить въ скукѣ, быть въ мукѣ,
Слыть втунѣ съ другими вольности нѣтъ 2.
- № 28. При долинь за ручьемъ пастушка гуляла | Глядя туда и сюда нѣчто примѣчала.
- № 29. Ахъ сколько я цвѣла въ лѣтѣхъ молодыхъ, печали не знала въ случаяхъ худыхъ.
Всегда былъ въ той надеждѣ не владѣть мною невѣждѣ слышать не хотѣла 2.
- № 30. Голубонка бѣлетшая | Въ любви теплетшая.
- № 31. Во далече далечѣ да въ чистомъ полѣ 2. | Во хорошемъ во широкомъ во раздолѣ 2.
Еще по край пути широкія дорожки 2. | Стояла стонка бѣленькая береза 2.
- № 32. Пришло время роставаться | И слезами обливаться.

- № 33. Ахъ пьянъ я иду моя голубонка, | Ахъ пьянъ я иду моя и сердонка.
Ахъ не тѣмъ то я пьянъ, что я такъ упился, | Ахъ тѣмъ то я пьянъ, что я повалился.
- № 34. Скажите мысли про мое несчастье,
Доволь мнѣ жить на семь свѣтъ въ напасти.
- № 35. Ахъ таланъ ли мой таланъ тавовъ 2.
Али участь моя горбая 2 | Ты звѣзда моя злочастная 2.
- № 36. Видишь свѣтъ ты сама, сколько я тебя люблю,
Сколь вздыхаю, сколь крушусь, самъ любя тебя терплю.
- № 37. Что пониже было города Саратова 2 | Что повыше было города Царицына 2,
Протекала пролегала мать Коломенка рѣва 2.
- № 38. Ахъ свѣтъ мой горки въ моей молодости 2,
Печальное сердце не имѣю радости 2.
- № 39. Сердце ноетъ, унываетъ, любезной другъ вспоминаетъ,
Не знаю какъ быть безъ милого быть.
- № 40. Во полѣ цвѣты, цвѣты аленькіе. | Нельзя цвѣтику сорвать, нельзя аленького 2.
Красна дѣвица душа уродилась хороша 2.
- № 41. Фадей, ходя въ долину, узрѣлъ въ кустѣ ежа,
Случилось Нединѣ бѣжать къ нему, дрожа.
- № 42. Я въ печали во великой всегда пребываю,
По тебѣ же моя радость тяжко вздыхаю.
- № 43. Ахъ младья моя лѣта 2 | Дражайшая вся цвѣта 2
Въ несчастье утлываетъ 2 | Вѣдно сердце въ прахъ свѣдаетъ 2.
- № 44. Отправляюся въ дорогу, не бояся мелкихъ водъ,
Шель берегомъ по луку нанять судно въ походъ.
- № 45. Разлейтеса по рощамъ потоки чистыхъ водъ,
Мнѣ лучше пасти овцы здѣсь будемъ межъ болодъ.
- № 46. Ахъ на нынѣшней недѣли, | Мы въ компаніи сидѣли, | Самъ я знаю гдѣ 2.
- № 47. Ахъ жилъ я молодецъ во своей деревнѣ 2,
Не нашель я молодецъ никакого веселья 2.
Заросла моя деревня горами и долами 2,
Горами и долами тѣмными лѣсами 2.

- № 48. Радость веселая моя не вижу печальну никогда 2,
Я тебя сударушка люблю такъ что всѣ ночи мало сплю 2.
- № 49. Я сама-то красная дѣвица здивовалась 2,
Что куды-то моя молодость дѣбалась 2.
- № 50. Сердцу безъ печали не возможно быть 2,
Кого я люблю вѣрно нельзя что не тужить 2.
- № 51. Иди любезная, есть бо полезная, || Разыграй мя, разгуляй мя, въ любви безмѣрная 2.
- № 52. Еще шла я молода въ вечеру поздно одна, боялась того, что нѣтъ никого 2.
- № 53. Счастлива жизнь тому, кто любви не знаетъ.
Духъ спокоенъ завсегда и не воздыхаетъ.
- № 54. Если вспомнишь обо мнѣ, живучи въ разлугѣ,
Знай, что въ здѣшней сторонѣ я въ несносной скукѣ.
- № 55. Вечеръ млада младешенка я пьяна была,
Не помню млада младешенка какъ домой пришла.
- № 56. Ахъ ты, Дунюша, душечка измучила меня,
Изсушила, сокрушила, не видалъ давно тебя.
- № 57. Шли скоморохи изъ Новагорода || Ссекли ребиночку подъ самой корешекъ 2,
Тесали дощечки тонко на тонко 2.
- № 58. Ахъ, мать Гришу бранила, Терентьевна журила,
Журила и бранила уговаривала 2.
- № 59. Еще кто бы накутилъ, намутилъ 2 || Еще кто бы посвавалъ поплясалъ 2,
Еще кто бы про Неву рѣку сказалъ 2.
- № 60. Во саду ли было во садочкѣ 2 || Во зеленомъ было виноградѣ 2,
Потерялся младъ соловейко 2.
- № 61. Полно, свѣтъ мой, не сердись || Ты въ любовь ко мнѣ склонись.
- № 62. Въ темномъ лѣсѣ 4 || За печью 2 || Засѣку-ль я 4 || Засѣку 2 || Въ чистомъ полѣ 4.
- № 63. Позабудьте меня несчастіе хошь на малое время 2,
Ужъ я и такъ терпѣлъ довольно печальное время 2.
- № 64. Пойду ли я молода сквозь трои ворота, в. м. м. м.
Сквозь Аничковы, Морскія, Новотроицы, Тверскія, в. м. м. м.

- № 65. Вѣтеръ вѣетъ, лѣсы клонить. | Для меня у воротъ стоитъ дѣвица не одна 2,
Не одна стоитъ, съ удалымъ молодцомъ.
- № 66. Вечеръ Дуню мать журила бранила 2, | Журила, бранила за пульное дѣло 2,
За пульное дѣло, за лень, за куделю 2.
- № 67. Вы лазуревы цвѣты разцвѣтайте во саду, | Ужь я ли молода со надеждою иду 2,
Тишкомъ, лужкомъ со милымъ своимъ дружкоймъ 2.
- № 68. Я по жертки шла, я по тоненькой, | Я по тоненькой по еловенькой 2.
- № 69. На улочки хмѣлинушка и стелется вьется
Тебѣ, моя сударушка, вѣра не имѣтся
Стояла я съ милымъ другомъ единой часочикъ.
- № 70. Что изъ славного города изъ Санктъ Питера
Пролегла путь широкая дорожечка 2, | Что по той пути широкія дорожечки 2,
Туда шло прошло удалыхъ 30 молодцовъ 2.
- № 71. Чтоль то на тихія было на заводѣ 2 | Тутъ плаваетъ сѣрая утица 2,
Не одна плаваетъ съ сизымъ селезнемъ.
- № 72. Яикъ ты нашъ Яикъ ли сударь Горыновичъ Яикъ 2,
Быстрая ты Яикъ ли сударь секретюшекъ течешь 2.
- № 73. О яблонь ты садовая моя, | Садовая, медовая, наливчатая,
Я сама садокъ садила, сама тѣшила себя.
- № 74. Я по садикѣ хожу хожу, | На цвѣтохъ гляжу гляжу,
Поджавъ рученки ношу ношу, | Я по миленькомъ тужу тужу.
- № 75. У воротъ дѣвца стояла, рукавомъ дѣвца махала,
Рукавомъ дѣвца махала, къ себѣ друга ожидала | Охо, охо, охте.
- № 76. Грустное сердечко тужить ноетъ всегда,
Я имѣю въ себѣ болѣзнь нестерпимую весьма.
- № 77. Моя радость, твоя сладость во мнѣ пребываетъ
Еще купно неотступно сердцу чаешь жити нынѣ.
- № 78. Подлѣ рѣченку младешенка ходила, | Подлѣ быстрюю красна дѣвица гуляла 2,
Самоцвѣтные камешки збирала 2.
- № 79. Ехѣ если на моемъ сердцѣ 2, | За мою за грудью бѣлою 2,
Три кручинушки есть три великія у меня 2.
- № 80. Злое несчастіе что мя оскорбляешь 2,
Вся кости во мнѣ мелко раздробляешь 2.

- № 81. Изъ бору бору, бору молодого, | Изъ саду саду, саду зеленого,
Протекала рѣчка сама невеличка, | Омывала рѣчка крутые бережки.
- № 82. Ахъ житѣ мое да житѣ бѣдное,
Изжилъ я свою молодость за бѣдну жалость 2.
- № 83. Ахъ ты матушка, мой милой, государыня, милой,
Животу душа, мой милой, моя матушка, мой милой.
- № 84. Вечеръ млада младешенка я пьяна была,
Не помню млада младешенка, какъ домой пришла.
- № 85. Ахъ рѣченки рѣченки, холодныя водонки 2,
Пособите плавати, мила друга кливати 2.
- № 86. Что у нашей было матушки Государыни 2, | Собиралась наша армія во собраньице 2,
Во собраньице собиралась, въ землю Прускую 2.
- № 87. Еще тысяча семьсотъ было въ пятьдесятъ седмомъ году,
Что у нашей было матушкѣ Государыни 2,
Соѣзжались генералы къ графу Фермору 2.
- № 88. Ахъ одной то тебѣ травонки въ полѣ тошно 2,
Еще намъ братцы солдатамъ жить несносно 2.
- № 89. Ахъ ты дорожечка да дорожечка 2, | Путь широкая да Московская 2,
Потаковшица ворами да разбойникамъ.
- № 90. Изъ за лѣсу да лѣсу темного, | Изъ за горъ горъ да крутыхъ высокихъ 2,
Вывѣтался младъ свѣтель мѣсець 2, | Со луною братцы со свѣтлюю 2.
- № 91. Что гулялъ молодець по украины, | Загулялъ молодець королю въ Литву 2,
Онъ служилъ королю вѣрой правдою 2, | Онъ въ очю за очю неизмѣнною 2.
- № 92. Ахъ вы сродцы мои сродцы да хлѣбсолцы 2,
Вы которую корысть себѣ получили 2,
Добра молодца съ красной дѣвицей разлучили 2.
- № 93. Молодець моя радость молодой, | Моему сердцу на свѣтѣ дорогой 2,
Сокрушаешь младешенку меня 2, | При печаляхъ не узнала другъ тебя 2.
- № 94. На рѣки, рѣки, на тихомъ Дунаѣ 2, | Мыла Марюсенька бѣлыя ножки 2.
- № 95. Сердце лапушка сударушка моя 2, | Полно радость сокрушать, сердце, меня 2.
- № 96. Хорошая пригожая красная дѣвица 2.

- Черноброва, черноглаза бѣло круглолица 2,
Въ бѣломъ лицѣ алой колеръ всегда играетъ 2.
- № 97. Сверху внизъ то было по матушки до Камышъ рѣки 2,
Супротивъ того славного устьяца до Самары рѣки 2.
- № 98. Въ огородѣ хмѣль высоко растеть, | Изъ того хмѣлю пиво варено 2,
Пиво варено наканунѣ рождества 2.
- № 99. Вечеръ то мнѣ матушка малымъ мало спалось 2,
Малымъ мало спалось много видялось 2.
- № 100. Ахъ какъ пью теперь за здравье вамъ скажу какое 2,
Здравствуй радость дорогая обще веселая 2.
- № 101. Изъ подъ камешка огонь горить 2, | Изъ подъ втораго влючи кипятъ 2,
Изъ подъ третьяго искры сыплются 2.
- № 102. Ахъ любишь ли, мой свѣтъ, хоша мало или нѣтъ 2,
Буде любишь—ты скажи, а не любишь—откажи 2.
- № 103. Ты кропива, ты кропива, зла жгучая 2, | Одолѣла ты кропива поле чистое 2.
- № 104. Буря море подымаетъ, | Вѣтромъ волны раздымаетъ 2,
Вѣтру стала перемѣна 2, | Вездѣ въ морѣ кипятъ пѣна 2.
- № 105. Ахъ ты камень ли ты мой камешекъ, | Дорогой ли камень лазоревой 2.
- № 106. Свѣтъ милая хорошая моя, | Есть ли лапушка любовь твоя ко мнѣ 2.
- № 107. Что по травкѣ по муравкѣ, по лазоревымъ цвѣтамъ 2,
По Московской по дорожкѣ 2, | По калиновому мосточку 2,
Тутъ стояла нова квартира.
- № 108. Ахъ во городѣ посадѣ, въ Устюгѣ Великомъ 2,
Были жили двѣ дѣвицы родные сестрицы 2.
- № 109. Ахъ на праздничной недѣлѣ мы за блядью прогледѣли
Ея чудеса ровно два часа.
- № 110. Ужъ какъ на лугахъ лужечивахъ на зеленыхъ 2,
На зеленыхъ лужечкахъ на царевыхъ 2.
- № 111. Посѣю я лебеду да лебеду 2, | Сама пойду съ другомъ по воду 2,
Нѣту нѣту ни драгуна ни воды 2, | Выгорала лебеда вся безъ воды 2.

- № 112. При вечерней при зорѣ во Петровской слободѣ
Страмила мать дочь: отстань отъ тѣхъ прочь.
- № 113. Какъ во далече во чистомъ полѣ, что подъ яблонью подъ кудрявою 2,
Что подъ грушею подъ зеленою 2, || Молодецъ дѣвицу журиль браниль 2.
- № 114. Зловредней мой нынѣ случай, || Престань больше мнѣ не скучай 2,
И такъ сердце зло уныло 2, || Любви нѣту мнѣ не мило 2.
- № 115. Ахъ какъ по морю, морю да морю синему 2,
Что по синему морю да по Верайскому 2.
- № 116. Ты не пой, ты не пой, ретивое мое сердечко 2,
Ты не плачь, ты не плачь, душа ли красна дѣвица 2.
- № 117. Что никто-то про то не знаетъ, братцы, не вѣдаетъ 2,
Что любовь ли держитъ дѣвица съ добрымъ молодцомъ 2.
- № 118. Что со вечера доброй молодецъ женился 2,
Со полуночи во солдаты да записался 2.
- № 119. Лучилосе мнѣ доброму молодцу мимо зеленой садъ ѣхати 2,
Хорошо добре въ саду слышалось 2, || Не бѣлая лебедь воскликала 2.
- № 120. Ты прекрасная Марыина роща 2, || Ты къ чему рано зашумѣла 2.
- № 121. Вострепещетца соколъ на дубу сидячи 2,
Что расплачитца дѣвица въ терему сидячи 2.
- № 122. Когда жъ мои очи знать васъ начали 2,
Всѣ стали притчины моей злой печали 2.
- № 123. Нынѣ ужъ не знаю какъ свѣтъ жить 2, || Недоумѣваю что больше творить 2.
- № 124. Подъ дубомъ, подъ дубомъ, подъ дубиною 2,
Подъ вязомъ, подъ вязомъ, подъ вязиною 2.
- № 125. Когда жила въ воли была весела, || Едино противно и все не мило 2.
- № 126. Язва, язва любовь твоя, бѣдна, бѣдна зла моя,
Идутъ ночи, плачутъ очи, спать не дають. ага 7
- № 127. Добра панна, красна Діанна, здравствуй на лѣта 2.
- № 128. Ахъ я палась, перепалась, давно съ другомъ не видалась 2,
Увидялась зрадовалась, совѣсть, любовь помѣшалась 2.

- № 129. Что по край моря синего 2, | По середки поля чистого 2,
Тутъ стояла темна темница 2, | Зло злодѣйка заключеная тюрьма 2.
- № 130. Ахъ злое время мучительное 2, | Тяжко, прескорбно, крушительное 2,
Ахъ меня любовь побѣдила 2, | Изъ сердца вонъ меня сокрушила 2.
- № 131. Ужь я думала, подумала 2, | Чюжева разума послушала 2.
- № 132. Кровать моя кроваточка, кровать тисовая, срублена
Кроваточка изъ безчестна древа поставлена тисовая.
- № 133. Служилъ я пану первое лѣто, даль же мнѣ панъ курочку.
- № 134. Ахъ какъ по мосту мосточку, по калинову мосточку 2,
Тутъ и шли красны дѣвицы, двѣ названья сестрицы 2.
- № 135. Колесовы тѣ дѣвицы 2, | Охочи гуляти 2,
Пару коней запрягали 2 | Во писаны сани 2.
- № 136. Ахъ ты дубъ мой дубъ 2, | Я бѣла береза 2,
Ахъ ты другъ мой другъ 2, | Я твоя надежа 2.
- № 137. Не отъ вѣтра синее море сколебалось 2,
Не отъ вихоря темные лѣса приклонялись 2,
Не отъ искры, братцы, сырой дубъ загорался 2.
- № 138. Что во Кіевѣ въ монастырѣ 2, | Отче владыче архимандриче человѣколюбче.
- № 139. За рѣкою бѣлъ яръ хмѣль 2 | По кусточкамъ вьется 2,
Перевеса бѣлъ яръ хмѣль 2 | На нашу сторонку 2.
- № 140. Въ колѣняхъ у Венеры сынокъ ея игралъ.
- № 141. Ахъ мое сердце дай себѣ покой, | По своей любезной печально не ной.
- № 142. Полно, свѣтъ мой, не гордись красотою ты своей 2,
Коль плѣнила, веселись, я во власти ужъ твоей 2.
- № 143. Долго ль быть мнѣ въ семь смущеньи.
Долголь содержать тебѣ въ призьнѣи.
- № 144. Будь вѣрна такъ драгая, какъ ты слово мнѣ дала,
Ты лишила мя свободы, сердце въ плѣнъ себѣ взяла.
- № 145. Для того ли твой, драгая, нѣжной жаръ меня плѣнилъ.
- № 146. Возыграйте пастушки | Со веселіемъ въ рожки.

- № 147. Я посѣю бѣлой ленъ 2, || Во чистое поле 2,
Уродился бѣлой ленъ 2, || Онъ тоновъ и дологъ 2.
- № 148. Взойди скоряе солнце, ночь темна проходи.
- № 149. Ты не вѣришь, что мила мнѣ, долголь не вѣрить,
Вѣдь не всякой, какъ ты чаешь, тшится лицемѣрить.
- № 150. Не крушися, дорогая, въ отдаленной сторонѣ,
Не тревожь мой духъ страдаая, не терзайся обо мнѣ.
- № 151. Ахъ пещера дорогая, я растался ужъ съ тобой.
- № 152. Нѣтъ надежды, какъ не лшуся, мнѣ свободу получить.
- № 153. Лишь лучи солнцу свѣтъ дали || Пастушки овецъ погнади.
- № 154. Не великъ хотя удѣлъ, да живу съ покоемъ:
Скатерть, столикъ, пища есть, въ мысляхъ своихъ волець.
- № 155. О любовь, любовь несчастна, въ коей я зарождена.
- № 156. Знать судьба опредѣлила, || Чтобъ тобой мнѣ плѣнну быть.
- № 157. Не старайтесь лестны мысли вы надеждою питать,
Знать и тѣни мнѣ весельевъ ужъ на свѣтѣ не видать.
- № 158. То теряю, что люблю, || Ахъ какой ударъ терплю.
- № 159. Нѣту отрады въ сей моей печали, || Множить всегда мою напасть.
- № 160. Весь духъ воспламенился, || Отъ нечаянна огня,
Весь мой нравъ премѣнился, || Какъ плѣнила ты меня.
- № 161. Полно, полно, ахъ несчастье, обладать мною губя.
- № 162. Негдѣ въ маленькомъ лѣску, при потокахъ рѣчки,
Бѣжалъ пастухъ по песку, стеречи овечки.
- № 163. Подлѣ рѣченьки младешенка хожу, мураву траву притаптываю 2,
Загоняючи гусей, лебедей, перелетныхъ сѣрыхъ уточекъ 2.
- № 164. Я не вижу дорогова ни въ пещерахъ, ни въ поляхъ,
Только тѣнь его любезна завсегда въ моихъ глазахъ.
- № 165. Сколько милъ ты мнѣ, любезной, столько бѣдствія терплю,
Я люблю тебя смертельно, но въ несчастію люблю.

- № 166. Знать напрасно воздыхая, | Я къ тебѣ питаю страсть.
- № 167. Для того ль я въ страсть любовну, для того ль я отдалась.
- № 168. Прекратилися случаи часто видѣться съ тобой,
И исчезните минуты, какъ была ты страстной мной.
- № 169. Все, что мысли предвѣщали, все свершилося со мной.
- № 170. Встань 3, страхнись солдатъ, | Становись скоро въ парадъ.
- № 171. Что я кому виновать, за что погибаю,
Нигдѣ отъ злыхъ чловѣкъ повою не имѣю.
- № 172. Сидить баба на валу, обѣдъ сулить тремъ тремъ поеды давать 2.
- № 173. Заюшка гдѣ ты былъ, да побывалъ, | Бѣленькой, гдѣ ты спалъ да ночевалъ.
- № 174. Стукнуло брякнуло въ лѣсѣ 2, | Комаръ съ дубу свалился 2.
- № 175. Гдѣ жъ моя дзѣвонюшка ходила, гдѣ жъ моя названушка гуляла?
Между стоги, между логи, моя мацы панья, моя добродзейка.
- № 176. Велѣла жъ мнѣ мати зеленъ ячмень жати:
Жни 2, моя Дуненко, жни 2, моя серденко.
- № 177. Поди сюда, драгая, поди пастушка съ горъ,
Или престань, о злая, на меня метать свой взоръ.
- № 178. Куда манишь-то знаю, далеко не иду.
- № 179. Что злая можетъ быть мученья, | Какъ въ неволѣ вѣкъ изжить.
- № 180. Горы, долины, всѣ лѣса густые, | И вся прекрасная страна.
- № 181. Въ ту минуту какъ стараюсь, | Навсегда тебя забыть.
- № 182. Въ первой разъ тебѣ, драгая, | Открываю страсть мою.
- № 183. Хотя пастушекъ слыву, | Въ вольныхъ мысляхъ вѣкъ живу.
- № 184. Для того ль я въ дни разлуки | Здѣсь страдала безъ тебя.
- № 185. Гдѣ въ печали сей мнѣ скрыться, | Грустно мнѣ во всѣхъ мѣстахъ.
- № 186. Почто открылась я | Невѣрному столь ясно.
- № 187. Для того ль я такъ терзалась, | О жестокой, отъ тебя.
- № 188. Ты сердце распалила | И кровь во мнѣ зажгла.

- № 189. Ты не думай дорогая | Кто милее тебя былъ,
И не думай, что иную | Я столь много бы любить.
190. На что, плѣнясь твоей красою, | Я сталъ тебя мой свѣтъ любить.
- № 191. Хоша путь мнѣ къ щастію затворенъ, | Хоть нѣтъ надежды милымъ быть.
- № 192. Окончатся мученья люты, | Несносная тоска пройдетъ.
- № 193. Долго ль мнѣ тобой смущенну, | Безъ отрады въздыхать.
- № 194. Сколько грусти и мученья | Намъ бесплодну страсть сулить.
- № 195. Что могъ я часть оплакать люту | И пламенну покоить кровь.
- № 196. Теби скоряе время злое, | Промчи печаль мою съ собой.
- № 197. Не видай притворныхъ взоровъ | И не тщишь меня смущать.
- № 198. Гдѣ тѣ клятвы дѣлись нынѣ | Чтобы вѣчно меня любить.
- № 199. Что въ тебя мой свѣтъ влюбился, | Невозможно то мнѣ скрыть.
- № 200. Не притворствуй предо мною, | Откровенно мнѣ скажи,
Что плѣнился ты иною, | Лестны мысли отложи.
- № 201. Проходить время дорогое, | Проходятъ радостны часы.
- № 202. Размученъ страстію презлою | И вверженъ будучи въ папастъ.
- № 203. Оставь плачевное стонанье, | Плѣнясь мною испускать.
- № 204. Я больше сердцемъ не владѣю, | Коль ты ево владѣть могла.
- № 205. Кручинушка, кручинушка красной дѣвицы 2,
Что любилъ меня милъ сердешной другъ, да онъ покинулъ 2.
- № 206. Милешенка, милешенка своя сторона 2,
Еще тово милее да красна дѣвица 2.
- № 207. Ахъ ты душечка дородней доброй молодець 2,
Ты зачѣмъ въ гости не ходишь, другъ, не жалуешь 2.
- № 208. Толь награда за мою вѣрность прямую ревность искренность.
- № 209. Гдѣ ни гуляю, ни хожу, | Грусть превеликую терплю 2.
- № 210. Будь вѣрна такъ драгая, какъ ты слово мнѣ дала.

- № 211. Вспомнишь ли меня, мой свѣтъ, въ дальной сторонѣ:
Или ты не думаешь вовсе обо мнѣ.
- № 212. Что со вечера было у насъ 2, || Грозная туча сходилась 2,
Со полуночи было у насъ 2, || Крупенъ дождь побрызнулъ 2.
- № 213. Ты злодѣйка, да злокоманка, змея лютая 2,
Изъ норы ты, змея, ползешь, сама озираешься 2.
- № 214. Сиротинушка да дѣтинка 3, || Безпріютная твоя головка 2,
Вдоль по улицѣ радость гуляетъ 2, || Ево грусть тоска разнимаетъ 2.
- № 215. Чертъ проклятой дѣло намъ затѣялъ,
Мысль картежну въ сердца въ наши всѣялъ.
- № 216. На морѣ синичка не пышна была 2, || Не пышна была пиво варила 2.
- № 217. Возыграйте пастушки || Со веселиемъ въ рожки, въ рожки.
- № 218. Радуйся пастушка драгая || Вспомнишь ли ты какъ ты есть одна.
- № 219. Ей, ей мимо моего садика 2, || Мимо моего зеленого 2,
Ей, ей мимо моего зеленого 2, || Пролежала дорожечка 2.
- № 220. Въ первый разъ тебя увидѣлъ, || Я свободу потерялъ.
- № 221. Знать конца моей напасти || Никогда мнѣ не видать.
- № 222. Ты источникъ злыхъ напастей || И причина всѣхъ забавъ.
- № 223. Плачьте вы, смущенны очи, || Бѣдно сердце унывай.
- № 224. Житье въ школѣ не по насъ, || Во единъ день бьютъ сто разъ.
- № 225. Ахъ ты лѣто, да лѣто теплое, ты да весна да красная,
Что да не ты то меня да сушишь крушишь.
- № 226. Какъ проходить дорогая мимо келью 2,
Мимо келью, гдѣ чернецъ бѣдной горюеть 2.
- № 227. Туши мой жаръ любовной ты стыдливость.
- № 228. *Псалма.* Коль наше на семъ свѣтѣ житіе плачевно.
- № 229. Зрю, что жаръ твой угасаетъ, || Коемъ ты ко мнѣ пылалъ.
- № 230. Въ дѣвкахъ я была прекрасна, || Веселилась всявой часъ.

- № 231. Полно мысли отягченны | Представлять себѣ тово
- № 232. Знать судьба мнѣ такъ судила, | Чтобъ въ страданье вѣкъ изжить.
- № 233. Забывай меня любезной, | Ты навѣки забывай.
- № 234. Взоръ прекрасный обожая | Жертвой вѣчно буду я.
- № 235. Повѣрь, радость, по тебѣ | Какъ я воздыхаю.
- № 236. Повѣрь, мой свѣтъ, безъ лести мнѣ, | Что я вамъ объявлю.
- № 237. Я въ морозъ мою скотинку | На рѣку поить гнала.
- № 238. Разлучилася съ любезнымъ | Я розсталася съ душой.
- № 239. Въ свѣтъ любовь я презираю, | Вѣкъ свой хочу спокойна быть.
- № 240. Прекрасная тобою я мучуся теперь, | Мнѣ нѣтъ тебя милее—тому мой свѣтъ повѣрь.
- № 241. Прости жизнь холостая, | Тебя я измѣнилъ.
- № 242. Одно ружье отъ батюшки | Въ наслѣдство получилъ.
- № 243. Одну въ наслѣдство муфточку | Имѣла у себя.
- № 244. Не бушуйте вы вѣтры буйныя 2, | Вы буйныя вѣтры осеннія 2,
Успокойтесь вы моря синія 2, | Не волнуй море Средиземное.
- № 245. При потокахъ на берегу | Плакала пастушка.
- № 246. Тиранка дорогая, | Позволь себѣ сказать.
- № 247. Доколѣ имамъ сердце сокрушати, | Доколѣ очи въ слезахъ погружати.
- № 248. Поди прочь, не докучай мнѣ молодець, | Мнѣ и такъ скучно пасти одной овецъ.
- № 249. Полно, свѣтъ мой не гордись, | Красотою ты своей.
- № 250. Теперь ужъ ты знаешь | Какъ люблю такъ скажешь.
- № 251. На берегу подъ тѣнью дровъ | Пастушка сидѣла.
- № 252. Ахъ какъ трудно человѣку | Жить въ несчастьи въ младомъ вѣку.
- № 253. Возгремѣ горде плачевная Муза, | Терзаетъ сердце свирѣпа Медуза.
- № 254. Не смущайся мысль доброжеланна, | Ты есть славна ты и добронравна.
- № 255. Искоренѣ славъ сердце | Процвѣтаетъ мила.

- № 256. Пороки попираю | Въ храмъ чести кто идетъ.
- № 257. Хотъ не хочется женится, | Да не смѣю провинитца.
- № 258. Помнилъ ли меня, мой свѣтъ, | Въ дальней сторонѣ.
- № 259. Какъ ударилъ мя рокъ злой | И рогался я съ тобой.
- № 260. Ты смѣйся надо мною, | Любовница моя.
- № 261. Ахъ какъ нынѣшна весна, | Разцвѣла весна красна,
Очюнь хороша, | Какъ прежде была.
- № 262. Уже ты поле, ты поле чистое 2, | Ты раздольеце мое широкое,
Уже всѣмъ ты поле изукрашено | Ты ли да калиною и малиною или черною
ягодою смородиною.
- № 263. Не сердись радость Клариза, | Что съ тобой я такъ пошутить.
- № 264. Разъ мнѣ вздумалось гулять | По прекрасной улицѣ.
- № 265. Нѣкто въ городѣ живетъ, | Что зовутъ судьбою.
- № 266. Что мнѣ нужды въ свѣтѣ семь страсти разбирати,
Если кто худо живетъ—мнѣ не отвѣчати.
- № 267. Пороки попирая, въ храмъ чести идетъ.
- № 268. Съ тѣмъ ли насъ хозяинъ звалъ, | Чтобы мы молчали.
- № 269. Если честность кто знаетъ, | Всегда правду наблюдаетъ.
- № 270. Вдругъ съ полночи у насъ зашумѣло, | Громовая музыка гремѣла.
- № 271. Клаоръ искать сталъ мѣста, | Гдѣ бъ посвататься ему.
- № 272. Плюнемъ мы на грусти, скуки, | Возьмемъ въ руки.
- № 273. Какъ капуцинское ты платье надѣвала,
Не платье тебя, но ты платьемъ украшала.
- № 274. У нашего широкова двора | Собирались красны дѣвушки въ кружокъ.
- № 275. Петиметры говорятъ 2, | Что я живу скупю;
А скупые то бранять, | Что я живу глупо.

№ 276. Я твой стонъ внимаю | И теперь то знаю,
Что ты любишь, что ты вѣренъ.

№ 277. Не гордитесь красны дѣвки, | Ваши взоры какъ издѣвки | Не бѣда.

№ 2. Рукопись въ продолговатую 8 д. л. (0. XIV № 12) изъ собранія С. А. Соболевскаго. Снабжена оглавленіемъ. 114 листовъ, скорописью XVIII и начала XIX вѣка, разныхъ почерковъ.

№ 1. Приятныя очи зреть бы васъ всечасно
Алыя уста целоваль бы сласно.

№ 2. Едину тебе вижу друга возлюбленна
В макайеѣ камене паче драгоценна.

№ 3. Серце страдаетъ | Любви желаетъ всегда | Друга зрети.

№ 4. Ныне умираю, светъ мой Катенга, | На тя уповаю, другъ мой, сладенко.

№ 5. Или все такъ хочешь жить, | Чтобы вовсе не любить.

№ 6. Се не омурно, но очень дурно можетъ назваться,
Что надо мною спѣсью такою изволишь ламаться.

№ 7. Из очей слезы катятца тяжко въздыхаю,
Проклятыи жалю родятца повою не знаю.

№ 8. Могу ль то зрети и получитьи, | Чего ищю всегда прилежно.

№ 9. Есть красота цветуща паче розъ и алей,
Много добротъ имуща, а все природно ей.

№ 10. Острыя взоры твои мя прелщаютъ, | Минны умільны мя удивляютъ.

№ 11. Ныне получаю, что давно желалъ, | Любезную склонность въ сердцѣ воспріалъ.

№ 12. Ахъ бедное сердце, что такъ нещесливо,
Не всегда ль такъ будешь мучить поколь живо.

№ 13. Толь награда за мою верность | Прямую ревность і искриннѣси.

№ 14. Распалися моя радость по тебѣ любимая
К тебе язь огонь всегда нестерпимая.

- № 15. Едина моя благая радость || Верна надежда сердечная сладость.
- № 16. Теперь прости радость, оставайся здесь,
Ахъ с печали у ней погибаю весь.
- № 17. Язву язву в любви страдати || И сердцу на всякъ часъ умираю.
- № 18. Красныи цвѣтоуь роса благовошна || для чего такъ || къ любви моей не склонна
- № 19. Сѣи ѡчи ѡчи приятныя стрѣлы!
В сѣти ловити сердца многихъ смѣлы.
- № 20. Вы дали язву ясъ первоі раз видел,
Коль неисцеліма краіняя мнѣ гибель 2.
- № 21. Ахъ, свете красный, что такъ учинаешъ,
Покинувши правду лукавство вылюбляешъ.
- № 22. Приди ко мне любезная: дай мне свою руку,
Слезы моя проливаю: ты зри мою муку.
- № 23. Игра в карты беспокоина, а я ігрокъ бедный,
Проигрался, проматался, продержался едны.
- № 24. Соколь презелный—серце во мнѣ таетъ,
Кого я люблю, той не взираетъ.
- № 25. Ахъ, друже мой прекраснейшій, над всеми избранны,
Любовь моя горить к тебе всегда непрестанно.
- № 26. Летить ахъ младость все въ нещастіи,
Ей не имѣю 2, | ей не имѣю 2, || ни въ чемъ радости.
- № 27. Самъ я ахъ не знаю какъ на свете жити,
Что печали я великоі не могу избыти 2.
- № 28. Ахъ, светъ мой горкій моеи молодости,
Печаль мне терпеть не имею радости.
- № 29. Буре море воздымаетъ, ветеръ волны подымаетъ,
Сверху небо почернело, кругомъ море потемнело.

- № 30. Гдѣ трудно есть жити безъ друга на свете
Кого верно люблю не возможно зрети.
- № 31. Едина в мире притчина бываетъ,
Внегда во любви с кемъ кто пребываетъ.
- № 32. Спеши мысль зрело мне разсуждати
Какъ мне напасти избѣжати.
- № 33. Аще бы постоянство пребывало во свете
Любовь тверда непремѣнна, еже есть никогда отгѣнна.
- № 34. Мерски в сѣмъ стали і совсемъ пропали
Худыми поступки себя обругали.
- № 35. Посмотри в печали другъ любви сердечной
Еликия текутъ мысли к любви бесконечно.
- № 36. А что мне за утѣха что не помогаетъ
Когда щастіе любви всякой лишаетъ.
- № 37. Спасибо драгая, что не покидаешь
Когдажъ не примолвлю не составляешь.
- № 38. Если на смотрѣ можно Парису приставити нашу Филису.
- № 39. Береа вновь расцветаетъ, какъ цвѣтъ красотою,
Вся доброта всего света съ единымъ съ тобою.
- № 40. Якъ крутые береженки воду замутили,
Такъ меня злые напасти въ житіи сокрушили.
- № 41. Зелю тому болезненное сердце мечемъ ізранено
Кто любить друга сердечно.
- № 42. Дружеская благость і щедрая милость
Спрословлема бываетъ всеміи челоуѣки.
- № 43. Вы скажите мысли про мое бещастіе
Долголь еще жити на свете в напасти.
- № 44. Скажи мне соловейка правду, | Где я свою міленую знайду.
- № 45. Теба разыгралась совсемъ разметалась, | Се радость моя.
- № 46. *Виръзанъ.*

- № 47. Когда мои очи знати васъ начали
Вы стали причина всей моей печали.
- № 48. Добро тому жити, кто весель живеть
Щесливъ лежить слыши векъ сладкии плыветь,
- № 49. Когда жила в воли—была весела,
Нещастье напало і беда пришла.
- № 50. Житье море беспокоино, а я челнокъ малыи;
Посреди волнь безнадежны бьютъ отвсюду волны.
- № 51. Хорошо жь того кохати, толко потомъ не вздыхати,
Бо в коханю всегда беда, любившися не дастъ вида.
- № 52. Чемъ я тебе досадилъ моя дорогая,
Вижу, что есть у тебя забава другая.
- № 53. Чимъ я жь тебе виновать: ты жь моя девонька,
За что жь меня не возлюбила: где твоя правдонька.
- № 54. Люблю ты друже мои паче себя, || Не вижу тебя—трачу себя.
- № 55. Давай давай рученку любезная мнѣ
Прими мое сердце: дарю тебе.
- № 56. Ахъ сколько цвела в летехъ молодыхъ,
Не знала печали в случаяхъ худыхъ.
- № 57. Откуда бѣда внезапно пришла | Многи печали с собой принесла
Вселила в сердце терзание мое.
- № 58. Аленый цветочикъ, какъ ты процветаешь
Ненаглядна радость где нынѣ гуляешь.
- № 59. Печаль неволя і злая доля прочь прочь отвалитесь,
Злые горести бездѣльные лести отъ мя отщепитесь.
- № 60. Когда мои очи знати васъ начали
Вы стали причина всей моей печали.
- № 61. Ахъ туча злости незапно явися | Лютое време ко мне приближися.
- № 62. Лутче бь мне тебя не знати || Нежели любивъ перестати
Терплю беду я у васъ неволю | Плачуся я на нещастную долю.

- № 63. Ахъ есть трудно челоѣку ! Жить въ несчастномъ младомъ вѣку.
- № 64. Гей гей что девчине стало: || Ходить смутна и личикомъ спала.
- № 65. Приди друже ко мне посмотри что зло мне
Радость вся пропала і, сердце упало.
- № 66. Долголь вамъ напасти безотступными быти,
Или хотите бѣдна меня сокрушити.
- № 67. Прочь вольность моя, прочь веселыи нравъ,
Слышу я въ моемъ новъ въ сердцѣ уставъ.
- № 68. Кая притчина, что мя безвинно скорымъ отказомъ отлучаешь.
- № 69. Отсюду я вижу, какъ люди лужавы,
Нетъ совести в свете, злы стали нравы.
- № 70. Отправлялся в дорогу не бояіся водъ,
Шель берегамъ пологу нанять судно в походъ.
- № 71. Добро нужу женку любить: ! Кто можетъ любви секретъ хранити
Мысли сѣхотны.... ! Кохатъ свободны.
- № 72. Куда уменъ, другъ мой, что столь догадался,
Пріискавъ себѣ другую—мнѣ отмѣненъ стался.
- № 73. Когда бы я щесливый то не дагодавса
Улюбившись въ дѣвоньку, а не покумавса.
- № 74. Доколе имамъ сердце сокрушати, ! Доколе сѣчи въ слезахъ погружати.
- № 75. На что жъ было зачинать, лишь меня темъ умерщвять, лутче бѣ было не казатъ
Знакъ, знакъ, знакъ любви твоей ко мнѣ.
- № 76. Когда друга зрила тогда не тужила, ! В веселіи жила все дні проводила.
- № 77. Ахъ нещесливый тотъ въ свете, кто чего лишенный
Еже дивно во дни и въ ноци сердцемъ утружденны.
- № 78. Векъ мой и жизнь свою плачу: молодые лета трачу
Живу в слезахъ непрестанныхъ сѣтъ наветовъ нечаянныхъ.
- № 79. Хорошо бѣ тебе веселитца,
Чтобъ после некрушитца: в веселье живетъ беда.
- № 80. Сѣ горе горе мне бедному мнѣ, || Живу без мила друга единому мне тошно.

- № 81. Печаль с любовью в сердце сошлись, | Но чуть с собою не подрались.
- № 82. Ахъ какъ в свете злоба умножилась между человекѣи;
Обетшала дружба и вѣрное сердце о нониншныя вѣжи.
- № 83. Да вси шъ наши береженки вода понела,
Да вжешъ мою Марусенку смутенка взела.
- № 84. Ахъ врался Аморгъ | До сердечныхъ каморгъ;
Въ сердце вселился, | Тамъ затворился.
- № 85. Любовь в сердце влетела до самага тела
Все ѡсмотрела и гнездо содела.
- № 86. Великую теперъ радость маю на примете
Егда любовь таину скрыту всегда хочу имети.
- № 87. Ахъ, ахъ, ахъ, житье бедно: ѡ коль сердцу вредно
Печали умножаетъ къ тому сообщаютъ напасти.
- № 88 Никто взгадаетъ на свете | Яко успе з людми жити.
- № 89. Я молчу на вѣкъ згораю | Красотою что желаю.
- № 90. Горько, горько претерпевати, | Буду буду время ждати.
- № 91. Любить любить жестока рана | Пуще ѡтъ меча в сердце задана 2.
- № 92. Бьютъ корабль волны,
А я сталъ въ горе всѣмъ страхомъ полны | Въ семъ свирѣпомъ морѣ
- № 93. Не могу забыть с кемъ разтоваюсь | Чрезъ сей злои случаі я прощаюсь
Лутче бъ я желалъ в горести жити | Нежели драгая тебя ѡтбыти.
- № 94 Не знаю дражайшая, какъ тебя получитьи,
Хотя бъ мне случилось в нещастіи быти.
- № 95. В нещастіи своемъ весь самъ я рвуся
И в такомъ сердце такъ крушуся.
- № 96. Никогова недостатку я себе не вижу,
Но ахъ в горести безмерной все то ненавижу.
- № 97. Будь верна, светъ мой, люби вечно,
А я люблю тя знаи что сердечно, | Верь, мой светъ, лутче нетъ мне тебя.

- № 98. Веселись сердце видя пристойно ! Дало мне щастіе достойно.
- № 99. Знать фартуна мне тобо придетъ умирати,
Коли не хочешь мнѣ и тое жизни ты подати.
- № 100. Сѣй жизнь злая ѿ лютая. || Долго ль скучить и такъ лучить || Тебе милой.
- № 101. Какъ тебе не стыдно, моя госпожа,
Ищишь ты кредита где не положе.
- № 102. Вижу ваши мѣны і всѣ поступки:
Въ городъ только ѣдешь все для покупки.
- № 103. Дамы учитесь: тише любитесь,
Сѣтъ мужей берегитесь, чтобъ не знали; васъ не поимали.
- № 104. Какъ я ноніча былъ у Ооміча, слышелъ новою курьезу,
Что любить да невозможна крепки приказы 2.
- № 105. Мси жаль zelный нынѣ пременися въ радость мнѣ,
Ахъ вижду тебя—забавлю себя.
- № 106. Нынѣ приспѣ время мнѣ вамъ объявить:
Вамъ ужъ не учитца по банямъ ходить.
- № 107. Красота преизличная; ясны свѣтъ ѿчей моихъ
Что мя чинишь преобразно || Сладости устенъ моихъ.
- № 108. Нынѣ приспе время мнѣ вамъ доложить:
Вамъ ужъ неучитца, какъ другихъ любить.
- № 109. Почто тужити, || Себя крушити, || В мыслѣхъ всегдашно пребывая.
- № 110. Ныне ужъ незнаю, какъ на свете жить;
Недоумѣваю, что болше творить.
- № 111. Нетце мое сердце часто унывало, || Злую печаль знати мнѣ давало.
- № 112. О коль презелно сердце во мне таетъ:
Кого я люблю—того не взираетъ.
- № 113. Долголь мне векъ такъ провождати,
Долголь в печали жизнь такъ ізнурати.
- № 114. Сидела в свѣтлицы красная дѣвица || Себя забавляла ябъ чесна горлица.

- № 115. Ахъ, матушка, жениха жениха, || Сударыня, жениха жениха;
Уже скучно мнѣ в деввахъ жить; || Уже скучно мнѣ девои слыть.
- № 116. Ахъ мое сердце, дай себѣ покой, || Объ моемъ друге сердечно не ной.
- № 117. Лишь только занялась заря, || Какъ солнце взошло вверхъ горя.
- № 118. Прости драгое стадо, когда не слышу в здешнихъ лесахъ
Гласа чрезъ эхо моей любимой не вижду.
- № 119. Нету забавы плести веночки, || Пасучи стадо на лугахъ.
- № 120. Прости, драгое мои светъ, в последніи разъ и помни, какъ тебя любилъ.
- № 121. Что мя друже оставляешь, || Или уже меня не чаешь.
- № 122. Бедное сердце мое не имать покою,
Палить нещастие мя отъ горесна зною.
- № 123. Бедное сердце коль нещесливо || Не вѣмъ азъ мертво или ты живо.
- № 124. Жалость презелна zelo безмерна || На всякъ часъ сердце сокрушаетъ.
- № 125. Прежде здесь была что радость моя слыла,
А нынѣ то стала что ана отпала.
- № 126. Разные мысли в сердце ощущаю, || Мирские вещи ни во что вмѣняю.
- № 127. Во великои печали всегда пребываю, || По тебе моя радость часто въздыхаю.
- № 128. Просиль зять тещу к себѣ на пива: || Теща моя ласковая будь добра.
- № 129. Присмотри в печали другъ любви сердечной
Коликие текутъ мысли к любви безконечно 2.
- № 130. Гей доки доки такъ тяжво въздыхати
Чась по жалобѣ покой сердцу дати.
- № 131. Что в томъ есть забавы чество повреждать,
Пора ету шутку 2, || всемъ перемѣнить.
- № 132. Я в пустыню удалюсь отъ прѣкрасныхъ здешнихъ местъ;
Сколько горестѣй смѣртѣльныхъ я в разлуки должна снести.

- № 3. Сборникъ народныхъ нѣсенъ, духовныхъ стиховъ, романсовъ и другихъ стихотвореній.** Рукопись въ продолговатую 4 д. л. (XIV. Ф. № 98), писана скорописью XVIII вѣка на 48 листахъ. На первомъ листѣ: сія книга принадлежитъ адъютанту Ивану Семенову 1767 года. Изъ собранія С. А. Соболевскаго.
- № 1. Грядеть Христось ко Иордану, || Возглаголетъ ко пророку Иоанну,
Отъ таинъ преславныхъ таину несказанну.
- № 2. Апостоли с конца света | Собрашася для совета 2.
- № 3. Златокованую 2 трубу, || Восхвалимъ днесъ свирель пастырскую
И не излосшаго песнь мусикскую.
- № 4. Всіи языцы, всехъ странъ лица, || Восплещите, воскликните всіи красно согласно
Слава Богу по премногу.
- № 5. Народился намъ Спаситель, | Всего мира искупитель,
Понте воспоите лики во веки торжествуйте ликуйте 2.
- № 6. Приде архангелъ въ Назаретъ ко девѣ,
Приноситъ радость праматере Еввѣ.
- № 7. Радуйся царице наша заступнице, | Небеснаго пелекана маткою названна 2.
- № 8. В день Христова Рождения, веселимся зде, благо намъ везде,
Хвалу Богу, пети начнемъ, по оной звездѣ. 2.
- № 9. Торжествуи Россіе с воиномъ преславнымъ,
Егда есть венчанна орломъ двоеглавнымъ.
- № 10. Кто крепко на Бога упова, той недвижимъ смотреть на вся злая;
Ему и в народе мятежь бедны, не страшень мучитель зверовидный.
- № 11. Не плачь Рахиль зря чада целы, || Не увѣдаютъ, но процвѣтають 2.
- № 12. Гряди нашъ светъ Елисаветъ,
В градъ самодержавны Петромъ основанны | Великимъ во вѣки.
- № 13. Вивать преславна самодержавна || Благости дверь
Елисавета на многа лета | Петрова дщерь.
- № 14. Днесъ вся Россія распрострирай длани. || Егда царице, дадеся держава.
Вѣнчанна 3 главою 2.
- № 15. Порознь фартуна дары изливала,
Порознь во свете царемъ роздавала.

- № 16. Прочь отступай прочь, | Печальная ночь.
- № 17. Что в томъ есть забавы, честь чью повредить,
Пора эту шутку всемъ переменить.
-
- № 1. Где, где, ахъ где укрыться, | О грозной день лютейшей часъ.
- № 2. Прости мой светъ в последни разъ | И помни какъ тебя любилъ.
- № 3. Поверь мой светъ люблю тебя | Лишь толко то сказать стыжусь.
- № 4. Вся во мне вспламенилась кровь | Чувствую любовь.
- № 5. Полноли духъ мой возмущать | Надоль жалость ахъ иметь.
- № 6. Поди ноги Надежда прочь | И полно щастье мне сулить.
- № 7. Доколе имамъ сердце сокрушати, | Доколе очи в слезахъ погружати 2.
- № 8. Приди, друже ко мне посмотри что зло мне,
Радость вся пропала и сердце упало 2.
- № 9. Посмотри в печали другъ любви сердечной
Коликие текутъ мысли в любви бесконечной.
- № 10. Толь награда за мою верность прямую ревность искренности
За добродетель платитель такой что можно всяко рассуждати.
- № 11. Ахъ какъ трудно жити без друга на свете,
Ково верно люблю невозможно зрети.
- № 12. Кая притчина что мя безвинно | Скорымъ отказомъ отлучаешь.
- № 13. Сердцу невозможно бес печали жить
Кто любить неложно нелзя не тужить.
- № 14. Ахъ мое сердце дай себе покой | Об моемъ друге печално не пой.
- № 15. Я нигде не веселюсь, я везде вздыхаю,
Все смущенно все грущу, отчего не знаю.
- № 16. Красота ль мая преизлична, ясны светъ очей моихъ,
Что мя чинишь преобразна сладостей устенъ твоихъ.
- № 17. Теперь уже ты знаешь, что я люблю ты скажешь
Когда маню рукою | Поди 3 сюда драгой.

- № 18. Чувствую скорби люты ! Самыя тоя минуты, самыя з.
- № 19. Ахъ что есть в свете и в свете но все противное
Не могу жить умрети сердце тоскливое.
- № 20. На далине за ручьемъ пастушка гуляла.
Глядя туды и сюды нечто примечала.
- № 21. При патокахъ на берегу плакала пастушка,
Припадая к пастуху говорить: не шутка
Вонъ купида тамъ летить.
- № 22. Поди прочь, не докучай мне молодець 2,
Я привыкла здесь одна пасти овецъ.
- № 23. Собирались красныя девки за околицу гулять,
Чтобъ когда стадо погонять—овець с поля перенять.
- № 24. Какъ отъ солнца день прекрасной, от воздуха весна ясна
Тамъ реки и потоки очень быстры, и глубоки 2.
- № 25. Отправляясь в дорогу не бояся мелкихъ водъ
Шель берегомъ по логу нанявъ судно в походъ.
- № 26. Житье в море беспокоино, а я челнокъ малы
Посреде волнь безнадеженъ, бьютъ отвсюу волны.
- № 27. Скорпионская злоба меня сокрушаетъ
Левская ярость познастми (sic) терзаетъ.
- № 28. Ой люди, люди, что не разсудливы, || Не разсудливы и не разсуждаютъ.
- № 29. В чемъ я кому виновать, за что погибаю,
Что я от злыхъ человекъ пакою не знаю.
- № 30. Играть в карты беспокойно, а я игрокъ бедны,
Проигрался, промотался, подержался едны.
- № 31. Вдругъ настала перемена: везде в море кипить пена
Сверху неба потемнело: кругомъ моря почернело.
- № 32. Идетъ казакъ из Украины мушкетъ за плечами,
За нимъ идетъ девчиненка с черными очами.
- № 33. Разыгрались красны девки на зеленомъ на лугу,
Гдѣ собравшись хороводомъ и плесали во кругу.

- № 34. Прочь бегу я сът чернилъ | Промыслъ мнѣ такой не милъ.
- № 35. Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына
Протекала пролежала мать Камышенна река.
- № 36. Ахъ! вы выходы, выходы | Погреба Государева.
- № 37. Ахъ талан ли мой талантъ таковъ | Или участь моя горкая.
- № 38. Не шуми мати зеленая дубровушка,
Не мешай мнѣ доброму молатцу думу думати.
- № 39. На заре то было братцы на утренней,
На восходе краснова солнышка. (о Стенькѣ Разинѣ)
- № 40. Ты воспой, воспой младъ живоронекъ,
Сидючи весной на проталенке.
- № 41. У насъ то было братцы на тихомъ Дону,
На тихомъ Дону во черкасскомъ городу. (о Разинѣ)
- № 42. Ахъ ты садъ ли ты мой садочикъ | Садъ да зеленое винограде.
- № 43. Ахъ ты поле мое, поле чистое | Ты раздолье мое широкое.
- № 44. Забывай мѣня любезной | Ты навѣки забывай.
- № 45. Внизъ то было по матушке Камышенѣ рекѣ
Супротивъ то было устьяца Самары рѣки (о кн. Семенѣ Конст. Карамышевѣ)
- № 46. Какъ у нашева широкова двора
Собирались красны дѣвушки въ кружокъ.
- № 47. Во селѣ, селѣ Покровскомъ, среди улицы большой
Разъ игралась расплясалась красна девица душа.

№ 4, Рукопись въ 4 д. л. (Q. отд. XIV № 9) изъ библиотеки графа Ф. А. Толстова (отд. V, № 7). Писана полууставомъ поморскаго письма въ концѣ XVIII вѣка, на 9 листахъ.

1. Стихъ святыхъ благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба обою брату о оубиени брата Сватополка зѣло душеполезна и оумилителна.

Восточная держава Киева града:
Владимеръ князь имѣлъ оу себя три сыны;
Старѣйшаго Сватополека;
Меншаго Бориса и Глѣба;

2. Стихъ къ пресвятѣй госпоже Богородицѣ и присно Дѣвы Маріи, зѣло оумилныи и душеполезный.
Чюдная царица Богородице;
Оуслыши молитву рабъ своихъ;
Прими наши слезы теплыя;
Не лиши насъ царства небеснаго;
Избави насъ муки вѣчныя;
3. Стихъ в недѣлю цвѣтѣную, святаго праведнаго Лазара зѣло душеполѣзна.
Радуиса зѣло дщи Сионе;
Се царь твой вседа на коня;
Софоніа вопиеть Захаріа глаголетъ;
Владыцѣ срѣтши падите и принесите;
Днесъ ваіа финива;

III.

ДВА ОТВѢТА

на 56-й запросъ программы Съѣзда.

Доложены въ засѣданіи 16 августа академикомъ *И. И. Срезневскимъ*.

(См. докладъ въ Протоколахъ Съѣзда, с. СХХI).

1) ОБЪ „ОБЛИЧЕНІИ НА СОЛОВЕЦКУЮ ЧЕЛОБИТНУЮ“ ЮРІЯ КРИЖАНИЧА.

Сообщеніе *И. М. Добротворскаго*.

Въ Казани, сколько мнѣ извѣстно, въ общедоступныхъ библіотекахъ нѣтъ раскольничьихъ рукописей, несомнѣнно относящихся къ XVII вѣку; да и вообще Казань не славится обиліемъ раскольничьихъ рукописей, въ особенности изъ произведеній мѣстныхъ. Но считаю не безъинтереснымъ обратить вниманіе Съѣзда на важное для исторіи полемики съ расколомъ сочиненіе, имѣющееся въ моемъ распоряженіи, письма второй половины XVIII в. Это „Обличеніе на Соловецкую Челобитную, сочиненное убо на сербскомъ языкѣ Юріемъ Сербяниномъ, преведено же на славенскій діалектъ московскія типографіи справщикомъ Ѳеодоромъ Поликарповымъ, въ лѣто отъ воплощенія 1704, мѣсяца августа въ день“. Обличеніе на Соловецкую Челобитную Юрія Крижанича замѣчательно: 1) тѣмъ, что писано въ самомъ началѣ отдѣленія раскольниковъ отъ православной церкви (не позже 1675 г.) и представляетъ первое послѣ „Жезла“ Симеона Полоцкаго обстоятельное разсмотрѣніе раскольническихъ возраженій противъ православной церкви; 2) тѣмъ, что писано челоукомъ весьма ученымъ, замѣчательнымъ славянскимъ мыслителемъ XVII в., съумѣвшимъ взглянуть на дѣло раскольниковъ несравненно глубже, нежели какъ понимали его сами расколоучители и современныя имъ обличители раскола въ „Увѣтѣ“, „Пращицѣ“ и под.; 3) тѣмъ, что

есть единственное полемическое сочиненіе, писанное противъ русскихъ раскольниковъ католическимъ священникомъ и, за исключеніемъ двухъ-трехъ латинскихъ мнѣній, въ существенномъ съ силою поражающее расколь, и потому пользовавшееся особеннымъ уваженіемъ и употребленіемъ у православныхъ современниковъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, не исключая самого великаго преобразователя Россіи Петра; 4) тѣмъ, что, не смотря на свои достоинства и уваженіе современниковъ, чрезвычайно быстро исчезло изъ употребленія вмѣстѣ съ другими замѣчательными сочиненіями Крижанича, такъ что первыя извѣстія о немъ въ ученой литературѣ появляются только въ половинѣ настоящаго столѣтія и разборъ его сдѣланъ проф. Смирновымъ только въ 1860 году (въ „Твор. свв. отц.“); и наконецъ тѣмъ, 5) что имѣется въ отличномъ переводѣ извѣстнаго въ свое время литературнаго дѣятеля Федора Поликарпова, справщика московской (синодальной) типографіи, въ переводѣ до того рѣдкомъ, что самый послѣдній и самый добросовѣстный и неутомимый изслѣдователь жизни Крижанича и издатель лучшихъ трудовъ его, П. А. Безсоновъ, считаетъ извѣстіе объ этомъ переводѣ Калайдовича, а за нимъ и другихъ ученыхъ, сомнительнымъ и существованіе перевода Поликарпова „призракомъ“ (Юр. Криж., П. Безсон., М. 1870. стр. 34, прим.).

Въ заключеніе къ этому сообщенію считаю нужнымъ присовокупить, что „Обличеніе на Соловецкую Челобитную“ Юрія Крижанича въ переводѣ Поликарпова приготовлено мною къ печати и въ непродолжительномъ времени будетъ издано.

2) О РАСКОЛЬНИЧЬЕЙ РУКОПИСИ КОНЦА XVII В.

Сообщеніе *И. С. Некрасова.*

Такъ какъ въ программѣ IV-го Археологическаго Съѣзда высказано желаніе — *опредѣлить, какія именно раскольниковыя сочиненія XVII вѣка дошли до насъ въ спискахъ несомнѣнно относящихся къ этому вѣку*, то я съ своей стороны имѣю честь сообщить Съѣзду свѣдѣнія объ одной рукописи, принадлежащей мнѣ. Рукопись эта въ 16-ю долю листа въ деревянномъ переплетѣ, обтянутомъ кожею, съ мѣдными застежками. Она писана на плотной бумагѣ мелкимъ полууставомъ. Какъ по бумагѣ, такъ и по письму, она принадлежитъ концу XVII вѣка. Между раскольниковыми рукописями немного найдется рукописей такого древняго и хорошаго письма. По отчетливости и достоинству письма съ нею наряду могутъ быть поставлены развѣ поздніе списки поморскіе. Для наглядности прилагаю снимокъ съ первой страницы этой рукописи. Въ ней содержится:

1) „Послание блаженнаго страдальца и старца авраамія к великому князю и гдрю царю александру михайловичю, вса велика и мала и бела росси самодержца; дабы далъ праведныи судъ, со злымъ сосздомъ дьявольскимъ синкономъ патриархомъ и спручимъ его темныи властми“.

Црю гдрю и великому князю александру михайловичю вса велика и мала и бела росси самодержца. Бьетъ уело бгомолецъ твои грешини уернецъ авраамин. на власти великого московскаго гдрства твоего. онъ власти острнган мене бгомолца твоего, нснани клобокъ нкманавез и мантлю и градскому суду предали нсо рон го году, фсера съ ги унсла, ндосего времени держимъ закрпкимъ кароуломъ яко злодѣи. авины ндсобою никакон пред ними властми неокрѣтаю, толко мало нзрекъ имъ. правдѣ ѿ догматехъ црковныхъ имъ многое блаженіе вкнигахъ нхъ правленыхъ объявилость, и онъ власти сего ради нахѣдость мою прогнѣвались и молю грешиникъ нзволь гдрь матрпно послыша.....

2) На 116 стр. «Послание инока авраамія страдальца к нѣкоему бголюбцу».

3) На 125 стр. «Прѣніе священно діакона фсодора смитрополито афанасіемъ иконинскимъ ѿ сложеніи персть в знаменіи кртномъ. нже бы в лето /зрос».

Послѣ 143 страницы идетъ уже другою рукою XVIII вѣка, „списокъ стелобитнои соловецкаго митра“, — чѣмъ и оканчивается рукопись.

IV.

„СКАЗАНИЕ О СОЛОВЕЦКОМЪ МОНАСТЫРѢ И ОБЪ АЕОНѢ“.

Сообщеніе *Н. И. Петрова* (*).

Подъ этимъ заглавіемъ мы нашли въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVIII в., принадлежащемъ Кіевской Духовной академіи (*), небольшое сочиненіе, заключающее въ себѣ сравненіе Соловецкаго монастыря съ Аѳонскою горою. Сказаніе это интересно по своему тенденціозному взгляду, отдающему предпочтеніе Аѳонской горѣ предъ Соловецкимъ монастыремъ, и въ этомъ отношеніи представляетъ нѣкоторую противоположность Соловецкой Челобитной и соловецкимъ отпискамъ государю. Его можно раздѣлить на три части: предисловіе, изложеніе и заключеніе.

Въ предисловіи указываются нѣкоторые сходные пункты между Аѳономъ и Соловецкимъ монастыремъ. „Соловецкій монастырь,—говорится здѣсь,—во многихъ вещехъ подобится первому монастырю святогорскому лаврѣ: также и первенствуетъ на островѣ своемъ, якоже первенствуетъ лавра во св. горѣ, и основаніемъ дологъ, якоже и лавра, подобнѣ также и на трое прегражденъ, но градъ большій иматъ отъ лавры; также и на море зреть, якоже лавра. И хотѣхъ быхъ по симъ подобіемъ назвати Соловецкій островъ въ рускомъ государствѣ Аѳонскою горою, но недостатокъ великій сему быти не оставляетъ; недостатокъ бо велій есть въ Соловецкомъ монастырѣ (островѣ) прі Аѳонской горѣ, яко же здѣ въ сей книгѣ по желанію нѣкихъ объявлено будетъ“.

Въ самомъ изложеніи пунктуально доказывается, почему Соловецкій монастырь не можетъ идти въ сравненіе съ Аѳонскою горою. Во первыхъ, Соловецкій островъ меньше Аѳонской горы; во вторыхъ, на немъ одинъ монастырь, а на Аѳонѣ 20; въ третьихъ, верхъ Аѳона несравненно выше, чѣмъ *сектрная варака* на Соловецкомъ островѣ; въ четвертыхъ, на Соловецкомъ островѣ случайно нашелся только

(*). Объ этомъ сообщеніи см. въ докладѣ И. И. Срезневскаго въ засѣданіи 16 августа.—Протоколы Съезда, стр. СХХІ.—Читано это сообщеніе на Създѣ не было.—*Примѣч. Редакц.*

(*). См. Описаніе рукоп. Церковно-археол. музея Кіев. академіи, № 294, л. 176.

одинъ пустынножитель, а на Аѳонской горѣ ихъ безчисленное множество и между ними есть великіе подвижники; въ пятыхъ, на Соловецкомъ, или точнѣе, на Анзерскомъ островѣ есть только одинъ скитъ съ каменною церковію и 17-ю келліями, скорѣе похожій на монастырь, а на Аѳонской горѣ, кромѣ монастырей и особыхъ скитскихъ келлій, находятся четыре великіе скита. Пункты, съ 6-го по 9 включительно, касаются различія между Соловецкимъ островомъ и Аѳономъ относительно рыбы, хлѣба, ягодъ, огородныхъ овощей и вообще пищи, а 10-й и 11-й — различія относительно воды и лѣса. Перечисливъ эти различія, авторъ замѣчаетъ: „аще ли бы вѣдалъ сію нужду, еже отвѣщати ми о нихъ здѣ, болѣе бы потщался о всѣхъ увѣдати порядно и написати о нихъ. Но разумному читателю, мню, яко довольно будетъ ко вразумленію и сего краткаго повѣствованія,— и отъ сего мощно познати, чимъ разньствууетъ Святая гора отъ Соловецкаго монастыря и острова, и чимъ разньствуютъ монастыри святогорстїи и скиты святогорстїи отъ скитовъ соловецкихъ и пустынники святогорстїи отъ пустынниковъ соловецкихъ“.

Въ заключеніи, повидимому послѣ прибавленномъ, находятся мысли о высококомъ значеніи Аѳонской горы въ православномъ мірѣ и о превосходствѣ ея предъ Соловецкимъ монастыремъ. „Во Аѳонской горѣ,—говоритъ авторъ сказанія,—совершенное есть монашество, корень же і источникъ нашего благочестія, и аще кому хотѣти о вѣрѣ научиться, тамо обрящеть премногія и праведныя книги писанныя на хартіяхъ древнія..., в нихже предлежитъ блгочестивое нашея вѣры законоположеніе цѣло и невредимо, якоже изначала, тако і нынѣ, и жители тамошніи не страждутъ въ вѣрѣ измѣненія никоего же, якоже изначала содержаху, тако і нынѣ, все по единому чину совершается у нихъ божественное пѣніе, якоже въ церквахъ, тако і в келліяхъ. Житія и чина, і всего устроенія монашескаго тамо есть совершенное преданіе и старчество, и невозможно ей уподобитися Соловецкаго острова, не токмо всей святой горѣ, но ниже единому малому скитскому пребыванію святогорскому. И по елику скитское житіе святогорское превосходитъ соловецкаго, по толику і обители святогорстїи обитель Соловецкую церковнымъ чиномъ, и житіемъ монашескимъ, і вѣдѣніемъ, что есть монашество, и красотою мѣста, и благодатію, отонуду же и нарицается *переволь панагій*, сирѣчь садъ Пресвятыя Богородицы“...

„Аще же кто речеть, яко і Аѳонская гора имать неполезное в себѣ, сирѣчь змїи пресмыкающіяся по земли, Соловецкій же островъ сего не имать, і сіе истинну глаголетъ, яко обрѣтаются во Аѳонской горѣ змїи, но мало и рѣдко, идѣже истина показуется, яко азъ (глаголетъ писатель) жихъ тамо тринадцать мѣсяцовъ, и колико хождахъ по всей горѣ во вся монастыри і во многія пустыни

по путехъ і не по путехъ, идѣже и заблуждахъ, і во все то время точію трижды видѣхъ не вѣмъ коего роду змія ли или ужъ пресмыкающееся величествомъ пядей пяти. И толико есть вреждающаго во Афонстѣй горѣ, но и то есть по тѣлеси“.

„В Соловецкомъ же островѣ обрѣтается и по души. Есть бо внутри обители Соловецкіе живутъ много множество птицъ бѣлыхъ, зовомыя чайки, величиною съ гуся. Прилетаютъ же весною и живутъ въ монастырѣ все лѣто и плодятся, и дѣти взводятъ, а гнѣзда свои имѣютъ на земли при путехъ, идѣже ходятъ монахи въ церковь, а птицы неугомонныя воіюютъ непрестанно гласы великими отъ утра даже и до вечера, многожды же и ноцію; к нимже еще въ прибавку и другой родъ птицы же, глаголемыя гогары, подобне кричатъ. І отъ сихъ птицъ велія тщета творится монахомъ: первое, отъ множества гласовъ птицъ сихъ лишаются монахи благоутишія і не могутъ внимательно книги почести. или помолитися и умъ собрати; второе, егда видятъ ихъ біющихся и играющихъ и сходящихся, плѣняются умомъ тѣи і сами приходятъ въ страсти; третіе, яко и жены и дѣвицы і монахини часто приѣзжаютъ в Соловецкой монастырь. І сіе по души. Есть же в Соловецкомъ островѣ вреждающее и по тѣлеси, си есть мшицы, комары и слѣпни, отъ нихже великое стуженіе имутъ человекы“.

„Во Афонской же горѣ сего соблазна нѣтъ, ниже чайки прилѣтаютъ, ниже жены приходятъ, ни оводовъ никакихъ нѣтъ, точію вмѣсто оводовъ сихъ вреждающихъ даровалъ имъ Богъ полезныя мухи, сіе есть пчелы, отъ нихже изобилуетъ къ церковному служенію воскъ и медъ. Но Афонская гора и в зимное время иматъ отраду“.

„Соловецкой же островъ иматъ ожесточеніе и хладъ и мразъ, тартару подобный. В Соловецкомъ островѣ зимою бываетъ ночь глубока і темная и мрачная, яко мнѣти всей зимѣ единой ноци протяженной быти, лѣтомъ же день великъ, а ночь мала, и есть якобы все лѣто единъ день былъ; да и солнце точію свѣтъ творить, плодовъ же не израстаетъ“.

„Во Афонской же горѣ солнце і свѣтъ творить, и теплоту подаетъ, і плоду поспѣшествуетъ; къ сему же во Афонской горѣ высота горы і холмовъ и различіе древесъ і плодовъ и приближеніе прежеланнаго края Іерусалима многу радость творить жителемъ“.

„В Соловецкомъ же островѣ низость мѣста, болота непроходимыя и дресва безплодная и суровыя, и удаленіе странъ, и хладъ нестерпимый, и темныя и предолгіе ночи велико уныніе и печаль и страхъ сотворяютъ человекомъ и плачевную жизнь содѣвають“.

„Сихъ ради всѣхъ вышеписанныхъ разньствъ невозможно есть уподобити Соловецкого острова Афонской горѣ небывающему тамо і невидающему избранная оная мѣста і обители і скиты... Афонская бо гора столица есть іноческая, начало і основаніе, корень и істочникъ монашества, і по внѣшнему і по внутреннему житію, не токмо нашихъ мѣсть и обителей отшельническихъ, но ниже и инде гдѣ обрѣтающихся, якоже повѣствуютъ о горахъ, яже суть въ Сербской земли около Дуная рѣки, ихже называютъ тѣя горы второю Афонскою горою; но ниже сія есть мощно уравнити Афонской горѣ, понеже посреди мирскаго житія обрѣтаются и близъ всякаго соблазна“.

„Афонская же гора отъ всякихъ соблазновъ есть чиста, еяже хранитъ и снабдѣваетъ сама Пресвятая Богородица чистотою своею, на ея же чистоту взирающе жители афонстіи творятъ и себе чистыхъ по возможному. Но и самое мѣсто помогаетъ имъ жити въ чистотѣ; не имутъ бо, якоже выше писася, никоего же соблазна, ни порушенія о вѣрѣ, но пребываютъ въ преданіихъ отеческихъ, яко столпи непоколебиміи на ихже постоянство грозящеся грызутъ зубы еретики латинніки, яко не покоряются имъ, но и отъ сихъ прещенія избавляетъ ихъ Богъ судебно чрезъ владѣтельство турецкое, якоже пишется во откровеніи *поможе земля жень*, сиче и турецкое царство препа латинниковъ своеволю, во еже бы нападати и ратовати на сію, *и поможе жень*, сирѣчь церкви святѣй, парящей в пустыни сей двѣма крылы орла великаго, сирѣчь двѣма языки греческимъ и славенскимъ Бога славящихъ жителей, до времени, дондеже исполнѣтся совѣтъ Господень, і времена, яже положи во своей власти, ему же отъ вся твари буди честь и слава во вѣки вѣковъ аминь“.

Спрашивается: когда и кѣмъ составлено это сказаніе, и какое оно имѣетъ значеніе въ русской письменности?

Къ сожалѣнію, это безымянное сказаніе дошло до насъ въ копіи, и по списку его мы не можемъ судить о времени его составленія. Остается прибѣгнуть къ внутреннимъ признакамъ и сопоставленію ихъ съ историческими обстоятельствами. Въ сказаніи говорится объ Анзерскомъ скитѣ, что въ немъ церковь каменная и 17 келлій братскихъ. Подтвержденіе же построить каменную церковь въ Анзерскомъ скиту послѣдовало въ 1648 году. Около 1650 года было здѣсь 17 иноковъ, на каковое число въ 1655 году и положенъ былъ полный окладъ ружнаго и денежнаго жалованья ('). Слѣдовательно, сказаніе не могло быть составлено ранѣе 1650 года. Но оно не могло быть писано послѣ явнаго возмущенія,

(') Географическое, историческое и статистическое описаніе ставропегіальнаго первокласнаго Соловецкаго монастыря, архим. Досифея, 2 изд., 1853 г., ч. II, стр. 5—12.

обнаружившагося въ Соловецкомъ монастырѣ съ 1666 года (¹). такъ какъ ни ма-
дѣйшаго намека не дѣлаетъ на это возмущеніе, хотя, сообразно съ своею цѣлю,
и должно было упомянуть объ этомъ возмущеніи. Есть даже основаніе полагать,
что сказаніе составлено не позже 1658—1659 годовъ. Толкованіе словъ открове-
нія: *и поможетъ земля женѣ*, находящееся въ концѣ сказанія, заимствовано изъ
сказанія нѣкоего божественнаго Стефана, „О святѣй горѣ Аѳонскѣй, како бысть
въ жрѣбій прѣсвятѣи владычици нашей богородици, и како святаа гора наре-
чесе и въ периволь (садъ) ее“ (²), и проч. Сказаніе Стефана, извѣстное у насъ
еще Максиму-Греку (³), переведено было на русскій языкъ и помѣщено въ книгѣ
„Рай мысленный“, изданной при патріархѣ Никонѣ въ 1658—9 г. въ валдай-
скомъ Иверскомъ монастырѣ (⁴). Но такъ какъ авторъ нашего сказанія не ссы-
ляется на это изданіе, то, вѣроятно, писалъ свое сказаніе до 1658—9 г., поль-
зуясь сказаніемъ Стефана въ подлинникѣ.

Итакъ, разсматриваемое нами сказаніе составлено между 1650—1658 годами.

Въ сказаніи о Соловецкомъ монастырѣ и объ Аѳонской горѣ есть нѣкоторыя
указанія и на личность его автора. Онъ часто употребляетъ греческія слова и вы-
раженія и иногда показываетъ ихъ словопроизводство, слѣдовательно хорошо зна-
етъ греческій языкъ. Въ Аѳонскомъ скитѣ Каресѣ онъ видѣлъ и читалъ, и списалъ
для себя уставъ св. Саввы Сербскаго, слѣдовательно понималъ и по сербски, хотя
въ его рѣчи и не замѣтно сербизмовъ. Затѣмъ, русская рѣчь его сказанія не вездѣ
правильна и чиста. Изъ этого мы заключаемъ, что авторъ нашего сказанія былъ
Грекъ, хотя знакомый съ сербскимъ и русскимъ языками, но не вполне владѣв-
шій ими. По словамъ сказанія, онъ жилъ на Аѳонѣ 13 мѣсяцевъ и ходилъ по
всей горѣ и во всѣ монастыри и во многія пустыни „по путехъ и не по путехъ“,
знакомъ отчасти съ Кіевомъ и его растительностію, жилъ нѣсколько времени на
Соловецкомъ островѣ и писалъ свое сказаніе по возвращеніи оттуда, п. ч. вездѣ
говоритъ о своей жизни на Соловецкомъ островѣ въ прошедшемъ времени. По-
стараясь по этимъ примѣтамъ узнать автора нашего сказанія между извѣстными
греческими выходцами въ Россію въ XVII вѣкѣ и особенно въ патріаршество
Никона, ко времени котораго относится сказаніе.

Изъ множества Грековъ, пріѣзжавшихъ въ Россію въ XVII вѣкѣ, многіе ссы-
лаемы были въ Соловецкій монастырь. „Мы не замѣтили, — говоритъ Павелъ
Алеппскій, посѣщавшій Москву въ 1649 г., чтобы ихъ (Грековъ) любили сколько-

(¹) Тамъ же, ч. I, стр. 150.

(²) Аѳонъ, преосвященнаго Порфирія, въ Трудахъ Кіев. д. акад., августъ, 1871 г.

(³) Сочин. Максима Грека, казанск. изд., ч. III, стр. 111.

(⁴) Указатель старопечатныхъ книгъ, Ундольскаго, стр. 85, № 746.

нибудь казаки, а москвичи вовсе не хотят ихъ пускать къ себѣ, и Богъ знаетъ, сколько ихъ разослали въ Сибирь и въ монастырь на полуночномъ морѣ (т. е. Соловецкій) и отправили назадъ еще изъ Путивля“ (¹). Имена этихъ Грековъ большею частію были забыты нашею исторіею, какъ незначительныя; но она едва ли могла забыть Грековъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ судьбахъ русской церкви и письменности, къ числу которыхъ несомнѣнно принадлежалъ авторъ нашего сказанія. Въ длинномъ же перечнѣ Грековъ, принимавшихъ или желавшихъ принимать участіе въ дѣлахъ русской церкви (²), мы пока знаемъ только двухъ лицъ, къ которымъ могутъ подходить внутреннія примѣты сказанія, это — архимандритъ Діонисій и Арсеній Грекъ, бывшіе у насъ книжными справщиками въ патриаршество Никона. Оба они пришли съ Афона, гдѣ былъ и авторъ нашего сказанія. Но указанныя примѣты скорѣе идутъ къ Арсенію Греку, чѣмъ къ архимандриту Діонисію, потому что, во-первыхъ, къ Діонисію, какъ достигшему званія архимандрита Иверскаго на Афонѣ монастыря, не могутъ быть отнесены слова сказанія, что авторъ его былъ на Афонѣ только 13 мѣсяцевъ и притомъ велъ здѣсь скитальческую жизнь; — во-вторыхъ, нѣтъ извѣстія о томъ, чтобы архимандритъ Діонисій былъ когда-либо въ Соловецкомъ монастырѣ. Напротивъ, все это какъ нельзя болѣе идетъ къ Арсенію Греку и легко укладывается въ его біографію. Арсеній Грекъ былъ родомъ изъ Солуны, человекъ ученый, получившій образованіе въ западныхъ училищахъ. Въ 1649 году онъ выѣхалъ съ Афона съ іерусалимскимъ патриархомъ Паисіемъ въ Россію и, видя здѣсь недостатокъ въ ученыхъ людяхъ, остался въ Москвѣ, скрывшись отъ патриарха Паисія (³). Раздраженный Паисій написалъ съ Литовскаго рубежа письмо къ царю Алексѣю Михайловичу, отзываясь объ Арсеніѣ Грекѣ, „что многимъ языкамъ книженъ и грамотамъ, а много въ немъ и иныхъ вѣръ обычаевъ, и вамъ бы его разсмотрѣти гораздо, былъ де онъ и въ жидовствѣ“. Вслѣдствіе такого извѣта, русское правительство сослало Арсенія въ Соловки на испытаніе. Соловецкіе отцы нашли у Арсенія Грека, по свидѣтельству одной раскольнической рукописи, здравое исповѣданіе православныя вѣры, заключавшееся будто бы въ имени Ісусъ, вмѣсто Іисусъ, и въ признаніи двуперстнаго крестосложенія. Неправо обрѣли въ немъ то, что онъ носилъ рубашку бязинную, поясъ шелковый, а креста на немъ Арсеніѣ не было; что ему не нравилось класть земные покло-

(¹) Изученіе византійской исторіи, Ф. Терновскаго, вып. 2, 1876 г., стр. 47.

(²) См. этотъ перечень въ Православн. Обзор., 1872 г., 2-е полугодіе, стат.: «Очеркъ исторіи просвѣщенія у Грековъ со времени взятія Константинополя Турками», стр. 56—57.

(³) Изученіе визант. исторіи, Ф. Терновскаго, вып. 2, стр. 84 и сл.; см. о поданіи челобитной Саввы Романова.

ны въ церкви и въ келліи, что онъ мало радѣлъ о постѣ и, по его собственному признанію, будучи въ чужихъ государствахъ, нѣсколько разъ перемѣнялъ вѣру ради школьнаго обученія. „А у насъ въ Соловецкомъ монастырѣ,—говорить рукопись,—научился и грамотѣ словенской, и какъ сталъ наши книги русскимъ языкомъ прочитатъ, и онъ похвалялъ: „у васъ де еще истинна есть предъ нашими книгами во всемъ“. Арсеній прожилъ на Соловкахъ около 2-хъ лѣтъ ⁽¹⁾. Когда Никонъ, будучи еще новгородскимъ митрополитомъ, былъ въ Соловецкомъ монастырѣ за мощами святителя Филиппа, митрополита московскаго, то Арсеній Грекъ предрекъ ему будто бы патріаршество и за это взятъ былъ Никономъ въ Москву и приближенъ къ нему. Сдѣлавшись патріархомъ, Никонъ взялъ Арсенія Грека къ себѣ въ келлію и потомъ въ казначей ⁽²⁾, и наконецъ поручилъ ему обученіе юношества, переводы съ греческаго и наблюденіе за печатаніемъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Ученый иностранецъ Олеарій съ одобреніемъ отзывается о педагогической дѣятельности Арсенія. Труды Арсенія Грека переведены: а) Іоанна монаха, Наѳанаила Скрижали духовныя, присланныя Никону Паисіемъ Іерусалимскимъ и напечат. въ Москвѣ 1656 г.; б) Анеологіонъ, напечат. въ Москвѣ 1660 г., и в) Дороея Монеувасійскаго, Книга историчная, сирѣчь Хронографъ, переведенная имъ вмѣстѣ съ святогорцемъ архимандритомъ Діонисіемъ Грекомъ ⁽³⁾. Но главная работа Арсенія состояла въ книжномъ исправленіи, которое поручено было ему совместно съ ученымъ святогорцемъ, архимандритомъ Діонисіемъ Грекомъ, съ Епифаніемъ Словинецкимъ и другими кievскими учеными. „И паки потомъ (Никонъ),—говоритъ Савва Романовъ,—учини его (Арсенія) быти первымъ справщикомъ на печатномъ дворѣ и далъ ему волю въ книгахъ. Онъ же самую первую головную книгу, по которой священнодѣйство совершается, еже есть служебникъ, испревратилъ по своему суетному мудрованію, а не по св. отецъ преданію; потомъ октаи, и минеи, часословы и псалтыри, и апостолы, и евангелія“ ⁽⁴⁾, и проч. Впослѣдствіи Арсеній Грекъ, во время суда надъ патріархомъ Никономъ, присталъ на сторону враговъ его, между прочимъ сблизился съ Паисіемъ Лигаридомъ, перевелъ на русскій языкъ благодарственное слово его царю Алексѣю Михайловичу, за что получилъ бархатную рясу ⁽⁵⁾.

⁽¹⁾ Изученіе визант. исторіи, Ф. Терновскаго, вып. 2, стр. 84—85.

⁽²⁾ О поданіи челобитной, Саввы Романова, рукоп. Кіев. акад. о. 8. 46, л. 28, по Описанію № 251.

⁽³⁾ Изученіе визант. исторіи, Ф. Терновскаго, вып. 2, стр. 86; см. стр. 71.

⁽⁴⁾ О поданіи челобитной, Саввы Романова, рукоп. Кіев. акад. о. 8. 46, л. 28 об., по Описанію № 251.

⁽⁵⁾ Обзоръ Русской Духовн. литературы, Филарета, I, № 225.

Очевидно, всѣ внутреннія примѣты Сказанія какъ нельзя лучше идутъ ко всѣмъ частностямъ біографіи Арсенія Грека. Будучи солунскимъ уроженцемъ, онъ могъ знать славянскій языкъ и читать и списывать для себя уставъ св. Саввы Сербскаго, чѣмъ и объясняется приглашеніе его въ свиту Паисія, патриарха іерусалимскаго, можетъ быть, въ качествѣ толмача. Затѣмъ, какъ и авторъ сказанія, Арсеній Грекъ, по свидѣтельству раскольнической рукописи, былъ съ патриархомъ Паисіемъ въ Кіевѣ (¹), жилъ нѣсколько времени въ Соловецкомъ монастырѣ и научился здѣсь грамотѣ словенской, такъ что, по возвращеніи оттуда, могъ переводить книги съ греческаго языка на славянскій. На этомъ основаніи „Сказаніе о Соловецкомъ монастырѣ и объ Аѳонской горѣ“ мы приписываемъ Арсенію Греку, которому можетъ также принадлежать переводъ книги „Рай мысленный“, изданной въ 1658—9 г. въ валдайскомъ Иверскомъ монастырѣ; п. ч. знакомство съ ея подлинникомъ предполагается уже самымъ сказаніемъ. Такъ какъ въ сказаніи рекомендуются на Аѳонѣ „премногія и праведныя книги писанныя на хартіяхъ древнія“, изъ которыхъ можно „о вѣрѣ научиться“; то надо полагать, что сказаніе писано предъ отправленіемъ Арсенія Суханова на Аѳонъ за книгами и рукописями въ 1654 году и имѣло рѣшительное вліяніе на эту командировку. Въ такомъ случаѣ оно писано между 1652 и 1654 годами.

Ближайшимъ побужденіемъ къ составленію Сказанія о Соловецкомъ монастырѣ и объ Аѳонской горѣ было „желаніе нѣкихъ“, можетъ быть самого патриарха Никона, который съ усердіемъ занимался изученіемъ церкви восточной и сравнивалъ съ нею состояніе церкви русской. Въ этомъ отношеніи наше сказаніе имѣетъ своихъ предшественниковъ въ древне-русской литературѣ. Еще Максимъ Грекъ рассказываетъ старцу Вассіану, вѣроятно по его просьбѣ, о святогорскомъ иночествѣ (²). Приходившіе въ 1560 году съ Аѳона за милостынею игумены и старцы написали, по просьбѣ митрополита Макарія, сказаніе „о святыхъ тамошнихъ монастырехъ и церковныхъ чинѣхъ“. Подобное сказаніе объ Аѳонѣ и, вѣроятно, по просьбѣ Русскихъ же, написалъ въ 1579 году святогорскій старецъ Исаія (³). Даже по внѣшней формѣ и фактическому содержанію сказаніе Арсенія Грека сходно съ нѣкоторыми изъ предыдущихъ сказаній и особенно со сказаніемъ святогорскихъ иноковъ 1560 года. Но послѣдніе боязливо уклоняются отъ сравненія аѳонскихъ монастырей съ русскими и замѣчаютъ: „И не говоримъ за другая мѣста, токмо отъ Дуная великія рѣки и весь западъ, яко

(¹) Изученіе визант. исторіи, Ф. Терновскаго, вып. 2, стр. 85.

(²) Соч. Максима Грека, казанск. изд., т. III, стр. 243—245; см. также стр. 111, 118 и др.

(³) См. оба эти сказанія въ Чтеніяхъ москов. Общества исторіи и древностей, 1846 года.

есть святая гора свѣтило и соль“. Между тѣмъ Арсеній Грекъ, такъ смиренно сознавшійся предъ соловецкими отцами въ слабѣхъ своемъ и всего Востока, выбравшись изъ соловецкой неволи, сравниваетъ въ своемъ сказаніи Соловецкій монастырь съ Аѳонскою горою и отдаетъ рѣшительное предпочтеніе послѣдней передъ первымъ, къ оскорбленію тогдашняго русскаго самолюбія и даже въ противорѣчіе себѣ. Поэтому мы полагаемъ, что въ его сказаніи въ значительной мѣрѣ проглядываетъ элементъ полемическій. Съ кѣмъ же онъ полемизируетъ?

Мы уже знаемъ, что самого Арсенія Грека обвиняли въ измѣнѣхъ православію или, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отступленіяхъ отъ него. А въ основѣ этого обвиненія лежала общая мысль о паденіи церкви греческой и отступленіи ея отъ православія. Эта мысль довольно рѣзко высказана въ извѣстномъ „Прѣніи старца Арсенія (Суханова) съ греки о вѣрѣ“, происходившемъ будто бы въ 1651 году, т. е. приблизительно около времени возвращенія Арсенія Грека изъ Соловецкаго монастыря въ Москву (¹). Можетъ быть въ дѣйствительности и не было этого пренія, но мысли его носились уже тогда въ московской атмосферѣ и не могли быть неизвѣстными Арсенію Греку. Поэтому онъ счелъ долгомъ, опираясь на авторитетъ Никона, защитить передъ Русскими, если не всю Грецію, то по крайней мѣрѣ Аѳонскую гору, откуда онъ прибылъ въ Россію, а вмѣстѣ съ тѣмъ защитить и себя. Въ преніи Арсенія Суханова, между прочимъ, говорится: „Не могутъ патріархи ваши со кресты ходить и на главѣ креста носить и на церкви креста имѣти и надъ мертвецомъ у церкви отпѣвать и по граду нести, или въ колокола звонити и на ослати ѣхать“. Арсеній Грекъ въ 3 § своего сказанія отвѣчаетъ на это такъ: „Во Аѳонской горѣ предстательствомъ Пресв. Богородицы все стоитъ по старому, якоже и прежде, тако и нынѣ: кресты на церквахъ, и звонны попрежнему, и пушки на монастырскихъ стѣнахъ, и на башняхъ, и стрѣлять изъ нихъ не заказано“. Въ преніи говорится о Грекахъ: „И монастырей у васъ было много, иноковъ, а нынѣ только слѣдъ знать; церкви многія бусорманы завладѣли и починили мечетями, христіане многіе побусорманились“. Арсеній Грекъ на это отвѣчаетъ, что „во Аѳонской горѣ толико много пустынниковъ, яко и исчести ихъ невозможно за множество келейное строеніе, и у всякого пустытника своя церковь, и что Аѳонская гора столица есть иноческая, начало и основаніе, корень и источникъ монашества, и по внѣшнему, и по внутреннему житію“, и проч.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Арсеній Грекъ въ своемъ сказаніи старается отразить и тѣ обвиненія, какія въ Соловкахъ направлены были противъ него лично. Здѣсь указывали ему, между прочимъ, на то, что онъ носилъ шелковый поясъ. Арсеній

(¹) Православн. Обзорніе, 1864 г., № 11, и 1867 г., № 9.

Грекъ, объяснивъ въ своемъ сказаніи способъ производства шелку, прибавляетъ: „И сице бываетъ шелкъ, а не инако, якоже нѣцыи нещуютъ разными образы, и тѣмъ прельщаются“. Далѣе, соловецкіе отцы обвиняли Арсенія Грека въ томъ, что онъ не радѣлъ по своему навъченію о постѣ. Арсеній на это отвѣчаетъ въ сказаніи, что соловецкая пища была для него непривычная и тяжелая, что на св. горѣ совсѣмъ другая пища, болѣе легкая и пріятная, и проч.

Къ сожалѣнію, Арсеній Грекъ, извѣстный неустойчивостію своихъ нравственныхъ началъ, но при этомъ любившій, какъ видно, поговорить при случаѣ за себя и за свое православіе и вмѣстѣ съ тѣмъ унизить проявленія русской религіозной жизни, не могъ заслужить довѣрія и уваженія русскихъ людей. Отсюда-то объясняются тѣ злыя нападки раскольниковъ на Арсенія Грека, какія мы отчасти видѣли выше. Въ отместку этому лживому и заносчивому иноземцу, раскольники стараются съ одной стороны подвести его подъ общее понятіе о тогдашнихъ льстивыхъ и слабовѣрныхъ Грекахъ и очернить его лично, а съ другой — защитить отъ него русское православіе и высокое значеніе русскихъ монастырей, особенно Соловецкаго. Нѣтъ почти ни одной раскольнической челобитной XVII вѣка, въ которой бы не говорилось объ Арсеніѣ Грекѣ, какъ объ еретикѣ и врагѣ Божи-емъ, и не защищалась бы противъ него русская религіозная жизнь.

Изъ сказаннаго можно видѣть, что „Сказаніе о Соловецкомъ монастырѣ и объ Аѳонской горѣ“ имѣетъ немаловажное значеніе въ старинной русской литературѣ, потому что 1) восполняетъ собою рядъ извѣстныхъ доселѣ сказаній о св. горѣ Аѳонской; 2) уясняетъ судьбу и личный характеръ Арсенія Грека и его дѣятельности на Руси, и 3) проливаетъ свѣтъ на причины появленія раскола и на полемическую раскольническую литературу съ православными.

V.

О РОДОПСКОМЪ ОТКРЫТІИ.

Записка *Стефана Верковича* (¹).

Почтенное собраніе!

Ободренный благосклонностью, которую почтенное собраніе выразило въ послѣдній разъ родопскому открытію, я еще разъ пожелалъ возвратиться къ этому вопросу, такъ какъ въ ту пору, по недостатку времени, я не имѣлъ возможности познакомить ученое собраніе съ любопытнымъ содержаніемъ открытія настолько насколько я желалъ и предполагалъ. Итакъ приступаю къ этому теперь, въ надеждѣ, что ученое собраніе благоволитъ охотно принять мое скромное сообщеніе, потому что эти открытія настолько неожиданны и удивительны, что и во снѣ никому не грезилось будто бы хоть что нибудь подобное изъ старины существовало гдѣ-то подъ спудомъ, и что въ одно прекрасное утро снова оно проявится на свѣтъ Божій.

Эти памятники по происхожденію принадлежатъ той отдаленной древности, когда еще ббльшая часть человѣческаго рода томила въ простотѣ и невѣжествѣ, не зная никакихъ искусствъ и живя отъ однихъ земныхъ плодовъ, насажденныхъ природой: напр. овощей, дубовыхъ и буковыхъ (?) жолудей и т. п. даже часто прямо говорится, что люди питались травой какъ животныя! Въ этихъ памятникахъ прямо и подробно сообщается у какого народа открыты и изобрѣтены самыя важныя и самыя главныя искусства, какъ напр. происхожденіе плуга и употребленіе пшеницы вмѣсто травы; затѣмъ изобрѣтеніе серпа для жатвы, гумна для молотьбы; прирученія воловъ, лошадей и овецъ, леченья, плаванья

(¹) Записка эта не была читана на Създѣ. — Докладъ о ней прочитанъ И. М. Срезневскимъ въ засѣданіи 16 августа. (См. Протоколы Създа, стр. СХХІІІ—СХХV). Многія изъ приведенныхъ въ запискѣ г. Верковича отрывковъ недавно появились въ печати, во 2-мъ томѣ его книги: «Веда Словенахъ. Обрядни песни отъ языческо вѣмъ. Книга друга». Спб. 1881. Переводъ записки на русскій языкъ принадлежитъ М. П. Петровскому. *Прим. Редакціи.*

на судахъ, разведенія винограда, изобрѣтенія азбуки и т. д. Каждое изобрѣтеніе было увѣковѣчено на память, установленіемъ особеннаго религіознаго празднованія съ обрядами и молитвенными пѣснопѣніями, въ которыхъ благодарили и прославляли Бога, способствовавшаго облегченію жизни. Такихъ праздниковъ было около двадцати: *Личенъ-денъ Дравинъ-денъ*, установленный въ память изобрѣтенія плуга; *Личенъ-денъ Витинъ-денъ*, установленный въ воспоминаніе изобрѣтенія серпа; *Личенъ-денъ Асинъ-денъ*, установленный въ воспоминаніе изобрѣтенія гумна для молотбы пшеницы; *Личенъ-денъ Сиринъ-денъ*, установленный въ воспоминаніе прирученія овецъ и пользованія молокомъ и сыромъ; *Личенъ-денъ Вла-синъ* или *Волосинъ-денъ*, установленный царемъ Имомъ въ воспоминаніе прирученія воловъ и пользованія ими въ домашнихъ работахъ; *Личенъ-денъ Иеринъ-денъ*, установленный въ воспоминаніе изобрѣтенія вина; *Личенъ-денъ Рюинъ-или Гроздинъ (Лозинъ) денъ* установленъ въ воспоминаніе эксплуатаціи винограднаго куста; *Личенъ-денъ Маргинъ-денъ* установленъ въ воспоминаніе изобрѣтенія леченія; *Личенъ-денъ Колчувъ-денъ* установленъ въ воспоминаніе изобрѣтенія судовъ и перваго ихъ плаванія по морю и рѣкамъ; есть и праздникъ, установленный въ воспоминаніе изобрѣтенія Огня, названный *Личенъ-денъ Ачинъ-денъ*. Кромѣ указанныхъ есть и еще праздники, установленные по различнымъ поводамъ, напри- мѣръ, три различные праздника были установлены затѣмъ, чтобы сбереглось и не было предано забвенію воспоминаніе о первомъ ихъ отечествѣ: *Личенъ-денъ Ластавиченъ-денъ*, *Личенъ-денъ Пазиръ-денъ* и *Личенъ-денъ Колчувъ-денъ*. Пѣсни этихъ праздниковъ трогательнѣе всѣхъ остальныхъ. Затѣмъ существуютъ праздни- ки: *Личенъ-денъ Суровъ-денъ* или *Летовъ-денъ*, установленный для празднованія начала лѣта или новаго года; затѣмъ *Личенъ-денъ Энговъ-денъ*, въ который, какъ думали, звѣзды сходятъ съ неба на землю и заговариваютъ растенія или травы, чтобы сдѣлать ихъ цѣлебными. *Личенъ-денъ Ладинъ-денъ*, опредѣленный въ воспоминаніе установленія брака; *Личенъ-денъ Колинъ* или *Коледовъ-денъ*, установ- ленный съ воспоминаніе рожденія Коледа Бога; *Личенъ-денъ Изъренъ-денъ* уста- новленъ въ честь *Чернаго Бога*, чтобы онъ не дѣлалъ людямъ зла во время на- хожденія въ возбужденномъ состояніи.

А равно встрѣчается множество обычаевъ и обрядовъ съ пѣснями, имѣющихъ мѣсто при рожденіи дитяти, во время сватьбы и при погребеніи. Все это крайне любопытно и заслуживаетъ обнаруженія.

Вышеуказанныя искусства были изобрѣтены не въ одно время, а появлялись постепенно, одно за другимъ, послѣ долгихъ промежутковъ. До изобрѣтенія серпа пшеницу рвали руками, какъ теперь руками же берутъ ленъ, молотили ее, до изобрѣтенія гумна, руками на посидѣнкахъ („седенки триенки“), что было и за-

труднительно и утомительно. По важности предмета, я полагаю, не будет неумѣстнымъ и излишнимъ представить здѣсь и въ оригиналѣ самую пѣснь, описывающую приемы первобытной молотьбы пшеницы, до изобрѣтенія гумна:

„Радю ле юначе ле!
Фалавъ си Радю на земе
На земе на поле.
Богъ да губие Има царе
Училъ на Радю научилъ
Да си уремъ на поле
Да си уремъ да си сеемъ;
Я си на Радю ни училъ
Да си жнеемъ на поле-ту,
Да си лунемъ на лунице
Да си виемъ бела пшенице.
Стара на Кмета събиралъ
На седенки на триенки,
Трили сме бела пшенице
Трили сме Радю на рѣки
Сега малу три месеца
Дуръ ни са рѣки болели
Дуръ ни са рѣки кръвесали,
Та сме Радю плакали
Плавали сме Радю викали.
Та ти сме Радю думилели
Та ти са Радю нажелилу
Нажелилу натъжилу.
Та си утъ небе слезе
Утъ небе Радю на земе
На земе Радю на поле
Та си на Радю учишъ
Учишъ на Радю на лунице.
Грабналъ си златна лунице
Деветъ си снопа фърлилъ
Та си ги Радю лунишъ,
Дигашъ си златна луница
Та си ми виешъ бела пшеница,
Кой си та Радю види
Фальба та Радю фали,

Йоще та Бога пофалилъ
Чи ти са коса позлатила
Бела ти брада нивнала
Бела ти брада позлатена.
Жива та Юда виде
Виде та Юда засме се.
Та си на Бога дума
Дума му Юда говори:
Боже ле мили Боже,
Я да си Боже видишъ
Що си ми Радю сторилъ.
Доста ми Радю делиникъ.
Ичъ ми са Радю ни чуди
Грабналъ си златна лунице
Та си ми луни на лунице
Та си ми вие бела пшеница
Та си ми учи малки моми
Малки моми млади юнаци
Учи ги Радю научи ги,
Та му са коса позлатила,
Бела му брада никнала
Бела му брада позлатена.
Бога хи дума говори
Юду ле живу ле
Доста ми Радю делиникъ!
Десна ми рѣка на глава
Та му са коса позлатила
Бела му брада никнала
Да си е фаленъ и чуенъ,
Да си е фаленъ пу земе
Да си е чуенъ на небе.
Боже ле мили Боже
Ка си е Радю делиникъ
Та си е фаленъ и чуенъ
Бива ли Боже ни бива

Да ни е веке на земе
Я да си е на небе
На небе Боже фъ сарае
Да ти изметъ чини
Да ми е Ранева звезда
Утрумъ рану да грее;
Агу си Боже бива,
Да си ида на кладнецъ
Да си точе студна вода
Па да гу служба служи,
Лу да ми вода пие,
Душе му ни умалева
Душе му са присфетила
Та си на небе фърнува;
Злата гу майка причевала
Съ десна гу ръка фанала
Светна гу вода служила
Та му е лику сфетналу
Та ми е звезда станалъ
Утрумъ ми рану изгрева
Утрумъ ми рану на ранина
На ранина йоще предъ слънце
Ега ми е личенъ-денъ.
Личенъ-денъ Асинъ-денъ.
Дума му Юда говори
Бога хи изимъ даде:
Хаде гу служба служи.
Има ми царе доста юнагъ
Я ми е Радио доста делинигъ.
Жива ми Юда на кладнецъ
Студна си вода наточи
Та си ми слезе на земе
На земе Юда на поле
На поле Юда на лунице
Де си ми Радио луне
Вие ми Радио утвева
Утвева Радио бела пшеница.
Радио ле юначе ле,
Ду сегà си Радио на земе

Труды IV Арх. Създа, Т. II., отдѣл. VI.

На земе Радио на поле
На поле Радио на лунице,
Доста си Радио на жетва
Доста си Радио на лунице
Та си училъ малки моми
Малки моми млади юнаци
Училъ ги си Радио научилъ;
Бога та Радио бендисалъ
Чи ми си доста делинигъ,
Та си ма прати тука долу
Тука долу на лунице
Сегà си Радио млада дефа
Чи си та службе студна вода
Студна вода утъ белъ кладнецъ,
Да си ми вода пиешъ
Душе ти Радио ни умалева
Душе ти Радио присфетнала;
Рече му Юда ни утрече
Златна му чеше подаде,
Пилъ ми е Радио напилъ са
Напилъ са Радио студна вода
Та си му душе присфетнала
Златни му вриле проникнали
Та си ми фърена на небе.
Злата гу майка причевала
Съ десна гу ръка фанала
Светна гу вода служила,
Пилъ ми е Радио попилъ
Попилъ ми Радио напилъ са
Та си му лику сфетналу
Та си ми звезда станалъ
Звезда ми станалъ звезда Ранева;
Утрумъ ми рану изгрева
Утрумъ ми рану на ранина
На ранина йоще предъ слънце
Ега ми е личенъ-денъ
Личенъ-денъ Асинъ-денъ.
Какъ си ми грейна на небе
Има са царе чудумъ чуди

27

Та си дума говори:
Ду сегà ми звезда нигрела
Утрумъ рану на ранина
Що ми сегà изгрела.
Що ми юнакъ сторилъ
Та ми е звезда станалъ?
Юда му дума говори
Царю ле Има царю
Що да ми юнакъ устори.
Училъ си царю малки моми
Малки моми млади юнаци
Училъ ги си царю научилъ
Да си уратъ на полету
Да си сеетъ бела пшеница,
Я ги си царю ни научилъ
Да си лунетъ на лунице
Да си лунетъ да си виетъ
Да си виетъ бела пшенице,
Та ми са чудумъ чудили
Що да праветъ съсъ снопици,
Та си трили на рѣки-те,
Я хми са веке дуделу;
Научилъ ги Радю юнакъ
Да си лунетъ на лунице
Да си виетъ бела пшенице
Та си гу фальба фалетъ
Та му курбанъ волетъ;
Та си Бога кайлъ ни станалъ
Да е Радю на земе-та
Да му душе прималева
Лу ма прати на белъ владнецъ
Та наточихъ студна вода
Та си гу служба служихъ
Та му душе присфетнала
Та си фъркна на небе-ту;
Злата гу майка причека
Спусна си десна рѣва
Светна гу вода служи
Та си му лику сфетналу

Та си ми звезда станалъ;
Утрумъ ми рану изгрева
Утрумъ ми рану на ранина
На ранина предъ слънце
Его ми е личенъ-денъ
Личенъ-денъ Асинъ-денъ.
Чуръ ми е Има царе
Та хи дума и говори
Юду ле живе ле
Я имашъ ли студна вода
Да си ма Юду служишъ
Да си флеза фафъ сарае
Да си виде Радю юнакъ
Да му са мольба моле
Да му седе фафъ сарае,
Чи да самъ Юду ни училъ
Да си уратъ малки моми
Да си уратъ да си сеетъ
И той си Юду ни училъ
Да си лунетъ на лунице
Да си лунетъ да си виетъ
Да си виетъ бела пшенице.
Студна ми вода устанала,
Я да си Бога питамъ
Да гу питамъ да гу праше;
Агу си ми изимъ даде
Та та служба служе,
Агу си ми изимъ ни даде
Ни та служба служе,
Чи ми са Бога налютилъ
Налютилъ са разедилъ са
Ни ма праце на белъ владнецъ.
Жива Юда на небе-ту
Та си Бога пита
Пита гу Юда праша гу:
Боже ле мили Боже,
Мольба ми са моли Имѣ царе
Да гу служе студна вода
Да си флезе фафъ сарае

Де ми е Радю юнакъ
 Да ми грее утрумъ рану
 Утрумъ рану на ранина
 На ранина йоще предъ слънце
 Да ми седне фафъ сарае.
 Бога хи вели ютговори
 Юду ле живе ле,
 Да ни слезалъ Има царе
 Да ни слезалъ на поле-ту
 Да си учи малки моми
 Малки моми млади юнаци
 Да си уратъ да си сеетъ
 Ни ми жнелъ Радю юнакъ
 Ни ми училъ малки моми
 Малки моми млада юнаци
 Да си лунетъ на лунице
 Да си виетъ бела пшенице;
 Изметъ ми правилъ Има царе
 Сега малу деветъ години
 Станалъ ми млада Дефа:
 Утъ мене си изимъ имашъ
 Да гу служишъ студна вода
 Да ни му душе прималева
 Лу да му душе присфетне,
 Да ми седи фафъ сарае

Де си ми е Радю юнакъ;
 Наеъ сторилъ Има царе
 Да ни слезе на земе-та
 Да ни либи малка мома
 Да са ни годи да са ни жени.
 Слезе ми жива Юда
 Подадè му златна чеше
 Та си пие Има царе
 Та му душе присфетнала
 Светна му душе ясна
 На лику му ясну слънце;
 Та си ми флезе фъ сарае
 Двама си ръе спуснали
 Та си ръе цалунали:
 Има му царе фафъ ръка
 Фафъ ръка златну уралу,
 Радю ми юнакъ фафъ ръка
 Фафъ ръка златна лунице.
 Та ми на земе ни слели
 На земе на поле
 Лу ми седели на небе
 На небе при Бога
 Утрумъ ми рану изгревали
 Утрумъ ми рану наранина
 Утрумъ ми рану предъ слънце.—270.

Касательно нѣкоторыхъ изъ выше указанныхъ праздниковъ встрѣчается нѣ-
 сколько вариантовъ отъ различныхъ пѣвцовъ особенно много ихъ о праздникѣ
 Власинъ-день, но пѣсни всѣхъ ихъ такъ различны въ порывахъ поэзіи что, по
 моему мнѣнію, ни одинъ не долженъ считаться излишнимъ, незаслуживающимъ
 сообщенія; только о праздникѣ, о коемъ говорится въ пѣсни сейчасъ сообщенной,
 нѣтъ вариантовъ, а равно и о праздникѣ „српномъ“ Витиномъ днѣ. Каждый изъ обо-
 ихъ упомянутыхъ праздниковъ описываются въ пяти молитвенныхъ пѣсняхъ, но
 сейчасъ упомянутая пѣсня превосходитъ своимъ значеніемъ не только всѣ осталь-
 ныя обрядныя пѣсни Асина и Витина два но и всѣ остальные; ибо въ ней не
 только сохранилось драгоцѣннѣйшее, самое ясное и прямое воспоминаніе о поло-
 жившемъ начало цивилизаціи по этимъ памятникамъ, Има царѣ, первомъ изобрѣ-
 тателѣ плуга и Радю юнакъ, изобрѣтателѣ гумна для молотбы пшеницы, но пѣсня
 эта отличается такою нѣжностью, согласіемъ и выпренностью поэтической компо-

зиціи, что невольно возбуждаетъ въ слушатель умиленіе. Этотъ Има царь, вѣроятно, та самая личность, о которой сохранилось одно весьма неясное воспоминаніе въ Зендѣ, подъ именемъ Има. Но въ этихъ нашихъ памятникахъ о немъ говорится такъ ясно и живо, что кажется, будто все это совершилось за нѣсколько десятковъ лѣтъ предъ тѣмъ, а не за нѣсколько тысячелѣтій.

Въ этихъ пѣсняхъ разсказывается также о переселеніи или колонизаціи осѣдлаго народа изъ *крайней* земли на *Бѣлый Дунай*; во многихъ изъ нихъ упоминаются и *два бѣлые Дуная*, которые — по объясненію пѣвцовъ — находились въ *Ричной* землѣ, въ которой и кромѣ этихъ дунаевъ было и еще много большихъ рѣкъ — до девяти: „*предъ девять горахъ зелени — предъ девять рѣкахъ гулями*“ — упоминается во многихъ свадебныхъ и другихъ эпическихъ пѣсняхъ. И такъ вѣроятно сказанная *Рична земля* должна быть нынѣшнимъ Индійскимъ *пенджакомъ* — или *пенджабомъ*, какъ называется въ пѣсняхъ объ Александрѣ Великомъ; *Индъ* въ пѣсняхъ объ Александрѣ называется „*гуляма жабарска река*“ — *жабъ*, думаю, происходитъ отъ „*жабы*“. Въ сочиненіи англичанина Др. Вицента, которое издано въ концѣ прошлаго вѣка, о походѣ Александра Великаго, *потамія*, каковымъ греческимъ словомъ былъ означенъ *пенджакъ*, переводится по нынѣшнему индійскому названію *Ritchna*. Итакъ два бѣлыхъ Дуная въ этихъ пѣсняхъ, по всеѣмъ соображеніямъ, должны быть *Индъ* и *Гангъ*; и когда переселенцы добрались до Европы, то на память назвали этимъ самымъ именемъ большія рѣки. Итакъ большая часть событій сбереженная и описанная въ этихъ пѣсняхъ, совершилась, по моему мнѣнію, не на нашемъ Дунаѣ, но на вышеупомянутыхъ двухъ индійскихъ Дунаяхъ.

Въ родопскихъ находкахъ встрѣчается не мало пѣсенъ о городѣ Троѣ; нѣкоторыя изъ нихъ очень сходны съ Омировымъ разсказомъ, а нѣкоторыя настолько съ нимъ расходятся, что заставляютъ предполагать, что городъ Троя былъ не на томъ мѣстѣ, которое указываютъ древне-греческіе и другіе писатели. Важно то, что въ пѣсняхъ упоминается рѣка *Simois* Помпонія Мелы: *Сименива*.

Относительно религіи по этимъ памятникамъ замѣчу въ немногихъ словахъ, что она очень сродна съ религіею браминскою и гимновъ веды, ибо какъ въ послѣднихъ, такъ и въ первыхъ встрѣчается троичность, которая называлась „*Трина*“ или „*Тримна Боги*“: *Вишну*, *Колда* и *Сива*; да кромѣ того многія важныя индійскія божества, напр. *Дурга*, *Бавани*, *Сура*, *Тарана*, *Брахма* и т. п. поименовываются точно также какъ и въ индійской мифологіи, но весьма различны роли и назначенія упомянутыхъ божествъ у индійцевъ и въ нашихъ памятникахъ. Напримѣръ *Дурги* у индійцевъ представляется весьма пожилой женщиной, украшеніемъ которой служатъ людскіе черепа, и все занятіе которой состоитъ въ

умерщвленіи возможно большаго числа людей, потому что самый любимый ея напитокъ состоитъ изъ людской крови; словомъ она—полнѣйшее подобіе и изображеніе нынѣшнихъ турецкихъ башибузуковъ и черкесовъ — между тѣмъ какъ наша *Дурга* представляется въ видѣ весьма молодой дѣвушки, сіяющей красотою какъ солнце; въ великодушіи же и милосердіи нѣтъ ей равныхъ, слѣдовательно она не дѣлаетъ зла даже букашкѣ, а непрерывно занята помощью тѣмъ, которые прибѣгали къ ней въ какихъ-либо своихъ нуждахъ, и Богъ всегда внималъ ея мольбамъ, потому что она была крайне цѣломудренна, добродѣтельна и милостива; она не была супругою какого-либо божества, а только жрицею одного храма, гдѣ совершались жертвоприношенія, и въ этомъ званіи оставалась всегда. Тѣмъ же была и *Бава* или *Бавани*, а не супругою *Вишну*. — Такимъ образомъ по всѣмъ примѣтамъ цивилизація этихъ памятниковъ не только старше зендской, ведь, греческой, египетской, но вѣроятно была первобытнымъ источникомъ всѣхъ упомянутыхъ цивилизацій. На сколько вѣрно такое мнѣніе—пусть рѣшатъ славянскіе и иноплеменные ученые.

Съ прошлаго года начинаютъ появляться такія пѣсни, въ которыхъ много встрѣчается цитатъ изъ двухъ другихъ языковъ, которые нельзя назвать ни сербскимъ, ни болгарскимъ. Одинъ изъ нихъ сходенъ съ старо-славянскимъ, а также и съ русскимъ, ибо представляетъ такія русскія слова, которыя—по моему мнѣнію—нельзя найти ни въ болгарскомъ, ни въ сербскомъ словарѣ, напр.: *если*, *фура*, *осенъ*, *уярилъ*, *тутъ*, *глаза*, и т. п.; другой же не схожъ ни съ однимъ европейскимъ языкомъ, но вѣроятно долженъ быть санскритскимъ, ибо представляетъ много словъ, которыя произносятся совершенно также, какъ напечатаны въ санскритскомъ словарѣ Бюрнуфа, безъ малѣйшей отмѣны; вышесказанныя цитаты состоятъ изъ пяти-двадцати стиховъ. Такія пѣсни записаны отъ четверыхъ пѣвцовъ—помаковъ. Итакъ посредствомъ этихъ любопытныхъ цитатъ, по моему мнѣнію, легко будетъ добратся не только до того, какому народу принадлежитъ цивилизація родопскихъ памятниковъ, но и до той страны міра, гдѣ первоначально возникла она.

Для ознакомленія съ этимъ я желаю предложить ученому собранію нѣкоторыя изъ этихъ цитатъ.

а.

„...Та на Бога Курбанъ коле
Та му са мольба моли
Мольба са моли песна пес:
— Дийна ле Вишну дийна

Хална нине ду симите
Яснумъ гласе у кожина.
Гуру фъ ченте три су града
Я фъ мените триста услама.
Ним' дефици урни
Ним' дефи пасохи

Оиси ми уфъ града
Ни сурили три месеца
Сита е сузе на йоку;
Видишъ Вишну у ара
Дет' дефици ни урни
Дет' ми дефи ни пасохи
Дет' ми врлци ни летеце
Упостъ ми поле уестену.
Ай Вишну ле ай де!
Хвалу тебе о сердцею,
Я те любе о мислею
Все ми вета на тебе!
Я ми вислишъ мала Юда
Мала Юда Самовила
Мене Юда продумати
Дет' ми поле уестену....
...Дуръ да найдешъ пештере-та
Де си фърватъ църни пуйки.
Да си фанешъ деветъ пуйки,
Аку ни са пуйки боли
Какъ ги фащашъ да си пеешъ:
— Жине ле Белна
Белна си веке зазорнита
Простей си бела рука
Простей рука на тоице
Флез' ми ува на гурице
На гурице уфъ вамнице
Метни си тоице уфъ зенилу
Де ми суретъ тои пуйки
На цурку ми лету сурили
Цурни цурни поцърнели,
Нине веке лету белиту
Да са белни на тебе
Какъ ти белна бела алице
Бела алице бела брадице...
Иоще си песна ни испелъ и т. д. (¹).

б.

...Та искара златну ножче
Богу си вета коле
Богумъ са мольба моли:
— Громне Громне и Крумине
Я си вета на ерице:
Хуни те симдесе
Симдесе велмижи
Симдесе банити
Берилни са усилна вуйнита
Усилна вуйнита цурни у църнити
Лели лели на политу
Мне ми юнше посечитъ.
Гръмне Громе Крумине
Упбмай ми на поли ту
Истежъ ми урна сулита
Убитъ ми усилна вуйнита
Посечитъ ми симдесе велмижи
Велмижи и банити
Слише ми Илна войвода
Лепу мене пофалилъ
Вета ти е фъ мое име
На летице на вресинъ-денъ
Вета ти е ясна ювице
Ясна ювице ясна кравице
Мата мое се увила
Увила си златна махрице
Стара ти слугне на ветице
Золна й краска на ръчице
— Та ма служба служи.“
Мольба са Богое моли
Я ми летна златну пиле
Летна ми на високу
На високу ду небету
Ду небету дуръ ду Бога

(¹) Эта цитата находится въ одной пѣснѣ о переселеніи при Кралѣ Вучѣ или Ванѣ съ землю Баниту, у рѣки Огита. Въ ней до 675 стиховъ.

Дуръ ду Бога фафъ сарае
Де ми Бога седи.
Фана гу дефна Юда
Дефна Юда Самувил,
Ни гу коле ни гу сече
Я гу метна фафъ ливаде
Фафъ ливаде на пасице
Да ми пасе да са гуи
Дуръ да дойде Богое войвода
Па гу на Бога курбанъ воле
Та гу Юда сече
Та гу на Бога готви (*)....

в.

...Рече йоще ни утрече
Тресналу ми фафъ гора-та
Тресналу ми гръмналу
Спуснали са облаци-те
Облаци-те и мъгли-те
Заросила дребна роса
Съсъ роса ми деветъ Юди
Деветъ Юди Самувили
Какъ си спие малка мома
Дигнали е на високу
На високу фафъ гората
Де си ми е юдна пештера:
Я ми фъ пештере ни флеватъ,
Чи излезе стара Юда
Стара Юда Самувил
Налютила са разедила
Утмалъ дума продумала:
— Инигъ ми отеца
Суръ би юсна
Юсна телица
Юсна телица ветица

Дуг ми ни ише
Старше ми оца
Дифа ми фъ гура
— Фъ гура ми фъ Камица...
Чули ми деветъ Юди
Деветъ Юди Самувили
Малка си мома тръгна
Та е фъ камене закарали...

Първе хи либе нажелилу му са
Нажелилу муса натъжилу
Та са на Бога моли:
Боже ле Боже
— Тарана сурце.
Юда ми летице
Посилешъ утъ яра
Плетитъ ми редитъ
Плетитъ ми крилици
Летъ ми на гура
— На гура на камице
Да си виде малка мома
Що ми прави що ми чини...

Малка мома курбанъ воле
Курбанъ воле златну теле
Златну теле позлатену
Стара е Юда криумъ учи
Деветъ ми Юди хору играетъ
Хору ми играетъ песна пеетъ..
— Уй ми Боже уй ми.
Траница бърдица.
Дифна есте у питица
Весъ ми зело деветъ лета;
Старише у питица
Рукумъ си нанице плете
Дифна са нане

(*) Эта цитата находится въ пѣснѣ, въ которой описывается борьба воеводы Илеса, короля Богов съ семьюдесятью какими-то вельможами. Въ ней 1465 стиховъ.

Ярни си наница утеглетъ
Наница е на яра
На яра уфъ зланица
Унше ти слугна зело
— Зело ти деветъ лета“.
Юди ми хору играли
Юди ми песна пели
Дуръ са на мома нажелилу
Нажелили натъжили и т. д. (*).

г.

Царе му дума говори
Царе му са мольба моли:
— Боже ле сивчу ле
Боже ле църна ле.
Ду летъ ми слини
Фъ хиже ми на полице
Малешей ми ухну ойце
Ни м' си Боже разеренъ
Разеренъ циснатъ
Ним' ти воне убинасенъ
Ним' ти воне усойнице
Усойнице усмойнице
Да ни ми е злийне месецъ,
На поле ми доста ситица
Да самъ живъ ду летица
Ду летица ду хилица
Триста ми сина на тризица
— Да ги виде дома видеть....
Ду година ти курбанъ вее

Курбанъ вее курбанъ коле
Курбанъ коле деветъ ювна,
Югиче ми бурабаше
Та ти праве личенъ-денъ
Личенъ-денъ църна година (*).

д.

Боже ле жийне ле!
Рама ти уйна
Пирмена на дрина
Акрамъ ми нина
— Изъ иже ми уналъ
Стара ми стара звезнице
Ялна ми вола нителна
Нителна йощ' ми амнице
Дум' ми стоити
— Ним' ми летити
Ясна ми песна моми пели
Деветъ ми врови ни фърватъ (*).

е.

Хаде ми слънце изгрей
Хаде ми слънце блесни.
Майба си слънце чулу
Та ми си слънце грейналу
Грейналу си блесналу
— *Дурумъ драге уручу*
Пиревина на усича

(*) Эта цитата находится въ пѣснѣ, въ которой разсказывается какъ девять юдѣ насильно увели къ себѣ дочь юдинскаго краля въ горы, гдѣ она и служила имъ 9 лѣтъ; въ награду за благоговѣнiе и преданность онѣ выдали ее за юнака Росню изъ города Иллина. Въ пѣснѣ 1695 стиховъ.

(*) Эта цитата находится въ одной обрядовой пѣснѣ праздника чернаго года.

(*) Эта цитата находится въ обрядовыхъ пѣсняхъ Волосина дня.

Карвица ламеница
Дире тифе сунтива
— *Хуте ми арвица* (*).

ж.

Да му пеешъ ясна песна
Ясна песна и еснита:
Огне огне ясну слънце.
Раимна униса хруна ти
— Хруна ти материю
Материю и златию
Опиръ ти ковчега
У ковчега золни алини
Уредилъ си белу лику
Белу лику йогнениту
Уредилъ си уприлъ си
Царею си на яра
На яра на блакина
На блакина на маглина
Фига си ясна зора
Ясна зора е съкрита
— Ясну хи лику усърневашъ
Усърневашъ уцърневашъ
Та си огне греешъ
На земе-та на поле-ту (')...

з.

...Беса са крада уплашилъ
Та ми са назадъ тръгна

Тръгна са крале да бега;
Де да ми иде што да ми прави:
Златна си книга искара
Златна книга и ясна
Та си ми пее и дума:
— Юне ми юне
Юне ми Янку.
Дахина цурна пуйва
Диветъ ми диветъ
Се ми су цурни
Цурни дахини
Вета су Богу Гръмина.
Помощъ ми Богу управилъ
Дуръ да Ламие убидамъ,
Нин' ми е бела летице
Бели са пуйки дахини
Я си рука махнувашъ
Съсъ рука тоице
Та ми са пуйки цурни
Цурни ми пуйки летатъ
Летатъ ми на Дунавъ“.....
Песна ми крале ни утпелъ (*)...

и.

...Ясна ми зора изгрела
Ясна ми зора зорница
Та й курбанъ коле
Курбанъ коле деветъ крави
Та й са мольба моли
Та й дума говори:

(*) Последніе пять стиховъ — не славянскіе. Они находятся въ концѣ одной молитвенной пѣсни къ солнцу.

(') Эта цитата находится въ обрядовыхъ пѣсняхъ лѣтняго праздника. Подчеркнутый стихъ — не славянскій

(*) Эта цитата находится въ пѣснѣ, въ которой разсказывается о битвѣ краля Бесы съ однимъ дикимъ крадемъ, жившимъ въ горахъ близъ Дуная. Встрѣчаются не болгарскіе стихи.

— Звезду ле ясна зору.
Веле ми зору *терина*,
Апинъ е Йоше *дефина*,
Думне ти *пата*
Аленъ ми *дуина*
— Млада си зору булка
Булка си на небе...

i.

Та си флезе фафъ пещере
Де ми е стара Юда
Стара Юда Самувила
Иоше гу Юда учи
Да си дума и говори:
Синте нуси абледита
Думине трее жина
— Щере ти е у земне
Урму стаду и летеце
Дусунъ бена ни летеце
Юне царе на *красице*:
Я ти сире юне жине
Юне жине юне дефе
Юне си жине на *урму* стаду,
Наючию юне царе на *цирине*
На *цирине* на *сирице*
Сечумъ ти вета сече
Вета ти малу млогу
— Малу млогу диветъ *аници*“.
Учила гу стара Юда
Учила гу да си пее
Да си пее да си свире
Учила гу научила...

к.

Я ми орпинъ курбанъ коле
Курбанъ коле деветъ ягне-та
Фъ стаду му се' на отбуръ,
Гора му Юда изметъ чини
Чи си е личенъ-денъ
Личенъ-денъ Сиринъ-денъ
Сира Бога фальба фали
Та му песна пее:
— Сире ми юне жине
Если ми жине на яра
На яра на цветице
Пасешъ ми *урму* стаду
Мене си послешъ фъ гурице
Дашъ ми золна водрице
Золна водрице золна цедрице
Циремъ си пресну млеку
Ютъ млеку пресну сирене
Слуга ти самъ на тризе
Хеле си веке *уришилъ*:
Дашъ ми златна гуслице
Ючишъ ма да гласе
Да гласе да пее
Урлу си стаду *цезамъ*
Ни ми е веке летеце.
Па ми си жине *позилелъ*
Да си юче юне царе
Да си гласи съсъ гуслици
Да си гласи да си пее,
— Учила гу самъ научила;
Днесъ ти е личенъ-денъ
Личенъ-денъ Сиринъ-денъ
Та ти курбанъ коле
Коле ти деветъ ягне-та (*)...

(*) Последниа три цитаты находятся въ пѣснѣ о кралѣ Риндѣ, составляющей вариантъ пѣс-
ни, помѣщенной въ Ведѣ славянѣ. Въ ней 1945 стиховъ. Подчеркнутыя слова не славянскія, а
остальное не совсѣмъ поболгарски.

л.

...Деветъ Юди Самувили
Бре са тие пременили
Пременили наредили
Седнали ми ду белъ владнецъ
Юдну думатъ Самувилску:
Млада царе Гологлаве
— Ведетъ зѣло иде ми,
Сидетъ туна на клатице
Срукнатъ ледна юдице
Влюбилъ си милка Юда
Милка Юда Самодива
Учи гу милка си художни,
— Учи гу научила гу.
Върти са царе сѣ на слънце
Какъ са върте тае гора
Ега слезатъ трима Бога
Съ трима Бога жива Юда
Та ги служба служи
Служба ги служи студна вода..
Дума си Юди говорили
Чуе ги силна царе Гологлаве,
Хемъ си знае юдну да говори
Мощне юдну Самувилску (1°)...

м.

...Та ти курбанъ ни коле
Ни ти пее Вета Книга
Вета Книга Вета песна.
Стара е Вета старита
Стара е Вета утъ край земе
Утъ край земе и утъ царе.
Има е царе на небе
Седелъ ми сега малу
Сега малу деветъ години

Та му е Бога даде,
Кой си курбанъ коле
Да си пее Вета книга
Вета книга Вета песна.
Курбанъ му е на небе
На небе при Бога:
Боже ле Боже ле!
Вета е Виле ветише
Хруй ми Сефита
Сефита удита
Вей ми санита
Урумъ ми тата
Тата ми финита
Трай ми далита
Вета е вила ветише“.
Я ти Боже Вета книга
Вета книга Вета песна.

н.

Бана ми книга пее
Бана ми песна пее:
Флане ле слънце ле
Слънце ле огне ле.
Рай ми огне на поле,
Еренъ ми огне рана
Транъ ми огне *хаванъ* ми“.
Бана ми дума продумалъ
Бана ми йоще ни пелъ
Спусна си слънце зари
Спусна си зарина *аме*
Та ми са *аме* позлати...

о.

Мале ле стара мале:
Фура ми мале *татина*

(1°) Эта цитата находится въ пѣснѣ, гдѣ разсказывается какъ царь Гологлава женился на Юдѣ.

Рунъ ми дефина
Чире ми яра
Яра ми дна
Дна ми яра прена“.
Чула е майке ламие
Чи й лютумъ продумала....

п.

Стара ми майка фъ сарае
Ясна си книга снела
Та ми на порти седнала
Пела ми майка запела:
Яра ле дна ле
Яра ле прена ле.
Зерби ти ярнешъ
Дуру ми дуру насита
Насита дуру Коприта,
Усенъ ми Бана назина
Хай ми яра хай ми дна
Хай ми яра хай ми Прена
Дусунъ лама на висе
На висе на звезда“.
Рече ми майка ни утрече
Летна ми сура ламие
Летна ми фърена ми
Майка ми флезе фъ бахче-ту
Брала ми майка набрала
Набрала ми вопра билька....

р.

...Колчу ми фафъ курабе
Курабе ми колчу кара
Учи ми колчу млади юнаци
Да си ми пливатъ на море
Да си ми праветъ курабе;
Да си ми грейне на Дунавъ

Рибита ми *групна* фърле
Та ми руба лови
Колчу си фальба фали
Чи ми слева на поле
На поле на море
Та ми учи юнаци-те
Да си пливатъ на море-ту
Да си праветъ курабе-те.
Бога си *Атле* на небе
Бога си *Атле* светле,
На земе *яра* Бога:
Хай ле ми яре
Хай ле ми *яре* ду лета
Ду лета ду жива
Та ти курбанъ коле
Суру ягне *кушуту*
Па ти праве Личенъ-денъ
Личенъ-денъ Гергювъ-денъ
Гергювъ-денъ Суровъ-денъ,
Суровъ-денъ Летовъ-денъ,
На трапеза млади юнаци
Млади юнаци малки моми
Гозба ги *Атле* госте
Гозба е ясна бѣдница
Ясна бѣдница яна мреница
Малка мома песна пее
Песна пее на трапеза
И я си хору играмъ
Хору играмъ на трапеза
Съсъ хору та фале
Съсъ хору съсъ песна
Какъ та фалилъ бабайку ми
Бабайку ми на край земе,
Чи си ималъ ясна книга,
Фъркналъ си на пебе-ту
На небе-ту при тебе
Та му даде ясна книга
Училъ гу си йоще научилъ

Да си не ясна книга
Да си та фальба фали ⁽¹¹⁾.

с.

...Песна ти юди запели
Млада е дефа думалъ
Думалъ е дефа говорилъ
Чи си носи ясна книга
Ясна книга позлатена
Фафъ книга ясна песна:
Кола ми Коледа!
Коледа ми дефне
Дефне Превита
Превита Арита
Арита Дечита
Дечита Анита
Дере мини на гуру
На гуру на *идру*
Золина ти дъру
Дъру ти *жиса*
Жива ми дефа
Жива ми Юда
Зорна й краска
Краска й на рука
Служи та тебе *идруту*
Ибруту аросу
Раитъ ти лику
Ливу ти *пирну*
Пирну ти лику жерну;
Узрелъ ми Вишну
Узрелъ ми на земе
На земе на поле
Три су *арни* на Дунавъ

На Дунавъ на *идру*
Три су *арни* три су *афици*
Ела са глума глуметъ
Вишну са *осенъ* уярилъ
Златну му лику жлетналу
Сиву си дума продумалъ,
Сиву ле сиву
Златенъ ти каменъ на рѣка
Златенъ каменъ златна грома
Я си ми каменъ подай
Да гу на земе метна
На земе на Дунавъ ⁽¹²⁾.—

Вишну ле братку
Братку ле Славу
Що са си *осенъ* уярилъ?
Златенъ ти каменъ на рѣка
Златенъ ти каменъ златна грома
Да си гу метнетъ на Дунавъ
Три си *арни* да *потренишъ*
Три си *арни* три *афици*;
Я да си каменъ метнешъ
Земе си, Вишну, *потренишъ*,
И язъ каилъ ни ставамъ:
Бива ли Вишну ни бива
Да си слезе на земе
Да си седна фафъ гора
Фафъ гора пудъ дъру,
Я да си слезе злата майка
Да ма роди малку дете
Малку дете млада Бога
Да си расте да порасне ⁽¹³⁾...

⁽¹¹⁾ Последняя цитата находится въ пѣсняхъ обрядовыхъ праздника Сурова или Летова, которые очень важны.

⁽¹²⁾ Въ пѣснѣ 250 стиховъ.

⁽¹³⁾ Этотъ отрывокъ находится въ небольшой пѣснѣ, въ которой воспѣвается рожденіе Бога Коледы, втораго лица троицы родопскихъ пѣсенъ. Въ ней Коледа называетъ Вишну братомъ.

т.

— Мати ми мати
Мати ми злата
Двере ми верзи
— Двере ми златне...
Па ми ораю засвири
Песна пее Богу си моли:
Боже ле *дине*
Трана бейми усута
Жимда фица апана
Апана ми мати
— Мати ми златню
Сли ми мати сли
Вети янку *усз* тупузе
Усз тупузе на дверице
Трей ми тупузе усупи
Дверце ми уверзалъ“.
— Какъ ми пее и ми свире
Сита земе са залюле
Залюле са затресе
Та ми порти искапали
Та са порти расторили
Та ми флезе фѣфѣ заздана.
Малка ми мома спие.
Побудѣ е орпоу разбуди (14)....

у.

...*Бене* ти зору
Уринъ ти узаре,
Сета ти ясна
Чиве ти еснита
Насе ти пирита (15)...

ф.

...Камна са Юда налютила
Налютила разедила
Юдну ми доста продумала
Юдну ми доста Самувилски:
Прене ми брата
Брате ми змее
Брате ми църне *дине*
Димъ су *ярутна*
Кожна ви дрѣтналъ
Добринъ ми Самодивенъ...
Халалъ да ти е малка мома
Да ти е жива да ти е здрава ...
— *Руну* ти *умне*
Утинъ ма *сите*
Ани су стару-се
Стару-се ти Янку
Умъ ти *уснуилъ*
— *Амремъ* у море.
Рече юда ни, утрече (16).

х.

...Майка си бильки мае
Та си ми дума говори:
Перенъ ти *дуе*
Уни ми *тане*
Туситъ е *саме*
Саме ми *сира*
Сира ми *пита*
Пита ми *Рама*“.
Рече ми майка ни утрече
Дума ми *сире* продума

(14) Эта цитата находится въ пѣснѣ объ Орееѣ, представляющей вариантъ къ изданной въ Москвѣ г. Дашковымъ. Въ пѣснѣ 2235 стиховъ.

(15) Эта весьма важная цитата находится въ пѣснѣ о переселеніи, заключающей въ себѣ 1315 стиховъ.

(16) Находится въ пѣснѣ о юнакѣ Добринѣ, сынѣ краля Душна. Въ ней 1110 стиховъ.

Бане си Божну съсъ билъки
Бане гу майка мие (17)...

ц.

...На рѣка хи златна витане
На Бога са мольба моли:
Боже ми Боже
Боже ми *Арине*
Арине саине
Саине ажине
Ажине ми дине
Дине ки Увишне
Увишне ми Талине
Санг ми адине!
Юне ми дойне
Дойне ми ф' гура
Ф' гура ми ф' *пенице*,
Три ми лета седи,
Какакъ ми е личенъ-денъ,
Личенъ-денъ циринъ-денъ
Стара ми вета ветне
Дойне ми млада дефа
Млада ми дефа Самодива
Сиву ми стаду пасе (18)...

ч.

...Я ми Юда кайлъ ни става
Лу си дума продума:
Тарамъ бари умини
Сумма уни самита
Атепина дуру усита
Усита ми мала Сита
Мала Сита мала дева
Растумъ Сита урастала
Нимъ ми Сита у гура
У гура у камице
Летумъ Сита ми летила
Летила ми на яра
На яра на тримице
Слуга служи трима Бога
Вишнумъ Бога *усъ* Коледе
Усъ Коледе и *усъ* Сурве,
Мати ми сама усамита
Ним' ми деве у камица,
Ним' ми деве услушне
Суледица ми у камице
Слуга ми мати служи
Дае хи златна чеше".
Рече юда ни утрече (19)....

Подобныхъ цитатъ весьма достаточно, но я желаю при семъ случаѣ указать почтенному собранію только нѣсколько цитатъ изъ обоихъ языковъ, которыя—по моему мнѣнію—заслуживаютъ особеннаго вниманія; ибо если бы я пожелалъ привести всѣ цитаты и объяснять ихъ, то на это потребовалось бы не мало времени; а равно, если бы ограничился однимъ только чтеніемъ ихъ, то это, по

(17) Находятся въ пѣснѣ о Божнѣ, который служилъ юдамъ въ горахъ 9 лѣтъ.

(18) Эта весьма важная цитата, въ которой представляются атрибуты Вишну, находится въ пѣснѣ, въ которой рассказывается, какъ какой-то юнакъ Дойне служилъ юдамъ въ пещерѣ. Въ ней 1120 стиховъ.

(19) Находятся въ пѣснѣ, въ которой рассказывается служеніе Суледины юдамъ. Въ ней 375 стиховъ

моему мнѣнію, было бы и неумѣстно и не цѣлесообразно, потому что было бы непонятно.

Итакъ начну съ тѣхъ, въ которыхъ встрѣчаются цѣлые стихи на этомъ совершенно непонятномъ языкѣ, которъ, по моему скромному мнѣнію, долженъ бы быть санскритскимъ. Начну съ 1-й цитаты (подъ буквою д, на стр. 216), находящейся въ обрядовыхъ пѣсняхъ Власина дня, праздника установленнаго царемъ Имою въ воспоминаніе прирученія воловъ и начальнаго пользованія ими въ домашнихъ занятіяхъ человѣка. По увѣренію пѣвцовъ онъ праздновался 10-го февраля. Цитата находится въ началѣ второй обрядовой пѣсни; въ ней три стиха на вышесказанномъ языкѣ: *Рама ти уйна—Пирмена на дрина—Акрамъ ми нина*. Изъ этихъ словъ: *рама* и *акрамъ* находятся въ этой самой формѣ въ словарь Бюрнуфа, словъ же *уйна* и *нина* нѣтъ, и ихъ значеніе можетъ быть объяснено только по догадкѣ или по сходству. Я не мало о нихъ ломалъ голову и вотъ какой смыслъ нашелъ въ нихъ. *Рама* значитъ *agréable* по Бюрнуфу; *уйна* быть можетъ происходить отъ санскритскаго *ujjassana—massacré*, т. е. то, что умерло не своей смертью, а убито или заколото; *Пирмена на дрина*: *пиръ* значитъ огонь отъ санскритскаго *пуръ*, а *дрина*, по толкованію пѣвцовъ, значитъ церковь или моленіе. Часто въ пѣсняхъ упоминается слово *дриде* или *дрииде*, которое, по объясненію пѣвцовъ, значитъ *дубовое* дерево или *дубъ*. Итакъ вѣроятно здѣсь подразумѣваются не церкви послѣднихъ временъ, а первобытныя, т. е. когда въ горахъ, подъ деревомъ, и по всей вѣроятности, дубовымъ приносилась жертва Богу. *Акрамъ* означаетъ разстояніе; но что значитъ *нина*—трудно опредѣлить. Только по смыслу содержанія пѣсни я рѣшаюсь предположить, что можетъ значить: *благовонный дымъ жертвы*, вставивъ между *ни* и *на*—га—*пигана*, по словарю Бюрнуфа, что значитъ *fumée odoriférante de l'offrande*. Т. о. я предполагаю, что смыслъ непонятныхъ стиховъ могъ бы быть слѣдующій: „Господи Боже! благопріятна тебѣ жертва на огненомъ очагѣ — приближается благовонный дымъ приношенія — ибо, вотъ старикъ (или жрецъ) подходитъ съ непорочнымъ воломъ или телицей, и т. д. Разумѣется, что все сейчасъ сказанное—только одна догадка, а вовсе не положительное рѣшеніе, и догадка сдѣланная съ единственною цѣлью обратить вниманіе сего ученаго собранія на это странное явленіе; окончательное же рѣшеніе сего вопроса принадлежитъ другимъ, которые болѣе знаютъ это дѣло, т. е. лингвистамъ, санскритологамъ и ориенталистамъ и славянскимъ и иноплеменнымъ. Упомяну еще что пѣвецъ сказалъ объ этихъ стихахъ: онъ сказалъ только, что это старья слова, и только относительно слова *дрина* сказалъ, что это значитъ мѣсто гдѣ закалываютъ жертву.

2-я цитата (подъ буквою е, стр. 216—217) находится въ одной пѣснѣ къ солнцу, а именно на концѣ пѣсни; состоитъ изъ пяти стиховъ: *Дурумъ драве уруну—Пиревина на усица—Карвица ламенца—Дире тифе сунтвива—Хуте ми арвица*.—Эти стихи мнѣ нельзя было отгадать или разрѣшить при помощи упомянутаго французскаго словаря. Вотъ что сказала о нихъ пѣвецъ: „эти стихи на языкѣ современномъ нашимъ дѣдамъ“.

3-я цитата (подъ б. ж, стр. 217) заключается въ одномъ стихѣ, но, что онъ значитъ, неизвѣстно; другіе стихи не чисто болгарскіе; тоже должно сказать и о 4-ой (подъ б. з, *ibid.*), которая еще дальше отъ болгарскаго языка. Въ 5-й цитатѣ (подъ б. и, стр. 217—218) стихи подчеркнутые—неболгарскіе, а также и въ 6-й (подъ б. і, стр. 218); и здѣсь стихи, находящіеся между вносными знаками—не вполне болгарскіе, а въ 7-й и 8-й цитатахъ (подъ бб. к, л и м, стр. 218—219) всѣ не подчеркнутые стихи—болгарскіе; а изъ подчеркнутыхъ нѣкоторые находятся въ санскритскомъ словарѣ, а нѣкоторыхъ не отыскалъ. Въ словарѣ находятся: *Вей, удита, тата, санита, далита, трай*. Въ 9-й и 10-й цитатахъ (подъ бб. н и о, стр. 219) однѣ изъ подчеркнутыхъ словъ я отыскалъ въ словарѣ, а другихъ не нашель: *Рай* значитъ *richesse*, богатство; другія—незнаю, что значать; тоже должно сказать и объ 11 и объ 12-й цитатахъ (подъ бб. п и р, стр. 220). Въ 13-й цитатѣ (подъ б. с, стр. 221) пѣвецъ такъ объяснялъ нѣкоторыя изъ подчеркнутыхъ словъ: *дефне* значитъ *чистъ*; *превита*, кто все знаетъ, *omniscius*: въ санскритскомъ *праван* значитъ *ученъ*; относительно *Арита, Денита* и *Апита* сказалъ что это имена бога. *Арита* въ санскритскомъ словарѣ значитъ *гашеуг*—гребецъ; *дана* значитъ *вода*; а *апита* значитъ *le feu*—огонь. Въ 14-й цитатѣ (подъ б. т, стр. 222) слова подчеркнутыя—не болгарскія; нѣкоторыя совершенно непонятны, напр. *усъ* вмѣсто *съсъ топузе*; думаю, что это долженъ быть какой нибудь новый неизвѣстный видъ славянщины. Въ 18-й цитатѣ (подъ б. ц, стр. 223) пѣвецъ нѣкоторыя слова перевелъ слѣдующимъ образомъ: *Арине*—пречистый, *саите*—пресвятой; *Ажине*—весьма уменъ; *Дине*—Богъ, *увишине*—сѣдящій высоко; *тамине*—небесный, облачный, *Санъ ми адине*—непостижимый умомъ; *юне ми*—молодъ; *гуре*—гора; *пенице*—пещера; *вета ветіе*—жертву закалываетъ.

Итакъ вотъ что, на скорую руку, я былъ въ состояніи указать и предложить почтенному собранію относительно родопскихъ памятниковъ. Конечно, ихъ настоящее значеніе и концепція, относительно славянства и науки, могутъ быть схвачены и опредѣлены только послѣ ихъ обнаруженія.

Желаю сдѣлать еще одно маленькое замѣчаніе, и затѣмъ кончить.

Не только по свидетельству этих памятниковъ, но и по единогласному утверждѣнію всѣхъ пѣвцовъ — цивилизація и искусство первоначально появились у какого-то народа, который назывался „*Юдински народъ*“. Онъ-то первоначально и сообщилъ ихъ нашимъ дѣдамъ, а они въ свою очередь распространяли ихъ далѣе, между другими народами: египтянами, персами, вавилонянами, финикійцами и т. д. Главнымъ лицомъ или представителемъ этой неизвѣстной цивилизаціи былъ, какъ уже сказано ранѣе, нѣкій царь Има. И такъ по ихъ свидетельству древнимъ славянамъ во всеобщей исторіи принадлежитъ лучшее и болѣе почетное мѣсто, чѣмъ приписываемое имъ ярыми ихъ недоброжелателями, т. е. славяне не были *последнимъ удобреніемъ цивилизаціи*, о чемъ съ нѣкотораго времени все чаще трубятъ вѣнская Neue freie Presse съ прочими своими и пештскими пріятельницами, но что они, напротивъ того, были ея первымъ и самымъ блестящимъ алмазомъ.

Мой покойный другъ Янко Шафарикъ, въ своихъ письмахъ ко мнѣ, не разъ высказывалъ сожалѣніе о томъ, что его дядѣ славному Павлу Іосифу Шафарику не суждено было увидѣть эти памятники, такъ какъ — по его словамъ — онъ одинъ только былъ бы въ состояніи глубоко проникнуть въ ихъ смыслъ и опредѣлить ихъ значеніе. Но я думаю и твердо увѣренъ, что въ обширномъ славянскомъ мірѣ нашлось бы не мало и другихъ славныхъ усопшихъ славянолюбцевъ, которые, подобно Шафарику, не только были бы рады дожить до такого великаго событія, но навѣрное пожертвовали бы и часть своего имущества, чтобы только получить возможность взглянуть своими потухшими очами на эти драгоценные остатки умственной продуктивности, первобытной міровой цивилизаціи, въ которой, по всѣмъ признакамъ, принимали значительное, *хотя и неисключительное*, участіе и дѣды славянъ. Такими славянолюбцами были изъ руссовъ: Державинъ, Каченовскій, Кеппенъ, митрополитъ Евгеній, адмиралъ Шишковъ, графъ Румянцевъ, графъ Сергій Уваровъ, Востоковъ, Шевыревъ, Пушкинъ, Хомяковъ, Константинъ Аксаковъ, Погодинъ, Невоструевъ, Гильфердингъ, Григоровичъ и не мало другихъ, неизвѣстныхъ мнѣ по имени. Изъ не-руссовъ такими были: Юнгманъ, Копитаръ, Водникъ, Янъ Коларъ, Людевитъ Штуръ, Палацкій, Павелъ Стосъ, Юкичъ, Тома Блажекъ, Гр. Албертъ Ньюдженъ, Гавличекъ, Гай, Бабукичъ, Мицкевичъ, Крижаничъ, и многіе другіе, имъ подобные. Хотя имъ не суждено было увидать этого при жизни, но они, навѣрно, чувствуютъ духомъ все, что теперь происходитъ здѣсь и ихъ духовныя очи бросаютъ съ небесныхъ высотъ нѣжно-грустные взоры на это блестящее собраніе, въ которомъ находится цвѣтъ русской интеллигенціи со всѣхъ концовъ Россіи,—на васъ, дорогие и милые имъ, потому что здѣсь, безъ сомнѣнія, найдутся не только зна-

комые, но и родственники ихъ, — чтобы видѣть какъ отзоветесь вы на то, что совершается сейчасъ на родинѣ славнаго Державина, на милой намъ св. Руси; т. е. окажете ли должное вниманіе и покровительство этому неоцѣнному духовному сокровищу далекой старины, которое своею особенностью и выпренностью затмеваетъ и далеко оставляетъ за собою всѣ извѣстныя умственные продукты древности, и которое, вѣроятно, принадлежитъ тѣмъ, чья кровь течетъ въ вашихъ жилахъ; или, быть можетъ, вы допустите его снова уйдти туда же, откуда оно пришло—т. е. *въ забвеніе*, отъ котораго я старался спасти это сокровище съ такой преданностью и самоотверженіемъ, что ставилъ ребромъ счастье и благосостояніе не только свое собственное, но и дорогихъ и милыхъ моихъ въ Серезѣ, которымъ въ эту минуту, можетъ быть, угрожаетъ опасность, *вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ*, сдѣлаться жертвами или добычею дикихъ Черкесовъ.

16 Августа, 1877 г.

Славній зборѣ!

Охрабрѣнъ благоволеніемъ, кое е славній зборъ указао последній путъ Родопскомъ откритію, за то желіо самъ іошъ еданъ путъ повратити се овоме предмету, ербо тада збогъ краткогъ времена ніе ми было могуће да онако упознамъ ученій зборъ съ нѣговимъ любопитнимъ садржаемъ, као што ми е была желя и намѣра; и тако то чинимъ ево сада, надаюћи се да ће онъ благоизволити мое скромно саобштенѣ примити са угоднимъ задовољствомъ и наклоношћу, ербо су то тако необичне и чудне ствари, о којима никадъ ни у сну ніе коме на память долазило да сличногъ шта изъ старине суштествуе негди на свету сакривено те да ће еднога дана ненадно опетъ указати се на яви.

Ови споменицы воде порекло чакъ изъ оне далеке старине, кадъ іошъ већи део рода людскогъ чаміо е у крайной простоти и невѣжеству, непознаваюћи никакви художествій и живећи само одъ плодова земни, кои се сами производе: на примѣръ овоштія, жиръ растовъ и буковъ и т. п. дапаче на више мѣста изрично се споминѣ да су пасли и траву попутъ животинѣ! У нѣма дакле разговетно и обстоятельно прича се одъ кога народа пронађена су и изобретена найважнія и найглавнія художества, као што су на примѣръ орало и употребленѣ пшенице у мѣсто траве; после српъ за жети ю и гумно или вршило за чистити; упитомленѣ воловахъ, коняхъ и оваца: лекарство, бродарство, винова лоза, азбука, четили и т. д. Свако изобретеніе было е овѣковѣчено, спомена ради, установленіемъ особитогъ религіозногъ празника са обредима и молитвенима пѣсмама, съ којима су хвалили и славили Бога што имъ е помогао за улесненѣ и олакоћенѣ живленя. Такви празникахъ биће око 20. Ево іи: *Личенъ-денъ Дравинъ-денъ*, установлѣнъ за споменъ изобретенія орала; *Личенъ-денъ Витинъ-денъ*, установлѣнъ за споменъ изобретенія српа; *Личенъ-денъ Асинъ-денъ*, установлѣнъ за споменъ изобретенія гумна или вршила за чишћенѣ пшенице; *Личенъ-денъ Сиринъ-денъ*, установлѣнъ за споменъ упитомленя оваца и изобретеніе млека и сыра; *Личенъ-денъ Власинъ или Волосинъ-денъ*, установлѣнъ отъ Има цара за споменъ упитом-

леня волова и првога имъ употребленя у пословима домаћима човека; *Личенъ-денъ Ивринъ-денъ*, установлѣнъ за споменъ изобретенія вина; *Личенъ-денъ Рюинъ или Гроздинъ-денъ*, установлѣнъ за споменъ изобретенія винове лозе; *Личенъ-денъ Маргинъ-денъ*, установлѣнъ за споменъ изобретенія лекарства; *Личенъ-денъ Колмовъ или Колчувъ-денъ*, установлѣнъ за споменъ изобретенія корабахъ и првога имъ пловленя по мору и рекама; има такођеръ и празникъ, установлѣнъ за споменъ изобретенія ватре, названъ *Личенъ-денъ Агнинъ-денъ*. Осимъ овихъ има јошъ и другихъ празникахъ, кои су были установлѣни по разнима побуђенјима, на примѣръ три разна празника была су установлѣна не за друго но само да се кодъ њихъ сохрани и не заборави споменъ на прво имъ отечество: *Личенъ-денъ Ластавичинъ-денъ*, *Личенъ-денъ Пазиръ-денъ* и *Личенъ-денъ Колчувъ-денъ*. Пѣсме овихъ празникахъ најтрогателније су одъ свију другихъ. После имаю празници: *Личенъ-денъ Суровъ-денъ* или *Летовъ-денъ*, определенъ за празновањъ начала лѣта или нове године; после *Личенъ-денъ Етновъ-денъ*, у кои мислили су да звезде силазе съ неба на земљу да баяю бильке или траве да буду лековите; *Личенъ-денъ Ладинъ-денъ*, определенъ за споменъ установленя брака; *Личенъ-денъ Колинъ или Коледовъ-денъ*, установлѣнъ за споменъ рођеня Коледа Бога: *Личенъ-денъ цзренъ-денъ*, установлѣнъ въ честь *црногъ Бога* за да людима не чини зла за време докле се налази у разяреномъ станю.

Има такођеръ у више примеракахъ и обредахъ са пѣсмама, кои су чинѣни при рођеню дѣтета, у време свадбе и при погребу мртвацахъ. Све е то крайне любопитно и заслужуе да се зна.

- Споменута художества ни су сва у едно време била изобретена него постепено, после дугогъ времена, едно за другимъ появљивало се е. До изобрѣтенія српа пшеница е была чупана рукама онако као што се сада ланъ чупа, чипѣна е пако била до изобретенія гумна или вршила рукама на ноћнима „*Седенкама—триенкама*“, кои начинъ задавао имъ е великогъ труда и муке. Збогъ важности предмета мислимъ да не ће бити неумѣстно и излишно, ако овде ставимъ саму пѣсму, онако као што се налази у изворнику, односећу се на описаніе начина првобитнога чипѣненя пшенице докле јошъ ніе било измишлѣно гумно (1):

О њѣкима одъ горе наведени празникахъ има по више варијанта одъ разнихъ пѣваца, особито има ји доста о празнику Власинъ-денъ, но свију пѣсме тако су различне буйношћу свое поезіе, да мислимъ ни еданъ не ће бити излишанъ толико да не би заслуживао да се саобшти; само о празнику, о коме е говоръ у пѣсми мало пре саобштеној до сада ни су се јавили варијанти, а тако

(1) Пѣснь приведена выше въ переводѣ М. П. Петровскаго; см. стр. 208—211.

исто и о празнику српномъ Ватиномъ дену; оба споменута празника састое се сваки изъ по петъ молебни пѣсама, но мало пре споменута пѣсма надмиваюе своіомъ важношћу не само све остале пѣсме обредне Асина и Витина дене, но и све друге; ербо у нъой е не само сачуванъ споменъ найдрагоцѣнни, и то на начинъ најяснѣи и најискренѣи, о началнику цивилизаціе овихъ споменикахъ Има цару, првомъ изобрететелю орала, и Радю юнаку, изобретателя гумна за чишћенѣ пшенице, већ и што се отликуе тако чувствительнимъ и тако складнимъ, любкимъ и виспренимъ своимъ пѣсничкимъ саставомъ, да човека у крайно умиліе доводи. Овай Има царъ биће вѣроятно онай, о коме се е сачувао еданъ сасвимъ таманъ споменъ у зендскимъ књигама подъ именовъ *Има*. Но у овима нашимъ споменицима о нѣму такомъ ясношћу и живаношћу прича се, да се чини да е то било текъ пре неколико десетина година а не пре толико иляда година.

У овима пѣсмама прича се такођеръ и о преселеню или колонизациі становитогъ народа изъ крайне землѣ на бѣлѣ Дунавѣ; у више нѣихъ поминю се и *два* бели Дунава кои, по обясниваню и казиваню пѣваца, налазили су се у Ричной землѣи, у којой осимъ нѣихъ било е јошъ и више велики рекахъ, до 9: „*презъ деветъ горахъ зелени — Презъ деветъ рекахъ гулями*“ — поминѣ се у више свадбински а и други пѣсма епическихъ. Вѣроятно дакле речена *Рична* земля биће данашњи индѣйски *пенжакъ*—или *пенѣжабъ*, као што се назива у пѣсмама Александра великогъ; *Индъ* се у пѣсмама Александровима називлѣ „*гуляма Жабарска река*“—*жабъ*—одъ *жабе* мислимъ да произилази. У дѣлу Инглеза д-ра Вицента, кое било печатано концемъ прошлогъ вѣка, о походу Александра Великогъ, *Потамия*, съ коимъ грѣкимъ именовъ бѣо е означенъ Пенжакъ, стои по садашнѣму индѣйскому називаню преведено „*Ritchna*. Два дакле бели Дунава у овима пѣсмама биће по свой прилици *Индъ* и *Гангъ*; а кадъ су допрли до Европе спомена ради назвали су веће реке истимъ именовъ. Већи део дакле догађая, налазећи се у овима пѣсмама сохранинъ и описанъ, мислимъ да се ніе догодіо кодъ нашега Дунава но кодъ споменута два индѣйска Дунава.

У родопскомъ откритію има доста пѣсама и о Троји граду; неке се знатно слажу са омировимъ причанѣмъ, неке пако толико одъ нѣга се удаляваю да би се могло предпоставити да градъ Троя бѣо е на другомъ мѣсту а не онде где га међу и назначую стари еллински и други писатели. најважнѣе е у нѣима то што се поминѣ река *Simois* Помпоніе Меле: *Сименива*.

У смотреню религіе ови споменикахъ само ћу у кратко то навести, да е она врло сродна са религиомъ Браминскомъ и ведски химна, еръ као кодъ последњи тако и овде налази се тройство, кое се е називало „*трина*“ или „*тримна Бога*“.

Вишну, Коледа и Сива; осимъ тога многа индїйска важнїя божества као: Дурга, Бавани, Сура, Тарана, Брахма и т. п. називаю се онако исто као што стое означена у индїјскомъ баснословию, само е велика разлика међу ролама и определењемъ, кое споменута Божества имаю кодъ Индїяца и онимъ кое имъ назначую ови наши споменици. На примѣръ *дурга* кодъ индїяца представљена е као врло матора жена, којој за накитъ служи низъ човѣчи лубана, и која едину своју забаву налази у томе да само умрви што може више людихъ ербо найслађи напитакъ нѣзинъ састояо се е изъ людске крви; сва е дакле слика и прилика садашњи турски башибозука и черкеза — дочимъ наша *дурга* представљена е као врло млада дѣвојка, која лѣпотомъ сяла е као сунце, а у великодушности и милосрдію ние имала себи равна, слѣдователно никадъ ние ни мраву на жао учинила, но непрестано се е заузимала да поможе онима кои би јој се утипали у своима буди каквима нуждама, и Богъ јој е увекъ уважіо молбу, ербо е била крайне целомудрена и добродѣтельна и милостива; она дакле ние била жена никакогъ божества, но просто била е свештеница едногъ храма, гди се е Богу жертва приносила, у коме качеству остала е вазда. Таква иста била е и *Бава* или *Бавани* а не жена *Вишнуа*. — Сви дакле знаци показую да цивилизація овихъ споменикаха не само да е старїя одъ зендске, ведске, грчке, египатске, но вѣроятно била е изворомъ првобитнимъ свию споменути цивилизація. Колико е ово мненїе умѣстно, то треба да определе учени словенски и иноплеменни.

Лани почму се появљивати такве пѣсме, по којима има пуно цитата изъ два друга езика, кои ни су ни србски ни бугарски. Еданъ налечи на старо-словенски а такођеръ и на рускїй езикъ, еръ има такви речи русски какви, мислимъ, не би се могло наћи у рѣчнику ни бугарскомъ ни србскомъ, на примѣръ: *если, фбура, осенъ, уярилъ, тутъ, глаза* и т. п. други пако не налечи ни на еданъ европееки езикъ, но вѣроятно биће санскритски, еръ има више речи кое се сасвимъ тако изговараю као што се налазе наштампане у санскритскомъ рѣчнику Г. Е. Бирнуфа безъ и найманѣга искривленя; речени цитати имаю одъ петъ до двадесетъ стиха. Оваки пѣсама има 4 рукописа одъ 4 разна пѣвца—Помачка. Средствомъ дакле овихъ любопитни цитата мислимъ да ће се лако моћи проникнути и пронаћи не само коме народу припада цивилизація родопскихъ споменикаха, већъ јошъ и она страна света одакле е потекла првобитно.

Званя дакле ради овде желимъ ученомъ збору представити неколико одъ тихъ цитата (').

(') Вѣсь послѣдующїя за сими пѣсни приведены въ переводѣ М. П. Петровскаго; см. на стр. 213—223.

Слични цитата има прилично доста, но я желимъ славномъ збору овомъ приликомъ показати само неколико нѣхъ изъ оба езика и то такве, кое мислимъ да заслужую особитогаъ Вашегаъ вниманія; ербо кадъ би хтео све показати и онѣма объясненія чинити, тому не би было довольно више сати, а опетъ кадъ бы се ограничио само на то да е просто прочитамъ, мислимъ да бы то было сасвимъ неумѣстно и нецѣлѣсходно, ербо тимъ начиномъ не би се могло ништа разумети.

И тако починамъ одъ они, у којима има цели стиха изъ онога сасвимъ непознатогъ езика, кои, по моме скромномъ мненю, вѣроятно биће санскритски. Почећу одъ онога брой 1. Кои се налази у пѣсмама обреднима Власинъ-дена, кои празникъ био е установлѣнъ одъ Има цара за споменъ упитомленя волова и првога имъ употребленя у домаћима пословима човека. По увѣраваню пѣваца, онъ се е празновао 10 фебруара. Онъ се налази съ почетка друге обредне пѣсме; у нѣму има три стиха реченогъ езика:—*Рама* ти *уйна*—*Пирмена* на *дрина*—*Акрамъ* ми *нина*—одъ овихъ речи *рама* и *акрамъ* налазе се сасвимъ онако назначене у рѣчнику Е. Бирнуфа као што су и овде представлѣне, *уйна* пако и *нина* нема њи него само нагађанѣмъ и наличношћу могло би имъ се проникнути значенѣ. Я самъ дакле о њима доста разбіаю главу и наипосле овако самъ имъ схватио смисао. *Рама* значи агреable по Бирнуфу, драго, пріятно; *уйна* може вѣроятно произилазити одъ санскритске речи *ujjassana massacre*, дакле што ніе умрло природномъ смрти но е убиено или заклано; *Пирмена* на *дрина*: *Пиръ* значи ватра, одъ санскритскогъ *пуръ*, *дрина* пако, по толкованю пѣваца, значи црква или богомола. На много мѣста по пѣсмама поминѣ се речъ *дриде* или *дрийде*, кое по толкованю пѣваца значи дрво *растъ* или *растовъ*. И тако вѣроятно овде се не разумеваю цркве последнихъ временахъ, него првобитне, т. е. кадъ се е у планини подъ дрветомъ, а то по свой прилици растовимъ, приносила жертва Богу. *Акрамъ* означае растојаніе; но *нина* што значи, то е мучно определити; я само по смислу садржая пѣсме усуђуемъ се предпоставити да може значити: *димъ благовонный жертве* ставивши међу *ни* и *на* га—*nigana* рѣчника Бирнуфова, кое значи *fumée odoriférante de l'offrande*. И тако предпоставлямъ да би могао бити смисао следећи овима непознатима стиховима: Боже ле жийне ле! — драга ти жертва ватретономъ на огништу—Наближава благовонный димъ приносенія—еръ, ено старогъ звезница или жреца гди долази са непорочнимъ воломъ и телицомъ и т. д. Разумие се да ово што самъ казао само е едно нагађанѣ а никако пресуда положителна, учинѣно не за друго но единствено да на ово чудно появленіе обратимъ внимание ученогъ овога збора, а коначно рѣшеніе овога питања, т. е. да ли е умѣстно или не то што самъ имао честь да кажемъ о овоме предмету, принадлежи другима, кои се мало болѣ разумеваю у ову стварь, то

есть лингвистима, изданистима и ориенталистима, како славенскимма и иноплеменима. Юшъ љу само то поменути што е дотичній пѣвацъ казао о овима стиховима, т. е. казао е само да су то старе речи безъ да е знао што значе за речъ *дрина* казао е да е мѣсто гди су се клали курбани.

2 цитатъ оваки налази се у одной пѣсми къ сунцу т. е. на завршетку пѣсме састоећи се изъ 5 стиха: *Дурумъ драве уруну—Пиревима на усица—Карвица ламеница—Дире тибфе сунтвица—Хуте ми арвица*— ове стихове мени нѣ было могуће одгонетнути или разрѣшити помоћу споменутогъ францускогъ рѣчника. Пѣвецъ ево што е о њима казао: „Тези стихове ся отъ едноврѣменешныйтъ языкъ на наши-тѣ дедове“.

3 цитатъ има само еданъ стихъ такви но што значи не зна се; други стихи ни су строго по бугарски; то исто се разумие и о 4 кои юшъ више е удалѣнь одъ бугарскогъ езика; то се разумие о онима стиховима, кои се налазе међу—. У 5 цитату речи подвучене ни су бугарске, а тако исто и у 6; и овде стихови налазећи се међу потезима—ни су посве по бугарски; а и у 7; у 8 цитату сви стихови не подвучени по бугарски су, подвучени пако неки се налазе у санскритскомъ рѣчнику а неки ни самъ могао примѣтити; такви су, т. е. они кои се налазе у рѣчнику: *Вей, удита, тата, санита, далита, трай*; у 9 и 10 цитату речи подвучене неке самъ нашао у рѣчнику а неке не: *Рай* значи *Richesse*, богатство, друго не знамъ што значе, то исто разумие се и о 11 и 12 цитату; у 13 цитату певацъ е овако толковао неке подвучене речи: *дефне* значи *чистъ*; *превита* кои зна све, *omniscius*; у санскритскомъ *праванъ* значи ученъ; за *Арита, Денита* и *Апита* казао е да су имена бога. *Арита* у санскритскомъ рѣчнику значи *Решеиг*, весларъ; дана—значи вода; а *апита* значи *le feu*, *оганъ*; у 14 цитату речи не подвучене ни су бугарске; нѣке су пако сасвимъ не познате као на примѣръ *усъ* у место съсъ топузе; мислимъ да ће ово бити сасвимъ неки нови непознати обликъ словенштине; у 18 цитату неке речи пѣвацъ превео е на следећи начинъ: *Арине*, много чистъ, *Санте* много святъ; *Ажине*, много уманъ; *Дине*, Богъ, *увинне*, што седи на високо; *Талине*, небесній, облачный, *Санъ ми адине*, кои то съсъ умъ не са постига; *юне ми*: младъ ми; *гуре*, гора; *пенице*, пештера; *вета ветіе*, курбанъ коле; *горици*, бурукъ.

Ово е дакле што самъ на брзу руку био у станю показати и представити славномъ сбору гледи родопскихъ споменикахъ. Наравно њихово право значенѣ и домашай у погледу како славенства тако и науке текъ онда моће се подпуно схватити и определити кадъ се све ове пѣсме буду напечатане.

Желимъ јошъ само одну малу примѣтбу учинити и онда свршићу.

Не само по сведочанству овихъ споменикахъ већ и по еднодушномъ тврђењу свию пѣвацахъ, првобитно цивилизација и художества появила су се кодъ некога народа, који се е звао „*Јудински народъ*“. Овај најпре саобшти ихъ нашимъ дѣдовима, а они опетъ далѣ по свету распростране ихъ међу другима народима: Египтањанима, персијанцима, вавилонјанима, феничанима и т. д. Главно лице или представитељ ове непознате цивилизације био е, као што е већ на другомъ мѣсту казано, неки Има царѣ. И тако по сведочанству њиховоме старима словенима у свеобштој повѣстници припада мало болѣ и частније мѣсто одъ онога кое имъ допитую њихови люти недоброжелателѣ, т. е. ни су били *последнѣ љубре цивилизације*“, као што то одъ некога времена обичае чешће трубити Бечка *Наша фрѣае прѣсса* са прочима своима ондашњима и Пештанскимъ другарицама, већ напротивъ били су нѣзинъ први и најсѣјнији дјамантъ!

Мой пријатељ покојни Јанко Шафарикъ примѣтио ми е не еданъ путъ у своима писмама да е велика штета што нѣговъ стрицъ славни Павле Шафарикъ не доживио да види ове дивне споменике, ерѣ, вели, онъ едини био бы у стану најболѣ проникнути и схватити имъ смисао и важностъ. Него я тврдо мислимъ и држимъ да у широкомъ словенскомъ свету было е јошъ доста и други славни усопши славнолюбацахъ, који бы имъ се онако исто као и онъ не само радовали, да су могли доживити ово велико собитје, него бы јошъ за цѣло и доста одъ свога иманя били даровали само да су могли своима умрлима очима видити ове преважне остатке умногъ производа првобитне светске образованости у којој, као што сви знаци показую, треба да су значително суделовали, *ако башъ све искључителъно њима не припада*, и дѣдови словенахъ, као што су на примѣрѣ ови руски славнолюбци: Державинъ, Каченовски, Кеппенъ, митрополитъ Евгеній, адмиралъ Шишковъ, гр. Румянцевъ, гр. Сергіе Уваровъ, Востоковъ, Шевыревъ, Пушкинъ, Хомяковъ, Константинъ Аксаковъ, Погодинъ, Невоструевъ, Гильфердингъ, Григоровичъ и јошъ доста њихъ којима имена незнамъ, а одъ не-руски: Јунгманъ, Копитаръ, Водникъ, Јанъ Коларъ, Л. Штуръ, Палацки, Павле Стосъ, Јукичъ, Томо Блажекъ, гр. Албертъ Нугентъ, Хавличекъ, Гай, Бабукићъ, Мицкјевичъ, Крижаничъ и јошъ много њихъ њима слични;—но ако не было суђено да то виде своима умрлима очима, за цѣло знаю духомъ о чему се садъ овде ради, слѣдователъно нежно-туробно, своими духовнима очима, овога светчаногъ часа гледаю съ небеснихъ висинахъ овамо доле на ово светло собраније (у коему се налази цвѣтъ руске интеллигенције са свию нѣзини краева), на Васъ свое миле и драге, ербо несумњиво овде ће бити доста њихови не само знакоми већ и сродникахъ, да виде како ћете се одавати овоме мигу про-

виденія, кои се чини у родноме мѣсту славногъ Державина нашей милой св. Русіи преко Васъ нѣзани дични представникахъ — то есть да ли ѣдете овоме неоцѣннимомъ умномъ сокровишту далеке старине, кое необычношћу и виспре-ношћу своего садржая потамнява и далеко иза себе оставя све познате умне производе изъ старине, и кое вѣроятно принадлежи онима чія крвь у Вашима жилама тече, поклонити онако вѣниманіе и покровительство као што заслужую по своіой важности, или може быти оставити ѣдете га да опетъ иде онамо одъ куда е дошло—у *Заборавностѣ*—на спасаванѣ коега я самъ настоявао съ такомъ преданошћу и отврженѣмъ да самъ наипосле пренебегао и на копку ставіо счастье и благоденствіе не само свое него и своіи мили и драги у Серезу, коима овога часа може быти да прети опасность, *збогъ неки препонахъ*, да постану жертвомъ или пленомъ дивльи черкезахъ.

16 Августа
1877.

О Соловецкой библиотекѣ, находящейся нынѣ въ Казанской духовной академіи (*).

И. Я. Порфирьева.

На выставку IV-го Археологическаго Съезда представлено 63 №№ рукописей изъ библиотеки Соловецкаго монастыря, находящейся нынѣ въ Казанской духовной академіи. Я намѣренъ предложить нѣсколько свѣдѣній объ этой библиотекѣ, съ цѣлью познакомить съ нею интересующуюся рукописями публику,

Прежде всего не излишнимъ нахожу сказать о томъ, когда и по какому случаю Соловецкая библиотека переведена въ Казанскую академію. Соловецкая библиотека переведена въ Казанскую академію въ 1855 г., по случаю открытія при академіи Миссіонерскаго Отдѣленія противъ раскола, при Казанскомъ архіепископѣ Григоріи, бывшемъ потомъ С.-Петербургскимъ митрополитомъ. Желая указать миссіонерамъ оружіе противъ раскола тамъ, гдѣ расколъ обнаружилъ себя сильнымъ, девять лѣтъ продолжавшимся, мятежемъ, и откуда вышла знаменитая у раскольниковъ „Соловецкая Челобитная о вѣрѣ“, преосв. Григорій въ 1854 г. просилъ Святѣйшій Синодъ о передачѣ въ Казанскую академическую библиотеку „нѣкоторыхъ книгъ изъ Соловецкаго монастыря“, и, пользуясь выпиской изъ описи Соловецкой библиотеки, приложенной при книгѣ Игнатія, архіепископа Воронежскаго: „Истина святой Соловецкой обители противъ неправды Челобитной, называемой Соловецкой, о вѣрѣ СПб. 1844 г.“, выбралъ изъ нея только 406 №№, какъ особенно нужныхъ для Казанской академіи. Но вся Соловецкая библиотека въ это время находилась въ Сійскомъ Антоніевомъ монастырѣ⁽¹⁾, куда она была перевезена, вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ Соловецкаго монастыря, для спасенія отъ англичанъ, нападавшихъ на монастырь во время Крымской войны. Въ томъ видѣ, въ какомъ библиотека здѣсь находилась, упакованная въ 16-ти ящикахъ, Св. Синодъ и повелѣлъ отправить ее въ Казанскую академію, и при этомъ поручилъ преосв. Григорію „отдѣлить и оставить въ библиотекѣ академіи всѣ тѣ книги и рукописи, какія признаетъ для академіи

(*) Читано въ засѣданіи 1 августа.

(1) Сійскій монастырь св. Антонія находится въ Холмогорскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи.

полезными, и, составивъ имъ опись, донести Синоду о томъ, какъ онъ полагаетъ поступить съ остальными, ненужными для академіи, книгами и рукописями“⁽¹⁾. Рассмотрѣвъ полученныя рукописи, академія нашла, что, кромѣ миссіонерскихъ цѣлей, онѣ могутъ служить и научнымъ цѣлямъ, при изученіи древней русской исторіи и древней русской литературы, что между ними много такихъ сочиненій, которыя, какъ важныя и необходимыя матеріалы по той и другой наукѣ, могутъ быть изданы въ Православномъ Собесѣдникѣ. Указывая на такое важное значеніе рукописей, ректоръ академіи, архимандритъ Іоаннъ въ 1858 г. просилъ высшее начальство „дабы благоволено было усвоить академіи Соловецкую бібліотеку въ полномъ ея составѣ въ постоянную, неотъемленную собственность, съ отчисленіемъ отъ Соловецкаго монастыря“. Въ слѣдствіе этого представленія Св. Синодъ указомъ отъ 9 сентября 1858 г. опредѣлилъ: „книги и рукописи Соловецкой бібліотеки оставить въ Казанской академіи навсегда“.

Свѣдѣнія о Соловецкой бібліотекѣ находятся въ „Описаніи Соловецкаго монастыря архимандрита Досіоея“⁽²⁾; въ книгѣ: „Истина Святой Соловецкой обители противъ неправды Челобитной, называемой Соловецкой о вѣрѣ“, Игнатія-архіеп. Воронежскаго, при которой приложена выписка изъ Описи Соловецкой бібліотеки о старинныхъ книгахъ, писанныхъ и печатанныхъ до книжнаго при патриархѣ Никонѣ исправленія“ СПб. 1854 г. и въ статьѣ А. И. Лилова: „Библіотека Соловецкаго монастыря“, напечатанной въ Православномъ Собесѣдникѣ 1859 г. част. 1—3.—Архіеп. Игнатій, въ концѣ своей выписки изъ Описи Соловецкой бібліотеки, замѣчаетъ: „сверхъ того въ ризницѣ находится на престольныхъ старинныхъ евангелій и апостоловъ до 40; они въ опись бібліотечную не включены; а включены въ опись ризницы и утвари, по драгоцѣнностямъ украшеній“. Значитъ, нѣкоторыя книги и рукописи, хранившіяся не въ бібліотекѣ, а въ ризницѣ, не попали въ академію, а остались въ монастырѣ. И вообще, по всѣмъ сохранившимся свѣдѣніямъ и записямъ на самихъ книгахъ и рукописяхъ видно, что Соловецкая бібліотека прежде была богаче и многія рукописи до насъ не дошли. Архим. Досіоей, указавъ въ своемъ „Описаніи“ на замѣчательныя книги и рукописи, хранящіяся „въ ризницѣ и книгохранильницѣ“, прибавляетъ

(1) Библіотека была привезена въ академію 11 января 1855 года.

(2) Географическое, историческое и статистическое описаніе ставропигіальнаго первокласснаго Соловецкаго монастыря и другихъ, подвѣдомыхъ сей обители, монастырей, скитовъ, приходскихъ церквей и подворьевъ, съ присовокупленіемъ многихъ царскихъ, патриаршихъ и другихъ знаменитыхъ гражданскихъ и духовныхъ лицъ грамотъ, относящихся къ исторіи сего монастыря, составленное трудами Соловецкаго архимандрита Досіоея. Част. 1—3. Москва 1836 г. (2-е изданіе безъ перемѣнъ 1858 г.).

въ подстрочномъ примѣчаніи: „многія и другія, достойныя уваженія, книги находятся въ тойже библиотекѣ, всѣхъ болѣе 4000 экземпляровъ“ (част. 1. стр. 301); но въ академію поступило, вмѣстѣ съ рукописями и книгами Анзерскаго скита, приписаннаго къ Соловецкому монастырю, только 1513 №№ рукописей и 83 №№ старопечатныхъ книгъ. На нѣкоторыхъ рукописяхъ встрѣчается по нѣскольку номеровъ, показывающихъ съ одной стороны, что библиотека нѣсколько разъ пересматривалась, а съ другой, что число рукописей уменьшалось; такъ напр. на сборникѣ № 804 прежде былъ поставленъ № 850; на сборн. № 854 былъ № 900; на требникѣ № 1086 былъ № 1136. Номера на старопечатныхъ книгахъ стоятъ не по порядку чиселъ, а съ большими промежутками (86, 120, 123, 181, 197, 240, 779, 982), которые показываютъ, что всѣхъ книгъ, соловецкихъ и анзерскихъ, было по крайней мѣрѣ 2004 (этотъ 2004 № выставленъ на послѣдней книгѣ—на часословѣ, изданномъ въ 1632 г.), а въ академію изъ нихъ поступило только 83. Наконецъ нужно замѣтить, что нѣкоторыя рукописи Соловецкой библиотеки въ 1834 г. были взяты Археографической Экспедиціей для изданія (¹). Рукописи въ библиотекѣ и по библиотечной описи расположены по алфавиту въ такомъ порядкѣ: 1) Рукописи духовнаго содержанія 1195 №№; но въ этомъ числѣ подъ однимъ и тѣмъ же номеромъ помѣщено по нѣскольку рукописей одного и того же содержанія; такъ, подъ № 277 помѣщено 18 рукописей, подъ заглавіемъ: „ирмологъ демественнаго пѣнія; подъ № 619 помѣщено 13 рукописей, подъ заглавіемъ: „октоихъ нотный; подъ № 626 помѣщено 6 рукописей, подъ заглавіемъ: „октоихъ демественнаго пѣнія“; подъ № 622 16 рукописей, подъ заглавіемъ: „обиходъ нотный“; подъ № 690—28 рукописей подъ заглавіемъ: „праздники демественнаго пѣнія“; подъ № 691—24 рукописи, подъ заглавіемъ: „праздники нотные“; подъ № 1192—4 рукописи, подъ заглавіемъ: „трипѣснецъ демественнаго пѣнія и тріодъ демественнаго пѣнія“; подъ № 1193—12 рукописей, подъ заглавіемъ: „трезвонъ нотный“; подъ № 1194—48 рукописей, подъ заглавіемъ: „теноръ, дискантъ, альтъ и басъ партеснаго пѣнія“, и кромѣ того одна рукопись безъ номера, подъ заглавіемъ: „обиходникъ нотный крюками“, такъ что при указанныхъ выше 1195 №№ всѣхъ рукописей этого от-

(¹) Въ 1834 г. въ Соловецкомъ монастырѣ былъ членъ археографической экспедиціи, Берениковъ. Изъ донесеній его начальнику этой экспедиціи, Строеву, видно, что онъ занимался въ монастырѣ обзорніемъ библиотеки и архива Соловецкаго, выборомъ изъ нихъ замѣчательнѣйшихъ актовъ для изданія и составленіемъ подробнаго каталога Соловецкихъ рукописей. За сообщеніе этого свѣдѣнія приносимъ глубокую благодарность Л. Н. Майкову, который обязательно доставилъ намъ и факсимиле съ одного изъ упомянутыхъ донесеній Береникова, для сличенія съ нимъ нѣкоторыхъ замѣтокъ, встрѣчающихся на нѣкоторыхъ Соловецкихъ рукописяхъ (на нихъ будетъ указано при описаніи самихъ рукописей).

дѣла насчитывается 1367.—2) Рукописи свѣтскаго содержанія съ особой нумераціей 54 №№. 3) рукописи Анзерскаго скита 94 №№, 4) старопечатныя книги Анзерскаго скита 55 №№ и 5) старопечатныя книги Соловецкаго монастыря 28 №№.—Когда и къмъ приведены рукописи и книги Соловецкой библіотеки въ такой порядокъ, опредѣленно сказать нельзя; но нельзя не замѣтить, что онѣ съ тѣми же самыми номерами перечисляются и въ выпискѣ изъ описи Соловецкой библіотеки, приложенной при упомянутой выше книгѣ Игнатія архіеп. Воронежскаго, а въ предисловіи къ этой книгѣ Игнатій указываетъ еще на старинную опись монастыря, составленную въ 7184 (1676) г. по которой книгъ значится 1367^а, а потомъ, говоря о своихъ занятіяхъ въ соловецкой библіотекѣ, упоминаетъ объ одномъ монахѣ, о. Кассіанѣ, въ слѣдующихъ словахъ: „огромная тамошняя библіотека съ архивомъ и опись оныхъ трудами сего монаха, подъ распоряженіемъ бывшаго настоятеля о. архимандрита, Досіоея, приведена въ отличное состояніе. Онъ и библіотекаръ, іеродіаконъ Памво, удивили меня скорымъ удовлетвореніемъ всѣхъ требованій о книгахъ, при личномъ осмотрѣ библіотеки (1).“

Соловецкая обитель возникла въ первой половинѣ XV вѣка; къ концу этого же вѣка относится и начало Соловецкой библіотеки. Первые преданія о началѣ книжной письменности въ обители указываютъ на Новгородъ, который въ XV в. на Сѣверѣ былъ главнымъ центромъ книжнаго просвѣщенія, и тѣсно связаны съ именемъ знаменитаго въ исторіи этого просвѣщенія, Новгородскаго архіепископа, Геннадія. Геннадій былъ ученикъ преп. Савватія и, питая уваженіе къ его памяти, убѣдилъ Соловецкаго игумена Досіоея написать житіе Савватія и Зосимы. Тотъ Досіоей былъ самъ ученикъ преп. Зосимы и третій послѣ него игумень Соловецкій. Вотъ что онъ рассказываетъ въ послѣсловіи къ составленному имъ житію преподобныхъ: „Архіепископъ (Геннадій) вопрошаше мя прилежно о устрои мѣста Соловецкаго острова и о начальникахъ Соловецкаго монастыря. Азъ же, елико видѣхъ, повѣдѣхъ вся подробну. Архіепископъ же рече: напиши ми о житіи начальникъ вашего монастыря и о чудесѣхъ ихъ и еже вся повѣдалъ ми еси. Мнѣ же грубу сущу и недовольну смысломъ на сіе великое дѣло и много отрицающумися, онъ же рече: елико вразумѣши, напиши мнѣ памяти ради, вѣру бо, рече, имамъ къ начальникомъ монастыря вашего, яко Савватіе, егда на Валаамѣ въ монастырѣ былъ, и азъ у него ученикъ, а онъ у ме-

(1) Истина святой Соловецкой обители. Предисловіе стр. VII; примѣчаніе стр. VIII. Подъ Досіоеемъ здѣсь разумѣется архим. Досіоей Нѣмчиновъ, авторъ упомянутаго выше описанія Соловецкаго монастыря, изданнаго въ 1836 г.

не старецъ былъ. Въмъ его старца житіемъ велика и свята. Аже отъ архіепископа приимъ благословеніе, Богу поспѣшествовавшу ми молитвъ ради преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Савватія, написахъ памяти ради, елико возможохъ, и удержа мя архіепископъ у себе не мало лѣтъ“. Это житіе, составленное Досиѣемъ, и было первымъ памятникомъ Соловецкой письменности (¹). Находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ Геннадіемъ, Досиѣей усвоилъ отъ него любовь къ книжному дѣлу, началъ собирать книги и положилъ основаніе Соловецкой библиотекѣ. Въ рукописномъ Соловецкомъ уставѣ, написанномъ въ 1494 г. въ Новгородѣ, есть такая замѣтка: „списажеса сія книга повелѣніемъ многогрѣшнаго и недостойнаго и худаго во иноцѣхъ священноинока Досиѣея, а послалъ есмь въ домъ святаго храма боголѣпнаго преображенія три книги: уставъ, да мѣнѣю четью сентябрьскую, да книгу Іоанна Златоуста, а прежь того лѣтомъ послалъ есмь книгу правилъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, да пророчества, да Маргаритъ, да Сильвестръ, да Пчелу, да Θεодора Студита, да Козму пресвитера, да Іоанна Экзарха, да Ивана Дамаскина, да Палею, да Василія Кесарійскаго, да Деонисія Ареопагита, да Анастасія, да Кирилла Іерусалимскаго, да Шестодневъ Васильевъ, да торжественникъ постный четьей, да Апокалипсисъ Іоанна Богослова, да плащаницу на престолъ, да праздники на налой. Того же лѣта далъ есмь писати книгу Аѳанасія Іерусалимскаго, да Андрея юродиваго, да мѣнѣю октябрьскую четью, да мѣнѣю новымъ чудотворцомъ кануны, да и житія събрано“. Эти книги, списанныя Досиѣемъ въ Новгородѣ, и послужили основаніемъ Соловецкой библиотеки. Почти всѣ онѣ сохранились до нашего времени; всѣ онѣ написаны чрезвычайно тщательно, чистымъ большею частію полууставнымъ почеркомъ, всѣ подписаны рукою Досиѣея, изобразившаго свое имя вязью въ кругѣ, въ формѣ печати. Нѣкоторыя изъ нихъ представлены на выставку Съѣзда (²),—Какія лица послѣ Досиѣея изъ игуменовъ Соловецкихъ или вообще изъ монашествующихъ особенно заботились о собираніи книгъ, неизвѣстно. Единственными указаніями на то, какъ составлялась библиотека, служатъ записи въ монастырскомъ Соловецкомъ лѣтописцѣ (№ 484) и вкладной книгѣ Анзер-

(¹) Надо замѣтить, впрочемъ, что первая мысль о составленіи житія преп. Зосимы и Савватія принадлежала ихъ сподвижнику, преп. Герману, который, самъ будучи не книженъ, заставилъ Соловецкихъ клириковъ записать всё, что онъ зналъ о подвигахъ преп. Савватія. Эта запись и легла въ основу житія, составленнаго Досиѣемъ, которое потомъ въ 1503 г. было дополнено и передѣлано митр. Спиридономъ.

(²) Таковы: Маргаритъ № 491, Уставъ церковный № 1128, Службникъ № 1024, Златая цѣпь № 258, Сборникъ № 856, сочиненія Діонисія Ареопагита № 115, поученія Кирилла Іерусалимскаго № 478.

скаго скита (№ 2) и надписи и записи на самихъ рукописяхъ, въ которыхъ иногда упоминаются мѣста, гдѣ списаны книги,⁽¹⁾ и имена писателей, а также имена владѣльцевъ, вкладчиковъ или жертвователей книгъ. Надписи и записи на книгахъ и рукописяхъ имѣютъ весьма важное значеніе. Въ нихъ выражается монастырское преданіе, которое въ древнія времена сохранялось въ монастыряхъ весьма заботливо. Память объ отцахъ подвижникахъ, прославившихся святостію жизни, передавалась отъ одного поколѣнія другому; принадлежавшія имъ вещи и книги были отыскиваемы и тщательно хранились, какъ святыня и драгоценное наслѣдіе; потомъ онѣ записывались въ монастырскіе лѣтописцы и вкладныя книги. Заботливо также хранились вещи и книги, пожертвованныя въ монастырь разными знаменитыми лицами и благотворителями монастырей; имена этихъ лицъ записывались въ монастырскіе синодики для поминовенія ихъ души, а пожертвованныя ими вещи и книги въ лѣтописцы и вкладныя книги. Поэтому въ Соловецкомъ лѣтописцѣ (№ 484) мы встрѣчаемъ указаніе на тѣхъ жертвователей, имена которыхъ выставлены въ надписяхъ на книгахъ, и многія изъ надписей на книгахъ подтверждаются записями въ лѣтописцѣ. Между другими записями лѣтописца, особенно интересна слѣдующая запись, хорошо характеризующая заботливость лучшихъ людей о монастырскихъ древностяхъ, святыняхъ и достопамятностяхъ, и объясняющая намъ, какимъ путемъ дошли до насъ отъ древнѣйшихъ временъ разныя преданія, иконы, книги и рукописи и разныя вещи. „Препедобный игумень Филиппъ, говоритъ Соловецкій Лѣтописецъ, довѣдался образа Пречистыя Богородицы Одигитрія, съ которою Савватій чудотворецъ самъ на островъ пріѣхалъ первое. Онъ же игумень Филиппъ сыскалъ чудотворца Зосимы псалтырь, по которой самъ правилъ и готовился къ службѣ, да вычинилъ ее и дополнилъ и подписалъ на ней, что Зосимы чудотворца самага. Да Филиппъ же чудотворецъ сыскалъ Зосимины ризы, въ коихъ служилъ самъ, и вычинилъ ихъ и подписалъ, въ коихъ на чудотворцовы памяти игумены служатъ, и учинилъ ихъ большими ризами“⁽¹⁾.... „А дачи его игумена Филиппа въ монастырь.... псалтырь со возслѣдованіемъ цена три рубля, ірмологій съ заставицами золотыми цена два рубля“⁽²⁾.—Надписи и записи на книгахъ и рукописяхъ имѣютъ разный характеръ. Въ однихъ надписяхъ просто указывается на тѣ лица, которымъ принадлежала книга: такъ напр. на сборникѣ № 802 есть надпись, что онъ принадлежалъ преп. Герману, сподвижнику преп. Савватія; на Лавсаикѣ № 445 записано: „книга чудотворца Зосимы Лаѣаикъ старой“; на псалтырѣ

(¹) Лѣтописецъ № 484 стр. 5.

(²) Тамъ же стр. 8 на обор.

№ 709 замѣчено: „Филипповская чудотворцова“; подобная надпись находится и на евангелии № 120; на молитвенникѣ XVII в. № 577 есть надпись: „мѣтвы причастные священноинока Никона, соловецкаго мѣтра постриженника. а продалъ я Никонъ сию книгу священноиноку Геронтію во рѣзъ году мая въ кѣ д (¹). На псалтирѣ № 717 есть приписка о томъ, что она принадлежала старцу Авраамію Палицыну, скончавшемуся въ Соловецкомъ монастырѣ въ 7135 (1627) г. (²). Подобныхъ надписей, указывающихъ, отъ кого осталась или кому принадлежала рукопись, всего больше встрѣчается. Послѣ смерти каждаго монаха все его имущество и вмѣстѣ съ нимъ и книги поступали въ казну, а часто и сами монахи предъ смертію жертвовали ихъ въ монастырь. Въ другихъ надписяхъ указывается, когда и кѣмъ пожертвована рукопись: такъ на евангелии № 119 (рѣк. въ 4-ю долю, полуустав. XVI в.) есть надпись: „Еѣ сію да кня великы Ива Васиѣви“; на рукописи № 284 (въ 4-ю долю, полууставъ XVI в.), содержащей въ себѣ Лѣствицу Іоанна Лѣствичника и слова Аввы Дороея: „Лѣствицу сію да кня великы Ива Васиѣви“. Такая же надпись и тою же рукою сдѣлана на евангелии № 129, на исторіи Іосифа Флавія № 325, на канонахъ Богородичныхъ № 333, на Четыхъ минеи № 524, на правилахъ св. апостоль № 683, на служебныхъ минеяхъ (за мѣсяцы мартъ, апрѣль и май) №№ 527, 528 и 529; на трехъ торжественникахъ №№ 1050, 2051 и 1052 другою рукою сдѣлана надпись, что ихъ „далъ царь и великы князь Іоаннъ Васильевичъ всеа Русіи“. Евангеліе № 119, исторія Іосифа Флавія № 325 и правила св. апостоль № 683 представлены на выставку. На миротворномъ кругѣ № 479 замѣчено, что рукопись написана въ 1540 г. и дана вкладомъ Новгородскимъ митрополитомъ Исидоромъ (представл. на выставку). На требникѣ 1089 (рѣк. полууставная въ 4-ю долю) надписано: „потребникъ Исидора митрополита дача“; на октябрьской Четыхъ минеи № 501 замѣчено, что она дачи князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго“ (³); на списокѣ сочиненій Максима Грека № 495 написано: „кнѣга сѣя Максима грека стогорска гдрни прцы и великыя кнѣги Наталіи Кириловны крестоваго дѣяка Якова Шошина подписалъ рѣг (1675) году своею рукою Яковъ

(¹) По Соловецкой описи, этотъ молитвенникъ принадлежалъ патриарху Никону; но въ 7126 или 1618 г. Никону, родившемуся въ 1605 г. было только 13 лѣтъ; слѣд. въ указанномъ году есть ошибка.

(²) Кромѣ этой псалтыри отъ Амвросія Палицына осталось еще житіе преп. Сергія Радонежскаго № 225.

(³) Тоже замѣчено и на ноябрьской и февральской Четыхъ минеяхъ №№ 504 и 508.

Шошинъ“ (представл. на выставку); на катихизисъ № 469 замѣчено: „кати-
зисъ казенной, далъ Корецкой протопопъ Лаврентій Зизаній“ (представл. на
выставку). Изъ другихъ жертвователей или вкладчиковъ чаще встрѣчаются
имена игумена Іакова, игумена Сергія, Іоасафа Сороцкаго, старца Ефрема Ква-
шнина, Никифора Толочанова, Александра Булатникова, старца Елеверія, свя-
щенника Гедеона и старца Иринарха Тарбѣва. Игумень Іаковъ былъ ученикъ
св. Филиппа и послѣ игуменства на Соловкахъ былъ архимандритомъ Костром-
скаго Іпатьевского монастыря; имъ пожертвовано 6 №№ рукописей, изъ коихъ
замѣчательны: Лѣствица № 281 и апостольскія правила № 885. Игумень Сергій
также былъ потомъ архимандритомъ Іпатьевского монастыря; имъ пожертво-
вано 8 рукописей: Поученія Григорія Синаита № 100, Діалектика Іоанна Да-
маскина № 106, Небеса Іоанна Дамаскина № 312, Обличеніе на Л тинъ
№ 604, патерики Печерскій, Іерусалимскій и Синайскій №№ 634, 640 и 642
и творенія Симеона, новаго богослова № 795. Іоасафъ Сороцкій былъ келаремъ
Соловецкаго монастыря; отъ него осталось 7 рукописей №№ 96, 127, 603, 607,
752, 797 и 925, изъ коихъ замѣчательны: Евангеліе № 127, обличеніе на ла-
тинъ № 603 и обличеніе на лютеранъ № 607. Александръ Булатниковъ Соло-
вецкій постриженникъ изъ богатыхъ и знатныхъ бояръ былъ келаремъ Троиц-
кой лавры (послѣ Авраамія Палицына) въ продолженіе 20 лѣтъ и послѣ того
пришелъ въ Соловецкій монастырь на покой; онъ пожертвовалъ 7 рукописей
(№ 23 Андриатисъ, №№ 162 и 166 толковыя евангелія №№ 700 и 704 проло-
га за мѣсяцы мартъ и сентябрь), изъ коихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ
житіе преп. Зосимы и Савватія, № 175, съ изображеніями преподобныхъ и
разныхъ событій изъ ихъ жизни; рукопись обложена цвѣтною шелковою матеріею.
съ восьмью серебрянными наугольниками, двумя средниками и двумя серебрян-
ными зацѣпками, на которыхъ вырѣзано имя старца Александра Булатникова.
Никифоръ Толочановъ былъ постриженный въ 1680 г. вельможа Никифоръ
Матвѣвичъ Толочановъ, который при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1649 г.
былъ главою посольства въ Имеретію, при приведеніи Имеретинскаго царства
въ подданство Россіи; отъ него осталось 5 рукописей. При нѣкоторыхъ рукопи-
сяхъ есть такія записи и вкладыныя, въ которыхъ подробно указывается, гдѣ
и когда написана рукопись и кѣмъ и куда она пожертвована. Такъ, на апо-
столѣ № 24 (рѣк. въ листъ, полууст. XV в.) на послѣднемъ 416 листѣ припи-
сано: „Влѣто 1485 (1485 г.) списана быша книга сия при блговѣрномъ великомъ
кнзѣ Иванѣ Василіевичѣ всея Руси и при его снѣ Иванѣ Ивановичѣ и при
сщенномъ митрополитѣ Геронтіи, повелѣніемъ и строеніемъ преосвященнаго“

архіепископа Іосафа ростовскаго и ярославскаго, въ Фараѳнтіевѣ монастырѣ къ Ржтву престыа Бца въ домѣ. а списана быша сѣя книга въ Ростовѣ мѣа октя въ а днѣ на Покровъ стѣа Бца. молю вы Гдѣе мое не похулите. понеже с стараго списка списана. а писавыи неключимыи рабѣ коста“. На первомъ бѣломъ листѣ рукописи позднѣйшею рукою написано: „Апостоль толковый писмяной дачи владыки Іосафа Вологодскаго“. На служебной Миней № 541 (мѣсяць августъ ркп. въ листѣ, полууоставъ XV в.) на концѣ приписано: „При великомъ кнзѣ Иванѣ Васильевичѣ съврѣшишася сѣя миней въ стѣмъ градѣ Москвѣ повелѣніемъ кнзя Ивана Ивановича и при гнѣ нашемъ митрополитѣ Симонѣ всея россіа. списаже многогрѣшный Іоаннъ зовомыи петля въ лѣто 738 (1497 г.) іюніа въ к“.—На тактиконѣ Никона Черногорца № 594 (ркп. въ листѣ полууоставъ XVI в.) на 7-мъ листѣ помѣщена слѣдующая обширная вкладная надпись: „В лѣто 738 (1542) мѣа генваря кѣ день въ хртѣлюливое царство великаго цря гдря ншего і великаго кнзя Ивана Васиевича всея русіи самодръжца вдевтаое лѣто господарства его. а отъ рожества его во второенадесѣть лѣто. и при его штцы престѣйшемъ Ивасафѣ митрополитѣ всея русіи втретѣе лѣто святительства его. сѣю стѣую великую книгу оучительную нарицаемую Никонѣ прѣбныи да пятьдесятъ рублевѣ московскую денегѣ. далъ въ домѣ бѣолѣпнаго превбраженія Гда Бга и Спса ншего Ісу Ха въ честную обители стѣыхъ великыи чудотворцѣвъ прѣбныхъ шѣ ншихъ Саватія и Изосимы начальниковѣ тое стѣе обители во общій соловецкіи монастырѣ гднѣ прѣщенный Макарей архіепкпѣ бѣоспасасаемыхъ градовѣ великыи Новгорода и Пскова на память своей души и по своихъ родителехъ в вѣчный поминокъ в шестоенадесѣть лѣто святительства своего при духовномъ настоятелѣ тое стѣе обители игуменѣ Алексѣе иже о Христѣ съ братіею восьмое лѣто паствы его. братыи же бысть тогда въ той честной обители сто и тридесѣть числомъ, міротворному же кругу идуицу четвертомунадесѣть, солночному же кругу проходяицу двадесѣть второму вруцѣлѣто шестое, лунному же кругу наставишу первому индикта пятыйнадесѣть“.—На толковой псалтири Брунона, епископа Бюрцбургскаго, переведенной Димитріемъ Толмачемъ, № 1039 (ркп. въ листѣ полууоставъ XVI в.) есть такая надпись: „Лѣта 738 го далъ сѣю стѣую книгу псалтырь толковую в домѣ бѣолѣпнаго превбражения Га и Бга и Спса ншего Іса Ха и преподобныхъ чудотворецѣ Изосимы и Саватія бѣговѣщенскій священникъ Селивестръ да снѣ его Анѣимъ по себѣ и по своихъ родителехъ. а доколѣ ои живы ино за нихъ Бга молити“. Такая же надпись находится и на другихъ рукописяхъ, пожертвован-

ныхъ въ Соловецкій монастырь Сильвестромъ: на трехъ Евангеліяхъ №№ 159, 160 и 130, на Златоструѣ № 259 (представленъ на выставку) и на слѣдованной псалтири № 761. Въ началѣ лицевой псалтири № 748 помѣщено предисловіе, въ которомъ, между прочимъ, сказано: Влѣто зрѣ в бгохранимомъ и в преименитомъ и пртвоушемъ градѣ Москвѣ в третіемъ Римѣ блгочестіемъ цвѣтушемъ при державе превысочайшіе царскіе степені скиетра великого російскаго пртвіа, Бгомъ дарованнаго, Бгомъ оукрашеннаго, Бгомъ почтеннаго, Бгомъ превознесеннаго, Бгомъ венчаннаго, блговѣрнаго и хртолюбиваго великаго монарха Бжіею млтіею великаго гдря прѣ и великаго князя Февдора Ивановіча всея Росія самодержца.... пасушему же тогда російскою и высокопрестольною великую церковь первопрестольнику стѣйшему киръ Іевоу патріярху зовому московскому и всея великія Росія индикта і-го съ великою вѣрою и съ сердечнымъ желаніемъ и истиннымъ раченіемъ и съ подыцаніемъ многогрѣшный къ Богоу и члвкомъ груобыи предстатель російскаго солнцу круга, сирѣчь царскому величеству и достойно почтенныи царскаго величества саномъ бояринъ Димитрей Ивановічъ Годоуновъ премудрымъ смысломъ и разоумомъ сію стоую книгу псалтырь повелѣ написати и назнаменовати и оукрасити златомъ и серебромъ, и совершивъ и украсивъ чюдне сію стую книгоу псалтырь. положилъ въ домъ в превеликую лавру всемилостиваго Спаса и преподобныхъ чюдотворцевъ Зосимы и Саватія на Соловки прі игуменѣ Исидоре конюшени бояринъ Дмитрей Ивановичъ Годоуновъ по своей доушѣ и по своихъ родителехъ, на память вѣчноую“ и проч. На толковой псалтири, переведенной Максимомъ Грекомъ №№ 1040 и 1041 (ркл. въ листъ полууставъ XVI в.) помѣщена обширная вкладная запись: „Влѣто зрѣм (1630) мѣа февраля въ христілюбивое прство гдря прѣ и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русіи самодержца в осмоенадесять лѣто прства и гдрства его... се азъ смиренный и грѣшный Іоасафъ архіепкп псковскій і изборскій далъ еси сію стую великую кнгу псалтырь толковую въ двоу книгахъ переводъ Максима Грека розныхъ толковниковъ. и тѣ двѣ стые великіе книги псалтырь толковую далъ еси вдомъ бголѣпнаго преображенія Гда Бга и Спса ншего Іса Ха и прчтые Бцы чтнаго и славнаго ея оуспенія и великихъ чюдотворцовъ Зосимы и Савватія въ соловецкой монастырь въ третье лѣто стльства и дховные паствы своего смиренія на память своей дпи и по своихъ родителехъ в вѣчный поминокъ“, Въ Соловецкомъ лѣтописцѣ, кромѣ этой толковой псалтири, указаны и другія книги и рукописи, пожертвованныя Іоасафомъ. „Въ

лѣто 7121 (1613) преосвященный Іоасафъ архіепископъ Псковскій пожаловалъ 70 рублей да книгу псалтырь толковую цена 30 рублей Максима Грека, да въ Москвѣ далъ старцу Савѣ 50 рублей, да онъ же пожаловалъ двѣ тріоди за 10 рублей“... „Того же году (7043—1635) патріархъ Іоасафъ пожаловалъ...книгу псалтырь со возслѣдовавіемъ печатную вдестъ по обрѣзу золочена за четыре рубля“... Тотъ же патріархъ Іоасафъ влѣто 7146 (1638) пожаловалъ евангеліе напрестольное нарядное каменьемъ обложено дска сребромъ сканью струбами позолочены и евангелисты чеканные, въ немъ вставлено семь камней яхонтовъ разныхъ цвѣтовъ, два лала, изумрудъ, топассъ, да девять жемчужныхъ зеренъ ценою 216 рублей... Да прежней его (патріарха Іоасафа) дачи... книгъ апостоль печатный, новый завѣтъ за 4 рубля, да двѣ книги одна Василія В. вторая Златоустаго обѣ вдестъ писменные за десять рублей (¹)“. На одной и той же рукописи иногда находится по нѣскольку надписей, такъ что по нимъ можно прослѣдить вею исторію рукописи, гдѣ и когда она написана и кому принадлежала прежде, чѣмъ попала въ монастырскую библиотеку, Такъ напр. на Толковой псалтири св. Аѳанасія Александрійскаго № 1045 (ркл. въ 4-ю долю, полууоставъ XVI в.) записано: „списана бысть сия книга гл҃мая псалтырь толковая лѣта 7333. го мѣца іюня въ к день на память стго сиѡномчнка Меѡея еппа патр҃ьскаго повелѣнїемъ и бл҃гословенїемъ попа Карпа Ивановскаго ѿ пр҃тчи. а писалъ сїю книгу племянникъ его Игнатеи поповъ сынъ Павловъ Аѡнасьевскаго. брата его болшево сынъ“. Послѣ этого другою рукою написано: „Се язъ Семень Сидоровъ сынъ Ворыхаловъ вологжанинъ продалъ есми сїю псалтырь толковую Феодору салтыкову на оустюгѣ а взялъ есми роубль денегъ а писалъ Семень своею роукою лѣт 7303 (1569) іюля 1 днь“. А Феодоръ Салтыковъ продалъ книгу Исаіи Устюжанину, какъ это видно изъ надписи внизу на листахъ 9—12: „сїю книгу псалтырь толковую Федко Салтыковъ продалъ старцу Исаіе Юрьеву сну мелчякову, а взялъ полтора рубли на сей книгѣ. подписалъ своею рукою лѣта 7313 (1583). Отъ этого Исаіи она и поступила въ монастырь. Внизу перваго листа рукописи замѣчено; „псалтырь Исаіа Устюжанена“. По нѣкоторымъ надписямъ видно, что рукописи перешли въ Соловецкій монастырь изъ другихъ монастырей, а иногда и изъ заграницы. Такъ на Просвѣтителѣ преп. Іосифа Волоцкаго № 326 (ркл. въ 4-ю долю, полууоставъ XVI в.) написано, что книга эта дана въ Волоколам-

(¹) Лѣтописецъ Соловецкій выписанъ вкратцѣ отъ житія преподобныхъ оцѣ Зосимы и Савватія и спостника ихъ аввы Германа, како начаша жити на Соловецкомъ островѣ и о преставленіи ихъ и о строеніи мнтрскомъ и о зданіи каменномъ и деревянномъ и о протчемъ. Разсказъ оканчивается 1782 г. Рукопись № 484 въ 4-ю долю новаго письма на 38 листахъ.

ской монастырь въ 7022 (1514 г.) инокомъ Ниломъ Полевымъ“; а на пергаменномъ служебникѣ № 1015 (ркп. полууставная въ 4-ю долю) означено, что онъ написанъ въ 1532 г. иждивеніемъ Киръ Теофана митрополита града Сучавска и всей Молдаво-влахїи въ изуграфскомъ Аѳонскомъ монастырѣ, domestикомъ Варлаамомъ, при воеводѣ Петрѣ“ (представленъ на выставку). Наконецъ укажемъ еще на двѣ слѣдующія интересныя замѣтки на рукописяхъ. На одномъ спискѣ житія св. Филиппа № 964 замѣчено, что эта книга „находится въ книжной палатѣ и пишутъ съ нея житія въ денежную казну на продажу“. На другомъ спискѣ того же житія № 697 означено: „казенная, пишутъ съ нея книгописцы“. Эти замѣтки показываютъ, что въ Соловецкомъ монастырѣ была книгописная палата и были особенныя книгописцы, конечно, изъ монаховъ, которые занимались списываніемъ книгъ для продажи. Поэтому нѣтъ никакого сомнѣнія, что многія рукописи Соловецкой библіотеки написаны въ самомъ монастырѣ; нѣкоторыя книги сохранились во множествѣ такихъ списковъ которые, очевидно, списаны съ одной и той же рукописи. Монахи списывали рукописи или по распоряженію настоятелей, или по собственному усердію къ книжному дѣлу, или для спасенія своей души, чтобы списанную книгу пожертвовать въ обитель *напомигъ* своей души и своихъ родителей и родственниковъ. Но при всемъ томъ самая большая и лучшая часть рукописей, какъ показываютъ всѣ приведенныя выше записи и надписи, зашла въ Соловецкій монастырь путемъ сношеній его съ разными мѣстами, и вообще библіотека составила, главнымъ образомъ, чрезъ пожертвованія разныхъ лицъ, питавшихъ къ монастырю особенное расположеніе. Соловецкій монастырь возникъ подъ вліяніемъ Новгорода и находился въ вѣдѣніи Новгородской епархіи до 1682 г. когда онъ причисленъ былъ къ открытой въ этомъ году епархіи Холмогорской и Важеской. Самъ преп. Зосима былъ уроженецъ Новгородской области, села Толвуя; первые игумены Соловецкіе, Павелъ, Θεодосій и Іона были присланы изъ Новгорода. Новгородскіе архіепископы и другія знаменитыя, духовныя и свѣтскія, лица постоянно благодѣтельствовали монастырю, дѣлали пожертвованія въ него деньгами, вещами и книгами. На нѣкоторыхъ рукописяхъ сохранились имена жертвователей новгородцевъ. Между прочимъ, мы указали на двѣ рукописи, пожертвованныя Новгородскимъ архіеп. Макаріемъ и Новгородскимъ митроп. Исидоромъ. О митр. Исидорѣ, кромѣ того, въ Соловецкомъ Лѣтописцѣ еще сказано: „въ лѣто 7117 (1597 г.) онъ же преосвященный пожаловалъ игумену Антонію съ братією 250 рублей, да на Москвѣ дано старцомъ 330 рублей образъ прѣстѣ Бѣ въ китѣ да складни за 15 рублей, евангеліе на престольное дска серебряная съ каменьемъ за 60 рублей, три книги евангеліе, служебникъ, триодъ цѣна седмь руб-

лей, да стыхъ образовъ, книгъ и платя на сто четыре рубля⁽¹⁾“. Когда новгородская область при Іоаннѣ III была покорена московскому государству, Соловецкая обитель вступила въ тѣсныя сношенія съ Москвой и стала пользоваться особеннымъ расположеніемъ московскихъ царей, бояръ, знатныхъ и богатыхъ лицъ, которыя также дѣлали богатые вклады въ нее деньгами, церковными утварями и книгами. Мы указали выше на 12 рукописей, пожертвованныхъ Іоанномъ Грознымъ; но это почти только половина изъ всѣхъ книгъ, пожертвованныхъ этимъ царемъ; по исторіи Досиѣея, всѣхъ книгъ, какія онъ пожертвовалъ, было больше 22⁽²⁾. Прославившись подвигами и чудесами своихъ основателей, Соловецкая обитель стала привлекать къ себѣ со всѣхъ сторонъ множество народа и сдѣлалась мѣстомъ воспитанія многихъ подвижниковъ вѣры и благочестія и такихъ лицъ, которыя потомъ занимали высшія іерархическія мѣста. Всѣ эти лица, постоянно питавшія особенное уваженіе къ обители, жертвовали въ нее, вмѣстѣ съ разными вещами, и рукописи. Мы уже указали на книги и рукописи, пожертвованныя митр. Новгор. Исидоромъ и Москов. митр. Филиппомъ, которые были постриженниками и потомъ игуменами Соловецкими, келарями Троицкой Лавры, Авраамомъ Палицынымъ и Александромъ Булатниковымъ, которые также были соловецкими постриженниками, Благовѣщенскимъ священникомъ Сильвестромъ, который жилъ въ Соловецкой обители и здѣсь скончался. Кромѣ того, много было такихъ людей, которые, хотя и не жили въ Соловецкомъ монастырѣ, но, питая къ нему уваженіе, жертвовали въ него рукописи. Кромѣ выше указанныхъ, въ библіотекѣ есть рукописи, пожертвованныя Іосифомъ, архіеп. Суздальскимъ, Филоеемъ архіеп. Рязанскимъ, Троицкимъ архим. Діонисіемъ, архим. Сторожевскаго монастыря, Никаноромъ, архим. Хутынскаго монастыря Діонисіемъ, Вологодскимъ игуменомъ Леонидомъ и друг.

Наконецъ, въ составъ Соловецкой библіотеки, какъ выше замѣчено, вошли рукописи и книги Анзерскаго скита, основаннаго въ 1616 г. схимникомъ Соловецкаго монастыря Елезаромъ, и имѣвшаго значительную библіотеку. Основателемъ этой библіотеки былъ самъ преп. Елезаръ, котораго Вкладная книга Анзерскаго скита⁽³⁾ выставляетъ такимъ же любителемъ книжнаго просвѣщенія, какимъ былъ Досиѣей, основатель Соловецкой библіотеки. „И братія своей, го-

(1) Лѣтописецъ Солов. № 484 лист. 15.

(2) Смотри Част. I. стр. 223.

(3) Вкладная книга (ркп. въ листъ № 2) заведена, какъ сказано въ предисловіи къ ней, въ 1710 г. «и отъ многихъ старыхъ книгъ и давныхъ лѣтъ разныхъ записокъ потщанію вкупѣ собрана».

ворится о немъ въ этой книгѣ, патерикъ о уставѣ и о благочиніи скитскомъ положи и старчество и иныя книги своею рукою написа и повелѣ хранити пустыннымъ своимъ монахомъ преданныя отъ него заповѣди нелѣбною (¹)“. Въ другомъ мѣстѣ Вкладной книги объ Елеазарѣ сказано: „отъ многихъ божественныхъ писаній повѣсти собра и три книги цвѣтники своею рукою написа уставомъ, такожде и чинъ монашескаго келейнаго правила въ писаніи своемъ благоразумно яснѣйши отъ искусу чернеческаго житія добрѣ истолкова и сія своя предивная книги и душеполезное наказаніе положи вкладомъ въ церковную книгохранительницу, яже и донынѣ ту въ сохраненіи не вредимы обрѣтаются и всѣми пустыннаго скита монахи знаеми суть и чтущимъ ихъ пользу подаютъ предивну въ душевное спасеніе (²)“. До насъ дошло 7 рукописей, принадлежавшихъ преп. Елеазару: 5 сборниковъ №№ 7, 62, 66, 68, 71, уставъ № 90 и поученія Исаака Сирина № 22. Всѣхъ же рукописей изъ Анзерскаго скита, какъ замѣчено выше, сохранилось до настоящаго времени 94 №№ и 55 №№ старопечатныхъ книгъ; но и рукописей и книгъ прежде было гораздо больше. Преп. Елеазаръ покупалъ книги на монастырскія деньги и пріобрѣталъ ихъ въ даръ отъ разныхъ лицъ, расположенныхъ къ нему и къ его скиту. А такихъ лицъ было, надо полагать, очень много. Въ житіи Елеазара говорится, что онъ предсказалъ царю Михаилу Теодоровичу о рожденіи отъ него сына и наслѣдника Алексѣя Михайловича, и потому пользовался особенною любовію того и другаго царя. Изъ духовныхъ лицъ особенно покровительствовали Анзерскому скиту патріархи Филаретъ и Никонъ, который былъ ученикомъ преп. Елеазара и игуменомъ Соловецкимъ. При такихъ покровителяхъ, преп. Елеазаръ, проникнутый любовію къ книжному просвѣщенію, могъ пріобрѣсти много книгъ. Вотъ что говоритъ о разныхъ вкладахъ иконами, книгами и разными вещами, сдѣланныхъ въ Анзерскій скитъ разными лицами, составитель Вкладной книги скита, инокъ Макарій: „Егда прояви Господь міру преп. отца нашего Елеазара, перваго начальника скитскаго, и въ царствующемъ градѣ Москвѣ, отъ великихъ государей, и отъ святѣйшихъ архіереевъ почтенъ бысть: и тогда познаша его и отъ великородныхъ бояръ и князей и отъ ближнихъ государевыхъ именитыхъ велможъ и отъ всего царскаго синклита. И видяху его мужа свята и праведна, и душевнаго ради своего спасенія и вѣчныя пользы, подаяху ему во святую церковь разныя утвари и всякія потребности, и заповѣдая ему о себѣ и о сродницѣхъ своихъ предъ Богомъ молитися

(¹) Вкладная книга лист. 7.

(²) Тамъже лист. 31—35.

и выну въ молитвахъ поминати ихъ ко Господу. И аще мнози быша таковыя христолюбивыя податели тогда, и имена ихъ у блаженнаго Елеазара записаны обрѣтахуся и вклады ихъ незабытны у него быша. По успеніи же его, грѣхъ ради нашихъ, не вси намъ отъ таковыхъ свѣдоми учинишася, иніи же и забвенію предашася сипевымъ образомъ. Егда убо у противныхъ въ Соловецкомъ островѣ учинися въ вѣрѣ смущеніе и устроися отъ нихъ монастырю заборное укрѣпленіе (разумѣется мятежъ соловецкихъ раскольниковъ), въ таже времена и Анзерскому скиту отъ начальствующихъ тогда веліе разореніе и конечное ему сотворися заустеніе. Живущіи же ту пустынники до единого со отока разгнаны бѣжаша, и храмы Божіи обраны, токмо стѣны едины въ нихъ осташа, и всѣмъ церковнымъ утварямъ и записнымъ книгамъ отъ всякихъ людей въ рознь разнесеннымъ сущимъ и растеряннымъ бывшимъ, и по многуму времени едва возмогоша изъ Соловецкаго монастыря отъ церковныхъ вещей и письменныхъ крѣпостей нѣсколько возвратити и то со многую трудностію. Разстроенное имущество Анзерскаго скита приведено было въ порядокъ и извѣстность трудами строителя его Исуса, о которомъ инокъ Макарій говоритъ: „Тойже благій іеросхимонахъ Исусъ весь сый страха Божія и Духа Святаго исполненъ бысть, и ревностію своею разжеся въ Бозѣ о душахъ приснопоминаемыхъ за святою божественною проскомидією и трудолюбно попечеся изыскати разнесенное и воедино восхотѣ собрати расточенное и богомудренно памяствомъ своимъ возстави издавна забвенное: ово отъ алтарныхъ дисковъ и священныхъ потирей сребренныхъ, ово отъ воздвизательныхъ и запрестольныхъ крестовъ Христовыхъ, отъ начертанныхъ на нихъ лѣтописей, пачеже отъ святыхъ книгъ церковныхъ потписанія, иже благочестивые великіе государи цари и святѣйшій великій господинъ Никонъ патріархъ Московскій своею рукою потписывая: такожде и иніи рабы Божіи даныя имъ святыя иконы и всякія книги своими руками закрѣпляху; къ тому же и отъ многолѣтнихъ старецъ, издревле живущихъ ту, онъ богоносный Исусъ правымъ слышаніемъ оувѣрися, что отъ кого и какіе разные вклады отъ нихъ во храмъ святыя Троицы поданы. И елико отъ всѣхъ возмогохъ сихъ оувѣдати, и со многимъ тщаніемъ вмѣсто совокупи погибшее, и минувшихъ и настоящихъ тѣхъ боголюбивыхъ вкладчиковъ имена ихъ въ сію книгу написати повелѣ и всегда за здравіе ихъ поминати утверди, а отшедшимъ ко Господу усопшимъ душамъ приносимую безкровною Христовою жертвою свободную пользу благоразумно учини (¹). Во Вкладной книгѣ указывается, какія пожертвованія сдѣлали тѣ или дру-

(¹) Смотри предисловіе Вкладной книги: «Сказаніе извѣстное вкратцѣ о разореніи Трицкія пустынный цркви и о преславномъ обновленіи ея и о двухъ Анзерскаго скита чудныхъ строителяхъ, и како собрася вкладная сія записная книга».

гія лица. О царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ, между прочимъ, записано, что онъ пожертвовалъ „святое Христово евангеліе на престольное, печать московская, евангелисты басемныя серебряныя, оболочено бархатомъ...святыхъ книгъ дестевыхъ апостоль печать московская старая, псалтирь печать московская, уставъ письменный, два октоиха печатныя, минея общая, часословъ и лавсаикъ письменной вполдестъ“⁽¹⁾. Затѣмъ указываются вклады книгами и вещами отъ княженъ, Маріи Алексѣевны и Теодосіи Алексѣевны. Между прочимъ, упоминая объ одномъ евангеліи, пожертвованномъ Маріей Алексѣевной, составитель вкладной книги прибавляетъ: „и на семь Христовомъ евангеліи, во свое вѣчное воспоминаніе, что отъ нея во святую Божию церковь подано, подписала своею царственною и пречестною дѣвственною рукою“⁽²⁾. Затѣмъ упоминаются книги и рукописи, пожертвованныя патриархами Филаретомъ и Никономъ, Новгород. митр. Іовомъ, Чудовскимъ архим. Геннадіемъ, солов. архим. Фирсомъ, архим. арханг. Михайловскаго монастыря Іовіемъ, архим. Воскресенскаго монастыря Арсеніемъ, келаремъ Троицкой Лавры, Александромъ Булатниковымъ. Изъ другихъ сословій между жертвователями книгъ записаны: Иванъ Борисовичъ Черкасскій, Теодоръ Ивановичъ Шереметевъ, князь Михаилъ Андреевичъ Голицынъ, государевъ стольникъ Иванъ Ивановичъ Колычевъ, стольникъ князь Іосифъ Ивановичъ Щербатовъ, архангельскаго города солдатскій капитанъ Николай Тихоновъ, таможенный подъячій города Архангельска, Теодоръ Васильевичъ Погорельскій, каргопольскій купецъ Иванъ Андреевъ, московскій гость Аверкій Кириловъ, гость Елифаній Сытниковъ, москвитянинъ Иванъ Калашниковъ, гостиной сотни Иванъ Харламповъ, да казанецъ Петръ Шубинъ, подъячій посольскаго приказа Андрей Никитинъ, архангельскій таможенный подъячій Иванъ Богдановъ и др. Особенно много книгъ пожертвовали въ Анзерскій скитъ архангельскій подъячій Теодоръ Васильевъ сынъ Погорельскій и жена его Ксенія. Въ вкладной книгѣ помѣщена слѣдующая интересная записъ, показывающая, какія книги были распространены между грамотными людьми въ концѣ XVII и началѣ XVIII в.: „ѡ҃҃҃҃҃҃҃ (1718) августа въ е архангельскаго города таможеннаго подъячего Теодора Погорельскаго жена его зѣнія поступилась вкладомъ въ церковь пресвятыя Троицы въ Анзерскій въ вѣчное поминование по душе мужа своего Теодора и протчихъ своихъ родителей книгъ печатныхъ. по ниже явленному описанію: дестевыхъ: Миръ съ Богомъ, алфавитъ на виршахъ, Зерцало страстемъ Христорымъ, ѡ҃҃҃҃҃҃҃

(1) Вкладная книга лист. 3.

(2) Вкладная книга лист. 10.

тирь на виршахъ, патерикъ печерскій; полудестевыхъ: Мессія правдивый, Диоптра, Зерцало Богословіи, Перло многоцѣнное, Руно орошенное, Вертоградъ дшевной, о душахъ умершихъ, букварь трезычный, осьмогласникъ, каноны Богородичныя, книга молебная, утѣшеніе въ печаляхъ, канонъ Варвары великомученицы; четвертныхъ: тестаментъ новый завѣтъ, минѣя общая, ѱалтирь со вослѣдованіемъ, о антихристѣ, православное исповѣданіе, Отче нашъ въ толку, Помилуй мя Боже въ толку, канонъ Андрея Критскаго, ѱалтирь моленная, въ томъ числѣ три книги молебная, Новый Завѣтъ, минея общая писаны вкладомъ отъ него Погорельскаго выше сего листа *оа* ⁽¹⁾, а ѱалтирь малую взяла къ себѣ жена ево Погорельскаго ⁽²⁾. По всѣмъ записямъ вкладной книги видно, что въ Анзерской библиотекѣ рукописей и книгъ было гораздо болѣе, чѣмъ сколько дошло до насъ; утрата ихъ, какъ мы видѣли, въ вкладной книгѣ объясняется раскольническимъ мятежемъ въ соловецкомъ монастырѣ, послѣдствія котораго отразились и на Анзерскомъ скитѣ.

Послѣ всего сказаннаго совершенно понятнымъ становится, какимъ образомъ въ соловецкомъ монастырѣ, основанномъ уже въ половинѣ XV в., на самомъ отдаленномъ и пустынномъ островѣ, могла составиться такая замѣчательная библиотека. Въ ней находятся 5 рукописей пергаменныхъ, изъ коихъ двѣ (служебники №№ 1016 и 1017) принадлежатъ XIII—XIV в. двѣ (миней служебная № 519 и октоихъ № 615) XV в. и одна рукопись XVI в. (служебникъ № 1015). ⁽³⁾. Между бумажными рукописями есть также рукописи если не очень древнія, то по крайней мѣрѣ списанныя съ древнихъ. Таковы напр. Апостолъ XV в. № 24 сборникъ полемиическихъ сочиненій, начинающійся Бесѣдой Козьмы пресвитера противъ Богомиловъ № 856, хроника Георгія Амартола № 83, тактиконъ Никона Черногорца и друг., но большая часть бумажныхъ рукописей принадлежитъ XVI, XVII и XVIII в. Что касается содержанія рукописей, то въ нихъ мы находимъ почти всѣ самыя важныя сочиненія славянской письменности, какъ переводныя, такъ и оригинальныя, начиная съ первыхъ временъ ея въ Болгаріи и Сербіи, и оканчивая позднѣйшими временами. Изъ памятниковъ древней болгарской и сербской письменности есть сочиненія св. Іоанна Дамаскина (Богословіе,

⁽¹⁾ На 71-мъ листѣ вкладной книги сказано: «Архангельскаго города таможенный подъячей Феодоръ Васильевъ сынъ Погорельской далъ вкладу въ церковь престыя Трцы три книги: новый завѣтъ, да миней общая. обѣ въ четверть по обрѣзу золочены новоисправной мелкою печатю, третія книга молебное вослѣдованіе московской новой печатю.

⁽²⁾ Вкладная книга лист. 74.

⁽³⁾ Всѣ эти рукописи представлены на выставку.

Грамматика и Діалектика №№ 307—317) въ переводѣ Іоанна экзарха Болгарскаго, Шестодневъ этого Іоанна экзарха (№№ 318—321), Златоструй Болгарскаго царя, Симеона (№№ 259—260), Бесѣда Болгарскаго пресвитера Козьмы противъ Богомиловъ (въ сборн. № 856), Іхроника Георгія Амаргола (№ 83), толковая Палея (№№ 653—654), поученія Климента епископа Болгарскаго (въ сборникахъ №№ 804, 805, 830, 836), житіе Саввы Сербскаго (№№ 201—203, 881, 838). Изъ сочиненій собственно русской письменности есть также почти все лучшія сочиненія, начиная съ поученій Луки Жидяты и преп. Θεодосія Печерскаго (въ сборн. № 803), напр. сочиненія Кирилла Туровскаго (въ сборн. №№ 802, 805, 813, 829, 841, 842, 845, 854, 860, въ требникѣ № 1085) путешествія въ Іерусалимъ игумена Даниїла (№ 1136), Трифона Коробейникова (№№ 1137—1138), Арсенія Суханова (№ 1135), Слово Даниїла Заточника (въ сборн. № 913), сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ (въ сборн. № 880), поученія Фотія митр. Кіевскаго (въ сборн. № 881) и Григорія Самвлака (въ сборн. №№ 811, 830), Провсѣтитель Іосифа Волоцкаго (№№ 326—331) Стоглавъ (№№ 932—934), сочиненія Максима Грека (№№ 494—497), Обличеніе ереси Косаго Отенскаго инока Зиновія (№№ 605—606) Зерцало богословія Кирилла Транквилліона (№№ 247—248), Лебедь съ перьемъ Іоаннікія Голятовскаго (№ 490), катихизисъ Лаврентія Зизанія (№ 469) и друг. По количеству всего больше рукописей богослужебнаго характера: однихъ канонниковъ 134 (№№ 340—395; 401—468; 29—39 (Анзер.), молитвенниковъ 14 (№№ 577—590) служебниковъ 115 (№№ 1015—1129), требниковъ 31 (№№ 1085—1115), часослововъ 35 (№№ 1145—1179). Изъ книгъ св. Писанія (полнаго списка книгъ Св. Писанія нѣтъ ни одного и отдѣльныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ, кромѣ псалтири, очень немного) всего больше также такихъ книгъ, которыя имѣютъ богослужебное употребленіе: 42 списка псалтири (№№ 708—736), 27 псалтири слѣдованной (№№ 755—781), 47 списковъ Евангелія (№№ 118—154) и 33 списка Апостоловъ (№№ 24—56). Въ церкви и богослуженія книги св. писанія въ древнія времена употреблялись обыкновенно съ толкованіемъ, въ Соловецкой библиотекѣ есть 11 списковъ толковой псалтири (№№ 751; 1039—1048), 13 списковъ толкованія на Евангеліе (№№ 155—167) и 8 списковъ толковаго Апокалипсиса. Послѣ книгъ священныхъ и богослужебныхъ слѣдуютъ книги отеческія и особенно такія сочиненія, которыя имѣютъ аскетическій характеръ; одной Лѣствицы Іоанна Лѣствичника 29 списковъ (№№ 278—306), словъ Аввы Дорофея 7 списковъ (№№ 1—7), словъ Исаака Сирина 10 списковъ (№№ 262—269; 22—33 Анзер.), словъ Ефрема Сирина 7 списковъ (№№ 168—179) поученій Григорія Синаита, вмѣстѣ съ его житіемъ, 5 списковъ (№№ 97—101). Въ меньшемъ количествѣ встрѣчаются списки сочиненій другихъ отцевъ

(кромѣ словъ Григорія Богослова, которыхъ 7 списковъ (№№ 90—96), напр. Діонисія Ареопагита, Кирилла Іерусалимскаго, Василя В., Аѳанасія Александрійскаго и др. Кромѣ того, есть сборники отеческихъ сочиненій, каковы напр. Андріатисъ (№ 23), Измарагдъ (№№ 270—273), Маргаритъ (№№ 491—493), Златая цѣпь (№ 258) и др. Въ отдѣлѣ рукописей историческаго и географическаго содержанія есть списки степенной книги (№№ 40—41 Анзер.), хронографовъ, (№№ 50—54) географіи (№ 6), космографіи (№№ 9—12), сказанія о началѣ царства Казанскаго (№ 42), сказанія объ основаніи и взятіи Царьграда. (№ 43) и др. Есть также списки Азбуковниковъ или Алфавитовъ иностранныхъ речей (№№ 13—21), списки реторики (№№ 788—790), ариѳметики (№№ 1—4 Анзер.) лечбниковъ (№№ 42; 23—30 Анзер.) и травниковъ (№ 44); изъ литературныхъ сочиненій—„Плачь на кончину царя Алексѣя Михайловича“ Симеона Полоцкаго и „Героическая поэма Петръ В.“ Ломоносова. Но всего больше въ соловецкихъ рукописяхъ житій святыхъ. Кромѣ миней, прологовъ и разныхъ сборниковъ, житія святыхъ находятся въ отдѣльныхъ спискахъ, и при томъ одни безъ службъ (№№ 175—238), или вмѣстѣ со службами святымъ (№№ 948—976). Иногда одно и то же житіе встрѣчается во множествѣ списковъ: напр. преп. Зосимы и Савватія 8 списковъ безъ службы (№№ 175—181; 15 Анзер.) и 12 списковъ вмѣстѣ со службою (№№ 948—959); житія св. Филиппа вмѣстѣ со службою 12 списковъ (№№ 958; 963—972; 967). Всего болѣе житій русскихъ святыхъ; изъ греческихъ же и славянскихъ чаще другихъ встрѣчаются житія Іоанна Златоустаго, Іоанна Дамаскіма (при его сочиненіяхъ) Саввы Сербскаго, Андрея Юродиваго и Варлаама и Іоасафа Индійскихъ. Кромѣ того, житія святыхъ постоянно встрѣчаются въ разныхъ сборникахъ. Всѣхъ рукописей, названныхъ въ соловецкой описи именовъ сборниковъ 135 (собственно соловецкихъ №№ 802—926 и анзерскихъ №№ 62—71). Нѣкоторые сборники почти исключительно состоятъ изъ житій святыхъ съ похвальными словами на ихъ память. Послѣ житій, преобладающій элементъ въ сборникахъ составляютъ разные отеческія сочиненія, анонимныя и псевдонимныя слова, поученія и посланія (нѣкоторыя изъ нихъ русскаго происхожденія), разные повѣсти и сказанія духовнаго, полудуховнаго и свѣтскаго содержанія. Но особенно много въ соловецкихъ рукописяхъ апокрифовъ и апокрифическихъ сказаній. Въ XVII томѣ сборника 2-го Отдѣленія Академіи наукъ уже напечатанъ по соловецкимъ рукописямъ сборникъ апокрифовъ о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Въ него вошли сказанія о сотвореніи и паденіи ангеловъ, о раѣ, древѣ жизни, древѣ познанія добра и зла и о рѣкахъ райскихъ, Тигръ и Евфратъ, объ Адамѣ и Евѣ, о древѣ крестномъ, сказанія объ Авраамѣ, Лотѣ и Мелхиседекѣ, Лѣствица Іакова, Завѣты 12 па-

тріарховъ, сказанія о Моисеѣ, о 12 драгоценныхъ камняхъ на наперсникѣ іудейскаго первосвященника, о волхвѣ Валаамѣ, о Саулѣ, Давидѣ и Соломонѣ и слово св. пророка Исаи. Изъ новозавѣтныхъ апокрифовъ и апокрифическихъ сказаній въ рукописяхъ соловецкихъ есть: Никодимово Евангеліе (въ сборн. 854), переписка Іисуса Христа съ Авгаремъ (въ сборн. 804, 811, 813), слово на Рождество Іисуса Христа (въ сборн. № 804), слово на Рождество Христово, о пришествіи волхвовъ (въ сборн. № 804), сказаніе Афродитіана Персянина (въ сборн. № 804), сказаніе о приходѣ въ Римъ Марѳы и Маріи (въ сборн. № 854), слово на воскресеніе друга Божія, Лазаря (въ сборн. № 848), слово Евсевія Александрійскаго о сошествіи во адъ Іоанна Предтечи (въ сборн. №№ 805, 848, 906), слово Іоанна Богослова на Успеніе Божіей Матери (въ сборн. №№ 803 и 804), вопросы Іоанна Богослова Аврааму и вопросы Іоанна Господу (въ сборн. № 889), бесѣда трехъ святителей (въ алфавитѣ № 17, главникѣ № 86 и въ сборн. №№ 913, 925 и 1138), мученіе священномученика Георгія (въ сборн. № 805) житіе преп. Макарія, жившаго близъ рая (въ сборн. № 805), житіе преп. Изосимы (въ сборн. № 803), слово Меѳодія Патарскаго (въ сборн. № 889), Луцидаріусъ (въ алфавитѣ № 17, въ Діоптрѣ № 110 и въ толковой псалтири № 1046), видѣніе св. Пахомія о двою ангелу, средѣ и пяткѣ (въ сбор. 889) громникъ, колядникъ и отрывки изъ зелейника (въ сборн. № 889).

Еще одно замѣчаніе о внѣшнемъ видѣ соловецкихъ рукописей. Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются особенною чистотою и красотою письма. Таковы прежде всего рукописи, списанныя священноинокомъ Досифеемъ; таковы же большею частію рукописи, пожертвованныя знатными и богатыми лицами, напр. тактиконъ Никона Черногорца (№ 594), міротворный кругъ (№ 479), лицевая псалтирь (№ 748), толковая псалтирь въ переводѣ Максима Грека (№№ 1040—1041), житіе преп. Зосимы и Савватія. Есть рукописи съ изображеніями, разными заставками и украшеніями. Таковы, напр. пять евангелій, съ изображеніями четырехъ евангелистовъ, помѣщенными предъ каждымъ евангеліемъ (№№ 127, 128, 131, 134 и 143), лицевая псалтирь со множествомъ изображеній, помѣщенныхъ на поляхъ (№ 748), толковая псалтирь, въ переводѣ Димитрія Толмача (№ 1039), съ изображеніемъ царя и пророка Давида, липевый апокалипсисъ со многими изображеніями (№№ 58, 62 и № 1 Анзер.), слова Ефрема Сирина съ его изображеніемъ (№ 172), Богословіе Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна экзарха Болгарскаго, съ изображеніями Іоанна Дамаскина, неба и небесныхъ сферъ, круга зодіакальнаго и круга вѣтреннаго (№ 315), житія преп. Зосимы и Савватія съ изображеніями преподобныхъ, соловецкаго монастыря, разныхъ событій изъ ихъ жизни и чудесъ (№№ 175 и 176), сочиненія Максима Грека съ его изображеніемъ (№№ 495 и 497) и др.

Апокрифическія молитвы по рукописямъ Соловецкой библіотеки.

И. Я. Порфирьева (*).

Извѣстно, что въ старославянской письменности весьма много было распространено ложныхъ апокрифическихъ молитвъ. „Суть же между божественными писаніи, говорится въ извѣстномъ Индексѣ апокрифическихъ книгъ, ложная писанія отъ еретикъ насѣяна на пакость невѣжамъ, пономъ и дьякономъ, толстые соборники сельскіе и худые мананакунды и по молитвенникомъ у сельскихъ поповъ лживыя молитвы о трясавицехъ и о нежитѣхъ и о недузехъ врачевальныя, еретицы были исказили церковныя преданія и правила апостольская, пишуще ложныя словеса“. Нѣкоторыя изъ этихъ молитвъ уже давно напечатаны въ Очеркахъ г. Буслаева: „молитва противъ Нежита т. I. стр. 115 и молитва противъ лихорадокъ т. 2. стр. 47—50; въ Сборникѣ апокрифовъ г. Пыпина въ Памятникахъ старинной литературы ч. 3. л. 143—168; въ Сборникѣ апокрифовъ ч. 2. стр. 351—360 и въ Лѣтописяхъ русской литературы ч. 4 стр. 72—80 г. Тихонравова, и въ Христ. Чтеніи за мартъ—апрѣль 1877 г. въ статьѣ г. Каратыгина: „Обзоръ нѣкоторыхъ особенностей въ чинопослѣдованіяхъ рукописныхъ требниковъ, принадлежащихъ С.-Петербургской духовной академіи“. Въ двухъ требникахъ Соловецкой библіотеки №№ 1085 и 1086 и въ Сборникѣ № 848 мы встрѣтили, еще нѣсколько новыхъ апокрифическихъ молитвъ, каковы: „Молитва Іакова брата Господня во всякъ видъ болѣзни; молитва св. Григорія чудотворца—запрещеніе противъ діавола; молитва священномученика Кипріана противъ волшебства и чародѣйства; молитва Іоанна Златоуста отъ всякаго недуга; молитва сердечная, или сердцемъ болящему; молитва отъ рвоты родичныя, или по другому списку, молитва надъ всякою болѣзнію рвущою; молитва надъ болящимъ главою; молитва надъ болящимъ очима; молитва надъ страждущимъ отъ бессонницы; четыре молитвы противъ Нежита, изъ коихъ одна приписывается св. апостолу Филиппу, и три молитвы противъ *Дны*, особаго малоизвѣстнаго рода болѣзни.

Апокрифическія молитвы принадлежатъ къ той же древней формациі изъ періода двоевѣрія, какъ и апокрифическія писанія вообще, и потому имѣютъ не

(*) Читано въ засѣданіи 9 августа.

одинаковый характер съ этими писаніями. Какъ апокрифы составились въ подражаніе сказаніямъ священной библейской исторіи, такъ и апокрифическія молитвы составлены по образцу церковныхъ молитвъ; въ нихъ тѣже приемы и даже тѣже выраженія, съ воззваніемъ къ Богу и святымъ въ началѣ и славословіемъ въ концѣ, какія издавна усвоены церковными молитвами. Но какъ въ апокрифахъ къ истиннымъ представленіямъ и сказаніямъ священной исторіи постоянно примѣшиваются вымыслы народной фантазіи и древнія мифическія преданія еще языческой старины, такъ и въ апокрифическихъ молитвахъ, среди воззваній къ Спасителю, Богоматери, ангеламъ и святымъ, постоянно встрѣчаются представленія изъ народныхъ повѣрій и суевѣрій. Начинаясь по образцу церковной молитвы, апокрифическая молитва скоро теряетъ церковный тонъ и переходитъ въ народный заговоръ, или заклятіе, а иногда и прямо начинается заклинаніями, какими обыкновенно начинаются заговоры и заклятія. Составители апокрифическихъ молитвъ были, конечно, люди книжные и воспитывались на церковныхъ книгахъ; но въ то же время, очевидно, далеко не были свободны отъ разныхъ народныхъ вѣрованій и хорошо знали народные языческіе заговоры, въ которыхъ сохранились эти вѣрованія. Народные заговоры, какъ извѣстно, составляютъ остатокъ языческой старины и выродились, вѣроятно, изъ языческихъ молитвенныхъ обращеній къ обоготворявшимся во времена язычества стихіямъ и силамъ природы, къ которымъ обращались за помощью въ случаѣ разныхъ болѣзней и несчастій. По принятіи Христіанства, вмѣсто стихій и силъ природы, съ молитвою въ болѣзняхъ и несчастіяхъ стали обращаться къ Спасителю и Богоматери, къ ангеламъ и святымъ; но прежнія языческія вѣрованія долго не могли уничтожиться и примѣшивались къ христіанскому ученію; отъ того въ апокрифической молитвѣ, вмѣстѣ съ христіанскими понятіями и образами, явились образы языческой старины, какъ въ народныхъ заговорахъ, рядомъ съ краснымъ солнцемъ, свѣтлымъ мѣсяцемъ и матушкой сырой землей, стали употребляться имена Спасителя, Богоматери и святыхъ. Такимъ путемъ составились апокрифическія молитвы, представляющія въ себѣ смѣсь церковныхъ молитвъ и народныхъ заклятій. Нѣкоторыя молитвы, какъ мы замѣтили, и начинаются заклинаніями: „Запрещаю тебѣ, Нежите, Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ“; „Заклинаю тя, Нежите, воскресеніемъ Господнимъ“; „якоже у Адама первозданнаго не болитъ ни глава, ни очи, ни зубы, ни уши и никій же удъ тѣла его, яко (т. е. тако) да растается Нежить, яко пѣна морская“. Въ другихъ молитвахъ мы встрѣчаемъ такія же странныя и темныя фразы, какія встрѣчаются въ народныхъ заговорахъ. Напр. въ молитвѣ сердечной въ самомъ началѣ помѣщены слова: „Елаемъ, селаемъ, варагофа, фаресь“;... а потомъ уже слѣдуетъ молитвенное воззваніе: „Боже великій, вышній“... Въ мо-

литвѣ Кипріяна, противъ волшебства и чародѣйства, также встрѣчаются подобныя фразы, состоящія изъ непонятныхъ словъ: „азъ разрѣшихъ и разрѣшаю, прогнахъ и прогоняю. такалоусыпоусъ. (въ друг. спискѣ: такалуса пусъ) мароусалоунъ (въ друг. спискѣ: марусалхъ) милоуре. мирахананъ. прогнахъ и еще прогоняю. имена тахія сисахія елиздоу идаиль отъ раба Божія имркъ и отъ имѣнія его“; въ другомъ мѣстѣ: „на погубленіе и прогнаніе всякому злу и злыхъ сѣтей ловащихъ седукъ иарунъ и афаель (въ друг. спискѣ: нафаель) нарицаемому елефаень и дочерехъ самосовыхъ и всего рода рода ихъ. и самена и всего лица его. и коуніе и всеобладательное ихъ словесѣмъ Господнимъ“..... Какъ апокрифы, для того, чтобы придать имъ больше авторитета, называли именами священныхъ писателей, св. апостоловъ и св. отцевъ, такъ и апокрифическія молитвы также приписываются св. апостоламъ и св. отцамъ. Между молитвами въ Соловецкихъ требникахъ, какъ мы замѣтили, одна молитва приписывается Іакову, брату Господню, другая св. апостолу Филиппу, нѣкоторыя молитвы—Григорію чудотворцу, св. Іоанну Златоусту. Молитва противъ волшебства и чародѣйства приписывается священномученику Кипріяну, конечно, на томъ основаніи, что Кипріянъ до обращенія въ христіанство, по сказанію его житія, самъ былъ волхвъ, наученный тайнамъ волшебства и дѣйствовавшій при его помощи. О своемъ обращеніи къ истинной вѣрѣ онъ говорилъ своему учителю: „Схоластикъ етеръ Аглаидасть, сый отъ Клавдіа, въсхотѣ пояти женѣ; но не послуша его до сего времени; онже, не успѣвъ ей ничтоже, приде ко мнѣ, да ю прельщу, моля ми ся прельстити ю любезными чарми. Азже надѣяхъся книгахъ волшебныхъ, послахъ на ню дѣмонъ, и иссуші ѿ знаменіемъ; послахъже и другаго. и третіе. сіи рѣчь самого князя бѣсомъ, и такоже побѣди тѣмже знаменіемъ крестнымъ. Азже потщахся увѣдѣти знаменіа силу, закленъ дѣмона. Дѣмонъ, ужагаемъ ангеломъ Божиимъ, изъглагола ми все; сице же глагола: яко въ сей злѣй вещи пріобрѣтникъ бѣ. Тогда азъ възникнувъ отъ лести тоя, книги волшебныя принесохъ къ древнему мене епископу, сожже ѿ предо мною и предъ всѣми гражаны (‘)“. Весьма естественно было представить, что Кипріянъ, служившій до обращенія въ христіанство волшебству, получилъ потомъ особенную силу разрушать всѣ козни волшебства и чародѣйства.

Представляя ниже въ полномъ видѣ всѣ молитвы, мы не находимъ нужнымъ излагать содержаніе каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе важныхъ и характерныхъ, каковы молит-

(‘) См. «Страсть святаго священномученика Кипріяна и Устины и покаяніе Кипріяново» въ Четь-Минейхъ митр. Макарія подъ 1 октября, лист. 53.

вы противъ Нежита, Дны и волшебства и чародѣйства. Въ Требникѣ № 1086 помѣщены четыре молитвы противъ *Нежита*. „Существительное *Нежить*, говоритъ Аѳанасьевъ, до нынѣ употребляется въ областныхъ говорахъ сѣверной Россіи, какъ собирательное имя нечистой силы—домовыхъ, водяныхъ, русалокъ и проч; въ чешскомъ языкѣ *pežit*—названіе болѣзни. Слово это образовалось отъ слова *житъ* съ отрицательною частію *не* и по значенію своему прямо соотвѣтствуетъ *морань* (смерти) и повальнымъ болѣзнямъ, извѣстнымъ у славянъ подъ общимъ названіемъ *мора* ('). По словамъ Даля, *Нежить*—то, что не живетъ человѣкомъ, что живетъ безъ души и безъ плоти, но въ видѣ человѣка: домовый, полевой, водяной, кикимора и проч. По выраженію крестьянъ, *Нежить не живетъ и не умираетъ*. О знахарѣ говорятъ: *онъ знаетъ съ Нежитью*. Есть повѣрье, что Нежить—сверженное архангеломъ Михаиломъ воинство сатаны. *У Нежита своего обличья нѣтъ; она ходитъ въ личинахъ*. Но, хотя слово *Нежить* и повѣрія о немъ существуютъ у насъ издавна, однакоже самыя молитвы о Нежитѣ не русскаго происхожденія. Въ индексахъ ложныхъ книгъ онѣ, вмѣстѣ съ молитвами и заговорами противъ трясавицъ, причисляются къ болгарскимъ баснямъ, о которыхъ тутъ же замѣчается: „то все болгарскій поѣтъ Іеремія излагалъ“. Въ русскихъ рукописяхъ онѣ встрѣчаются рѣдко; изъ четырехъ списковъ врачевальныхъ молитвъ въ Соловецкой библиотекѣ онѣ находятся только въ одномъ спискѣ XV—XVI в., да и въ этотъ списокъ онѣ вошли, вѣроятно, изъ какой нибудь болгарской или сербской рукописи. Первыя молитвы или заговоры противъ Нежита были напечатаны по сербской рукописи покойнаго В. И. Григоровича въ Очеркахъ г. Буслаева (т. I стр. 115). Наши молитвы имѣютъ тѣсную связь съ ними. По сербской редакціи въ молитвахъ Нежить представляется страшнымъ существомъ, которое, нападая на человѣка, поражаетъ и разрушаетъ весь организмъ его; это, повидимому, олицетвореніе самой смерти. Въ нашихъ молитвахъ основное представленіе о Нежитѣ тоже самое; только онъ уже прямо называется болѣзью, которая хотя также дѣйствуетъ на весь организмъ, но преимущественно поражаетъ голову, *закладываетъ очи и уши*; потому и называется *глухимъ Нежитомъ*. Въ первой молитвѣ противъ Нежита говорится: „Запрещаемъ тебѣ, Нежите, Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, бѣжи отъ человѣка сего, убойся Господа нашего Іисуса Христа. Заклинаю тя. Нежите, воскресеніемъ Господнимъ, имъ же разруши адову лестъ и прогна всяку язю. И тѣ запрещаетъ тебѣ, Нежите, изыди отъ главы и отъ всѣхъ оудовъ его, не вреди, не прикасай-

(') Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу том. III стр. 97—98.

ся рабъ Божіи семъ имркъ“.... Вторая молитва приписывается апостолу Филиппу: „Воставъ же святыи апостоль Филиппъ рече: во имя Оца и Сна и стго Дха. азъ глаголю тебѣ, Нежите, бѣду творяще челоуку сему, отъиди скоро въ пустаяа пре-
 ходища морская. здѣ Христу предстоящу“. Это было въ то время, когда Господь извелъ апостоловъ отъ моря чернаго: „Идущимъ въ святыи градъ, и видѣша че-
 ловѣка, на пути лежаща, и глаголаша: а се что. глагола имъ Гдѣ Бѣ: то есть болѣзнь Нежить, исходя изъ горы, яко исходитъ иногда роса на браду Арону. да си болѣзнь есть. да дается (т. е. молитва) носити иереови. да аще ключит-
 ся кому болѣзнь си или въ ношъ или днь или заутра или въ вечеръ. будутъ тво-
 ря молитву сію надъ нимъ“. Въ третьей молитвѣ говорится: „Да растается Нежить, яко пѣна морская. яко дымъ отъ вѣтра. и воскъ отъ огня. роса отъ солнца. та-
 ко растаетъ Нежить отъ раба Божіа имркъ. да бѣжить въ пусты горы и въ лѣ-
 сы во еленю главу“... Въ четвертой молитвѣ Нежить называется *глухимъ*: „За-
 прещаетъ ему Богъ глухому Нежиту изыти отъ главы и отъ очию... Ъзума и
 Дамьянъ запрѣти Нежиту не возвратитися къ създанію Бжію и сущей главѣ и
 очію“... Такимъ образомъ Нежить въ молитвахъ представляется олицетвореніемъ
 страшной болѣзни, сосредоточенной преимущественно въ головѣ, закладывающей
 глаза и уши. На этомъ основаніи Нежить упоминается и въ молитвѣ надъ боля-
 щимъ главою: „Гдѣ Бгѣ нпш истинный, иже возложи честный крестъ и живо-
 творящій Адама на главу. Адамъ же не болитъ ни Нежитомъ ни очима своима.
 Тако же сей рабъ Бжій да не болитъ ни главою, ни Нежитомъ, ни очима свои-
 ма“... Не русскаго также происхожденія и тѣ три молитвы, которыя помѣщены
 въ Требникѣ № 1086 предъ молитвами противъ Нежита и озаглавлены: „О дны“. По
 словарю Востокова, *Дна* сущ. жен. имѣетъ двоякое значеніе: 1) ломъ въ кост-
 тяхъ. подагра. Въ сборникахъ XV в. говорится: „дна... акы молніиномъ
 побствъ побящи скоро имѣетъ и въ все входи и горѣ и долѣ и въ жилы
 и члѣны и в кости. е же та дна акы вода тонка и злана“. 2) Въ ста-
 рыхъ лечебникахъ XVII в. дна употребляется въ значеніи матки. Такъ, въ
 лечебникѣ Соловецкой бібліотеки (№ 23 ркп. въ 4 долю на 576 л.) въ
 главѣ 122-й „о ядрахъ миндальныхъ“ между прочимъ сказано: „Елей изъ горкихъ,
 миндалей пользуетъ немочемъ женскимъ, у коихъ дна движется и къ грудемъ при-
 ступить, акы давити хочеть, и тѣмъ женамъ помазуемъ пѣпъ, и дна движется и
 станеть в своемъ существѣ и мѣсте“. Учиховъ, Словаковъ, Поляковъ, Кроатовъ,
 Словинцевъ *дна* употребляется въ значеніи *ломоты*. Въ этомъ же значеніи слово
дна, кажется, надобно понимать и въ молитвахъ. Въ одной молитвѣ говорится

что *дна* простерта во всѣ уды чловѣка: „Дно, люта. бо еси прелюта. простерта еси по вся оуды члкъя. спи яко агня младо аспидово. проклята еси и треклята еси Оцемъ, Сномъ, стымъ Дхомъ“. Въ другой молитвѣ о днѣ сказано: „Заклинаю тя Бгомъ живымъ. червленаа и черная. власы и ногты связана ѿ г англъ. что рыкаеши яко левъ. яко волъ ячиши ⁽¹⁾. яко козлище возыграешись“... послѣднія слова указываютъ, конечно, на симптомы, въ какихъ обнаруживается болѣзнь въ страждущихъ ею. Въ третьей молитвѣ *дна* изображается въ страшномъ видѣ съ 170 ногтями: „Впишия (?) днѣ яже имать ноготь р и о. не дей пакости рабу Божию имркъ. ни рукама ни ногама. ни всему тѣлу его. но лязи свившись еленѣ мѣстѣ“. Послѣднія слова „еленѣ мѣстѣ“ указываютъ, повидимому, на одну изъ молитвъ противъ Нежита, въ которой Нежить прогоняется въ пусты горы и въ лѣсы, во еленю главу“.—Молитва священномученика Кипріяна направлена противъ волшебства и чародѣйства, противъ порчи и наговоровъ, вообще противъ всего, что явно или тайно можетъ вредить чловѣку. Ей приписывается такое важное значеніе, что одно держаніе ея въ домѣ можетъ спасти этотъ домъ и живущихъ въ немъ отъ всякой бѣды. Составитель ея обращается не къ одному какому либо святому, но почти ко всѣмъ святымъ. и при этомъ перечисляетъ ихъ, указываетъ на разныя событія священной исторіи и церковные праздники, но въ то же время онъ до такой степени проникнутъ народными повѣртіями и суевѣртіями, что его молитва имѣетъ характеръ не церковной молитвы, а народнаго заговора, или заклятія. „Сей святыи сцѣномчнкъ Кипріянь моляшеса Гоу всею дшюу глѣ: Ги Бе сильный и держай вся..., припадаю и прошу пртое имя твое о всякомъ мѣстѣ и о всякомъ дому и о всѣхъ православныхъ хртіанъ. иже имѣютъ чародѣйства отъ лоукавыхъ члкъ и льстивыхъ или отъ бѣса. и прочтется сіа молитва на котораго главѣ. или въ домоу его. яко да разрѣшится отъ связанія и отъ оудръжанія и отъ зависти и чародѣйства. отъ ревности и ненависти и злаго усрѣтенія и дѣйственаго отравленія и языческаго яденія и клѣветанія и клятвы. И кто оубо стяжалъ боудеть млтвоу сію во своемъ домоу. да будетъ соблюденъ отъ всякаго оухыщренія потвора и отравы лоукавыхъ чловѣкъ. ближнихъ соуздъ. и да бѣжатъ бѣсове и да отступятъ зліи.... И яко же отъ камени Моусемъ сновомъ излвомъ источилъ еси воду. тако Ги Бе силамъ положи роукоу свою дрѣжавную и стоую полную соуцоу блгвенія на домъ имоущаго молитву сію.... И яко оумножилъ еси

(1) Въ словарь Даля: ячать, якнуть южн. зап. стонать, жалобно влкать.

лѣта Іезекію прю. да оумножатся лѣта имощемому молитву сию.... И еще молюся и миль ся дѣю единому непобѣдимому Боу. иже въ три лица воспѣваемому. яко да подасть всѣмъ члкомъ православнымъ спасеніе и рабоу своему імркѣ. и въ домъ тотъ. въ немъ же лежитъ стая сіа млтва. что лоукавое бысть въ домоу, въ немъ же прочтется сіа млтва. яко да разрѣшено боудеть. аще оубо на нбси или на земли есть связано, да разрѣшится. или въ мори... или на поути или на распутии. или въ рѣци или во источницѣ. или во кладязи. да разрѣшится. или во кровли, или во дверехъ или въ оконци. или во врѣхнемъ порозѣ или въ нижнемъ..... или въ кожи плотской или въ кожи змѣиной или въ бровѣхъ или во властѣхъ брадныхъ. или въ главѣ. или во главномъ оуброусѣ. или възглавіи или въ постели. или во обрѣзаніи ногтѣхъ ручныхъ и ножныхъ. или въ ножныхъ обуевніихъ..., или въ хартіи и во чернилѣ. или нѣвкоторой вещи. или остуда сотворенная да разрѣшится. ащели есть написано во седмидесятыхъ и двою языкъ да разрѣшено боудеть“.....

При чтеніи этой молитвы совершенно понятнымъ становится, почему древніе церковные учителя налагали запрещеніе на апокрифическія молитвы. Но столько же понятно и то, почему наука настоящаго времени, для которой дорогъ каждый, иногда едва замѣтный, слѣдъ уже давно угасшей жизни, съ чрезвычайною заботливостію собираетъ и хранитъ подобные памятники. Это памятники того, интереснаго въ исторіи религіознаго развитія, періода двоевѣрія, когда истинная вѣра еще не успѣла побѣдить въ чловѣкѣ языческаго суевѣрія, когда увѣровавшій въ истиннаго Бога христіанинъ еще не могъ забыть старыхъ стихійныхъ божествъ, особенно не могъ освободиться отъ вѣры въ волшебство и чародѣйство, враждебное вліяніе которыхъ ему представлялось повсюду—въ пути и на распутіи, въ рѣкахъ и источникахъ, горахъ и пещерахъ, на поляхъ и нивахъ, въ каждомъ углу его дома, и чтобы спастись отъ этого вліянія, онъ обращался съ молитвою ко всѣмъ святымъ и просилъ у нихъ помощи и защиты.

Молитвы врачевальныя.

Изъ Требника Соловецкой библиотеки № 1086 (¹).

Ги всемогы вѣчныи Бѣ. ѿрени недѣгы и болѣзнь ѿ раба Бѣа сего імркѣ. ѿ
верхъ главы. ѿ мозга. ѿ тѣмени. ѿ влась. ѿ лица. ѿ чѣю. ѿ шію. ѿ оустну
ѿ носа. ѿ нозрѣи. ѿ вѣкъ. ѿ бровѣ. ѿ чела. ѿ скраньи (²). ѿ горьла. ѿ
гортани. ѿ языка. ѿ помазыча. ѿ шіа. ѿ прьси. ѿ плещь (³). ѿ хрепта. ѿ реб-
ра. ѿ срца. ѿ оутробы. ѿ пѣпа. ѿ селезена ѿ бокъ ѿ тѣжъ (⁴). ѿ входа. ѿ прохода.
ѿ спаніа. ѿ питіа. ѿ зности. ѿ овоца. ѿ мысли. ѿ ноцныхъ. ѿ дневныхъ. ѿ гла (⁵).
и ѿ ноци. и ѿ грѣха отна и мтрна. ѿ своего съблажненіа. ѿ ладвен. и ѿ бедрѣ
ѿ дымей (⁶). ѿ ногѣ. и ѿ стегнѣ. ѿ колѣнѣ. ѿ лыстовѣ. ѿ глезноу. ѿ плеснѣ. ѿ пя-
тѣ. ѿ прѣстовѣ. ѿ цѣновѣ. ѿ пальцевѣ. ѿ ноготѣ. ѿ жилѣ. ѿ жилиць. ѿ рѣкъ. ѿ
мышцю. ѿ пазухѣ. ѿ длани. ѿ плоти. ѿ кости и ѿ всѣхъ оудовѣ его. внѣ оудѣ и
внѣтрьоудѣ. преложи его немощь в мощь. и болѣзнь его во испѣленіе. ты бо еси
преложивши плачь мирносицамъ в радость. иже приде на иверданъ къ Іваннѣ
кртитися, хотя ѿ него исплѣнити всякъ правдѣ. тыже приде въ вифанію вскрти
лазара изъ мртвыхъ. ты нынѣ оукрѣпи раба твоего сего імркѣ. исцѣли ѿ всякоа
болѣзни дпешныа и тѣлесныа, блгтью Хѣа твоего. и животѣ твоемѣ оугоженію и
блгтѣ въздающе оцю и сну.

(¹) Рукопись въ малый листь, написана полууставомъ XV—XVI в. на 334 листахъ. Въ кон-
цѣ рукописи на 301—334 лист. помѣщены «молитвы врачевальныя надъ больнымъ». Кромѣ мо-
литвъ собственно врачевальныхъ, противъ разныхъ болѣзней, сюда вошли и молитвы «на благо-
словленіе дому и храму, молитва надъ вербою, молитва на путь идущимъ, молитва хотящему съ-
яти, молитва на жатву, молитва надъ кутьею, молитва храму, въ немъ же дѣтя родится, молитва
на собираніе винограда и всякаго овоца, надъ сыромъ, надъ артосомъ и проч. Напечатанныя
ниже молитвы находятся на лист. 304—310.

(²) *Κοβταρος*, високъ.

(³) отъ плечу.

(⁴) Въ другомъ спискѣ: «отъ тоугоу», отъ туги.

(⁵) Въ др. спискѣ: «отъ глаголанія».

(⁶) Въ друг. спискѣ: «отъ дымъ».

Мѡ на болашимъ вчима.

Ѡ все восхотѣвыи Гїи. исцѣливы слѣпаго роженаго ищрева мѣре своеи и млрдїемъ ты ннѣ Влѣо призри на моленіе грѣшныхъ рабѣ. исцѣли раба своего імркѣ в всякоа напасти. и вчи его здравѣ створи. да вѣдивъ тя свѣта истиннаго прославить оца и сна и стго Духа.

Мѡ на болашимъ главою (*).

Приклони(выи) главѣ свою на распатїе Хѣ Бѣ нашѣ. приклонилъ еси собѣ всяческаа единочады Сне Бїи и повелѣнїемъ Оца твоего. истиннаго Ба ншего. рачи (*) ннѣ призри на раба своего імркѣ. падшаго грѣхы. пораженнаго болѣзнію и раною неотвѣтною. молимъ тя Гїи послѣ слово твое. вдающе грѣхы на земли. вдаи же ему вса грѣхы его иже родителю его. и сложи ранѣ сію невѣтъязю и телеси его наплѣни здравїа. одежи веселїемъ воплощенїа твоего, распатїа и погребенїа твоего ради. и воскрнїа. и вѣсшествїа твоего ради на нбса. и сѣденїа одесную оца.. яко ты еси живы съ оцемъ на нхъ присно еси на земли. со всѣми молящимися тобѣ бѣди съ нами цѣлбѣс даж едму твоємъ братѣ нашему імркѣ. воздвигни ѡ ложа немощнаго. яко блвися и прослависа.

Мѡ срчнаа.

Елаемъ. селаетъ. варагофа. фаресъ. таже сипце гли. Бѣ великы. выпнїи. еже разрѣшилъ еси по своемъ воскрнїю. еже сѣтъ были въ гробѣхъ ѡ всѣхъ лѣтъ. разрѣши Гїи раба своего імркѣ ѡ болѣзни срчныа. яко ты еси болѣзнемъ исцѣлитель Хѣ Бѣ ншѣ. Тебѣ слава всылаеть оцю.

Мо ѡ всякого недуга (*).

Блвнѣ Бѣ блгнїи врачѣ дшамъ и тѣломъ нашимъ. иже недугы безъ болѣзнѣ носа. еже(иже) (его же) раною вси исцѣлихомъ еже(иже) смрть оумртвивъ. и гробнымъ жи-

(*) Подобная молитва напечатана въ Христ. Чтенїи за мартъ—апрѣль 1877 г. стр. 442, по рукописи Кирилловской библіотеки.

(*) благоволи.

(*) Эта молитва помѣщена еще въ Соловецкомъ сборникѣ XVI—XVII в. № 848.

вотъ даровавъ. еже (иже) лазаря четверодневнаго изъ мртвѣхъ въскрѣсивъ. помилѣй раба твоего сего їмркъ. иже посѣтивъ тѣща Петровѣ апла своего. единымъ словомъ ѿими огнь ѿ неа. иже двѣма длѣжникомъ долгъ ѿтдавъ. грѣшници жени (¹) ѿпещеніе даровавъ. ты многомлрде, долготерпеливе. премлѣтве Гїи. кама о злобахъ члѣкыхъ. призри на ны и на раба своего їмркъ. ѿ жени ѿ него главнѣю болѣзнь. завѣсть (²) тяготѣ варъ. избави ѿ оужасти ѿ зимы и огня ѿ дни люта часа. ѿ очю злыхъ члѣк. и бѣса ползденнаго. ѿ всякого недуга. и болѣзнь оукроти. ѿими огнь и ѿ жени недѣгъ. да и се поманѣвъ пррчество Дво глїце. помилѣй мя Бѣ по величїи млти твоеи. по многимъ щедротомъ твоимъ. очисти ѿ него всако безаконїе всака лѣность. всака грѣхъ. всяка недѣгъ. ты бо еси истинны врачъ дшмъ и тѣломъ ѿшимъ Хѣ Бѣ нашъ. тебѣ славоу всылаемъ оцю и сну.

Мо ѿ дны (³).

Во имя Оца и Сна и стго Дха. Заклинаю та Бгомъ живымъ червленна и чернаа. власы и ногты свазана ѿ г. аглѣ. что рыкаеши ѿко левъ. ѿко волю ѿциши (⁴). ѿко козлище возыграеши. такоже и ты въ дѣтви твориши. нѣ великыи Бѣ архистратизи Бїи еже о тебѣ ходатѣ двѣствѣ твоимъ кажи пѣть. дай же исцѣленїе рабоу Бїю їмркъ. ѿко твоя дрѣжава и твое пртво. слава оцю.

Мо томъ же.

Во имя Оца и Сна и стго Дха. дво люта бо еси прелюта. простерта еси по вса оуды члѣкы. спи ѿко агна младо аспидово. проклата еси. и треклата еси Оцемъ Сномъ стымъ Дхомъ.

Мо томъ жѣ.

Во имя Оца и Сна и стго Дха. впиписа (?) днѣ ѿже иматъ ноготь р и о. не деи пакости рабъ Бїю їмркъ. ни рѣкама ни ногама. ни всемъ тѣлѣ его. но лази свивши еленѣ мѣстѣ. пртаа Бже Бца. помогаи рабъ своимъ всегда и ннѣ прно.

(¹) женѣ.

(²) зависть.

(³) Можетъ быть: ѿ дны.

(⁴) ревешъ.

Мо̃ томѣ.

Запрещаемъ тебѣ нежите Г̃мь нашимъ Ис̃мъ Х̃мь. бѣжи ѿ ч̃лка сего. оубои Га̃
н̃шего Ис̃мъ Х̃а. заклинаю тя нежите воскр̃немъ Г̃нимъ. имъ же разр̃ши адовъ
лестъ и прогна всякъ язю, и тѣ запрещаетъ тебѣ нежите. изыди ѿ главы и ѿ
всѣхъ оудовъ его. не вреди. ни прикасай рабѣ Б̃иіи семь. їмр̃къ. и ннѣ̃ прно.

Мо̃ на болащимъ нежитомъ.

Г̃и Б̃е ннѣ̃ изведы̃ аплы̃ своа̃ ѿ мора̃ чермнаго. идѣщимъ въ ст̃гы̃ градъ. и ви-
диша ч̃лка на п̃сти лежаща. и гл̃ша: а се что. гла̃ има̃ Г̃ь Б̃ь: т̃о̃ есть болѣзнь
нежить̃ исхода̃ изъ горы. ꙗко̃ исходитъ иногда роса на брадѣ Ароню. да си бо-
лѣзнь̃ есть. да дается̃ носити̃ иереови. да аще̃ ключится̃ комъ болѣзнь̃ си. или в
нощъ. или день. или заутра. или въ вечеръ. буджъ̃ творя̃ молитвъ̃ с̃ю̃ надъ̃ нимъ.
въставъ̃ же ст̃гы̃ аплъ̃ Филипъ̃ рече. во има̃ оца̃ и с̃на̃ и ст̃го̃ д̃ха. азъ̃ гл̃ю те-
бѣ̃ нежите. бѣду̃ твораще̃ ч̃лку̃ семъ. види̃ скоро̃ въ пустаа̃ преходища̃ морьскаа̃.
здѣ̃ Х̃ъ̃ предстоащю. како̃ смѣлъ̃ еси̃ прикоснѣти̃ тварѣ̃ Б̃иіи. или оуподобилса̃ еси̃
Каинъ̃ ревнивомъ̃ оставлешиюса̃ вса̃ своа̃. воздвигше̃ ревене̃ (¹) на брата̃ своего̃
Авела. или ꙗко̃ пронырливы̃ видѣвъ̃ тварь̃ Б̃жю̃ страшныа̃ агглы̃ стрегоущаа̃
праведнаа̃ врата. ꙗже̃ о Адамѣ̃ и Евзѣ̃. види̃ (въ)̃ прѣ̃ ревнаа̃ мѣста. да никогда̃
же̃ пришедши̃ сила̃ ст̃го̃ Д̃ха̃ скр̃шитъ̃ твое̃ любленіе. ꙗко̃ того̃ есть̃ ц̃ртвѣ̃
Оца̃ и С̃на.

Мл̃тва̃ г.

Во има̃ Оца̃ и С̃на̃ и ст̃го̃ Д̃ха. ꙗкоже̃ (у)̃ Адама̃ первозданнаго̃ не болитъ̃
ни глава̃ ни вчи. ни зб̃ы̃ ни оуши. и никижѣ̃ оудъ̃ тѣла̃ его. ꙗко̃ да растаетса̃
нежить̃. ꙗко̃ п̃на̃ морьскаа̃. ꙗко̃ дымъ̃ ѿ вѣтра. и воскъ̃ ѿ огня. роса̃ ѿ слнца.
такъ̃ растаетъ̃ нежить̃ ѿ раба̃ Б̃иіи̃ їмр̃къ. да бѣжитъ̃ в пусты̃ горы̃ и в лѣсы̃ во
еленю̃ главъ̃. тамо̃ та̃ посылаетъ̃ Г̃ь Б̃ь̃ Ис̃ Х̃с̃ Оц̃ь̃ всеи̃ твари. емъже̃ слава̃ съ̃
оцемъ̃ и ст̃ымъ̃.

(¹) рьвеніе, *ζηλος* ревность.

Мw д.

Запрѣщеніе нежитѣ изыти. Гї Бѣ ншѣ. запрѣти ему стымъ Дхомъ лежащаа аггла разорышаго и положышаго вся созданїа его. призирающа на раба своего імркѣ. одержащаго болѣзнію лютою сею нечистою. запрѣщаетъ емѣ Бгѣ. глухомѣ нежитоу изыти ѿ главы и ѿ очію. и повелѣ Гѣ разоритися одрѣ болѣзномѣ повелѣніемъ имѣ же повелѣ Къзма и Домъанѣ. запрѣти нежитѣ не възвратити къ създа- нію Бжїю и къ сщєи главѣ и ѿчїю. оутверди главѣ повелѣніемъ стѣю врачу. те- бѣ славѣ всы(лаемъ).

Мо Іакова брѣ Гня въ всѣ ви болѣзни.

Влко вседержителю врачу дшамъ и тѣломъ. смирамъ и возноса. наказаа и па- кы исцѣлѣма. брата нашего болашего посѣти млтвю своею. и простри мышцю не- видимѣ полнѣ исцѣленїа здравїа. исцѣли въставляа его ѿ ложа немощнаго. запрѣти дхѣ недѣжномѣ. шими отъ него всякъю извѣ. всякъ стртѣ (¹) всякъ ранѣ. всякъ огнь или зимѣ. еже есть въ немѣ прегрѣшенїе или безаконїе, ослаби шпѣсти прости тво- его ради члколюбїа. ей Гї пощади созданїа своего. о Хѣ Ісѣ Гдѣ ншѣмъ. с ними же блвенѣ еси съ прѣтымъ блгымъ.

Мw на главою болящимъ.

Гї помози главѣ и по главою. на равнѣ мѣстѣ распятѣ Гѣ. посреди его столпѣ желѣзѣнѣ. взятѣ болѣзнь очима надежа Хѣ Ба нашего (²). якоже хожеше на горѣ сионѣстѣи и обрѣте гробѣ ѿверстѣ. и двцю лежащѣ в немѣ. и рече ей. что лежиши. онаже рече. глава болить. Гѣ же положи рукѣ на ней и ннѣ прно.

Мw.

Гѣ Бгѣ ншѣ истинны. иже возложи чтныи кртѣ и животворящїи Адама на главу. Адамѣ же не болить ни нежитомѣ. ни ѿчима своимѣ. во имя шѣа и Снѣ и стго Дха и ннѣ.

(¹) т. е. страданїе.

(²) Не достаетъ смысла; что набудѣ пропушено въ рукописи.

Мѡ стго Григорѣа чѣтворца.

Запрещаетъ ти дѣволе Гѣ грядѣ во весь миръ. вселися въ члѣки избавитель заклинаю тя Бгомъ живымъ и гордымъ⁽¹⁾ его пришествіемъ. прїиде(тъ) оубо не оумедлитъ свдѣти все земли. тебѣ и твоеи сили. види всякъ нечтѣи дше и ѡбѣри ѡ дому сего. въ немъ же молитва си есть. и всяко прегрѣшеніе. еже положилъ е или на подѣ или по подомъ. и въ вратѣхъ или на пѣти. да бѣжитъ всякъ нечисты дхъ имени Га нашего Іса Хса Сна Бга живаго и стго Дха. млтвами стѣа Бца. яже роди Га ншего Ісв Ха. нбныхъ ради силъ. Михаила Гаврїила Оурила и Рафаила. окрѣтъ силы бжтва црка днь и ноцъ непочиваютъ. тоа млтвы спти (спаси) дѣти и весь скотъ. оу него же е млтва си въ храмѣ. млтвы ради и моленїа ради стго Григорїа. Іс Хс спобѣжаетъ. Ха Ба молитѣ. ты Гїи непрїязни прогоняши. и ннѣ.

Мѡ на оужасающимъ⁽²⁾.

Многомлрде млтве Гїи невидиме. не скверне едине безгрѣшне. очти раба своего імркѣ ѡ всякѣа скверны. яви блгти ради Ха твоего. и ости пришествіемъ стго Дха твоего. да возникнетъ ѡ мгылы нечтѣхъ привидѣнїа дѣволя. и вськая напасти. спобитѣя чтою совѣстїю прїати и вкусити дивныхъ и страшныхъ твоихъ тайнъ. блвѣа и оствѣа всякая. Хе Бе нашъ и тебѣ славѣ всылаемъ.

Мѡ егда воли не спи⁽³⁾.

Влко Гїи Ів Хе Бе ншъ. давы сонъ з отрокъ иже въ Едесцѣй пещерѣ⁽⁴⁾ т. и о. и в лѣ. Сава то Протархъ. Диониси. Андрѣи⁽⁵⁾ и рабѣ твоемъ Мелхиседекъ⁽⁶⁾

(1) Гордый греч. *φοβερός*, страшный.

(2) Таже молитва по рукописи Соч. бібліотеки напечатана въ Христ. Чтенїа за мартъ—апрѣль 1877 г. стр. 442.

(3) Таже молитва въ другомъ измѣненномъ видѣ по рукописи Соч. библ. напечатана въ Христ. Чтенїа за мартъ—апрѣль, 1877 г. стр. 445. Она составляетъ сокращенїе греческой молитвы, помѣщенной въ *Βυχολόγιον* Гоара. Venetia 1839 стр. 386—387.

(4) Нужно: въ Ефесской пещерѣ

(5) Объ отрокахъ Ефесскихъ смотр. въ Четъ—Миней 4 августа и 22 октября. Здѣсь указаны такїа имена отроковъ: Мадиміанъ, Іамвлихъ, Мартинїанъ, Іоаннъ, Дїонисїй, Езакустодїанъ и Антоиннъ. Рассказываемое событіе относится къ царствованїю Декїа.

(6) Въ греческой молитвѣ упоминается объ Авимелехѣ.

давы сонъ з̄ и в̄ лѣ̄. и дай же Г̄и сему рабу твоему імркъ сонъ здравіе. оугаси ему силъ огненъ. и сей животны сонъ мирны сонъ на здравіе. яко ты поеть вся сила нбнаа и тебѣ слава всылаемъ.

Изъ Требника Соловецкой библиотеки № 1085 (*).

Молитва стого сщенномчѣка Киприана (**).

Да воскреснетъ Бг̄ъ. и да разидутся вси врази его. и да бѣжать ѿ лица его вси ненавидящїи его. яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ. яко таетъ воскъ огнь лица огню. тако да погибнуть грѣшници ѿ лица Бж҃га. а праведници да возселятся о силѣ живаго и единосоставнаго Б҃а. Начинаемъ гл҃ти молитву стго Киприана во днь и часъ. вѣнже оупражняется сила сопротивнаго ради славы живаго Б҃а. Сеи стги сщенномчѣкъ Киприанъ моляшеся Гоу всею дшею гл҃я: Г̄и Бѣ сильныи и держай вся. святъ сынъ прославленъ. цр̄ь цр҃твоующимъ и Г̄ъ господствующимъ. слава ти сѣдѣщему во свѣтѣ безчисленѣмъ и неприкосновенѣмъ. Его же оужасаются всяческая. Его же никто же нигдѣ видѣ. ни видѣти не можетъ. Ему же тысящами тысящъ и тмою темъ стыхъ аггль и архаггль предстоять предъ тобою. Ты свѣси тайная раба своего. и яко не познавшему ми Тебе првѣе творяхъ сіа. державъ облаки не одождити. древа садовая еже не творити плода. не праздныя еже не рождати. и иныя еже не зачати. на огражденіе винограда токмо взирахъ и творяхъ розгы еже не цвѣтѣти. Такоже и змѣкъ вертоградныи не прозябати. и рыбы морскія еже не плавати. и птицамъ возбраняхъ не лѣтати. и просто всяко чародѣйство дѣлахъ. и вси лукавіи бѣси мнѣ работаху. сия вся дѣлахъ ради своихъ грѣховъ многихъ. Ннѣ оубо Г̄и Бѣ сильныи и великыи блговоливыи ѿ недостойна достойна мя быти и спричтатимися стому сщному твоему стаду и съ преестественнымъ величествомъ милосердовавъ мнѣ. и не восхотѣвъ погубитимися со-беззаконни моими. знаема мя сотворивъ быти. связавъ мя любовію своею во твоей правой и непорочнѣй вѣрѣ. не омразися

(*) Молитва Киприана помѣщена еще въ двухъ рукописныхъ соловецкихъ псалтыряхъ №№ 744 и 755. Отрывки изъ нея по псалтири № 744 уже приведены въ Описаніи рукописей Солов. монастыря см. № 41 стр. 47—49.

(**) Этотъ требникъ, принадлежавшїй митр. Макарію, написанъ въ листъ въ 1505 г. на 712 листахъ. Въ немъ помѣщено множество разныхъ молитвъ на разные случаи. На лист. 148—155 написана молитва священномученика Киприана, а на лист. 567—586 «Врачевальныя молитвы».

мене грѣшнаго и недостойнаго раба твоего. припадаю бо и прошоу прѣое имя твое во всякомъ мѣстѣ и во всякомъ домоу. и о всѣхъ православныхъ хрѣіан(ѣхъ). иже имѣють чародѣйства во лоукавыхъ члѣкъ и льстивыхъ или во бѣса. и прочтеться сіа молитва на котораго главѣ. или въ домоу его. яко да разрѣшится во связаніа. и во оудръжаніа и во зависти и чародѣйства. во ревности и ненависти и злаго усрѣтеніа и дѣйственаго отравленіа. языческаго яденіа. и клѣветаніа и клятвы. И кто оубо стяжалъ боудеть млтвоу сію во своемъ домоу. да будетъ соблюденъ во всякаго оухыщренія потвора и отравы лоукавыхъ чловѣкъ. ближнихъ соусѣдъ. и да бѣжатъ бѣсове и да отступятъ злии. Гѣи Бѣ. Емуже власть нѣбо и земля. ради имени твоего великаго и ради несказанныя ти блгти и ради Единороднаго ти Сна. Гѣа нашего Іу Хѣа. оуслыши мя во часъ сіи недостойнаго раба твоего. и идѣже аще прочтеться млтва моя. да разрѣшатся. яко воскъ таящъ во огня. яко (такъ) лоукавое оухыщреніе во всякаго вида. или члѣкого или животнаго. или винограднаго или вертограднаго. и во всякаго имѣніа ихъ. малихъ же и великихъ. яко во имя стѣя и живоначальныя Трца просвѣщени соуть и развѣе Тебе иного Бѣа не знаютъ. и яко же во камени Моисеумъ сновамъ излвомъ источилъ еси воду. тако Гѣи Бѣ силамъ положи роукоу свою дрѣжавную и стоую полную соущу блгвеніа на домъ имоущаго молитву сію. яко же насадилъ еси Бѣ рай во Едемѣ и во того исходятъ повелѣніемъ ти четыре рѣки фисонъ. геонъ. тигръ и евфратъ и обходятъ сего мира в тихости. и Адамскыи члѣкъ не можетъ ихъ оудръжати. тако да не могоуть чародѣйствена дѣла или мечтаніа бѣсовьская являтися предъ разрѣшеніемъ. еже азъ разрѣшихъ и разрѣшаю. прогнахъ и прогоняю все злое чко злыхъ члѣкъ и лоукавыхъ бѣсовъ и все злое лоукавыхъ бѣсовъ во раба Бѣіа Імрѣи и во всякаго имѣніа его. аминь. И яко оумножилъ еси лѣта иезекію црю. да оумножатся лѣта имоущему молитву сію. слоужбою аггль. пѣнемъ серафимьскымъ. блговѣщеніемъ. пречистыя Бѣа во архаггла Гаврила плотскаго ради зачатіа Гѣа нашего Іу Хѣа. славнаго рожества его во Виѣлиемѣ. заколѣніа младенецъ во Ирода. стго крѣченіа. еже воспріемъ во иерданьстѣи рѣци. постомъ и искоушеніемъ. еже подыатъ во диявола. оужасныа его побѣды оужаснаго соуда оужаснѣйшихъ его чудесъ. иже во мирѣ бывшихъ. испѣленіа дароуя. прокаже-

ныя вчишая. мртвыя вживляя. бѣсы изгоня. иже во Іерлѣмѣ входъ его. и во прѣвѣ
 младенцемъ вопіющимъ всанъва сѣоу Двѣоу. стѣя стрти и распятія погребенія
 и еже изъ мртвыхъ воскреснѣа. и еже на нбса вознесеніе. пѣніе тмочисленныхъ
 аггль и архаггль. славѣ восходнаго его пѣнословіа. еже вѣсноую сѣдѣнѣа вѣа.
 втораго и страшнаго пришествія. власть юже далъ есть стѣмъ своимъ оучникомъ
 и апломъ и рекъ имъ: имъ же держите грѣхы, держатся. и елика аще разрѣши-
 те на земли соуть. разрѣшена и на нбси. Ради бо сихъ именъ и ради силу твою
 великоюю заклинаю и связываю и проклинаю и прогоняю вся доухы лоукавыя и
 вчи злыхъ члкъ и ссѣдъ ближнихъ и дальнихъ и вседѣйство и чародѣйство лѣ-
 кавыхъ члкъ в раба Бѣѣа імрк и в домоу его. и в всего стяжанія его. И яко
 оумножилъ еси Гѣи богатство второе иевле, тако Гѣи Бѣе силамъ оумножи домаш-
 нее житіе и приходъ рабоу своему імркъ имоущемоу сѣю молитву. созданиемъ
 Адамовымъ, жертвою Авелевою и Сионою. благовѣщеніемъ Еносовымъ. искушенія
 Иввля. примѣстѣнїе Енохово. правдоу Ноевою. вбрѣтеніе Мелхиседеково. вѣроу
 Авраамлею, послушаніе Исаково. стость Иаковлю. пррчествомъ прркъ. стѣнею
 патриархъ и стлехъ и спномчнкъ врови аплкыхъ. преставленія постническая. заколе-
 нѣа мчничьская. и вѣнчанѣа ихъ. мчнїе и заколенїе стѣхъ Петра и Павла. дѣвства
 Івана Бѣослова. блговѣщенія Сифова. жезла Моусева. сѣенничьства Ааронова.
 дѣвства Іса Навгина. стость Самуилову. жертву Афетовоу. таинство в—тихъ
 племенъ изрлв.кармилъ (?) ревнителеву. моленїе Елисеево. пррчество Иввы. поста и
 видѣнѣа Данилова. жертвою Исааковоу .послѣднее преставленїе Іввле. проданїе Ивси-
 фа прекраснаго. кротость Двѣву. истинноюю премоудрость Соломонову. неупали-
 моую коупиноу в горѣ синайстѣѣи силою рз аггль. иже во Египтѣ сошедшихъ по-
 дати исцѣленїа члкмъ. моленїемъ чѣнаго и славнаго пррка пртча и кртля страш-
 наго и несказаннаго имени твоего всеславнаго всеильна и всеица Ба. емоуже
 предстоятъ тысущами тысоущъ и тмами темъ аггль и архаггль. постомъ иже в
 горахъ и пропастьехъ земныхъ и всѣхъ стѣхъ иже в вѣка тебѣ блгооугодившихъ
 Гоу Боу нашему. и ради бо сихъ именъ и ради стѣхъ. молитвъ ихъ прогоня-
 емъ и вдалаемъ всякоу злобу и лоукавство. и зависть и ревность и связанїе и
 оудръжанїе и злосрѣтенїе и лоукаво око и злогланїе и язычное яденїе и при-
 мольвы и все что бѣдное. и совѣтованїе злыхъ члкъ совѣщавающимъ что зло. да

вдалится ѿ раба Бжїа імркъ. И еще молюся и миль ся дѣю единому непобѣди-
 момоу Боу. иже во три лица воспѣваемому. яко да подасть всѣмъ члкомъ право-
 славнымъ спасеніе и рабоу своему імркъ. и въ домъ тотъ. въ немъ же лежитъ стая
 сїа мѣтва. и что лѣково бысть въ дѣмѣ въ томъ. въ немъже прочтется сїа
 мѣтва. яко да разрѣшено боудеть. аще оубо на нѣси или на земли есть свя-
 зано, да разрѣшится. или въ мори. иже вся яже соуть на немъ или въ немъ. да
 разрѣшатся. или на поути или на распутии. или въ рѣци. или во источницѣ. или
 во кладези, да разрѣшится. или во кровли. или во дверехъ. или во оконци. или
 во врѣхнемъ порозѣ или в нижнемъ. или на здѣ. (въ друг. спискѣ на задѣ)
 или во тинѣ. или во основѣ. или во стѣнѣхъ. да разрѣшится. или во прид-
 ворѣ или в дворѣ. или во дворци. или во входѣ, или во исходѣ. во дер-
 коу. (въ друг. спискѣ. въ диркѣ) въ стѣнѣ. или на поути. или на поли. или въ
 горахъ и печерахъ и во пропастьхъ земляныхъ. да разрѣшится. или во брезѣ.
 или во стремниѣ. или вровѣ. или во дрѣвѣ. или в листѣ. или в корени, или во
 вѣтви. да разрѣшено боудеть. или на поли въ нивахъ. или въ виноградѣ или
 вертоградѣ. или во рвехъ и во ямахъ. или во травѣ. или в печи. или въ банѣ
 или въ дрѣвѣ. или въ капици идольскомъ. или въ кожи плотской. или въ кожи
 змїиной. или въ бровѣхъ. или во власѣхъ брадныхъ. или въ главѣ. или во глав-
 номъ оубросѣ. или възглавіи. или въ постели. или во вбрѣзаніи ногтехъ ручныхъ
 и ножныхъ. или въ ножныхъ вбувеніихъ. или во златѣ и сребрѣ. или въ мѣди
 и свинци. или во вловѣ и в желѣзѣ. или въ воску. или въ кости. или во лѣвѣ.
 или въ члвѣчьстѣй крови или въ звѣриной. или въ морьскихъ рыбахъ. или
 въ животныхъ земныхъ. или въ кожи звѣриной. или въ кожи рыбной. или
 въ животныхъ четвероногихъ земныхъ. или во летающихъ по воздуху. движимыхъ
 же и недвижимыхъ. или въ хартїи и во чернилѣ. или нѣвкоторой вещи. или всту-
 да сотворенная да разрѣшится. Аще ли есть написано во седмидесятихъ и двою
 языкъ. да разрѣшено боудеть. понеже азъ раздрѣшихъ и раздрѣшаю. прог-
 нахъ и прогоняю. такалоусапоусъ. (въ друг. спискѣ: такоулъ. сапъсъ). мароу-
 салоукъ. (въ друг. спискѣ: марасалкъ). милоуре. мирахананъ. (въ друг. спи-
 скѣ: михрананъ). прогнахъ и еще прогоняю. имена тахия. сисахия. елизоу
 (въ друг. спискѣ: елизвѣ). идаилъ. ѿ раба бжїа імркъ. и ѿ имѣнїа его. и мала-
 го и великаго. силою чтнаго и животворящаго крта и со всѣми нѣбными силами
 предстоящими предъ высокымъ и страшнымъ престолѣмъ Бжїимъ. херувими и
 серафими. властемъ. прѣломъ господьственнымъ. силъ владальныхъ архггль и аггль.

стыхъ праведныхъ патриархъ. Авраама Исаака и Іакова. силою разрѣшившаго
 дождь на землю сниде. во часъ. вонже разбойникъ въ рай вниде. и млтвою еюже
 помолися Іу Навгинъ. и ста слнце и лоуна. и млтвою еюже помолися Іліа и
 оудръжа нбо. и млтвою жже помолися Даниль прркъ и загради оуста лвомъ. и
 млтвою. еюже помолишася трѣе утроци Ананїа Азарїа и Мисаиль погасиша пла-
 менъ пещный и бысть в росу прохладноу. силою держащаго волны морскыя и
 оукротивающаго ихъ. силою насытившаго множество людїи ѿ малыхъ хлѣбъ. та-
 коже и прошу стго сбора пррчьскаго. Захарью. Іванна Пртчю. и пррка Іусіе
 и Ивила. Наоума. Аввакума. Софонїю. Аггею, Михѣя. Малахїа. Авдѣя. Иере-
 мью. Иезекїіля. Исаїю. и Данилу. Амоса. Самоила. и Ілію и Елисѣя. и святыхъ
 трѣехъ утрокъ. Ананїю. Азарїю. и Мисаила. молю и сословіе святыхъ и правед-
 ныхъ Бгвоуць Акима и Анны. Іусифа вбрученика и Двда пррка и пря. Іакова
 брата Бжїа. Семювна Бгопрїемца и Симеона сродника Хва. Симеона иже Ха
 ради оуродиваго. Симевна иже на дивнѣй горѣ. Іова и Ивны. Игнатїа Бгнос-
 ца. сщенномчнка Ананїи и Романа пѣвца. и всѣхъ стыхъ молитвами иже ѿ вѣка
 тебѣ благоугодившихъ и послужившихъ Гоу Боу нашему. молю и прошю лика
 славныхъ и всехвальныхъ и бжтвенныхъ аплѣ в. и о. и иже во стыхъ ѿць на-
 шихъ и вселенскихъ оучитель Василїа великаго Григорїа Бгослова Іванна Злато-
 устаго. Іерофѣя Афинеяскаго. Девнисїа Арешпагитьскаго. Іванна милостиваго. Амфи-
 лохїа епкпа Иконийскаго. Аверкїа Ерапольскаго. Афанасїа великаго. Петра Але-
 зандрьскаго и Курила. и иже во стыхъ ѿца нашего Николы Мирьскаго. и иже
 во стыхъ ѿца нашего Петра архїеппа рускаго. новаго чютворца. и Амбросїа Меді-
 вламьскаго. Потапїа. Ипатїа. Спиридона чютворца. Ельферїа. Стефана архїеппа
 Соурожскаго. Левнтїа Ростовскаго Андрея Критскаго и Впифанїа. Софронїа Іеру-
 салимьскаго. Селивестра папы Римьскаго. Григорїа папы Римьскаго. Григорїа
 чютворца. Лазаря иже въ Геласѣи. Григорїа Акраганскаго. Григорїа Десятоград-
 ца. Григорїа великыа Арменїа. Григорїа нисьскаго. прбныхъ и бгносныхъ ѿць
 нашихъ. Симеона Столпника. Іванна постника. Иоанна Лѣствичника. Евминїа чю-
 творцв. Варлама и Асафа. препобнаго ѿца нашего Лоукы. и Данила столпника.
 Алимпїа Кионата. Іванна Рыльскаго. Самсона страннопрїемца прбныхъ ѿць
 иже во Синаи и в Раифу избьенныхъ и прбнаго ѿца нашего Касїана Римьскаго.

прѣбныхъ ѿцъ нашихъ и чудотворць Козмы и Дамьяна. Іванна Дамаскина. Стефана Саваята. Георгіа Никомидскаго. Февра написаннаго. Февдора Сикивта. Февдора Трихины. Февдора сѣннаго. сѣнночѣника Февдора иже въ Пергїи. Антоѳа великаго. Арсѣнїа. Еоуфимїа. Савы. Ефрема Сирина. Исакіа и Харитона. Сысоа. Герасима. Андроника. Павла Фивейскаго. Іванна Кущника, Іванна Едесскаго. Іоанна Кидарьскаго. Іванна Плексиды. Іакова Рисивея. Ісаия. Павла иже въ Литрѣ. Февдосїа ѿщежителя. Воукула еппа Зьмирньскаго. Иларїѳна чудотворца. и Марка еппа Арефоусїйскаго прѣбнаго ѿца Бенедикта. Датїа еппа Медвланьскаго. Савина и Каллиста. Касїана сардійскаго еппа и Курила дїакона. Фелиппа дїакона. Евоула дїакона. Лавренѣтїа дїакона. Никандра. Прохора. Тимона. Пармены. сѣнночѣника Власїа. Поликарпа. Мефедїа Патрьскаго и всѣхъ стыхъ и сѣнночѣникъ мѣтвами и моленїемъ. съблюди своего раба імрк. Молю оубо стыхъ мѣчникъ воинства и лики стыхъ славныхъ и добропобѣдныхъ Хвыхъ мѣчникъ. Стефана и первомѣчника и архидїакона. Георгїа побѣдоносца и чюдотворца. Дмитрїа мироточца. Исидора Хиѿполитьскаго. Федора Тирона. Февдора Стратилата. Савы Стратилата. Іванна война. Михаила война и иже съ ними двою тысящъ двѣстѣ девять десять и трехъ. и стыхъ мѣчкъ двѣ тмѣ иже въ Никомидїи сожженныхъ. стыхъ мѣчникъ Евстратїа. Евѣстафїа. Авксентїа. Евгенїа Мардарїа и Среста и Акиндина и Пигасїа Аефонїа. Елпидїфора и Анемподиста. Маркїана и Мартирїа. Сергїа и Вакха. стго великомѣчника Ефѣстафїа и подружїя его и чадъ его. Курїка и Оулиты. стыхъ мѣчкъ Мины Виктора и Векентїа. стыхъ исповѣдникъ Гурїа Самона и Авивы. стыхъ мѣчкъ Мины и Ерьмогена и Евграфа. Фрола и Лавра. Маноуїла и Савелїа и Измаїла. стго великомѣчника Нестера. стыхъ мѣчкъ м. иже въ Севастїйскомъ езерѣ мѣчныхъ. стыхъ младенецъ. иже отъ Ирода избѣпыхъ тысоущъ дї. стыхъ мѣчкъ иже во Аморїи. стыхъ і мѣчкъ иже во Крите. стыхъ ѿ мѣчкъ иже в Кизыцѣ. стыхъ з ѿтрокъ иже во Ефесѣ оусноувшихъ. стыхъ мѣчкъ Карпа и Папиль. Ермила. Стратоника. Іакова Персянина. Алезїа чѣка Бжїа. Назарїа. Протасїа. Гервасїа и Кельсїа. стыхъ врачей безсребреникъ Козмы и Дамїана. Кура Іванна. Пантелѣимона и Ермолы. Самсона и Демїида. Мокѣя и Фалалѣа. Фотїа и Аникиты. Зиновїа и Зиновїи. стаго и праведнаго Лазаря и Мрїи Магдалины и Марѣы. стыхъ женъ мирносиць, и прѣбныя

Ефросинии. Аксеніи. Евдокѣи. Анастасіи. стѣя великомчѣнцы Феклы. стѣя великомчѣнцы Марины. Екатерины. Оевроніи. Филофеи. стѣя мчѣнцы Софи и чадъ ея. Вѣры Любви и Надежи. Ириніи, Агапіи и Хиѣнїи Евпразіи. Пелагѣи. Варвары. Парасковѣи. Курвака. Оомаиды. Ирины. Фотиніи. Меланіи. Феофана. святаго правовѣрнаго прѣя и равна апѣмъ Коньстантина и мѣтре его Елены. стѣя Кали. (въ друг. спискѣ: Акилины) стѣя Оевдосіи. и всѣхъ святыхъ. иже проліявшихъ крови своя за Тебя Хѣ Ба нашего. и всѣхъ твоихъ стѣхъ мѣтвами. и за мѣтвъ пречистѣя мѣтре. и спси раба своего імрк. И да не коснется к нему ни к домоу его никакое зло. ни зависть ни ревность. ни чародѣйство. ни бѣда. ни болѣзнь. никакое зло лукавство. ни во утро ни въ днь. ни вполднь ни вечеръ ни в ношь. ни въ полношь. яко написана бысть сѣя мѣтва спномчѣника Купріана. оутвержена же и назнаменана бысть. ѿ стѣя і единосуцныя Трца. на погубленіе и прогнаніе всякому злоу. и злыхъ сѣтїи ловащихъ. седукъ иарунъ. (въ друг. спискѣ: іарумъ) и афаель. нарицаемому элефаень (въ друг. спискѣ: нафаель). и дщерехъ самосовыхъ и всего рѣда ихъ. и самена и всего лика его. и коуніе и всеобладательное ихъ. словесѣмъ Гнѣмъ. ѿ немъ же оутвердися нбо и земля. мѣтвами Гѣ прѣтѣя ти мѣтре и вся нбесныя ти силы. и чиновачальникъ твоихъ. Михаила Гаврила Оурила и Рафаила. и хранителя аггла. и всѣхъ твоихъ стѣхъ. имже имена написана и ненаписана. яже ты свѣси вседръжителю Гѣ. и вграженіемъ силою честнаго и животворящаго крѣта. да соблюденъ боудеть рабъ твой імркъ и весь домъ его и все стяжаніе его. и да посрамлено боудеть и да прогнано боудеть вселоукавство ѿ раба Бжїя. всегда и ннѣ и прѣно и во вѣки вѣкомъ. аминь“.

Свершена же бысть мѣтва стѣго спенномчѣка Кипріяна знаменіемъ стѣя единосуцныя и живоначальныя Трца на оупражненіе и прогнаніе лукаваго и всѣхъ его сидъ. во славоу ѿца и Сна и стѣго Дха. ннѣ и прѣно и во вѣки вѣкомъ. аминь.

Гѣ Іѣ Хѣ Бѣ нашъ. мѣтвами прѣтѣя ти мѣтре и стѣго спенномчѣка Кипріяна и Оустины и всѣхъ стѣхъ твоихъ. соблюди и помози рабоу своему. имущемоу сѣю мѣтѣвоу. даруй емоу вся. яже ко спсенію прошенїа и жизньъ вѣчноую. аминь.

Молитва надъ всякимъ недугомъ.

Положивый тѣло свое на распятіе. Хѣ Бѣ нашъ. затворилъ еси пути всякому недугу, ходящимъ по члѣку сквозѣ мяса по жиламъ и по костемъ его и по внутрен-

нимъ его. Ты влѣко рачи нынѣ. заложи вся поуги недугу сему. но рци иже будетъ въ то время ходя по члѣку. аще боудуть потвори, или струпь нечисть, или инъ недугъ ходяй, штокъ или ино что рица и ходя по телеси и по удомъ его. стоящаго нынѣ предъ Тобою. возбрани ему всѣхъ путѣи и всѣхъ стезь. подай же ему не врѣдити плоти. ни оудъ ни жилъ. ни приближатися ко дѣши его. и оуспи повелѣніемъ твоимъ на ложи его. и затвори о немъ двери ложу его. и дайже здравіе рабу твоему імрѣ многолѣтно. да во здравіи пребывая. тебѣ хвалу приносить. со безначальнымъ ти Сѣцемъ. со престымъ и животворящимъ ти Дѣхомъ. нынѣ и прно и во вѣкы вѣкомъ. аминь.

Молитва ѿ рватвы рвдичьныя.

Простеръ рудѣ свои на распятіи стѣмъ своемъ. пригвоженіемъ рукоу своею пригвоздиль еси вся пути нечестивыхъ и всѣхъ неприазни. и торганіемъ жилъ своихъ исторгаль еси вся жилы ихъ. и болѣзнію своею побѣдиль еси сильныхъ. единачды Сне Бѣжи Іѵ Хѣ Бѣ нашъ. рачи нынѣ пригвоздитися роуки рватамъ симъ. въ роуцѣ си вшедшимъ. простертеи къ Тебѣ нынѣ рвоущіа жилы ркѣ сею. возвесели раба твоего імрѣ. ѿ одръжаща болѣзни исцѣли. и да радостію радуется. подемя тристое тѣло твое. и славою Тебѣ воздаа. со безначальнымъ Ти Сѣцемъ и со престымъ и блгымъ и животворящимъ ти Дѣхомъ. нынѣ и прно и во вѣкы вѣкомъ. аминь.

Млтва надъ всякою волезнію рвщю.

Примъ копѣ бодщее в пазоуху твою. сокршилъ еси вся оръжіа сильныхъ и всю силу ихъ Хѣ Бѣ нашъ. Ты рачи нынѣ сокрушити оружіа и недугу сему. соущемъ въ немъ. преклньшеноу подъ иго твое. рачи недугу сему. бодщемъ его невидимо. побѣди и попри ѿ и дайже здравіе рабъ своемъ імрѣ. да во здравіи пребывая. Тебе славить со Сѣцемъ и со стымъ. Дѣхомъ. нынѣ и прно и во вѣкы вѣкомъ. аминь.

Молитва безъ заглагія.

Гѣи Бѣ нашъ. возлюби родъ члѣч. предасть себя за ны. ни пощади телесе своего на распятіе. запретилъ еси всякомъ недѣгоу и всякой неприазни. иже ходитъ по члѣку сквозѣ мяса по костемъ по жиламъ. по всѣмъ ноутреннимъ его. Ты Владыко Гѣи. послушай моленіа нашего. повели заложити пути недѣгъ сему. иже ходитъ въ немъ по тѣлоу, или во оутробѣ. или во костехъ. или во главѣ, или во

вчю. или во мозгоу, или во крови, или в рѣкѣ, или во чревѣ, или в ногу, или в потгору. или в срѣчи, или в оуроковѣ. или в смѣщеніа, или в вреженіа, или в вѣдѣи, или в нежита, или в переполоха, или в чародѣяніа. или в питна зла. или в зла люта дѣха, или в похоти, или в перелоговѣ. или на времена воставая и ходя видимыи и невидимыи недѣгы разсыпаяся и разлиася яко вѣда во тѣли. или стоя или бдѣй, или грызы или штокъ творяи, или обморя, или стоужаяй или грозаяй, или трясай, или сомѣшая. молются Вѣко Гѣ члѣколюбче. возбрани и повели всѣмъ недугомъ. да лягоуть на ложи своемъ, или да изидоуть изъ него, затвори двери, загради поути всѣмъ недугомъ и послѣ здравіе рабу своему імркъ. лѣта многа дароуй емоу. славити престоѣ имя твоѣ и безначальнаго ти Бѣца и стго Дѣха. и ннѣ и прно и во вѣкы вѣкомъ. аминь.

Млтва женѣ. дѣтятемъ волить. молвити ей во правое ухо слово Гне (').

Обрѣте Гѣ нашъ Іс Хс со Иванномъ бгословомъ. обрѣли женоу ражающую и чревомъ болящю и не могоущю родити ей. И рече Гѣ ннѣ Іс Хс Иванну Бгослову: гряди Иванне и рци ей во правое оухо. в Бга ражающисъ в Бга питающисъ. выйди младенецъ. Хъ тя зоветь. помани сны едемскіа (нужно: едомскіа) во дни іерусалимскіа глуще. истощайте истощайте в сеспоу матерню. всегда и ннѣ и прно и во вѣкы вѣкомъ.

Млтва аще оуясть члѣка змѣя или вѣшкнѣ пѣсь.

Гѣ Бе ннѣ. его же имя стоѣ и млть неизреченна и члѣколюбіе неизреченно. и давый силуу стымъ своимъ аплмъ наступати на змѣю и на скорпѣю и на всю силуу вражю. И Ты Гѣ избави раба твоего сего імрк в всѣхъ сѣтей вражнихъ и в срящи звѣринныа и поученія діаволя. да в всемъ хвалить имя стоѣ твоѣ. яко ты еси Бѣ миловати и спсти насъ и тебѣ славою възсылаемъ Бѣцю и Сноу и стомоу Дѣхоу. ннѣ и прно и во вѣкы вѣкомъ.

Млтва срѣцемъ волящемоу.

Бѣ великыи Гѣ Ісе Хе. иже еси разроушилъ болѣзнь срѣчноую по твоемоу воскрнѣю. си соуть были во гробѣхъ. и в всѣхъ разроушиши Гѣ раба твоего імрк болѣзнь срѣчноую. ннѣ и прно и вѣкы вѣкомъ. аминь.

(') Эта молитва напечатана по рукописи Соф. библиотеки въ Христ. Чтеніи за мартъ—апрѣль 1877 г. стр. 443.

Мо ѿ печали члкъ.

Гѣ Бѣ превѣчныи. невидимыи и всевидящии. безначальныи и веселыи. претихи. видиши и вѣси волю мою злоую. и бѣдоу мою ноужню. и тоугоу и скорбь. и рать и брань вражю. вдержашоу мя нынѣ. тобою оуповаа трѣплю и тебѣ ся молю. помози ми и оукрѣпи мя ѿ бѣды ноужа. занеже погыбаю и изнемогаю. и тоужу и скорблю. и ѿпадаю и оумираю во грѣсѣхъ. на стрѣть и на моуку вѣчноую. ащели не твоя сила великаа изметь мя грѣшнаго. занеже твоя млтѣ и стѣсть (?) спти мя ѿ всего зла. и твое Бѣтво млрдое. прѣими мя вопіюща недостойна ннѣ к тебѣ. яко млтѣ и члколюбивѣ еси Бѣ. и тебѣ славою възсылаемъ Сѣцю и и Сноу и стмоу Дѣхоу. ннѣ и прно и въ вѣкы вѣкомъ. аминь.

Млтва Іванна Злаоустаго ѿ всякаго недуга.

Гвсподи. прѣстѣи Сѣче всеильне. вѣчныи Бѣже. ѿ жени недоугъ и всякоу болѣзнѣ ѿ члка сего раба своего имк. ѿ главы и ѿ власъ. ѿ врѣха. ѿ тѣмѣни. ѿ мозга. ѿ лица. ѿ очю. ѿ оушю. ѿ оустѣ. ѿ зуобъ. ѿ носа. ѿ ноздрю. ѿ языка и ѿ подъязычья. ѿ гортани. ѿ выа. ѿ перси и ѿ срца. ѿ телезе всего. и ѿ всѣхъ составовъ. вноутрьоудѣ и ввнѣоудю. ѿ кости и ѿ жилиць. ѿ крове. ѿ смысла. ѿ мыслей. ѿ гласа. ѿ всѣхъ дѣлъ его. ѿ всего соврѣшенѣа его. и стое да дѣлается въ немъ по твоему члколюбю. ѿими Гѣ ѿ него всяко напрасное вреженіе. и дайже емоу свою державноую цѣлбоу. да блгть тебѣ воздасть. даянѣа ради единогоднаго Сна твоего Господа нашего Ісв Ха. И тѣ бо есть прогонитель ненависти. нападеніемъ избавитель. спящимъ хранитель. прибѣгающимъ к нему заступаеть. съ нимъ же Тебѣ славою възсылаемъ Сѣцю и Сноу и Стмоу Дѣхоу. ннѣ и прно и въ вѣкы вѣкомъ. аминь.

Изъ Сборника Соловецкой библиотеки № 848 (¹)

Молитва и.

Положилъ тѣло свое. Хѣ Бже нашъ. на распятіе и заградилъ еси поуть всякой неприязни. ходящей по земли. и всякому недоугу. ходящему по плоти(ти) сквозѣ мяса по жиламъ и по костемъ и по всѣмъ вноутренимъ оудомъ. Ты Влко рачи ннѣ заградити вся поути ходящему по телеси семоу и пш оудомъ его. стоящему ннѣ пре тобою. возбрани смоу ѿ всѣхъ сѣтей и ѿ всѣхъ стезь: и не дайже емоу Ги вредити ни жилъ. ни приблизити дщи его. оуспи его повелѣніемъ своимъ. на ложю его. затвори ѿ немъ двери ложю его. и дажь здравіе рабоу своему імркѣ многолѣтно. да здравъ пребывай. Тебѣ хвалу воздаеть съ щемъ и стымъ Дхомъ. ннѣ и прно и во вѣки вѣ.

(¹) Этотъ сборникъ XVI—XVII в. написанъ въ 8-ю долю, на 434 лст. На лст. 424—434 помѣщено 11-ть врачевальныхъ молитвъ. Напечатанная ниже молитва 8-я написана безъ всякаго заглавія.

Справедливъ ли упрекъ монаха Нила Курлятевыхъ въ томъ, что митрополитъ Кипріанъ по гречески гораздо не разумѣлъ, и нашего языка довольно не зналъ же при исправленіи Псалтири?

Архимандрита Амфилохія.

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, нужно мнѣ было прочесть всю Псалтирь, писанную митрополитомъ Кипріаномъ, хранящуюся въ библиотекѣ Московской духовной академіи. Что и сдѣлано 12-го и 13-го іюля сего года. По прочтеніи всей псалтири нигдѣ не нашелъ выраженій не понятныхъ для Русскаго. Волоколамскіе иноки, списывавшіе съ Кипріановской псалтири въ XV вѣкѣ, отзывались о ней: *добра переводъ*. Что касается до греческаго слова: *θαυμάσια*, переведеннаго: *чюдеса*, а не *чюдесама*, какъ перевелъ Максимъ Грекъ, а Ниль Курлятевыхъ повторилъ, то это слово есть въ переводѣ псалтири XI. в. XII. XIII. и XIV. и даже теперь осталось въ томъ же значеніи *чюдеса*, какое есть въ псалтири, писанной митрополитомъ Кипріаномъ.

Ниль Курлятевыхъ въ предисловіи къ псалтири Максима Грека такъ себя хвалить: л. 4. об. и б: греческа рѣчи *λαυμασία* сѣ, руски *чюдесама*. и азъ емѣ (Максиму Греку) *ѡвѣщаль*, а оу на *стоитъ*: *чюдеса*. и старецъ *ѡвѣщаль*. да оу на *Ниле* прямо *θαυμασία* сѣ. а по вашему *чюдесама*. а по гречески *θαυματα*. по нашему *чюдеса*. и многы рѣчей прежніи переводники по нашему не разумѣли. а изъ нищій что *будеть* написано вамъ помнится во псалмѣхъ сего перевода не красно. а изъ то *все* прія безъ сомнѣнія добро и составно. Бѣга ради. занеже сей переводчи по *Златоуустову* писанію добръ вѣре и пріятенъ во все. и добре вѣдалъ и довольно нашъ языкъ. и аще кто возлюбитъ сей переводъ и восхощетъ по немъ пѣти и молитися, і Бгъ емѣ блгтъ подастъ разума познати истиннѣ и лучшее. занеже *чнюдь* нѣтъ рѣчей по сербски, или болгарски. но все по нашему языку прямо з греческаго языка. и безъ оукрашенія. что повелительно или сказательно, или вопросительно или бѣдшее или минувшее. все старецъ сказалъ извѣстно и исполнено на нашъ языкъ“.

Лучше ли переводъ псалтири Максима Грека, которую такъ хвалить Ниль Курлятевыхъ, чѣмъ переводъ въ псалтири митрополита Кипріана, который иноки

Волоколамскаго монастыря назвали добрымъ переводомъ, и съ котораго почти безъ измѣненія, кромѣ правописанія и сербскаго языка, напечатана Цѣттинская 1495 года? Чтобы оцѣнить достоинство перевода псалтири Максима Грека, для сего нужно было прочесть весь текстъ псалтири Максима Грека по самому лучшему списку толковой псалтири, писанной, какъ сказано въ приписи 1592 года Вологодскаго архіепископа Ионы, не съ единого списка, но съ различныхъ добрыхъ переводовъ л. 1041.

Прежде всего выпишу слова, самимъ Максимомъ Грекомъ отмѣченныя въ греческой псалтири, имъ самимъ писанной 1540 г. хранящейся въ библиотекѣ С. П. В. Духовной Академіи въ числѣ рукописей Софійской Новгородской библиотеки.

Такія слова слѣдующія:

2. Пс. *ἐφρίαζαν* некто вѣншася, въ толк. псалтири архіепископа Ионы Вологодскаго: вззаришася, на поле снесено: шаташася, въ псалтири Нила Курлятевыхъ: раззаришася.

— *τῆς γῆς* земли вм. земсти.

7. Пс. *καὶ νέφρους* и почки, въ толк. пс. архіеп. Волог. Ионы также, но на поле снесено: и втрокы. Это слово архіепископъ Иона Вологодскій нашель болѣе приличнымъ, чѣмъ почки.

9. Пс. ст. 14. *εὐζώνων* ма въ пс. митрополита Кипріяна: вззюсам ма. Это значеніе оставлено и архіепископомъ Вологодскимъ Ионою.

— Ст. 21. *νομοθέτην* законоположника. Это слово буквально лучше переведено, чѣмъ слово въ псалтири митрополита Кипріяна: законодавца.

— Ст. 22. *ἀφ᾽ ἐκκλησίας* встоши, докторъ Скорина 1517. ранѣе Максима Грека напечаталъ въ своей псалтири: встоши. вм. встоа.

— Ст. 36. *τοῦ ἀμαρτολόου καὶ πονηροῦ* грѣшника и лѣкаваго, въ пс. толк. писанной арх. Ионою: грѣшнаго и лукаваго, вм. грѣшникомъ и лѣкавомъ.

11. Пс. ст. 6. *τῆς θαλασσίας*, озлокаенія, вм. страсти.

— — ст. 7. *δοκίμιον* искшеніе, вм. искошено.

13. Пс. ст. 4. *ἐν βρώσει* въ стѣди, въ пс. арх. Ионы въ іаденіи.

15. Пс. ст. 3. *ἐθανμάστωσεν* дивна показа; въ толк. Пс. Мак. Грека писан. арх. Ионою: оудиви есть.

— ст. 9. *οὐκ ἐκείνων* вм. острастившихъ.

16. Пс. ст. 13. *ἀπὸ ἀβεβοῦς ῥομφαία* св. *ᾧ* нечестиваго *ῥομφαία* твои. Въ пс. XIV в. нечтива, въ пс. 1296 г. оружіемъ твоимъ.

17. Пс. ст. 6. *προεφθάσαν*, предпостигоша. Въ толк. псалтири Максима Грека, списанной архіепископомъ Ионою предвариша, какъ и въ Кипріяновской псалтири.

17. Пс. ст. 25. *ἐνώπιον τῶν θλιβόντων με.* прѣ стѣжающими мнѣ. вм. предз очима его. *ἐνώπιον τῶν ὀφθαλμῶν αὐτοῦ.* Подобнаго разночтенія, какое сдѣлалъ Максимъ Грекъ, ни въ печатной греческой псалтири, ни въ славянскихъ я не нашель. Въ псалтири же Максима Грека, списанной архіепископомъ Псковскимъ Ионою, написано: предз очима его.

19. Пс. ст. 4. *πιανάτω* да стѣжчи вм. тѣчо ебди.

20. Пс. ст. 13. *σοῦ* твое, вм. ихъ *αὐτῶν.* У Акилы и Симмаха *αὐτῶν*, а не *σοῦ* послѣ *πρόσωπον.*

21. Пс. ст. 32. *τῷ τεχθησομένῳ* ебдѣци вм. рождшимса, какъ у Киприана. Это послѣднее слово оставлено и архіепископомъ Псковскимъ Ионою въ имъ писанной толковой псалтири Максима Грека.

31. Пс. ст. 9. *μη γίνεσθε* не кывайте вм. не ебдите. Здѣсь Максимъ Грекъ правильно перевелъ, чѣмъ было переведено прежде его.

38. Пс. ст. 3. *ἐκωφωθην,* оглохнѣхъ вм. *ωκѣмѣхъ.* Въ толк. псалтири Максима Грека, писанной арх. Ионою въ текстѣ написано: *ωκѣмѣхъ*, а на поле снесено: *оглохнѣхъ.*

— ст. 14. *ἀνανυψώ* ѡтдохнѣ вм. почію. Въ псалтири Максима Грека, писанной арх. Ионою оставлено также, какъ и въ Киприановской псалтири: почію.

43. Пс. ст. 6. *ἐξουδενώσομεν* изкѣмъ, вм. изкодемъ. Въ псалтири, писанной арх. Ионою, снесено на поле *изкѣ.*

47. Пс. ст. 2. *ἐνριζώ* доерошѣммы вм. благореннымъ, которое слово оставлено въ толковой псалтири Максима Грека архіеп. Ионою.

— ст. 4. *ἐν ταῖς βάρεσιν αὐτῆς* въ столѣхъ его вм. въ тяжестѣхъ его. Такъ оставлено въ текстѣ толковой псалтири Максима Грека арх. Ионою, но на поле снесено не переведенное: *въ варѣихъ.*

61. Пс. ст. 5. *τιμὴν* честь вм. цѣнѣ. арх. Иона въ текстѣ оставилъ: *цѣнѣ*, а на поле снесъ: *честь.*

64. Пс. ст. 5. *κε. ги.* по гречески въ печатныхъ и рукописныхъ нѣтъ, нѣтъ и въ славянскихъ псалтиряхъ.

67. Пс. ст. 15. *διαστέλλειν* раздѣлаше, вм. разкстѣить.

— — ст. 18. *ἐν σινᾷ ἦν* въ синаи еѣ, въ Киприановской псалтири въ *синаиѣ.* Такъ было напечатано въ Цѣтинской псалтири ранѣе Максима Грека: *въ синаи еѣ.* Въ нашей теперешней славянской еѣ пропущено; въ сун. Библии *ἦν* нѣтъ, въ Библии греч. 1597 г. года напечатано *συναίν.*

68. Пс. ст. 3. *ἀνπλαβοίτω* ма да застѣги ма вм. да приметъ ма.

72. Пс. ст. 6. ἐχράτησεν αὐτῶν, преодолѣлъ имѣ, в.м. оудержа а.

76. Пс. ст. 7. ἠδολέσχουν смѣшала, в.м. газмлаха.

— — ст. 15. μόνος единъ. Въ теперешней слав. псалтири единъ нѣтъ, но въ Чюд. псалтири XI в. есть.

77. Пс. ст. 9. βάλλοντες, вразвѣлающе в.м. стрѣлающе.

— — ст. 21. ἀνεβάλλετο ^{ωμλαше}, в.м. презрѣ, какъ написано въ пс. Киприановской, въ Чюд. пс. XI в. раздражиса. Въ толковой пс. Максима Грека, писанной арх. Ионою, на поле свесено: продолжи, а въ текстѣ: презрѣ.

79. Пс. ст. 14. ἐλυμήνατο αὐτὴν ὡς ἐκ δρυμοῦ καὶ μόνος ἄγριος κατενεμήσατο αὐτὴν, озоба и сви́нѣ из дѣрѣвы и вепрь днѣмъ покѣлз и есть в.м. озоба и вепрь ѿ дѣрѣвы и ѱединеннымъ днѣмъ покѣде а.

108. Пс. ст. 3. ἐπολέμησαν με, ратоваша мене, в.м. брѣшася со мною.

— — ст. 14. μὴ ἐξαλειφθῆι да не изгладитъ в.м. да не ѱчиститсѣ, какъ написано въ Киприановской псалтири и въ толк. псалтири Максима Грека, писанной арх. Вологодскимъ Ионою.

109. Пс. ст. 2. καταχυριενε одолѣмъ, в.м. гдствѣмъ, какъ теперъ напечатано.

118. Пс. ст. 15. ἀδολευχήσω повчюса, в.м. поглазмяюса.

145. Пс. ст. 4. τὸ πνεῦμα αὐτῶν ^{αἷ} ^{αἷ} дхъ и в.м. дхъ егѡ; въ Теодоритовой греч. толковой псалтири πνεῦμα αὐτοῦ.

— — ст. 9. ἀναλήψεται заступити, в.м. приметъ.

Въ 1-й утренней пѣсни ὡσεὶ μολοβδὸς аки сви́нецъ в.м. тако олово.

Во 2-й пѣсни: и да не налагѣ на на сплостати, по славянски Максимъ Грекъ вверху написалъ, а по гречески сего нѣтъ у него, но въ той же пѣсни въ греческой псалтири Софійской Библиотеки на л. 76. эти слова по гречески есть: καὶ ἵνα μὴ συνεπένηθωνται οἱ ὑπενάντιοι.

Въ 7-й пѣсни οἱ ἐμβαλοντες αὐτοῦς, бзвергше и в.м. вллагающе ихъ какъ въ псалтири митрополита Киприана и Док. Скор.

Этимъ закончилъ Максимъ Грекъ въ своей псалтири, писанной его рукою въ Твери въ заточеніи 1540 года.

Слова же въ толковой псалтири Максима Грека, писанной въ 1592 году архіепископомъ Вологодскимъ Ионою съ лучшихъ списковъ, не лучше переведенныя, чѣмъ какія отиѣтилъ своею рукою Максимъ Грекъ, слѣдующія:

Пс. 13 ст. 1 въ срци его в.м. срци своемъ.

Пс. 18 ст. 7. δοκτῆ τὸ κατάντημα в.м. срѣтеніе.

— ст. 12. возмездіе, *ἀνταποδοῖς*, вм. возданіе, какъ и снесено на поле арх. Ионою.

Пс. 30. ст. 6. положю, *παράθῃμαι*, вм. предаю.

Пс. 72. ст. 15. разори еси завѣщаніе, *συντεθεικας* вм. обѣщавша, что снесено на поле арх. Ионою.

Пс. 90. ст. 13. леонта вм. льва. Слово оставлено почему-то безъ перевода.

Пс. 95. ст. 3. чудеса его, *τὰ θαυμάσια αὐτοῦ*. Здѣсь въ толковой псалтири Максима Грека *τὰ θαυμάσια*, осталось какъ во всѣхъ псалтиряхъ XI, XII, XIII, XIV в. и въ теперешней въ значеніи: чудеса, а не чудесная, какъ перевелъ Максимъ же Грекъ, и настаивалъ на этомъ значеніи *Нилъ Курлятевычъ*.

Пс. 103. ст. 15. просвѣтити, *ἰλαρῶναι* вм. оумастити.

Пс. 104. ст. *τὰ θαυμάσια αὐτοῦ*, въ толковой псалтири Максима Грека, писанной арх. Ионою, оставлено въ значеніи: чудеса, а не чудесная.

Пс. 108. ст. 24 скудостию елея, *δι' ἔλαιον* вм. елея ради.

Пс. 113. 14. носъ имоутъ (*οἶνας ἔχουσι*) вм. ноздри имоутъ.

Пс. 118. ст. 25. прилеп мостъ *ἐκολληθῆ τῷ ἐδάθει*, вм. прилеп земли, такъ снесено на поле арх. Ионою въ толковой псалтири Максима Грека.

— ст. 49. помани словеса твоихъ, *μνήσθητι τῶν λόγων σου*. Ни Максимъ Грекъ, ни исправившій славянскій текстъ, написанный рукою митрополита Киприана не знали глагола помнѣти, по русски требующаго винительнаго падежа, а не родительнаго, котораго требовалъ греческій глаголъ: *μνάομαι*.

Пс. 118. ст. 139. закъша словеса твоихъ, *ἐπέλαθον τῶν λόγων σου* въ пс. митрополита Киприана: закъша словеса твоя, какъ и слѣдуетъ.

Пс. — ст. 149. гласа моего оуслыши, *τῆς φωνῆς μου ἄκουσον*, вм. гласъ мой оуслыши, какъ въ Киприановской псалтири.

Пс. ст. 1. на рѣкахъ вавилонскихъ, *ἐπὶ τῶν ποταμῶν βαβυλῶνος*. Прежде Максима Грека въ Теодоритовой толковой псалтири 1472 и списанной съ списка XI вѣка такъ переведено.

Пс. 140. ст. 4. како извѣты творити о грѣсѣхъ *τοῦ προφαιβέσθαι προφάσεις ἐν ἀμαρτίαις*, вм. нещедати вины о грѣсѣхъ.

Изъ сихъ выбранныхъ словъ перевода псалтири Максима Грека не видно, чтобы онъ лучше зналъ нашъ славянскій языкъ, какъ говорить Нилъ Курлятевъ, чѣмъ тотъ, кто исправилъ Псалтирь, списанную митрополитомъ Киприаномъ въ Константинополѣ.

Нельзя признать Псалтирь, митрополитомъ Киприаномъ писанную, за его исправленіе. Въ ней въ концѣ 150 псалма написано: слава ѿцѣ и снѣ и стмѣ дхѣ. и ннѣ и присю и въ вѣкы вѣкѣ *аминь*.

Словеса оубо писаннаа придоша въ конецъ. оумже да неждеть кгда прѣити въ конецъ, въ лю-
 бителехъ дшеспасительныхъ словесъ кою оубо кгда бждеть блггы насыщение.

Точь въ точь такая же приписка есть въ Волоколамской псалтири XV в. письма Пищулина, гдѣ эта псалтирь названа имѣющею добрымъ переводъ; но не сказано, что она исправлена митрополитомъ Киприаномъ. Подобная запись есть въ Псалтири мнѣ принадлежащей XV—XVI в. а прежде въ XV—XVI в. принадлежавшей какому-то иноку Антонию Можайскому.

Подобная псалтири, писанной митрополитомъ Киприаномъ, есть въ Румянцевскомъ Музеѣ XVI в. писанная на Афонѣ. Не могло быть, чтобы кто нибудь изъ списывавшихъ съ подобной псалтири не сказалъ, что псалтирь исправлена митрополитомъ Киприаномъ. Да и самъ списывая не сказалъ ничего о своемъ трудѣ въ исправленіи. Въ служебникѣ сказано, что онъ списанъ съ греческихъ книгъ митрополитомъ Киприаномъ, а здѣсь никакой подобной записи нѣтъ. Слѣдовательно совершенно несправедливъ упрекъ *Нила Курлятевыхъ* на счетъ незнанія нашего языка въ псалтири его. И псалтирь, писанная рукою митрополита Киприана, у насъ на Руси распространялась; о ней Волоколамскіе иноки отозвались съ хорошей стороны, назвавъ добрымъ переводомъ. Исправленная же Максимомъ Грекомъ псалтирь не вошла въ употребленіе. Ни въ одной ни письменной ни печатной псалтири не написано и не напечатано: *чюдесная* вм. *чюдеса*; и *почки* вм. *утробы*. Последнее только есть въ Православномъ Обзорѣніи въ переводѣ О. Никольскаго. Да архіепископъ Вологодскій Іона, списывавшій въ 1592 году толковую псалтирь Максима Грека во многихъ мѣстахъ дѣлалъ на полѣ сноски по псалтири митрополита Киприана, распространенной въ то время, или же онъ имѣлъ подъ руками печатную псалтирь Цѣтинскую 1495 года, въ которой текстъ напечатанъ почти совершенно сходно съ псалтирю Киприановскою, кромѣ сербскаго языка.

Гдѣ книги, писанныя зырянскою или пермскою азбукою, составленною св. Стефаномъ Великопермскимъ (*)?

П. Д. Шестакова.

Весьма сожалѣтельно, что нынѣ сей пермской грамоты и книгъ на ихъ языкѣ не находится, хотя я о томъ всячески старался. Митрополитъ Платонъ (1823 г.). Многіе выдумывали разныя причины потери письменъ и книгъ пермскихъ. Митрополитъ Евгеній (1818 года).

Живо представляется намъ пермскій первоучитель въ началѣ своего миссіонерскаго подвига. Вотъ онъ, „отрокъ сынъ верстою“, въ одеждѣ инока, въ тѣсной келіи ростовскаго монастыря, послѣ долгихъ думъ о грубыхъ, но простыхъ душою зырянахъ, среди которыхъ провелъ онъ свое дѣтство въ Устюгѣ, которыхъ онъ душевно любилъ, душевно онъ скорбѣлъ о духовномъ ихъ невѣжествѣ, вотъ онъ сидитъ за тонкими шестигранными деревянными палочками, на которыхъ вырѣзаны прямолинейныя, угловатыя значки въ родѣ изображенныхъ на пермскихъ святцахъ, изданныхъ П. И. Савваитовымъ (¹). Этотъ инокъ „бѣше умѣя глаголати тремя языки, также и грамоты три умѣяше яже есть: русски, гречески, пермски“.—Въ чертахъ пермскихъ пасовъ (значковъ) (²) искалъ юный Стефанъ Храпъ знаковъ для изображенія звуковъ Пермскаго языка, которымъ онъ владѣлъ съ дѣтства и на который онъ думалъ перевести евангеліе и богослужебныя книги. Родными зырянину чертами желалъ онъ изобразить глаголы слова живаго на родномъ зырянскому народу языкѣ, чтобы и звукъ, и изображение звука привлекали и манили къ себѣ пермянъ, какъ знакомое, привычное, родное.

Взявъ за образецъ своей дѣятельности славянскихъ первоучителей, которые при составленіи славянской азбуки воспользовались древними славянскими чертами и рѣзами, Стефанъ вглядывается пристально въ пермскіе пасы. Этими

(*) Читано въ засѣданіи 9-го августа.

(¹) Труды перваго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ 1869 года т. II. стр. 408.

(²) Пасы служили у Зырянъ для обозначенія прихода и расхода, для равныхъ замѣтокъ въ житейскомъ быту, и были, можетъ быть, остатками древней письменности пермянъ, «народа самобытнаго великаго, долгое время свободнаго и не совѣтъ не просвѣщеннаго (Шлецеръ).

зырянскими чертами и рѣзами желаетъ воспользоваться будущій епископъ пермской земли для составленія зырянской или пермской азбуки. Подобно Меѳодію и Кириллу, онъ не изобрѣтатель, а составитель, слагатель азбуки по старымъ, хорошо знакомымъ зырянину, чертамъ. Юнаго труженика одушевляетъ одна за вѣтная мысль—передать слово Божіе простодушному народу пермскому понятнымъ роднымъ, разговорнымъ его языкомъ, знакомыми, родными, и потому милыми ему чертами.

Не одинъ { полный думъ и заботъ день, не одну безсонную ночь провелъ сынъ клирика соборной Устюжской церкви надъ церковно-славянской азбукой и пасами зырянъ. Постепенно одна по одной возникали буквы той пермской азбуки, которая предназначалась Стефаномъ для изображенія великихъ и святыхъ истинъ христіанской религіи народу, погруженному во тьму язычества, шокланявшемуся Воипелю и золотой Бабѣ и многимъ кумирамъ „разноличнымъ“, и прокудливой (волшебной отъ куд, чуд, откуда кудесникъ, чудеса) березѣ. Послѣ долгихъ трудовъ вотъ наконецъ готова азбука пермская, изложена Стефана, епископа пермскаго“, какъ сказано въ принадлежащей графу А. С. Уварову рукописи Номоканона 1510 года.

Если мы сравнимъ азбуку св. Стефана съ пермскими святцами, въ которыхъ праздники обозначены пасами, то безъ труда отыщемъ знаки, послужившіе для изображенія буквъ а, буръ, е, жои, джои, зата, дзита, тай, рей, гои, и, дои, рей, нень, сій, цю, пей, ю, и другія буквы находятъ свои элементы въ этихъ древнихъ значкахъ пермянъ, такъ что для знающихъ пермскую азбуку, при первомъ взглядѣ на значки святцовъ, видятся знакомыя черты.

Изображеніе и объясненіе знаковъ пермскихъ святцовъ мы находимъ въ статьѣ П. И. Савваитова, помѣщенной въ трудахъ перваго Археологическаго Съѣзда: „О зырянскихъ деревянныхъ календаряхъ и о пермской азбукѣ, изобрѣтенной св. Стефаномъ“ (стр. 408—412). Въ этой статьѣ авторъ обратилъ, между прочимъ, вниманіе читателей на то, что въ зырянскомъ календарѣ въ число праздниковъ включено и 26 апрѣля (день кончины св. Стефана), безъ сомнѣнія по смерти св. Стефана, обращено вниманіе и на то, что 11 мая, день памяти славянскихъ первоучителей, считается у зырянъ церковнымъ праздникомъ. Читая этотъ день научилъ новопросвѣщенныхъ пермянъ, конечно, самъ первоучитель пермскій. Всѣ дни, показанные праздниками въ пермскихъ святцахъ, тѣже, которые означаются какъ праздники и въ нашихъ календаряхъ, кромѣ 28 октября (мученика Терентія, пр. Стефана), 4 апрѣля (Иосифа пѣснописца), 31 іюля (пр. Евдокима и муч. Іулиты).—этотъ день, по замѣчанію П. И. Савваитова, можетъ быть, считается началомъ жатвы,—и 18 де-

кабря (св. Модеста, архіепископа іерусалимскаго). Такъ какъ эти дни не праздничные и трудно объяснить, почему они включены въ зырянскомъ календарѣ въ число праздниковъ, то нельзя ли допустить, что въ эти дни зыряне праздновали замѣчательныя событія изъ жизни отца и учителя пермской земли. День 28 октября, въ который чтится память п. Стефана, былъ, можетъ быть, днемъ ангела Стефана Храпа и, какъ день его ангела, праздновался его учениками при его жизни и остался отмѣченнымъ, какъ праздникъ, и послѣ его смерти. 4 апрѣля не было ли днемъ его рожденія? 31 іюля могло быть днемъ начала жатвы духовной, днемъ перваго замѣтнаго успѣха христіанской проповѣди Стефана между зырянами. Изъ житія св. Стефана видно, что онъ явился изъ Устюга въ Москву за благословеніемъ на подвиги апостольскаго служенія въ то время, когда митрополіей, въ качествѣ намѣстника, управлялъ коломенскій епископъ Герасимъ, послѣ кончины Всероссійскаго митрополита Алексія. Св. Алексій преставился 12 февраля 1378 года, слѣд. Стефанъ Храпъ могъ явиться къ епископу Герасиму въ концѣ февраля или въ мартѣ мѣсяцѣ. Получивъ благословеніе отъ Герасима, Стефанъ отправился въ Устюгъ, откуда спустился внизъ по теченію сѣверной Двины до впаденія въ нее рѣки Вычегды, гдѣ онъ встрѣтилъ первое селеніе Пермь Котласъ въ 60 верстахъ отъ Устюга. Здѣсь, проживъ конечно довольно времени и успѣвъ обратить жителей Котласа въ христіанство, онъ основалъ первую часовню. Можетъ быть, основаніе первой часовни совершилось 31 іюля, и этотъ день сохраняется въ памяти благодарныхъ пермянь⁽¹⁾. 18 декабря не вспоминается ли день поставленія Стефана во епископа пермской земли. „Поставленъ же бысть, сказано въ рукописномъ житіи св. Стефана, св. Стефанъ по Тохтамышѣ на другую зиму, егда и Михайль, епископъ смоленскій, поставленъ бысть,—тогда и сій съ нимъ, во едино время поставлени быша“. Въ другомъ, рукописномъ житіи говорится: „Поставленъ былъ инокъ Стефанъ во епископа пермскаго зимою 1382 года въ одно время съ смоленскимъ епископомъ Михайломъ. Предположеніе о томъ, что означенные дни праздновались въ воспоминаніе замѣчательныхъ событій изъ жизни св. Стефана, находитъ основаніе въ томъ благоговѣйномъ уваженіи, которое имѣли новопросвѣщенные пермяне къ своему пастырю и учителю, въ тѣхъ преданіяхъ, которыя ходятъ о немъ въ

(1) Не можемъ не замѣтить здѣсь, что жители многихъ мѣстностей, въ которыхъ проповѣдывалъ св. Стефанъ, теперь совершенно обрусѣли. Въ настоящее время уже не въ 60 верстахъ отъ города Устюга встрѣтимъ мы первое зырянское селеніе, а гораздо дальше, именно деревня Межой на 20 верстъ выше города Яренска на Вычегдѣ. Село Устьвымъ, гдѣ была знаменитая прокудливая береза, которой поклонялись зыряне-язычники, теперь можно сказать, чисто русское село: даже дѣти, зная зырянскій языкъ, говорятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и по русски. Вотъ плоды разумной миссіонерской дѣятельности св. Стефана.

народѣ. Приведемъ одно изъ этихъ преданій, болѣе характеристичное. При нападеніи Вогуловъ—язычниковъ на пермскую страну еще при жизни епископа Стефана, онъ вмѣстѣ съ духовенствомъ и нѣкоторыми пермянами поплылъ на встрѣчу враговъ вверхъ по рѣкѣ Вычегдѣ. Вогулы издали завидѣли ладью Стефана: лице его представилось имъ грознымъ, священное облаченіе въ пламени, а самъ онъ, казалось, металъ въ нихъ огненные стрѣлы. Объятые ужасомъ, враги пермянъ бѣжали, оставивъ на мѣстѣ всѣ награбленныя ими богатства и съ той поры, прибавляетъ преданіе, пока былъ живъ епископъ Стефанъ, они не приближались къ Усть-Выму, боясь христіанскаго епископа, какъ могущественнаго волхва. Жизнеописатель св. Стефана такія слова влагаетъ въ уста пермянъ: „сій Стефанъ многа добра намъ податель и великимъ благомъ ходатай: той намъ дароваль есть законъ, вѣру и крещеніе, той намъ дароваль грамоту умѣти и книги разумѣти, той намъ азбуку самъ сложилъ есть; единъ грамоту нашу, единъ составлялъ“.

О какой грамотѣ и о какихъ книгахъ говорится здѣсь, видно изъ словъ составителя степенной книги московскаго митрополита Кипріяна, современника Стефана: „такъ даровася ему премудрость, яко и азбыквы „сложи пермскимъ языкомъ, чего отъ вѣка не бывало“ и изъ другихъ мѣстъ жизнеописанія (замѣтимъ, что составитель жизнеописанія священно-инокъ Епифаній тоже былъ современникомъ Стефана): „крещеныхъ училъ грамотѣ пермской и книги писалъ имъ, и церкви святыя созидаль и освящаль, иконами украшалъ и снабжалъ книгами и игуменовъ имъ ставилъ и самъ посвящаль изъ обученыхъ пермянъ священниковъ, діаконовъ и причетниковъ. И священники его служили обѣдню, заутреню и вечерню на пермскомъ языкѣ, и канонархи его возглашали каноны по пермскимъ книгамъ и чтецы читали пермскою бесѣдою, и пѣвцы всякое пѣніе совершали по пермски“. Изъ жизнеописанія св. Стефана ясно видно, что онъ училъ грамотѣ пермской, и пѣтіе имъ перепѣваа и перелагаа и писати научая ихъ пермскія книги. Какимъ алфавитомъ писаны были эти пермскія книги? Этотъ вопросъ, полагаю, вы признаете излишнимъ: если Стефанъ Храпъ нашель необходимымъ трудиться надъ составленіемъ особой пермской азбуки и составилъ ее изъ древнихъ пасовъ пермскихъ, чтобъ облегчить пермянамъ трудъ изученія грамоты и чтобы грамота привлекала родными чертами; то естественно этимъ составленнымъ имъ алфавитомъ и писались богослужебныя книги, переведенныя имъ. Иначе для чего же было составлять особую азбуку, если не для того, чтобы писать ею рукописи переводовъ на пермскій языкъ? Такъ дѣлали и Меѳодій и Кирилль: составивъ особую славянскую азбуку, они ею и писали свои переводы, а не греческою азбукою. И св. Стефанъ конечно писалъ и заставлялъ писать сдѣланные имъ переводы богослужебныхъ книгъ со-

ставленною имъ пермскою азбукою, а не церковно-славянскою. Въ этомъ сомнѣваться не представляется основаній. Могло возникнуть и дѣйствительно возникало, даже при жизни Стефана, сомнѣніе въ необходимости особой грамоты для народа, не имѣвшаго письменности. Когда Стефанъ послѣ 4-хъ лѣтнихъ миссіонерскихъ трудовъ въ зырянской странѣ, явился въ Москву, рассказалъ о положеніи дѣлъ въ пермской землѣ митрополиту и просилъ поставить для ново-крещеннаго стада епископа, тогда князь великій и митрополитъ одобрили его дѣйствія и обѣщались исполнить его желаніе, но нашлись и недоброжелатели, осуждавшіе его дѣло. „Нѣціи же, скудни суще умомъ, рѣша: почто ли сътворени суть книги пермскія, или чесо ради составлена бысть азбука пермскія грамоты. И преже бо сего издавна въ Перми не было грамоты и тако ижжившимъ имъ вѣкъ свой безъ нея; выня въ скончаніи лѣтъ въ послѣдняя дни на исходъ числа седмыя тысящи, паче же мало ради времени точію за 120 лѣтъ до скончанія вѣку грамота замышляти“. Мы видимъ, что люди, вѣрившіе вмѣстѣ съ народною массою, что съ окончаніемъ седмой тысящи лѣтъ окончится міръ, осуждали Стефана, за чѣмъ онъ за 120 лѣтъ до свѣтопреставленія, вздумалъ составлять новую азбуку и писать книги для народа, вѣкъ свой прожившаго безъ письменности. Самое это осужденіе не ясно ли указываетъ на то, что пермскія книги писались составленною Стефаномъ пермскою азбукою; если бы онѣ писались русскимъ алфавитомъ, то и такихъ нареканій отъ современниковъ быть не могло. Итакъ несомнѣнно, что пермскія книги, которыя писалъ и заставлялъ писать Стефанъ, были писаны составленнымъ имъ пермскимъ алфавитомъ. Изъ этого уже очевидно, что не имѣетъ достаточныхъ историческихъ основаній объясненіе П. И. Савваитова, состоящее въ томъ, что книгъ, написанныхъ пермскимъ алфавитомъ, потому не сохранилось, что такихъ книгъ и не было; такъ какъ пермскія письма употреблялись только тамъ, гдѣ народъ могъ ихъ видѣть, напр. на иконахъ. Выпишемъ подлинныя заключительныя слова статьи П. И. Савваитова, противъ которыхъ мы возражаемъ: „По моему мнѣнію дѣло объ утратѣ книгъ, написанныхъ пермскими письменами, которыя изобрѣтены Стефаномъ, объясняется просто. Что св. Стефанъ изобрѣлъ особенную пермскую азбуку, это не подлежитъ никакому сомнѣнію; несомнѣнно и то, что онъ сдѣлалъ для пермянъ нѣсколько переводовъ на ихъ языкъ. Но эти переводы ограничивались немногимъ самымъ необходимымъ для новопросвѣщеннаго народа: именно онъ „преведе и преложи“ тѣ части литургіи, которыя поются и читаются въ слухъ народа; „преведе и преложи“, нѣкоторые псалмы; „преведе и преложи“ нѣсколько праздничныхъ пѣсень церковныхъ и т. п. Все переведенное онъ „прериса русскими письменами, которыя были повяты для пѣвшихъ и читавшихъ, такъ какъ для приготовленія священнослужителей были учреждены особыя училища при

Великопермской святительской кафедрѣ: въ этихъ училищахъ могло быть объяснено для нихъ и то, что оставалось непереуведеннымъ и что читается или говорится священнослужащими тайно, не въ слухъ народа. Пермскія письмена, изобрѣтенныя св. Стефаномъ употреблялись только тамъ, гдѣ народъ могъ видѣть ихъ, напр. на иконахъ. Вотъ, заключаетъ свою статью П. И. Савваитовъ, почему до насъ дошли пермскія рукописи, изображенныя только русскими или церковно-славянскими письменами, и пермскія надписи, изображенныя письменами пермскими, которыя изобрѣтены св. Стефаномъ, просвѣтителемъ пермянъ“. Изъ предыдущаго видно, что объясненіе П. И. Савваитова не такъ просто, какъ оно кажется самому автору, и что оно не имѣетъ достаточныхъ историческихъ основаній. Въ житіи св. Стефана прямо говорится, что онъ „преведе и преложи“ всю обѣдню, заутреню и вечерню, все, что читается и поется на этихъ церковныхъ службахъ, каноны и всѣ церковныя пѣсни (а не нѣсколько лишь праздничныхъ пѣсень церковныхъ, какъ говоритъ П. И. Савваитовъ). „И священники его служили обѣдню, заутреню и вечерню на пермскомъ языкѣ, и канонархи его возглашали каноны по пермскимъ книгамъ и чтецы читали пермскою бесѣдою, и пѣвцы *всякое* пѣніе совершали по пермски. Чтобы дать понятіе о томъ что нужно было перевести для совершенія богослуженія на пермскомъ языкѣ позволяемъ себѣ перечислить, что переведено въ Казани на татарск. языкъ, на которомъ совершается богослуженіе въ крещенской школь. Переведено изъ священныхъ книгъ: 1) книга Бытія, 2) премудрость Исуса, сына Сираха, 3) нѣкоторыя пареміи на праздники, 4) Евангелія 4-хъ евангелистовъ. 5) Изъ дѣяній и посланій апостольскихъ отрывки, читаемые въ церкви въ праздничные дни и при особыхъ случаяхъ, а для воскресной службы отрывки нравоучительныя и простыя по содержанію; изъ церковныхъ книгъ: 6) часословъ съ присовокупленіемъ воскресныхъ тропарей богородичныхъ и кондаковъ, ирмосы на Рождество Христово и на Благовѣщеніе, 7) литургія св. Іоанна Златоустаго (вся подъ рядъ). 8) чинъ крещенія, вѣнчанія, погребенія, 9) исповѣдь: 10) служба на первый день пасхи, 11) каноны: св. Андрея критскаго; на Рождество, Богоявленіе, Благовѣщеніе и другіе праздники, 12) служба воскресная 4-го и 6-го гласовъ и воскресныя ирмосы всѣхъ гласовъ 13) послѣдованія къ св. причащенію и благодарственныя молитвы по причащеніи. Изъ перечисленнаго видно, что Стефану много нужно было дѣлать переводовъ, много потрудиться, а дѣлалъ онъ все одинъ безъ помощниковъ. И дѣйствительно, Стефанъ 31 годъ провелъ въ приготовленіи (13 лѣтъ) и совершеніи своего апостольскаго подвига—31 годъ (1365—1396) самой строгой подвижнической трудовой жизни. Не имѣя за себя

историческихъ основаній, объясненіе П. И. Савваитова не выдерживаетъ и строгой логической критики.

Принимать нелегкій трудъ составленія особенной азбуки лишь для того, чтобы эту азбуку употреблять въ надписяхъ на иконахъ, по меньшей мѣрѣ не цѣлесообразно: 1) икона сама за себя говоритъ особенно тому, кто достаточно обученъ истинамъ религіи⁽¹⁾; 2) если предположить, что новокрещенныхъ пермянь въ школахъ учили по рукописямъ церковнославянскаго или русскаго алфавита, а съ пермскимъ незнакомили, то понятно, что нетолько народъ, т. е. всѣ не учившіеся въ школѣ, но даже и прошедшіе школьный курсъ, но не учившіеся тѣмъ письменамъ, не могли и понимать надписей на иконахъ, и слѣд. эти надписи были для всѣхъ зырянъ мертвою буквою въ религіозномъ отношеніи, а дѣло, на которое Стефанъ положилъ столько трудовъ, дѣло составленія пермской азбуки, мертвымъ бесполезнымъ дѣломъ; 3) если переводы Стефана писались по русски а пермскому алфавиту учили въ школахъ, только для того, чтобы новопросвѣщенные могли читать надписи на иконахъ; то нельзя не согласиться, что такое обученіе пермской азбукѣ показалось бы страннымъ и не имѣющимъ цѣли даже пермянамъ: трудиться надъ изученіемъ особой азбуки только для того, чтобы научившіеся истинамъ могли прочитатъ двѣ три надписи на иконахъ, понятныхъ для нихъ и безъ надписей, согласитесь, что это болѣе чѣмъ не педагогично, болѣе чѣмъ не цѣлесообразно. Если признать основательнымъ объясненіе П. И. Савваитова, то придется признать основательнымъ и то, что 1) Стефанъ трудился надъ составленіемъ особой азбуки ради того, чтобы имѣть возможность начертать составленными имъ письменами нѣсколько надписей на очень немногочисленныхъ по всей вѣроятности иконахъ сооруженныхъ имъ церквей⁽²⁾; 2) что имѣвшій столько серьезныхъ заботъ, одиноко, съ любовію и самоотверженіемъ, трудившійся въ дѣлѣ христіанской проповѣди среди дикаго народа, подстрекаемаго языческими жрецами, и на трудной аренѣ своего подвижничества имѣлъ еще досугъ учить двумъ алфавитамъ, русскому и составленному имъ пермскому, послѣднему съ тою цѣлію, чтобы обученные имъ пермяне сумѣли прочитатъ нѣсколько надписей на иконахъ. Видно, много имѣлъ онъ свободнаго времени, если проводилъ его за такую непроизводительною работою! При всемъ уваженіи къ учености П. И. Савваитова, я долженъ рѣшительно признать конъектуру его далекою отъ истины и чуждою характера дѣятельности великаго подвижника—миссіонера, отца и учителя, какъ звали его пермяне. Но гдѣ же

⁽¹⁾ а не обученнымъ, которымъ икона ничего не говоритъ, еще менѣ скажетъ невѣдомая надпись.

⁽²⁾ надписей, которыя для необучавшихся грамотѣ пермянь, т. е. для всего народа, ничего не говорили, а для обучавшихся были излишнія.

искать причины исчезновения рукописных книг, написанных пермским алфавитом? Что пермский алфавитъ былъ въ употребленіи еще въ началѣ XVI вѣка, этому мы имѣемъ два доказательства: 1) Въ рукописномъ требникѣ митрополита Макарія, писанномъ при митрополитѣ Симонѣ 1505 года (рукопись Соловецкой библіотеки Казанской Духовной Академіи № 1085-й) находится зырянская подпись пермскаго епископа Филоея. подъ ставленою грамотою. Слѣд. мы имѣемъ основаніе сдѣлать заключеніе, что пермская письменность въ началѣ XVI вѣка еще продолжалась, такъ что пермскій епископъ Филоей на официальномъ документѣ, на ставленой грамотѣ подписывается по пермски пермскимъ алфавитомъ: „смиранный епископъ пермскій Пилопій“ (*). 2) Въ принадлежащей графу А. С. Уварову рукописи Номоканона 1510 года, мы находимъ въ послѣсловіи зырянскую подпись. Въ этой рукописи помѣщена „азбука пермьска, изложена Стефана, епископа пермьскаго“ и приписка къ Номоканону по зырянски; „мезосе Исусъ Христе іенлои піи. мылышты мено крека мортос чаш, вкос, амин, т. е. Господи Исусе Христе, сыне Божій, помилуй мя, грѣшнаго человѣка, во вѣки, аминь, а въ послѣсловіи“: А писалъ сію книгу Васюкъ поповъ сынъ Гавриловъ *Кандашевъ* повелѣніемъ господина моего священноіерея Исакія, фамилія написана пермскими буквами. (*) Пермскія письмена св. Стефана были въ употребленіи болѣе 150 лѣтъ. Понятно, что въ продолженіе такого періода времени богослужебныхъ книгъ на пермскомъ языкѣ, написанныхъ пермскимъ алфавитомъ, явилось довольно число. Куда же онѣ дѣлись, почему ни одной рукописи, пермскимъ алфавитомъ написанной, не осталось, по крайней мѣрѣ не найдено? Этотъ вопросъ занималъ многихъ, и различныя предположенія дѣлались для его рѣшенія.

Академикъ Лепехинъ, нашедшій отрывки перевода литургіи св. Іоанна Златоустаго на Зырянскій языкъ, написанные русскимъ алфавитомъ, такъ говоритъ о рукописяхъ св. Стефана Великопермскаго (*): „Въ сей слободѣ (Усть-Вымской),

(*) См. мою статью: «Св. Стефанъ, первоучитель пермскій» въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета за 1868 годъ. Въ концѣ этой статьи передъ оглавленіемъ приложенъ снимокъ съ подписи епископа Филоея.

(*) 4. См. мою статью: «Чтеніе древнейшей зырянской написи, единственнаго сохранившагося до сего времени памятника времени св. Стефана Великопермскаго». Журн. мин. нар. пр. 1871 годъ. Въ рукописной книгѣ изъ Соловецкой библіотеки казанской духовной академіи № 1160 въ концѣ шестодневца Василя Кесарійскаго есть приписка зырянскими буквами «дугды уджасно (можетъ быть вм. уджалны) м луно, что значить: я пересталъ работать въ 40-й день.

(*) Продолженіе дневныхъ записокъ путешествія Ивана Лепехина академика по разнымъ провинціямъ русскаго государства 1771 году. СПб. 1814 г. Т. III. стр. 277.

хранились многія рукописанія Стефана Великопермскаго, но какъ изъ Усть-Выми епархія переведена была на Вятку, то и всѣ сіи писанія съ нею взяты въ Хлыновъ“. Митрополитъ Евгеній въ своемъ словарѣ историческомъ о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви съ особенною подробностію говоритъ о письменахъ и книгахъ пермскихъ (612—631 стр.). Онъ опровергаетъ приведенное выше свидѣніе академика Лепехина и прибавляетъ по этому поводу: „но къ епархіи Вятской, учрежденной въ 1658 году, приписаны были сперва только чердынскіе и соликамскіе пермяне, а Усть-Вымъ оставался въ Вологодской до 1672 года и въ ономъ уже приписанъ къ Вятской, къ которой принадлежалъ оный только до 1762 года, и потомъ причисленъ къ Устюжской. Однакожъ ни въ Вяткѣ, ни въ Вологдѣ, ни въ Устюгѣ книгъ пермскихъ и рукописаній Стефановыхъ также не обрѣтается, да и не было, кажется, нужды у пермскихъ христіанъ отбирать книги, имъ надобныя“. Отвергнувъ затѣмъ другое мнѣніе, будто большая часть книгъ пермскихъ взята въ Москву, а другія увезены въ Петербургъ и сданы въ эрмитажную бібліотеку, и ходившее между зырянами преданіе о томъ, что эти книги сгорѣли въ 1740 году, когда пожаръ въ Усть-Вымскихъ церквахъ истребилъ все церковное имущество и книги, авторъ историческаго словаря высказываетъ свое собственное мнѣніе: „Итакъ надобно искать другой причины сему (т. е. потерѣ переводовъ св. Стефана), и можетъ быть въ томъ, что съ продолженіемъ времени переведенныя св. Стефаномъ книги сдѣлались зырянамъ не больше славяно-русскихъ внятными. А нѣкоторые глубокомысленные знатоки сихъ языковъ утверждаютъ, что темнота пермскихъ книгъ при самомъ началѣ переводовъ долженствовала быть и для современниковъ потому, что высокое церковныхъ книгъ краснорѣчіе и обиліе не могли находить соотвѣтственныхъ себѣ выраженій на необразованномъ, бѣдномъ и дикомъ зырянскомъ языкѣ; и что св. Стефанъ для переводовъ своихъ самъ выдумывалъ многія неупотребительныя у зырянъ слова, производя ихъ отъ зырянскихъ корней, а нѣкоторыя принужденъ былъ вводить и русскія. „Итакъ причиною оставленія и потери пермскихъ книгъ могла быть не только малая вразумительность ихъ для народа, но и малое число переводовъ и списковъ ихъ, а по заведеніи царемъ Иваномъ Васильевичемъ московской типографіи, гораздо удобнѣе и дешевле можно было снабжать и пермскія церкви печатными славянскими книгами, особливо когда русской языкъ у зырянъ приходитъ началъ въ народное употребленіе“ (1). Это мнѣніе также не выдерживаетъ критики. Во

(1) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви. Част. II. СПб. 1818 г. стр. 615, 616 и 618.

1-хъ имѣемъ ли мы право признавать необразованнымъ, бѣднымъ и дикимъ зырянскій языкъ? По Вундту языкъ дикарей отличается крайнею недостаточностію словъ, выражающихъ отвлеченныя понятія, чрезвычайно мало развитою способностію счисленія, спутанностію представленій. Въ зырянскомъ языкѣ, какъ показываетъ имѣющійся у насъ „кратко выбранный и по алфавиту расположенный лексиконъ пермскаго языка“, собственно зырянскихъ словъ до 5000 (4908) между ними есть такія отвлеченныя слова, какъ Богъ (іен), вѣрую (еска), духъ (пылтосъ), крѣпкій (чіорыта); безсмертный (култомъ), адъ (вакромежь), свѣтъ (югды); счисленіе также развито до сотни тысячъ. На основаніи этихъ данныхъ мы должны признать зырянскій языкъ достаточно развитымъ. Во 2-хъ достоинство переводовъ св. Стефана краснорѣчивѣе всякихъ словъ доказывается фактомъ распространенія и утвержденія между пермянами вѣры Христовой. Архіепископъ Макарій совершенно справедливо говоритъ: „Восемнадцатилѣтніе труды св. Стефана останутся незабвенными въ исторіи. Онъ не успѣлъ обратитъ ко Христу всѣхъ жителей Двинской области, но обратилъ весьма многихъ пермянъ и изобрѣтеніемъ пермскихъ буквъ, переводами церковныхъ книгъ на пермскій языкъ, церквами и монастырями, основанными въ разныхъ мѣстахъ, распространеніемъ грамотности и нѣкотораго образованія въ странѣ и приготовленіемъ достойныхъ пастырей и учителей вѣры изъ среды самихъ пермянъ, упрочилъ навсегда успѣхи православной церкви въ этой странѣ“⁽¹⁾.

Чтоже касается до мнѣнія автора историческаго словаря: „гораздо удобнѣе и дешевле можно было снабдить и пермскія церкви печатными славенскими книгами, особливо когда русской языкъ и у зырянъ „приходитъ началъ въ народное употребленіе“, то опроверженіемъ этого мнѣнія лучше всего слѣдуетъ настоящее положеніе зырянъ и пермянъ, далеко еще не усвоившихъ русскаго языка. О зырянахъ мы имѣемъ такія свѣдѣнія. Жители сель пригородныхъ, лежащихъ вблизи заводовъ (Сереговскій соляной Яренскаго уѣзда, Ньючимскій, Нючпасскій и Кажимскій желѣзноплавильные Устьсысольскаго уѣзда) и на пристаняхъ, (гдѣ нагружается въ барки хлѣбъ для сплава въ Архангельскъ), могутъ свободно говорить по русски. Въ большихъ селахъ, составляющихъ мѣстные ярмарочные пункты, наконецъ на почтовыхъ станціяхъ можно встрѣтить зырянъ—мужчинъ говорящихъ по русски. Въ мѣстностяхъ же, расположенныхъ вдали отъ большихъ дорогъ, вдали отъ промышленныхъ и торговыхъ пунктовъ, зыряне совершенно не понимаютъ русскаго языка. Это мы видимъ въ сѣверныхъ частяхъ яренскаго и устьсысольскаго уѣздовъ по рѣкамъ Вычегдѣ и ея прито-

(1) Исторія Русской церкви Макарія, архіепископа харьковскаго т. IV. стр. 147.

камъ Выми и Сысолѣ, а также по верховьямъ рѣки Печоры. Не только зырянское простонародье мало обрусѣло, но даже между духовенствомъ изъ зырянъ, которое воспитывалось въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ (духовномъ училищѣ и семинаріи), которое хорошо освоилось съ русскимъ языкомъ, жены—зырянки и дѣти не умѣютъ говорить по русски. Замѣчательно, что русскія духовныя лица въ зырянскихъ приходахъ, женатые на русскихъ, проживши долгое время въ зырянской средѣ, выучиваются по зырянски, даже мать научается этому языку уже отъ своихъ дѣтей, которыя, иногда противъ желанія родителей, выучиваются говорить по зырянски отъ своихъ сверстниковъ. Въ смѣшанныхъ семействахъ жена-русская при мужѣ зырянинѣ скорѣе выучивается зырянскому языку, чѣмъ мужъ-русскій при женѣ зырянкѣ. Русскій языкъ у духовенства изъ зырянъ служитъ только языкомъ официальныхъ сношеній и употребляется въ многочисленныхъ обществахъ, гдѣ есть и русскіе и гдѣ духовному лицу изъ зырянъ нерѣдко приходится краснѣть за свою жену-зырянку, не умѣющую говорить по русски; но семейнымъ, домашнимъ языкомъ не только въ чисто-зырянскихъ семействахъ духовныхъ лицъ, но и въ семействахъ смѣшанныхъ служитъ языкъ зырянскій. Священникъ-зырянинъ, хотя бы его жена была и русская, охотнѣе говоритъ дома по зырянски, чѣмъ по русски.

Относительно пермяковъ позволимъ привести здѣсь слова протоіерея Любимова (1): „Къ знанію совершенному пермятскаго языка были для меня слѣдующія довольно побудительныя причины: съ 1805 по 1822 годъ 18 лѣтъ продолжалъ я служеніе приходскаго священника въ коренныхъ Пермякахъ, изъ коихъ немногіе мужчины знаютъ выговоръ російскій, а женщины и дѣти всѣ говорятъ по пермятски, не могутъ не только объясняться, но и не понимаютъ русской рѣчи“.

Ясно, что и теперь были бы у мѣста переводы богослужебныхъ книгъ на пермскій языкъ. Насколько удобопонятенъ языкъ пермскихъ переводовъ св. Стефана, это мы испытали лично: мы читали зырянину возстановленную нами древнѣйшую зырянскую надпись и текстъ оказался совершенно понятнымъ для зырянина и согласнымъ со свойствами зырянскаго языка до такой степени, что мѣстахъ въ трехъ мы, измѣнивъ слово строго по грамматикѣ въ противность ясно читаемому нами въ надписи, при чтеніи зырянину, по его указанію, должны были исправить текстъ, согласно написанному на иконѣ, такъ какъ находящееся въ надписи слово подходило болѣе къ духу живаго разговорнаго язы-

(1) Краткія грамматическія правила пермскаго языка, составленныя протоіереемъ свято-троицкаго собора г. Соликамска, Феодоромъ Любимовымъ 1838 г. (рукопись).

ка ⁽¹⁾. Сдѣланный нами опытъ говорить какъ за вѣрность и удобопонятность переводовъ св. Стефана, такъ и за то, что современіи св. Стефана зырянскій языкъ очень мало потерпѣлъ измѣненій.

Итакъ исчезновеніе рукописей переводовъ Стефана Великопермскаго нельзя объяснить ни маловразумительностію этихъ переводовъ, ни ненужностію ихъ по причинѣ усвоенія зырянами и пермяками русскаго языка, такъ какъ этого усвоенія въ сплошномъ зырянскомъ и пермскомъ населеніи нѣтъ. Только зыряне и пермяки, живущіе среди русскихъ, ознакомились съ разговорнымъ русскимъ языкомъ, и то кромѣ женщинъ. Приведемъ слова одного изъ русскихъ, долго жившаго между пермяками: „живущіе изъ нихъ близко російскихъ селеній всѣ знаютъ и говорятъ по русски кромѣ женщинъ, коихъ способомъ пермскій языкъ и впредь въ силѣ своей остаться можетъ“.

Объяснить отсутствіе рукописей переводовъ св. Стефана, какъ объясняетъ П. И. Савваитовъ, тоже нельзя. Кромѣ представленныхъ нами доводовъ опровергаетъ почтеннаго знатока зырянскаго языка, знаменитый своей ученостію и своими успѣшными дѣйствіями въ дѣлѣ просвѣщенія пермякъ шестой великопермскій епископъ Филоѳей, основательно знавшій зырянскій языкъ. (Филоѳей правилъ церковію 30 лѣтъ съ 8 ноября 1471 года). Подпись зырянскимъ шрифтомъ, сдѣланная этимъ замѣчательнымъ епископомъ на ставленной священнической грамотѣ, говоритъ противъ мнѣнія П. И. Савваитова. Не сталъ бы епископъ Филоѳей подписываться зырянскими буквами, если бы онѣ употреблялись только на надписяхъ иконъ, а не были въ употребленіи между зырянскимъ духовенствомъ. Не сталъ бы подписываться ради того лишь, чтобы показать, что онъ умѣетъ писать по зырянски, какъ сдѣлалъ неизвѣстный переписчикъ Шестодневца и переписывавшій книгу Номоканонъ Васюкъ поповъ сынъ Гавриловъ Кандашевъ.

И снова мы остаемся при томъ же вопросѣ, который занималъ многихъ прежде насъ и остался неразрѣшеннымъ. Этотъ вопросъ представляется тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе мы примемъ во вниманіе высокое достоинство переводовъ Стефана Великопермскаго, состоящее въ народности языка, въ его понятности и общедоступности, въ вѣрности и близости къ подлиннику, благотворные результаты его миссіонерской дѣятельности, любовь, которую онъ возбудилъ къ себѣ въ новопросвѣщенныхъ, цѣлое духовенство изъ зырянъ, воспитанное въ его духѣ, всѣмъ ему обязанное, полное благоговѣнія къ его памяти, хорошо должноствовавшее понимать, что только при удержаніи Стефановой миссіонерской системы

⁽¹⁾ См. чтеніе древнѣйшей зырянской надписи стр. 14 слово синонь—глазомъ, стр. 16—Мо-сіюсь ордо къ коровамъ, стр. 16—17 бостись, шетись—взялъ, далъ.

и возможно существованіе духовныхъ лицъ изъ зырянъ. А духовенство изъ зырянъ до послѣдняго времени сохранилось. Приведемъ здѣсь выдержку изъ письма природнаго зырянина А. И. Попова отъ 1 ноября 1876 года. „Въ Усть-сысольскомъ и яренскомъ уѣздахъ вологодской губерніи и въ настоящее время церковный причтъ, діаконы и причетники, состоитъ преимущественно изъ природныхъ зырянъ, которые возводятъ своихъ предковъ, болѣе чѣмъ на сто лѣтъ не только по происхожденію, но даже по преемству должностей отъ отца къ сыну въ одномъ и томъ же приходѣ. Мой отецъ занимаетъ должность своего прапрадѣда, и родъ нашъ чисто зырянскій, не смотря на фамилію, которая въ духовенствѣ, по существовавшему обычаю, могла быть перемѣняема. Что же касается священническихъ должностей, то въ мое время, т. е. съ сороковыхъ годовъ, на этихъ мѣстахъ стали появляться чисто-русскіе особенно въ городахъ и ближайшихъ къ нимъ селахъ. Въ настоящее время коренные зыряне—уже меньшинство священниковъ, но и они могутъ указать своихъ предковъ на 5—6 колѣнъ; фамиліи такихъ священниковъ слѣдующія: Куратовы (отъ куралны собирать, грести), Кокшаровы (кокъ шані—крѣпкая нога),—многочисленная фамилія, одинъ изъ ея представителей нынѣ протоіерей г. Устьсысолька, Георгіевскіе, Васютовы, Клочковы, Поповыхъ нѣсколько родовъ, Тюрнины и т. д.“ Изъ этихъ словъ видно, что въ мѣстѣ дѣятельности св. Стефана духовенство изъ зырянъ еще есть и идетъ, можетъ быть, преемственно изъ рода въ родъ отъ временъ Стефана Великопермскаго. Существующіе между зырянскимъ духовенствомъ нѣсколько родовъ фамиліи Поповыхъ указываютъ, по нашему мнѣнію, и на уваженіе, которымъ пользовались въ народѣ священники, и на немалое число поповъ изъ зырянскаго племени, бывшихъ, конечно, родоначальниками фамиліи Поповыхъ. Замѣчательно преданіе, ходящее въ той сторонѣ относительно духовенства изъ зырянъ⁽¹⁾. По этому преданію Стефанъ, просвѣтивши христіанскою вѣрою зырянъ нынѣшняго яренскаго уѣзда по рѣкамъ Вычегдѣ и Выми, на духовныя должности повсемѣстно назначалъ царедворцевъ Пама, верховнаго жреца, начальника и князя волхвовъ, того самаго Пама, который жилъ въ Княжъ—погостѣ, бывшей столицѣ вымскихъ князей, который, посрамленный Стефаномъ въ состязаніи о вѣрѣ, удалился съ нѣкоторыми своими приверженцами на Обь къ нынѣшнимъ березовскимъ остякамъ⁽²⁾. Въ пользу достовѣрно-

(1) Это преданіе также сообщено намъ А. И. Поповымъ.

(2) У жителей Большаго Алтыма Тобольской губерніи доселѣ сохраняется преданіе, что предки ихъ въ числѣ нѣсколькихъ семействъ перешли сюда изъ Перми съ шаманомъ Памъ—сотникомъ. Сказаніе о жизни и трудахъ св. Стефана епископа Пермскаго. А. М., СПб. 1856 года стр. 23 и 51.

сти этого преданія говоритъ многое. 1) И въ настоящее время между инородцами язычниками распространеніе христіанства идетъ съ большимъ успѣхомъ тамъ, гдѣ дѣло христіанской проповѣди принимаетъ на себя такое лицо изъ новообращенныхъ, которое было вліятельнымъ въ религіозномъ отношеніи среди язычниковъ: бывшій шаманъ, картъ, іомзя—словомъ одинъ изъ жрецовъ и вѣдунъ языческихъ. Понятно, что и во время Стефана происходило тоже; понятно, что христіанскому проповѣднику весьма важно было для успѣха своей проповѣди имѣть своими ближайшими помощниками наиболѣе развитыхъ и вліятельныхъ изъ народа зырянскаго, тѣхъ, на которыхъ народъ смотрѣлъ, какъ на посредниковъ между людьми и богами. 2) Если бы жрецы, служители языческихъ боговъ, по принятіи зырянами христіанства, остались простыми, такъ сказать, рядовыми людьми, то не сомнѣнно эти лица, прежде игравшіе значительную роль и собиравшіе съ народа для боговъ дань, отъ которой и на ихъ долю перепало не мало, изъ обыкновенныхъ житейскихъ побужденій оказывали бы сильный отпоръ новому ученію, чего изъ исторіи не видно: послѣ удаленія Памане не говорится о сопротивленіи жрецовъ христіанскому проповѣднику, не говорится и о томъ, что всѣ жрецы ушли вмѣстѣ съ Памомъ. Вѣроятнѣе всего предположить, что, принявъ христіанство, они сдѣлались самыми жаркими его послѣдователями и были избраны Стефаномъ въ духовныя должности, какъ лица, пользовавшіяся въ средѣ народа большимъ почетомъ и вліяніемъ, какъ лица, учившія народъ, какъ слѣдуетъ чтить и умилостивлять боговъ: привыкшіе слушаться ихъ голоса, зыряне охотно шли на поклоненіе Богу истинному.

Принимая во вниманіе и достоинство переводовъ Стефана и любовь къ нему народа и созданное имъ изъ самыхъ вліятельныхъ лицъ зырянское духовенство, едва ли мы ошибемся, если сдѣлаемъ заключеніе, что книгъ переводовъ Стефана, писанныхъ пермскимъ алфавитомъ было не малое число, что хранились онѣ не въ одномъ Усть-Вымѣ, не въ однѣхъ церквахъ, но и въ домахъ усерднѣйшихъ изъ новопросвѣщенныхъ христіанъ, въ домахъ созданнаго имъ духовенства изъ зырянъ, людей, конечно не обладавшихъ большими богословскими знаніями, но сердцемъ глубоко воспріявшихъ божественныя сѣмена ученія христіанскаго, съ любовію окружавшихъ своего отца и учителя, съ энергіею и сердечною теплотою продолжавшихъ, послѣ его смерти, его дѣло между своими соплеменниками. Куда же исчезли всѣ эти драгоценныя для исторіи миссіонерства въ Россіи рукописи, которыя несомнѣнно были въ немаломъ числѣ? На основаніи того, что эти рукописи еще не найдены, можно ли утверждать—положительно, что онѣ *никогда* не будутъ найдены и что ихъ вовсе нѣтъ и не было?

Мы твердо и глубоко убѣждены, что эти драгоценныя рукописи существуютъ между зырянскими и пермскими стариками, которые получили ихъ какъ святыню, отъ своихъ отцовъ, а тѣ отъ дѣдовъ, дѣды отъ прадѣдовъ. Но эти рукописи хранятся тщательно, какъ зеница ока, не только хранятся, но укрываются отъ любопытныхъ взоровъ. Но какая же цѣль укрывать такую драгоценность?

Позвольте намъ сдѣлать небольшое отступленіе и спросить: куда дѣлись священники, дьяконы и причетники, служившіе обѣдню, заутреню и вечерню на пермскомъ языкѣ, куда дѣвались канонархи, возглашавшіе каноны по пермски, куда дѣвались чтецы, читавшіе пермскою бесѣдою, и пѣвцы, всякое пѣніе совершавшіе по пермски? Почему въ церквахъ приходоу, населенныхъ незнающими по русски зырянами и пермяками, замолкло пермское пѣніе и чтеніе, почему богослуженіе въ этихъ церквахъ не совершается на пермскомъ языкѣ, хотя есть священники, дьяконы и причетники изъ природныхъ зырянъ. Почему пали казанскія новокрещенскія школы, и мѣсто, гдѣ онѣ стояли, на нашей еще памяти лежало впустѣ, заросло терніемъ и быліемъ, и разрушенъ храмъ, который нѣкогда былъ построенъ съ миссіонерскою цѣлію? Почему у насъ до послѣдняго времени не было ни священниковъ, ни дьяконовъ изъ крещеныхъ татаръ, чувашъ, черемисъ, вотяковъ, мордвы, не смотря на то, что надобность въ такихъ духовныхъ лицахъ сказывается настоящая, не смотря на то, что магометанская пропаганда, какъ хищный волкъ, въ нашихъ глазахъ уноситъ овецъ изъ стада Христова? Почему у насъ до послѣдняго времени не слышно было звуковъ инородческихъ языковъ въ храмахъ крещеныхъ инородцевъ, не понимающихъ богослуженія на церковно-славянскомъ языкѣ? Почему?

По той же скорбной причинѣ, по которой смолкла проповѣдь евангельская на языкахъ крещеныхъ татаръ, чувашъ, мордвы, черемисъ и вотяковъ и упразднили священнослужители изъ этихъ инородцевъ—по той же причинѣ смолкли у пермяковъ и зырянъ звуки пермскіе въ храмахъ, и духовные ихъ даже изъ зырянъ перестали употреблять родной языкъ въ церковномъ богослуженіи. А какъ скоро по какимъ бы то ни было причинамъ прекращено богослуженіе на пермскомъ языкѣ, то и духовенство зырянское вынуждено было сдѣлать тоже и ограничило свою пастырскую дѣятельность только тѣмъ, какъ свидѣтельствуется авторъ историческаго словаря, бывшій нѣкоторое время вологодскимъ епископомъ, что исповѣдывало и катихизическія наставленія прихожанамъ дѣлало на ихъ языкѣ⁽¹⁾. Такъ было при вологодскомъ епископѣ Евгеніи въ началѣ XIX

(1) «У зырянъ донинѣ все духовенство производится изъ ихъ же рода, и священники исповѣдуютъ и катихизическія наставленія прихожанамъ дѣлаютъ на ихъ языкѣ». Историч. словарь о быш. въ Россіи писателяхъ духовн. чина. СПб. 1818. ч. II. стр. 614.

столѣтія, а теперь и это сдузилось до употребленія зырянскаго языка лишь на исповѣди. Богослуженіе, пишетъ А. И. Поповъ, и всѣ таинства церкви, за исключеніемъ исповѣди, совершаются на церковно-славянскомъ языкѣ. Евангеліе отъ Маттея единственная священная книга на зырянскомъ языкѣ, но ея не найдете ни въ одной церкви, ни у одного священника, а мірянамъ она даже и не извѣстна. Исповѣдь совершается на зырянскомъ языкѣ, если священникъ—зырянинъ. Въ селѣ Вотчинскомъ Усть-сысольскаго уѣзда, гдѣ находится святыня зырянскаго края, чудотворная икона св. Стефана, священникъ Клачковъ, читая акаѳистъ уважаемому угоднику, обыкновенно прибавлялъ слѣдующія зырянскія слова: Те мѣанъ ведысі, те мѣанъ удысі (ты нашъ кормилецъ, ты нашъ нашъ благодѣтель) святыи Стефане, великій чудотворче. И это единственное молитвословіе, произносимое по зырянски въ церковномъ богослуженіи. Я ни разу не былъ очевидцемъ того, чтобы проповѣди съ церковной каѳедры произносились на зырянскомъ языкѣ. Зырянскій языкъ для самаго проповѣдника, проведеншаго 12—14 лѣтъ въ русской школѣ, становится труднѣе, чѣмъ русскій, на которомъ онъ учился писать проповѣди въ семинаріи. Съ другой стороны, священникъ, обыкновенно смотрящій на свое званіе, какъ на средство къ жизни, не утруждаетъ себя изложеніемъ на бумагѣ зырянской проповѣди, а ограничивается прочтеніемъ русской печатной проповѣди, которая и вообще произносится очень рѣдко. И такъ и проповѣди на зырянскомъ языкѣ въ настоящее время не слышны; осталась на этомъ языкѣ одна исповѣдь. Конечно, такой порядокъ установился не вдругъ, а слагался постепенно въ теченіе трехъ слишкомъ вѣковъ, (считая съ первой половины XVI вѣка), рѣже и рѣже раздавались въ храмахъ пермское чтеніе и пѣніе, такъ что уже въ прошломъ столѣтіи только нѣкоторые стихи церковной службы, и то въ одной Стефановской обители⁽¹⁾, пѣлись на зырянскомъ языкѣ, и это признавалось интереснымъ и важнымъ свѣдѣніемъ, какъ рѣдкій фактъ. Если предположить, что хоть съ половины XVI вѣка стало прекращаться понемногу богослуженіе на пермскомъ языкѣ, то въ продолженіе не только трехъ, но и одного вѣка богослуженіе на пермскомъ языкѣ могло совершенно прекратиться, а находящіяся въ церквахъ и монастыряхъ рукописныя книги переводовъ св. Стефана, не подновляемыя, не переписываемыя обветшать. И только у горячихъ сердцемъ пермянь христіанъ могли сохраняться эти книги какъ святыня, съ теченіемъ времени утратившая свою удобопонятность и сдѣлавшаяся чѣмъ то въ родѣ талисмана, святой книги, охраняющей отъ напастей. Не мудрено, что во вто-

(¹) Сказаніе о жизни и трудахъ св. Стефана, епископа пермскаго. А. М. СПб. 1856 года стр. 33. Стефановская обитель была основана самимъ Стефаномъ въ 60 верстахъ отъ устьсысольска въ нынѣшнемъ селѣ Вотчѣ.

рой половинѣ XIX вѣка... отъ митрополита Платона. „Весьма сожалѣтельно, что нынѣ сей (св. Стефана) пермской грамоты и книгъ на ихъ языкѣ не находится, хотя я о томъ всячески старался⁽¹⁾. Пытались и мы искать пермскихъ рукописныхъ книгъ въ пермской губерніи, но странный фактъ случился при этихъ поискахъ. Намъ въ этомъ дѣлѣ помогали мировые посредники, и одинъ изъ нихъ услышалъ, что у двухъ стариковъ пермянь въ отдаленной деревнѣ хранятся какія-то рукописи, что они показывали ихъ знакомымъ крестьянамъ, которые и передали о томъ мировому посреднику. Тотъ отправился въ эту деревню спустя нѣсколько времени, но одинъ изъ стариковъ забожился—заклялся, что у него никакихъ рукописей нѣтъ и не было; а другой, услышавъ, что посредникъ отыскиваетъ старыя рукописи, убѣждалъ и съ рукописями. Этотъ случай съ двумя владѣльцами неизвѣстныхъ рукописей напоминаетъ намъ объ одномъ преданіи, слышанномъ нами отъ зырянина и могущемъ служить нѣкоторымъ объясненіемъ какъ поступка стариковъ пермянь, дѣйствовавшихъ, очевидно, подъ вліяніемъ страха, такъ и необъясненнаго до сего времени исчезновенія пермскихъ книгъ переводовъ св. Стефана. Между зырянами ходитъ преданіе, что во времена Иоанна Грознаго царскимъ именовъ отбирались зырянскія рукописныя книги и, кто укрывалъ ихъ, того преслѣдовали. Въ каждомъ преданіи есть хотя искра истины. Быть можетъ, пермскія книги дѣйствительно отбирались хотъ и не по повелѣнію царя, а просто по распоряженію мѣстныхъ духовныхъ властей, которыя могли прибѣгнуть къ такой мѣрѣ, видя неудовольствіе, возбужденное въ русскомъ духовенствѣ появленіемъ созданнаго св. Стефаномъ и его миссіонерскою системою не малочисленнаго духовенства изъ зырянъ, совершавшаго богослуженіе по зырянски и тѣмъ отнимавшаго у русскаго духовенства цѣлое племя. Могло такое распоряженіе идти и отъ мѣстной усердной не по разуму гражданской власти, боявшейся, можетъ быть, нѣкотораго рода сепаратизма. Этимъ преданіемъ объясняется и фактъ, засвидѣтельствованный авторомъ историческаго словаря, что даже духовенство изъ природныхъ зырянъ не совершало богослуженія на пермскомъ языкѣ. Вѣроятно, совершать богослуженіе на пермскомъ языкѣ было запрещено, иначе почему же бы природные зыряне-священники его прекратили.

Если сказанное преданіе до сего времени ходитъ между зырянами, то легко можетъ быть, что зыряне страха ради скрываютъ драгоценныя рукописныя зырянскія книги, къ пониманію которыхъ теперь, конечно, и ключъ потерянъ у владѣльцевъ и хранятся эти книги какъ завѣщанная предками святыня. Поче-

⁽¹⁾ Краткая церковная исторія, соч. преосвященнымъ митрополитомъ Платономъ. Москва 1823 г. стр. 244.

му бы Археологическому обществу не назначить премию за доставление рукописной пермской книги переводовъ св. Стефана и о назначеніи премии объявить зырянамъ и пермякамъ Вологодской и Пермской губерніи? При объявленіи можно бы приложить нѣсколько строкъ, написанныхъ пермскимъ алфавитомъ, чтобы показать, чего искать.

Мы смѣемъ надѣяться, что когда нибудь хоть одна изъ этихъ книгъ найдется, можетъ быть, также совершенно случайно, какъ нашлись современныя св. Стефану зырянскія надписи на иконахъ, какъ найдена академикомъ Лепехинымъ у любопытныхъ людей рукопись отрывка обѣдни на зырянскомъ языкѣ, написанная русскимъ алфавитомъ. И тогда, мы твердо убѣждены, самими переводами Стефана великопермскаго докажется, съ какою вдумчивостію и благоразумною осторожностью, съ какимъ глубокимъ знаніемъ языка народнаго сдѣланы переводы апостоломъ пермской страны. Тогда свѣтильникъ великаго подвига, имъ совершеннаго, не будетъ оставаться подъ спудомъ, но загоритъ яркимъ, блестящимъ огнемъ, тѣмъ огнемъ, которымъ Стефанъ, при помощи Божіей, освѣщалъ и согрѣвалъ сердца грубыхъ, но простодушныхъ язычниковъ и отъ поклоненія прокудливой березѣ и бездушнымъ идоламъ привелъ ихъ въ храмъ Бога живаго.

Замѣтка о вліяніи русскаго языка на языки инородческіе (*).

П. Д. Шестакова.

Слишкомъ три вѣка инородцы восточнаго края сдѣлались русскими подданными, живутъ между русскими, подчинены русской администраціи, судятся въ русскихъ судахъ; большая часть ихъ считаются христіанами, исповѣдующими православную вѣру. Казалось бы, что въ такой продолжительный срокъ они должны значительно обрусѣть, и государственный языкъ долженъ бы значительно распространиться между ними и оказать сильное вліяніе на инородческіе языки, особенно на языки тѣхъ инородцевъ, которые приняли святое крещеніе, которыхъ, стало быть, сливается съ русскимъ народомъ и съ русскимъ языкомъ и жизнь, и церковь. Дѣйствительность не оправдываетъ теоретическихъ чаяній. Правда, инородцы не только сближались, но порою и сливались съ русскими, обращались въ русскихъ преимущественно путемъ брачныхъ союзовъ и съ опредѣленными цѣлями полученія или упроченія извѣстнаго соціального положенія. Посмотрите, сколько въ этомъ краю чисто-русскихъ фамилій, въ названіи которыхъ ясны инородческіе корни, и члены которыхъ въ своихъ фізіономіяхъ удерживаютъ характерныя черты національностей татарской, калмыцкой, киргизской чувашской, мордовской и другихъ. Въ этихъ отдѣльныхъ случаяхъ сліянія инородцевъ съ русскими, претворенія ихъ въ русскихъ повторяется обычное явленіе, обычный фактъ постепеннаго поглощенія малочисленнаго племени болѣе сильнымъ, его окружающимъ. Вообще же принадлежащіе русской державѣ инородцы живутъ своею національною жизнію, удерживаютъ и свои національныя особенности и свой языкъ, удерживаютъ даже до того, что, принявши христіанскую вѣру, остаются христіанами, большею частію, лишь по имени, что магометане, живущіе въ городахъ, съ трудомъ объясняются по русски и безъ милосердія ломаютъ нашъ прекрасный языкъ. Русскій языкъ весьма мало проникаетъ въ инородческую среду, скорѣе инородческіе языки проникали въ среду русскихъ, такъ что русскіе, живущіе между инородцами, зачастую усваиваютъ себѣ языкъ инородцевъ, а отдѣльныя инородческія слова и выраженія дѣлаются ходячими

(*). Читано въ засѣданіи 16 августа.

въ народѣ. Татарское *айда* вы услышите здѣсь всюду не только отъ взрослыхъ русскихъ, но и отъ дѣтей; часто въ деревняхъ употребляется русскими татарское слово ашать—ѣсть. Изъ инородцевъ усваиваютъ себѣ обиходный русскій языкъ только тѣ, которые или находятся съ русскими въ торговыхъ сношеніяхъ, или живутъ среди русскихъ на большихъ трактахъ и въ значительныхъ торговыхъ пунктахъ. Даже и въ этихъ мѣстностяхъ усвоеніе русскаго языка не простирается на женщинъ, которыя и остаются въ своихъ семьяхъ хранительницами роднаго языка. Въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ русскихъ населеній, или гдѣ инородцы живутъ въ большинствѣ сплошными массами, инородческій языкъ сохраняется во всей своей неприкосновенности;—это можно сказать даже о мордвѣ, которая считается наиболѣе обрусѣлою изъ всѣхъ инородцевъ. Замѣчательно, что очень многіе инородцы, если и заимствуютъ нѣкоторыя слова у русскихъ, то эти слова большею частію переиначиваются, остаются въ ихъ языкѣ одинокими, отъ нихъ не производится другихъ словъ (другихъ частей рѣчи) съ прибавленіемъ инородческихъ окончаній. Менѣе всего заимствовано русскихъ словъ инородцами магометанами; у нихъ принимаются русскія слова по преимуществу юридическія, и очень немногія слова общежитія. Инородцы-христіане къ такимъ словамъ присоединяютъ еще слова религіозныя, и то не въ большомъ количествѣ и слова, которыми выражаются понятія общежитія, новыя для народа. Я представляю здѣсь только слова, заимствованныя пермяками и крещенами; полагаю, что этихъ двухъ примѣровъ будетъ достаточно, такъ какъ пермяки—финны, а крещены—татары. Прочіе финны по заимствованію не далеки отъ Зырянъ, а чувашки отъ крещенъ. О магометанахъ я уже сказалъ прежде,—они упорно держатся своей обособленности, и государственный языкъ доселѣ съ трудомъ проникаетъ въ ихъ среду, тогда какъ татарскій языкъ усваивается другими инородцами: чувашки легко усваиваютъ татарскій языкъ; казанскіе вотяки, благодаря сосѣдству съ татарами, всѣ хорошо говорятъ по татарски. Пермяки изъ религіозныхъ словъ употребляютъ слѣдующія русскія: ангыль (ангелъ), Кристѣсь (Христосъ), дари (св. дары), образъ (икона), попь, звонитны (звонить), грѣшитны (грѣшить), берба (верба); изъ словъ общежитія: каблукъ, сапэгъ (сапогъ), котыось (коты, обувь), ластовица, збруна (сбруя), занавѣска, кэлачь (калачъ), каравай, блинъезъ (блины), горчица (горчица), рысь (сыръ), ветчина, огуречъ (огурецъ), саль (соль), стряпайтны, ужинайтны, брага, бидъ (блюдо), блидожь (блюдечко), стопка (стаканъ), скленица (штофъ), склэнка (стекло), чарка (рюмка), бочка, гѣсть (гость), гѣтя (гостыя), кэзяинъ (хозяинъ), дружка, дѣтина, дядя, зять, строитны, (строить), плитны, плотитны (плотить), стропилаезъ (стропила), кэсякъ (косякъ), звено, эграда (ограда), мэжа (межа), кэледа (колода), заплоть, периль (перило), пэлатьызъ (палата),

починка (починокъ), защолка, грань, городишо, (городище), улича (улица), залуокъ; мачь (мячь), городкиезь (городки), лабичь (лавка), тэчило (точило), керэмысло (коромысло), коробья (сундукъ), торгудтны (торговать), грошъ, грамота, доля, досукъ (досугъ), зародышь, зараза, грыжа, должность, законъ, судитны (судить), тягатчемъ (тяжба), штрапъ (штрафъ), закладъ, жребій, пишшаль (ружье) дробь, дрэбэзь (дробины).

Въ этихъ заимствованныхъ словахъ развертывается передъ вами вся заимствованная сторона жизни инородцевъ: религія христіанская, платье, обувь, пища, питье, посуда, стройка жилищъ, распланировка селеній, нѣкоторыя монеты, грамота, судъ, военное устройство,—все ново для инородца, все заимствуется имъ у русскихъ. Въ этихъ словахъ видно какъ бы наслоеніе самой жизни.

У крещенъ получили право гражданства слѣдующія русскія слова: аркяней (архіерей), пупъ (попъ), свѣська (свѣчка), чиркяу (церковь), святыи, урысь (русскій), чаганъ (цыганъ), уязъ (уѣздъ), заботъ (заводъ), лапка (лавка), клять (клѣть), гюрнячя (горница), пулата (палата), ряшетка (рѣшетка), сука (соха), тяренкя (тарелка), укуать (ухватъ), поднусъ (подносъ), пичать (печать), бурозна (борозда), мякъ (макъ), груша, чолкя (чулки), чяркя (чарка), шикяръ (сахаръ), шотъ (щоты), шотка, (щотка), бакса (вакса), дегеть (деготь), мунчала (мочало), мюкъ (мохъ), мякиня (мякина), ситсы (ситець), талканъ (толокно), чикутка (чахотка), черсу (чирей), ликарь (врачъ), муть (мотъ), малай (малый), нужа (нужда), порма (форма), рятъ (рядъ), пулыкъ (полкъ), армя (армія).

И у татаръ, и у финновъ только названіе новыхъ предметовъ и выраженіе понятій новыхъ и неизвѣстныхъ для инородца заимствуется ими у русскаго; финнами заимствуются у русскихъ также пѣсни, которыми очень бѣдны финскіе инородцы, но русскія пѣсни въ устахъ инородца до того извращаются, что становятся мало узнаваемы⁽¹⁾. Изъ предыдущаго видно, что инородческіе языки сохранили свою особенность и живутъ въ устахъ народа. Этою-то гуманностію и терпимостію русскаго владычества и объясняется тотъ фактъ, что между инородцами нѣтъ вражды и непріязни къ русскимъ; особенно между инородцами—финнами. Ихъ преданія, пословицы и поговорки обличаютъ ненависть ихъ къ татарамъ, конечно слѣдъ татарскаго тяжелаго ига,—замѣчается непріязнь и къ черемисамъ,—остатокъ, вѣроятно, древнихъ временъ, когда воинственные черемисы тяготѣли надъ своими болѣе мирными сосѣдями; но русскіе въ преданіяхъ финн-

(1) Приведу примѣръ пѣсни, которая особенно часто поется у Зырянъ: Вольная тошица, ты куда то полечишь? лечу Питербуръ—городъ, городъ славной ришицы, рошуя ненираль гуля, гуляль нениральшея. Эта пѣсня изъ наиболѣе обрусѣлой мѣстности зырянскаго края.

скихъ инородцевъ занимають мѣсто между народами, которые любезны богамъ,— тогда какъ татары-магометане, по преданію, ходящему у вотяковъ, будутъ всё истреблены предъ концемъ міра; русскій языкъ причисляется къ числу пѣрвыхъ лучшихъ языковъ. У чувашъ есть даже загадка, весьма лестная для русскаго народа: пурдэ вурумъ вырысь кирэть⁽¹⁾, слово въ слово: длинный русскій входитъ въ избу. Эта загадка значитъ: длинный лучъ солнца проникаетъ въ избу, освѣщаетъ ее. Эта вотская пословица сравниваетъ русскаго съ солнечнымъ лучемъ, проникающимъ въ темную вотскую семью незамѣтно и подобно ему вносящимъ въ нее теплоту и свѣтъ.

Чувашенинь правъ: Русскій тихо и незамѣтно проникаетъ нынѣ въ инородческія христіанскія семьи путемъ школы, церковнаго богослуженія и перевода книгъ священнаго писанія на инородческіе языки.

36

⁽¹⁾ Корневой чувашско-русскій словарь Н. И. Золотницкаго.